

ISSN2304-036X

0+

ВЕСТНИК

Северо-Кавказского гуманитарного института

№4 (20)

Ставрополь
2016

Вестник Северо - Кавказского гуманитарного института

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2016. №4(20)

УЧРЕДИТЕЛЬ:	Частное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт»
ИЗДАТЕЛЬ:	Редакция журнала «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (П.И. № ФС77-49171 от 30 марта 2012 года) Журнал включен в систему Российского Индекса Научного Цитирования. Полнотекстовые версии статей размещаются на сайте научной библиотеки: elibrary.ru Содержание статей отражено в базе электронной библиотечной системы IPRbooks. Полнотекстовые версии статей размещаются на сайте электронной библиотечной системы www.iprbookshop.ru Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:	Виктор Николаевич Зырянов, доктор юридических наук, профессор
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:	Артур Рафаэлович Сарухяни, кандидат юридических наук, доцент
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	Юрий Евгеньевич Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор Кирилл Андреевич Долгополов, кандидат юридических наук, доцент Евгений Александрович Аполски, кандидат юридических наук, доцент Елена Николаевна Атаршикова, доктор юридических наук, профессор Валерий Кулиевич Тсехов, доктор юридических наук, профессор Юрий Рафаэлович Туманян, доктор экономических наук, профессор Игорь Владимирович Мандрица, доктор экономических наук, доцент Александр Викторович Кравченко, доктор экономических наук, доцент Ирек Анасович Биккин, доктор юридических наук, профессор
АДРЕС РЕДАКЦИИ:	355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, д.312А Телефон: (8652) 75-92-59, E-mail: skgi_institut@mail.ru

Quarterly scientific and practical journal North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin 2016. №4 (20)

FOUNDER:	Private educational institution of higher education «North-Caucasian Institute for the Humanities»
PUBLISHER:	Editorial staff of the «North-Caucasian Humanitarian Institute Bulletin» journal The journal registered in the Federal service for supervision of connection sphere, information technology and mass communication s PE № FS77-49171, the 30 th of March 2012. The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index. Full-text versions of the articles are placed on the electronic research library: elibrary.ru Article's content rein electronic library base IPRbooks. Full-text versions of the articles are placed the site of electronic library system: www.iprbookshop.ru The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published main results of theses for the degree of candidate of science, for the degree of Doctor of Science
CHIEF EDITOR:	Victor Nicolaevich Zyryanov, Doctor of Law, professor
DEPUTY CHIEF EDITOR:	Artur Rafaelovich Sarukhyan, Candidate of Law, associate professor
EDITORIAL STAFF:	Yuriy Evgenyevich Pudovochkin, Doctor of Law, professor Kirill Andreevich Dolgoplov, Candidate of Law, associate Professor Evgeniy Aleksandrovich Apolski, Candidate of Law, associate Professor Elena Nicolaevna Atarshikova, Doctor of Law, professor Valery Kulievich Tsechoev, Doctor of Law, professor Yuriy Rafaelovich Tumanyan, Doctor of Economics, professor Igor Vladimirovich Mandritsa, Doctor of Economics, associate Professor Aleksandr Viktorovich Kravchenko, Doctor of Economics, associate Professor Irek Anasovich Bikkinn, Doctor of Law, professor
ADDRESS OF THE EDITORIAL STAFF:	355041, city of Stavropol, Lermontov st, ap. 312A Tel.: (8652) 75-92-59, E-mail: skgi_institut@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.



Уважаемые друзья и коллеги!

Очередной номер ежеквартального научно-практического журнала «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» посвящен доктору юридических и доктору педагогических наук, профессору, Почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, действительному члену академии педагогических и социальных наук РФ и действительному члену Евразийской академии административных наук Ищенко Станиславу Андреевичу

Родился Станислав Андреевич 4 февраля 1942 года в г. Красноводске Туркменской ССР в семье служащих. Свой трудовой путь профессор Ищенко С.А. начал сравнительно рано для молодого человека. В 15 лет он пошел работать учеником механика телеграфа, а затем стал механиком телеграфа в г. Мары. Переехав в г. Ташкент в 1962 году Станислав Андреевич работал на различных государственных и общественных постах, в том числе на руководящих.

С 1976 по 1993 год — преподаватель, старший преподаватель, доцент Ташкентского политехнического института. В 1985 году присвоено звание доцента.

Окончил два высших учебных заведения в г. Ташкента Узбекской ССР: Ташкентский государственный университет имени В.И. Ленина, юридический факультет и Узбекский государственный институт физической культуры, педагогический факультет.

По окончании университета поступил в аспирантуру названного университета и прикреплен был к кафедре административного и финансового права, по окончании которой в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Управление физической культурой и спортом в союзной республике (по материалам Узбекской ССР)».

Научные интересы Станислава Андреевича составляют исследования по административно-правовой тематике, а конкретно — проблемы совершенствования спортивного законодательства и управления физической культуры и спорта, которой посвятил всю свою жизнь.

В 1998 году защитил докторскую диссертацию по двум научным специальностям - 13.00.04 и 12.00.02 в Ленинградской государственной академии физической культуры имени П.Ф. Лесгафта на тему: «Организация и управление международным спортивным движением на современном этапе (теория и практика)», на соискание ученой степени доктора педагогических наук, а в 2002 году блестяще защитил вторую докторскую диссертацию по специальности 12.00.14 в Московской государственной академии имени О.Е. Кутафина, на

соискание ученой степени доктора юридических наук, на тему: «Организационно-правовые проблемы управления общественными объединениями в российском и международном спортивном движении».

Профессор Ищенко С.А. является Почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации. Работая над проблемами совершенствования управления спортивным движением Станислав Андреевич прошел трудовой путь от инструктора физкультуры, тренера, до председателя спортивного общества и заместителя председателя Ташкентского городского спорткомитета.

Являясь Мастером спорта СССР и международным спортивным арбитром по настольному теннису он подготовил девять мастеров спорта СССР по этому виду спорта, тем самым внося достойный вклад в развитие отечественной юридической и спортивной науки и практики, а так же в подготовку высококвалифицированных кадров для госаппарата, общественных учреждений и спортивного движения.

После переезда в г. Ульяновск Станислав Андреевич возглавлял кафедру права, педагогики и психологии в Ульяновской сельскохозяйственной академии в период с 1993 по 2002 год, а с 2002 по 2011 год работал в Волжском университета им. В. Н. Татищева (г. Тольятти) в должности, сначала профессора кафедры теории и истории государства и права, а затем заведующего кафедрой конституционного и административного права.

Профессором Ищенко С.А. опубликовано свыше 100 научных и учебно-методических работ, пять учебных пособий, 6 монографий. Наиболее значимыми являются: «Физическая культура и спорт: социология и право» (Ташкент, 1986); «Физкультура, спорт, туризм: опыт, правовые проблемы» (Ташкент, 1990); «Организованно-правовые аспекты международного спортивного движения (теория и практика)» (Ульяновск, 1999); «Правовое регулирование общественными объединениями в российском и международном спортивном движении» (Тольятти, 2003); «Административное право Российской Федерации (особенная часть)» учебное пособие. - Тольятти: изд-во ВуиТ, 2007; «Таможенное право РФ» учебное пособие — Тольятти, РГСУ, 2014.

Станислав Андреевич обладает большим творческим и научным потенциалом, разносторонней эрудицией, прочными теоретическими знаниями современной методикой образования и воспитания, профессиональным владением педагогическим мастерством при чтении лекций и проведении семинарских и практических занятий. Ему присущи компетентность, системное мышление, способность оперативно и в краткие сроки находить оптимальные решения в сложных ситуациях. Среди научного сообщества пользуется заслуженным авторитетом.

С. А. Ищенко избран в 2000 году действительным членом Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, в 2006 году — действительным членом Евразийской академии административных наук.

Он известен как в России так и за рубежом как специалист в области административного права и как специалист физкультурно-спортивного направления.

Станислав Андреевич принимал активное участие в подготовке проекта первого в Советском Союзе «Закона о спорте в СССР».

Профессор Ищенко С.А. является членом нескольких ученых Советов по защите докторских и кандидатских диссертаций. Ведет руководство аспирантами, адъюнктами и соискателями. Многим из них он оказал и оказывает большую помощь в подготовке и защите кандидатских и докторских диссертации. Выступает в качестве руководителя и оппонента при защите диссертаций.

В настоящее время работает в Краснодарском университете МВД Российской Федерации. И по-прежнему активно работает с аспирантами и адъюнктами.

Юридическая общественность, друзья, коллеги, ученики, студенты сердечно поздравляют доктора юридических и доктора педагогических наук, профессора Станислава Андреевича с его замечательным юбилеем и желают ему крепкого здоровья, успехов в научной, педагогической и общественной деятельности, счастья и благополучия.

От имени редакционной коллегии, главный редактор В.Н. Зырянов

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абусалимова А.А.</i> УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН.....	14
<i>Алиев О.М.</i> ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ВАУЧЕРА.....	18
<i>Воронина А.В.</i> РОЛЬ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ В ПОВЫШЕНИИ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ.....	23
<i>Исакова М.А.</i> ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ.....	31
<i>Алиев О.М.</i> ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ.....	37
<i>Воробьева Е.А., Шаталова О.И., Снегирева Н.В.</i> ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	42
<i>Исакова М.А.</i> КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ДАГЕСТАНА.....	49
<i>Тагиров Ш.М., Омаров З.З.</i> РОЛЬ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ.....	53
<i>Магомедов М.А.</i> БЕЗРАБОТИЦА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	62
<i>Татарина М.Н., Гришанова С.В., Баикатова Т.А.</i> СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УЧЕТА ЗАТРАТ ОРГАНИЗАЦИИ.....	67
<i>Магомедов М.А.</i> НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	74
<i>Дариенко Ж.Ю., Феськова М.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ УЧЕТНОЙ ПОЛИТИКИ....	81
<i>Шутова М.Е., Узримова С.Н.</i> К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА.....	86

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Анфиногенов В.А.</i> СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И СВЯЗЬ С СУБКУЛЬТУРОЙ ОСУЖДЕННЫХ.....	91
<i>Апольский Е.А., Иващенко Д.А.</i> ОТЛИЧИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.....	95
<i>Бескибалов Р.В.</i> К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ.....	99

Блинникова Д.В. КЛЕВЕТА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ОГРАНИЧИВАЮЩЕЕ СВОБОДУ СЛОВА.....	104
Варченко И.А. ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ.....	112
Бескибалов Р.В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ.....	118
Бухориев Р.Б. РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ.....	122
Волосюк Е.А. ПРИНЦИПЫ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА.....	128
Гончаренко Г.С. КОРРУПЦИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ.....	132
Гончаров Е.И. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	138
Дёмин К.Е. О ВОЗМОЖНОСТЯХ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	144
Долгополов К.А., Милованова Е.Н. О ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УРОВЕНЬ ЛАТЕНТНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	148
Жиров Р.М., Дзамихов А.С. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ, И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОМУ ОБОРОТУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ.....	153
Жиров Р.М., Дзамихова Ф.С. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	157
Жирова С.А. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БЮДЖЕТОВ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ.....	161
Душина Т.В. РУССКАЯ ПРАВДА И ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЯМ: О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ПРАВА ВИЗАНТИИ НА РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ.....	165
Жиров Р.М., Шикова М.Л. ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ.....	172
Закирова С.А. ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДАМИ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ И СПОРОВ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ ПРАВА ДЕТЕЙ.....	176
Берсей Д.Д., Иванов С.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	187

Исакова Ю.И. К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ.....	192
Ильченко Е.Г., Лысенко Е.С. ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА.....	196
Нечаева Н.Б. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОДУКТОВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	200
Коровин Е.П. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ВОВЛЕЧЕНИЯ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	204
Кабанова И.Е. ЗНАЧЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В УСТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ.....	210
Карабашева Ф.Ш. ИСТОРИКО – ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ.....	215
Катбамбетов М.И. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ, СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	220
Кокоева Л.Т., Колиева А.Э. КОНЦЕПЦИЯ ФИДУЦИАРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ.....	224
Короленко И.И., Сараев Н.В. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	230
Короленко И.И., Сараев Н.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ОСНОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	236
Кузьменко Ю.А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНЫХ ПРОЦЕССАХ.....	241
Малинин В.Б., Трапайдзе К.З. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	248
Исакова Ю.И. К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА МЕР ВЗЫСКАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ.....	256
Лесниченко И.П., Сарычева Н.В. ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	260
Лифанова Л.Г. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ СТРАН СНГ К ВОПРОСУ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	264
Лычагин Д.Ю. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УПРОЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ.....	268

<i>Макеева Н.В., Титовец И.В.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	272
<i>Маслова Т.Ф.</i> СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕБЕНКА.....	276
<i>Титовец И.В., Макеева Н.В.</i> ПОВОДЫ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ.....	280
<i>Мельников В.Ю., Серегин А.В.</i> РАЗВИТИЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ.....	285
<i>Мионов Е.К.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН.....	289
<i>Мионов Е.К.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА, СО СВЕДЕНИЯМИ, ПОЛУЧЕННЫМИ В СООТВЕТСТВИИ С УПК РФ.....	293
<i>Мусаев М.М., Гаджиева А.А.</i> ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ.....	297
<i>Никитин Д.А., Сафонов Д.В.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ.....	304
<i>Понежин М.Ю., Баймах С. Р.</i> К ВОПРОСУ О СОПРОВОЖДЕНИИ НОТАРИУСОМ ПЕРЕХОДА ДОЛИ ИЛИ ЧАСТИ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ПРИ ОТЧУЖДЕНИИ ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ.....	310
<i>Понежин М.Ю., Семин А.В.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ.....	317
<i>Потудинский В.П.</i> ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ РУКОПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ БУКВАМИ ЛЕЗГИНСКОГО АЛФАВИТА НА ОСНОВЕ КИРИЛЛИЦЫ.....	326
<i>Потудинский М.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОНОВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ.....	331
<i>Разаков Р.Ч – М., Касумов Р.М., Исаев Ш.М.</i> НИЗАМЫ, УСТАВЫ И ИНСТРУКЦИИ ШАМИЛЯ.....	335
<i>Рыжиков Д.А.</i> ЭКСПЕРИМЕНТ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	340
<i>Рябченко О.Н.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ ГОСУДАРСТВА.....	345
<i>Слюсарева Т.Г.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НАПРАВЛЕНИИ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ УСМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ.....	352

Соловцова Е.А. ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	360
Тархова О.Ю. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЧЕСТЬ», «ДОСТОИНСТВО», «ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ.....	366
Уваров И.А. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ.....	371
Усова Е.В. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОМ УЧЕТЕ ГРАЖДАН.....	379
Черников С.В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	385
Чечель Г.И. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЮ НАКАЗАНИЯ.....	389
Швандерова А.В. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ «ВОЗРОЖДЕННОГО» ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И «НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА» П.И. НОВГОРОДЦЕВА).....	399
Швандерова А.В. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА С.А. МУРОМЦЕВА).....	404
Шейхов М.Э. ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ БЕЗОПАСНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ.....	408
Ширяев А.С. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ.....	418
Шишкин Р.В. ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: АСПЕКТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА.....	424
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	427
ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ.....	430

THE RELEASE MAINTENANCE

ECONOMICS OF SCIENCE

<i>Abusalimova A.A.</i> ECONOMIC MANAGEMENT MUNICIPALITIES OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN.....	14
<i>Aliyev O.M.</i> EXPERIENCE AND POSSIBILITIES OF APPLICATION OF THE INNOVATIVE VOUCHER.....	18
<i>Voronina A.V.</i> ROLE OF EFFECTIVE MANAGEMENT OF WORKFORCE IN INCREASING PROFITABILITY OF ACTIVITIES.....	23
<i>Isakova M.A.</i> INSTRUMENTS OF STATE REGULATION OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL COMPLEX AT THE REGIONAL LEVEL.....	31
<i>Aliyev O.M.</i> MAIN PROBLEMS AND DECISIONS ON IMPROVEMENT OF DEVELOPMENT OF THE SMALL CITIES.....	37
<i>Vorobyeva E.A., Shatalova O.I., Snegireva N.V.</i> TAX POLICY IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE REGION MACROECONOMIC INDICATORS.....	42
<i>Isakova M.A.</i> THE CONCEPT OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE REGIONAL INDUSTRIAL COMPLEX OF DAGESTAN.....	49
<i>Tagirov Sh.M., Omarov Z.Z.</i> THE ROLE OF MARKETING ACTIVITIES IN THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN TRANSPORT SERVICES.....	53
<i>Magomedov M.A.</i> UNEMPLOYMENT IN RUSSIA: SOCIALLY – ECONOMIC CONSEQUENCES AND WAYS OF ITS REDUCING.....	62
<i>Tatarinova M.N., Grishanova S.V., Bashkatova T.A.</i> STRATEGIC ASPECT OF THE ACCOUNTING OF EXPENSES OF THE ORGANIZATION.....	67
<i>Magomedov M.A.</i> THE DIRECTIONS OF REFORMING OF THE PENSION SYSTEM OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE.....	74
<i>Darienko J.Y., Feskova M.V.</i> FEATURES OF FORMATION OF MANAGERIAL ACCOUNTING POLICY.....	81
<i>Shutova M.E., Ugrimova S.N.</i> TO THE QUESTION APPLICATION OF SIMULATION MODELING METHOD UNDER UNCERTAINTY AND RISK.....	86

SCIENCE OF LAW

<i>Anfinogenov V.A.</i> MODERN CRIMINAL SUBCULTURE AND RELATIONSHIP WITH SUBCULTURE CONVICTED.....	91
<i>Apolski E.A., Ivaschenko D.A.</i> DIFFERENCES BETWEEN COMPULSORY MEDICAL TREATMENT AND CRIMINAL PUNISHMENT.....	95

Beskibalov R.V. FOR QUESTIONS ON HOW TO APPEAL AGAINST THE.....	99
Blinnikova D.V. DEFAMATION AS A FREEDOM SPEECH RESTRICTION CRIME.....	104
Varchenko I.A. DESCRIPTION OF CERTAIN TYPES OF FORENSIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL TRAFFICKING IN FIREARMS, AMMUNITION, EXPLOSIVES AND EXPLOSIVE DEVICES.....	112
Beskibalov R.V. PROCEDURAL PROBLEMS OF ASSESSING THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN COURT OF APPEAL.....	118
Bukhoriev. B.R. THE ROLE OF THE INTERNAL AFFAIRS AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE PREVENTION OF HUMAN TRAFFICKING.....	122
Volosyuk E.A. PRINCIPLES OF INTERPRETATION OF THE CRIMINAL LAW.....	128
Goncharenko G.S. CORRUPTION IN THE CHANGING SOCIETY.....	132
Goncharov E.I. CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT OF OWNERSHIP OF NATURAL RESOURCES IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	138
Demin K.E. ABOUT THE POSSIBILITIES OF THE JUDICIAL COMPUTER FORENSIC AND TECHNICAL EXPERTISE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN SPHERE OF HIGH TECHNOLOGIES.....	144
Dolgopolov K.A., Milovanova E.N. ABOUT THE POSSIBLE PREVENTIVE EFFECT ON THE LEVEL OF LATENT PENAL CRIME.....	148
Zhirov R.M., Dzamikhov A.C. PUBLIC DANGER OF THE CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF PRODUCTION AND TURNOVER OF ALCOHOLIC PRODUCTS AND EFFICIENCY EVALUATION OF MEASURES OF STATE REGULATION AND LEGAL COUNTERACTION TO ILLEGAL TURNOVER ALCOHOLIC PRODUCTS.....	153
Zhirov R.M., Dzamikhova F.S. MAIN DIRECTIONS OF JOINT ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND TAX AUTHORITIES FOR THE PREVENTION AND SUPPRESSION OF TAX CRIMES.....	157
Zhirova S.A. THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN BUDGETS OF DIFFERENT LEVELS.....	161
Dushina T.V. RUSSKAJA PRAVDA, AND THE ZAKON SUDNUJ LJUDJAM: ABOUT THE INFLUENCE' DEGREE OF BYZANTINE'S LAW ON THE EARLY FEUDAL LAW OF SLAV PEOPLE.....	165
Zhirov R.M., Shikova M.L. DELIBERATE BANKRUPTCY: THE CONCEPT AND WAYS OF IDENTIFYING.....	172
Zakirova S.A. FEATURES OF REGULATION BY COURTS OF THE FAMILY DISPUTES AND DISPUTES AFFECTING THE RIGHTS OF CHILDREN.....	176

<i>Bercy D.D., Ivanov S.A.</i> PSYCHOLOGICAL CAUSES AND CONDITIONS OF CRIME.....	187
<i>Isakova Yu.I.</i> TO THE QUESTION ABOUT THE ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL LAW ENFORCEMENT.....	192
<i>Ilchenko E.G., Lysenko E.S.</i> LEGAL SIGNIFICANCE OF CULTURE IN OVERCOMING LEGAL NIHILISM.....	196
<i>Nechaeva N.B.</i> APPLICATION OF INNOVATIVE PRODUCTS IN THE FORENSIC INVESTIGATION OF CRIMES.....	200
<i>Korovin E.P.</i> CRIMINALLY-LEGAL CHARACTERISTIC WAYS TO ENGAGE IN THE COMMISSION OF TERRORIST CRIMES.....	204
<i>Kabanova I.E.</i> THE MEANING OF CAUSE-AND-EFFECT RELATION IN THE ESTABLISHING OF CIVIL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES.....	210
<i>Karabasheva F.Sh.</i> HISTORICAL - LEGAL RESEARCH WOMEN CRIME IN RUSSIA.....	215
<i>Katbambetov M.I.</i> ARMED CRIME: ANALYSIS OF TERMINOLOGY.....	220
<i>Kokoeva L.T., Kolieva A.E.</i> THE CONCEPT OF FIDUCIARY RELATIONS IN RUSSIAN CORPORATE LAW...	224
<i>Korolenko I.I., Saraev N.V.</i> PROBLEMS OF ENSURING THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN INSTITUTIONS THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	230
<i>Korolenko I.I., Saraev N.V.</i> ENSURING THE REGIME OF SERVING THE SENTENCE AS THE BASIS FOR THE PREVENTION OF ILLEGAL BEHAVIOR OF CONVICTS IN PRISONS.....	236
<i>Kuzmenko Yu.A.</i> SOME ISSUES WRIT PROCEEDINGS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS.....	241
<i>Malinin V.B., Trapaidze K.Z.</i> EMERGENCE OF PROFESSIONAL CRIME BY ON IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE INSTITUTE PENALTY	248
<i>Isakova Yu.I.</i> MEASURES USED TO SENTENCED TO IMPRISONMENT.....	256
<i>Lesnichenko I.P., Sarycheva N.V.</i> GENERAL SOCIAL PREVENTION OF CRIMINALITY AMONG WOMEN: REGIONAL ASPECTIN.....	260
<i>Lifanova L.G.</i> LEGISLATIVE APPROACHES OF CIS COUNTRIES BY OBTAINING EVIDENCE TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS.....	264
<i>Lychagin D.Y.</i> HISTORICAL BACKGROUND SUMMARY PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION RUSSIA.....	268
<i>Makeeva N.V., Titovets I.V.</i> LEGAL BASES OF COOPERATION OF STATES – PARTICIPANTS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES IN THE SPHERE OF SECURITY PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS.....	272

Maslova T.F. SOCIO-LEGAL STATUS OF THE CHILD.....	276
Titovets I.V., Makeeva N.V., THE REASON FOR THE EVIDENCE INADMISSIBLE RECOGNITION.....	280
Melnikov V.Y., Seregin A.V. THE DEVELOPMENT OF THE FORM OF GOVERNMENT OF CZECH MEDIEVAL.....	285
Mironov E.K. SELECTED ISSUES AN INTERPRETER IN INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING FOREIGN CITIZENS.....	289
Mironov E.K. THE ISSUE OF CORRELATE EVIDENCE OBTAINED IN A FOREIGN COUNTRY WITH THE INFORMATION RECEIVED IN ACCORDANCE WITH THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	293
Musaev M.M., Gadzhieva A.A. PREVENTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF CRIMES IN THE SPHERE OF ARMS TRAFFICKING.....	297
Nikitin D.A., Safonov D.V. AN IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW SAFEGUARDS OF CONVICTED PERSONS AND PERSONS IN DETENTION FACILITIES.....	304
Ponezhin M.Y., Beim S.R. ACCOMPANIED BY THE ISSUE OF NOTARY TRANSITION SHARE OR PART OF SHARE IN THE CHARTER CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY AT ALIENATION THIRD PARTIES.....	310
Ponezhin M.Y., Semin A.V. CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF THE FINANCIAL STATE CONTROL IN RUSSIA.....	317
Potudinsky V.P. PROBLEMS ARISING FROM THE HANDWRITING ANALYSIS MANUSCRIPTS EXECUTED LETTERS LEZGINSKIE ALPHABET ON THE CYRILLIC ALPHABET.....	326
Potudinsky M.V. FEATURES INTERROGATION TACTICS OF THE VICTIM AND THE SVR- NESSES IN THE INVESTIGATION OF VEHICLE THEFT, COMMITTED BY MINORS.....	331
Razakov R.CH. - M., Kasumov R.M. Isaev Sh.M. NIZAMA, CHARTERS AND SHAMIL'S INSTRUCTIONS.....	335
Ryzhikov D.A. EXPERIMENT IN FORENSIC EXPERT PERFORMANCE.....	340
Ryabchenko O.N. SOME ASPECTS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OFFICIAL STATE SYMBOLS.....	345
Slusareva T.G. THE CURRENT STATE OF THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION TO WARDS OBJECTIFICATION DISCRETION OF PUBLIC SERVANTS.....	352
Solovtsova E.A. ON CERTAIN LEGAL ASPECTS OF CREDIT INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	360

<i>Tarkhova O.Yu., Kalabukhova E.V.</i> THE PROBLEM OF THE DEFINITION OF "HONOR", "DIGNITY" AND "BUSINESS REPUTATION" IN CIVIL LAW OF RUSSIA.....	366
<i>Uvarov I.A.</i> THEORETICAL-METHODOLOGICAL BASES OF FORMATION OF SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF PRISON PREVENTION.....	371
<i>Usova E.V.</i> CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE LAW ABOUT THE INDIVIDUAL PERSONIFIED ACCOUNT OF CITIZENS.....	379
<i>Chernikov S.V.</i> PROCEDURE HOW TO USE SPECIALIZED KNOWLEDGE TO INITIATE A CRIMINAL CASE.....	385
<i>Chechel G.I.</i> SOCIAL DANGER OF THE CRIME AND ITS IMPACT ON THE INDIVIDUALIZATION OF PUNISHMENT.....	389
<i>Shvanderova A.R.</i> PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO STUDYING OF HISTORY POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT OF "REBIRTH" OF NATURAL LAW AND "MORAL LAW" NOVGORODTSEVA P.I.).....	399
<i>Shvanderova A.R.</i> SYNERGETIC APPROACH TO STUDYING HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES (THE CASE LAW SOCIOLOGICAL CONCEPTS MUROMTSEVA S.A.).....	404
<i>Sheykhov M.E.</i> THE CONCEPT OF SECURITY AND CLASSIFICATION OF THREATS AND SECURITY CHALLENGES IN ADMINISTRATIVE LAW.....	408
<i>Shiryaev A.S.</i> TOPICAL ISSUES OF SENTENCING FOR COMPLICITY IN THE CRIME.....	418
<i>Shishkin R.V.</i> CRIME OF FOREIGNERS IN THE FAR EAST: ASPECT OF CONSUMER MARKET.....	424
INFORMATION FOR AUTORS.....	427
THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT.....	432

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ECONOMICS OF SCIENCE**

УДК 338.2

**УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
ECONOMIC MANAGEMENT MUNICIPALITIES OF THE
REPUBLIC OF DAGESTAN**

Абусалимова А.А., Республика Дагестан, г.Хасавюрт, Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте, старший преподаватель кафедры экономических дисциплин

Abusalimova A.A., Republic of Dagestan, g.Hasavyurt, a branch of Dagestan State University in g.Hasavyurte, senior lecturer in economic disciplines.

e-mail: adi.gadg@mail.ru

Аннотация: рассмотрены изменения, происходящие в экономике муниципальных образований Республики Дагестан, и способы управления экономическими процессами на муниципальном уровне.

Annotation: The changes taking place in the economy of municipal formations of the Republic of Dagestan, and how economic management at the municipal level.

Ключевые слова: управление, экономика, валовой региональный продукт, муниципальный бюджет.

Key words: management, economics, gross regional product, the municipal budget.

Дагестанский народ с присущей ему мудростью прекрасно осознает, что выдвигаемые цели и задачи Президентом наиболее полно отображают ключевые направления развития России, а вместе с ней и Дагестана, перед которым стоят грандиозные задачи в области инновационных преобразований и модернизации экономики.

Следует отметить, что современная типология регионов в особую группу выделяет проблемные с депрессивной экономикой территории, к которым относят экономически недостаточно развитые субъекты Российской Федерации с пониженными макроэкономическими параметрами, существенно отстающими от среднероссийского уровня. Республика Дагестан как раз и относится к этому типу регионов.

Возникает вопрос, а почему, если Дагестан во всем опережает все другие регионы России, в республике так плохо? Почему плохо с дорогами, плохо с уборкой мусора, плохо с уровнем жизни? Есть и другие рейтинги: рейтинг уровня жизни, рейтинг регионов доноров и регионовреципиентов, рейтинг промышленного развития, рейтинг инновационной активности, рейтинг туристической привлекательности. И вот эти рейтинги показывают реальное положение Дагестана среди 85 российских регионов.

В числе наиболее значимых событий этого года, пожалуй, можно назвать принятие постановления Правительства РФ «О первоочередных мерах по обеспечению опережающего развития РД» и подпрограммы «Социально-экономического развития Республики Дагестан на 2016-2025 годы» в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года».

За последние несколько лет в республике стали уделять особое внимание развитию агропромышленного комплекса. Разработан даже отдельно приоритетный проект развития РД «Эффективный АПК».

В результате проделанной работы аграрный сектор республики сегодня демонстрирует устойчивую динамику роста. Так, объем производства валовой продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств в минувшем году составил 86,5 млрд рублей при индексе производства более 108%.

Учитывая огромную роль сельского хозяйства в импортозамещении, руководством страны принято решение о поддержке агросектора.

Вся промышленность РД, население которой составляет около трех миллионов человек, не превышает объема промышленного производства подмосковных городов Балашихи или Подольска, суммарное количество жителей которых на порядок меньше населения Дагестана. Кстати, ни один дагестанский город не вошел в число 250 крупных промышленных городов России.

По уровню жизни Дагестан занимает 42е место, опережая все регионы Северо-Кавказского федерального округа.

Общий объем дотаций, который будут распределены по регионам России, составляет 514,6 млрд рублей, что на 5,5% больше, чем было в бюджете 2015 года. Наибольшие дотации в будущем году получают бюджеты Дагестана – 46,72 млрд рублей и Якутии – 43,2 млрд рублей. В 2014 году федеральные дотации на выравнивание бюджетов субъектов РФ составляли 439 млрд рублей, в том числе наибольшие дотации получили: Республика Якутия (51 млрд руб.), Республика Дагестан (43 млрд), Камчатский край (31 млрд).

Общий бюджет Дагестана в 2014 году составил 82,7 млрд рублей. Дефицит бюджета в 2014 году составил 4 млрд рублей. В 2015 году прогнозируется общий объем доходов республиканского бюджета в сумме 84,4 млрд рублей, в том числе объем межбюджетных трансфертов, получаемых из федерального бюджета, в сумме 58,2 млрд рублей.

В 2016 год прогнозируется объем валового регионального продукта свыше 609 млрд рублей. При этом общий объем доходов бюджета запланирован в размере более 81,5 млрд рублей, из которых объем межбюджетных трансфертов из федерального бюджета составит свыше 58,1 млрд рублей. Доходы республиканского бюджета по налоговым и неналоговым доходам определены в сумме 23,4 млрд рублей. Верхний предел государственного внутреннего долга Республики Дагестан на первое января 2017 года запланирован в сумме свыше 16 млрд рублей.

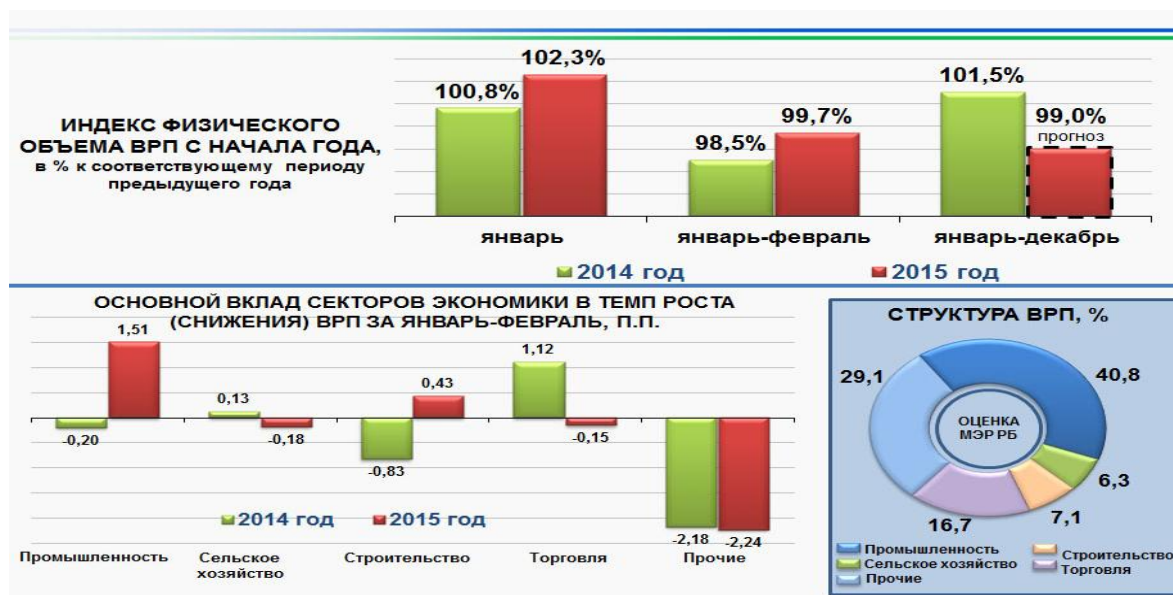


Рисунок 1 – Объем валового регионального продукта Республики Дагестан на 2014-2015 гг.

К сожалению, такая ситуация в нашей республике стала нормальным явлением, о чем свидетельствуют итоги работы на восемь месяцев текущего года. За этот период оборот розничной торговли увеличился более чем на 24,8 процента и составил более чем 123,4 млрд.рублей. Несмотря на такой рост оборота розничной торговли, в консолидированный бюджет республики по-прежнему поступают мизерные налоговые платежи. Ради справедливости следует отметить, что повинны в этом и органы законодательной и исполнительной власти: вот уже около 15 лет не меняются ставки налога на валовой доход работников торговли. И это несмотря на то, что за эти годы бешено, росли цены на все виды товаров первой необходимости. Решающую роль в структуре валового регионального продукта играет промышленность. И это несмотря на то, что ее удельный вес в структуре ВРП значительно ниже, чем доля оборота розничной торговли.

Отрадно отметить, что промышленность снова становится не только образующей отраслью народнохозяйственного комплекса, но и бюджетообразующим сектором экономики. Так, за последние годы поступление налоговых платежей в консолидированный бюджет Республики Дагестан от этой увеличилось в два раза. Подтверждением такого роста не только производственных показателей, но и качественных индикаторов послужил убедительный рост обрабатывающих производств опережавших в прошлом году результаты предыдущего года в 1,24 раза. Только предприятия, подведомственные Комитету Правительства Республики Дагестан по поддержке и развитию виноградарства и алкогольной промышленности, получили в прошлом году более одного миллиарда рублей прибыли и столько же перечислили в доходную часть консолидированного бюджета республики. Весомый вклад в увеличение ВРП за последние два года внесли и предприятия машиностроительного комплекса. Кстати, они ежегодно добиваются заметных позитивных результатов, не привлекая инвестиций со стороны и используя собственные средства для устойчивого и динамичного развития отрасли. Заметно за этот период увеличились и

качественные индикаторы – прибыль, заработная плата, налоговые поступления от предприятий машиностроения налоговые платежи за последние годы выросли более чем в два раза. Почти так же увеличилась и среднемесячная зарплата.

Весомый вклад в увеличение валового регионального продукта вносят и другие базовые отрасли народнохозяйственного комплекса республики – агропромышленный комплекс и транспорт.

Вместе с тем в последние годы в рамках активизации инвестиционной деятельности, в чем нельзя не отдать должное руководству республики, в экономике Дагестана наметились положительные тенденции роста ее реального сектора. Реализуется ряд инвестиционных проектов в сфере АПК, производстве строительных материалов, оживляется машиностроение, реализуются целевые программы федерального и регионального уровней, соответствующие правительственные органы и предпринимательские структуры активно принимают участие в работе экономических форумов, промышленных ярмарках, к Дагестану стали проявлять интерес иностранные инвесторы. Все это свидетельствует о положительных тенденциях в развитии дагестанской экономики, о ее встраивании в российское и мировое экономическое пространство.

При этом хотелось бы отметить и другие аспекты регионального развития: экономика – это самовыживающая система, которая, несмотря на все сложности, угрозы и вызовы, возникающие как на территории Дагестана, так и за ее пределами, рано или поздно находит верные решения и пути их реализации.

Уходящий год был крайне сложным как для страны, так и для республики в частности. Нам, пришлось адаптироваться к сложным финансово-экономическим условиям, в которых оказалась Россия. В свете введенных санкций пришлось принимать «антикризисные» меры, которые должны помочь сохранить стабильность в стране.

Как известно, «антикризисные» меры приняты и реализуются на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Республика активно включилась в этот процесс: это и оптимизация бюджетных расходов, ликвидация и реорганизация неэффективных государственных и унитарных предприятий, и направление бюджетных средств на развитие реального сектора экономики, и реализация планов импортозамещения, и оказание содействия малому бизнесу.

Конечно же, результаты этих мер в полной мере мы сможем ощутить не сегодня и завтра. А пока населению приходится жить в сложных условиях, связанных с инфляционными процессами. По прогнозам экспертов, пик кризиса мы уже пережили. Время покажет и все расставит все по местам.

Литература

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по республике Дагестан/ Муниципальная статистика, 2016. – Режим доступа: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/municipal_statistics/. – Загл. с экрана.
2. Левина В.В. Финансовое положение муниципальных образований в условиях изменения бюджетно-налогового законодательства // Практика муниципального управления. – 2015. – № 1. – С. 65–72.

**ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ВАУЧЕРА
EXPERIENCE AND POSSIBILITIES OF APPLICATION OF THE
INNOVATIVE VOUCHER**

Алиев О.М., Республика Дагестан, г. Хасавюрт, Филиал Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте, доцент кафедры экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доцент

Aliyev O.M., the Republic of Dagestan, Khasavyurt, Branch of the Dagestan state university in Khasavyurt, docent of the department of economic disciplines, Candidate of Economic Sciences, docent

e-mail: oaom666@mail.ru

Аннотация: Зарубежный опыт применения инновационного ваучера дает основания полагать, что этот инструмент стимулирования предпринимательства в области инновационной деятельности может успешно применяться и в российской практике при определенных условиях. Определены ключевые шаги по созданию таких условий.

Annotation: Foreign experience of application of the innovative voucher gives the grounds to believe that this instrument of stimulation of business in the field of innovative activity can successfully be used also in the Russian practice under certain conditions. Key steps are determined by creation of such conditions.

Ключевые слова: стимулирование инновационной деятельности, предпринимательство, инновационный ваучер.

Keywords: stimulation of innovative activity, business, innovative voucher.

Все страны мира стремятся занять ведущие позиции в предоставлении инновационных услуг (продукции). Для этого они прилагают усилия экономического характера (однако и не только). Используемые ими инструменты экономического воздействия на организации (предприятия) с целью создания стимулов в инновационном развитии можно поделить на прямое и косвенное стимулирование.

Практически все инструменты в той или иной мере действуют в российской практике государственного стимулирования, исключение составляют: компенсация государством услуг патентных поверенных по заявкам индивидуальных изобретателей; финансирование государственных программы по снижению рисков и возмещению рискованных убытков; обращение «инновационных ваучеров». Следует особо выделить третий инструмент, который доказал свою эффективность и позволяет при правильном использовании планировать деятельность МСП на более долгосрочную перспективу.

Инновационный ваучер получил широкое применение в следующих странах: Германия, Дания, Польша, Швейцария, Австрия, Греция, Кипр, Франция, Ирландия,

Нидерланды, Португалия, Словения, Республика Македония, Финляндия, Великобритания и др., а также в некоторых странах постсоветского пространства (Молдова, Белоруссия) [1].

Инновационный ваучер призван создать условия для эффективного вовлечения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности, созданных в секторе науки. Современное российское законодательство не знает такой терминологии как «инновационный ваучер».

Однако в Российской Федерации понятие «ваучер» связано с понятием «приватизационный чек». Приватизационный чек – ценная бумага «переходного периода», выпущенная с целью безвозмездной передачи всем гражданам части государственного имущества, подлежащего приватизации, обеспечения платежеспособного спроса на объекты приватизации, ускорения акционирования государственных и муниципальных предприятий и во исполнение Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г [1].

На сегодняшний день понятие «ваучер» в России используется в связи с реализацией одного из рыночных механизмов организации предоставления госуслуг, а именно механизма целевых потребительских субсидий в социальной сфере. Социальный ваучер – специальный документ, имеющий определенный денежный номинал, который получатель может обменять на конкретные услуги или товары у определенных поставщиков. Круг поставщиков устанавливается распорядителем бюджетных средств. В свою очередь поставщики предъявляют полученные от потребителей ваучеры распорядителю бюджетных средств и получают от него оплату предоставленных товаров, услуг. Существует достаточно примеров эффективности использования социального ваучера. Положительные примеры работы схемы «социальный ваучер» отмечаются, в частности, во Владимире, Арзамасе, Волгоградской области, Приморском крае, Пермском крае, Кировской области [2].

В качестве механизма поддержки малого инновационного предпринимательства в России такой инструмент, как инновационный ваучер, пока не нашел широкого применения и практически не используется. Единственным примером его применения является практика Томского регионального инжинирингового центра (далее - ТРИЦ), который в конце 2014 г. провел конкурс «Инновационный ваучер», предназначенный для молодых компаний. На основании поданных заявок экспертная комиссия, в состав которой входили представители администрации Томской области, ТРИЦ, Центра кластерного развития, признала победителями две компании, которые направят средства ваучера на оплату услуг по разработке бизнес-планов и маркетинговых стратегий.

Как и в случае с социальным ваучером, инновационный ваучер ТРИЦ - специальный документ, имеющий соответствующий денежный номинал (от 50 до 100 тыс. руб., всего таких «ваучеров» выпущено на сумму 4 млн руб.), который можно использовать для частичной оплаты разработки бизнес-планов и бизнес-моделей, маркетинговых планов и стратегий, испытательных и исследовательских работ, патентных исследований [3].

Инновационный ваучер может быть использован для оплаты услуг государственных и некоммерческих организаций. Конкурс ТРИЦ «Инновационный ваучер» финансируется путем предоставления субсидий в рамках государственной программы «Развитие инновационного территориального кластера “Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии Томской области” на 2014-2016 годы» [4].

На основе анализа зарубежного и отечественного опыта можно сделать вывод о том, что инновационный ваучер является инструментом, призванным стимулировать спрос на инновации и сотрудничество между наукой и экономикой. Инновационный ваучер представляет собой документ, на основании которого компании получают финансовую поддержку в том случае, если они реализуют совместные с определенным кругом научно-исследовательских или консалтинговых организаций инновационные проекты, путем оплаты товаров, работ, услуг этих научно-исследовательских организаций инновационным ваучером.

Как правило, перечень услуг консалтинговых, научных организаций, который может быть оплачен инновационным ваучером, устанавливается уполномоченным распорядителем государственных средств, реализующим программы поддержки инновационной деятельности МСП.

Инновационный ваучер выдается субъекту МСП, который не имеет достаточно ресурсов на организацию и проведение научных исследований, но способен произвести инновационную продукцию на стадии осуществления планирования, разработки или внедрения новых продуктов, технологий или существенного улучшения уже существующего продукта, технологии.

Финансовая поддержка субъектов МСП посредством инновационных ваучеров заключается в том, что номинальная стоимость ваучера погашается научной или консалтинговой организацией, которая оказала услуги, выполнила работы для субъектов МСП уполномоченным распорядителем бюджетных средств.

Инновационные ваучеры могут быть классифицированы в зависимости от поставщиков работ/услуг, которые оплачиваются инновационным ваучером, номинала инновационного ваучера и наличия или отсутствия условия о софинансировании (табл. 1).

Таблица 1 -Классификация видов инновационных ваучеров[1]

Целевая аудитория	Контрагенты	Размеры суммы ваучера	Наличие условия о софинансировании
Субъекты МСП	Определенный распорядителем средств круг научных/ консалтинговых организаций. Компания, получившая инновационный ваучер выбирает поставщика работ/услуг из перечня, утвержденного распорядителем средств	Мелкий инновационный ваучер (номинал 5 000 евро и менее)	При небольшом номинале инновационного ваучера условие о софинансировании, как правило, отсутствует
	Получатели средств (инновационный ваучер) самостоятельно определяют поставщика работ/услуг. Круг научных/консалтинговых организаций не установлен	Крупный инновационный ваучер (номинал от 5 000 евро)	Условие о софинансировании в различных пропорциях

Представляется, что положительный зарубежный опыт взаимодействия субъектов малого инновационного предпринимательства и научных организаций с использованием такого инструмента, как инновационный ваучер, мог бы быть успешно использован и в России. Необходимо отметить, что на наш взгляд, вид инновационного ваучера, при котором получатель средств выбирает поставщика работ/услуг, оплачиваемых инновационным ваучером из перечня, утвержденного распорядителем средств, может создавать искусственные преференции для поставщиков работ/услуг. В случае применения вида инновационного ваучера, при котором получатели средств самостоятельно определяют поставщиков работ/услуг, соблюдается равновесие целевого назначения инновационного ваучера и свободы потребительского выбора субъекта МСП.

При этом распорядитель средств может контролировать качество деятельности поставщиков за счет установления требований к ним (например, опыт проведения подобного вида работ, предоставления услуг, требования к квалификации персонала и др.). Виды ваучеров в зависимости от наличия или отсутствия условия о софинансировании, номинала ваучера, на наш взгляд, могут успешно применяться в России.

Таким образом, наряду с действующим механизмом поддержки исследований и инноваций в России существует необходимость использования и такого простого, доступного и быстрого в реализации инструмента, как инновационный ваучер. Такая необходимость обусловлена несколькими факторами. Во-первых, стимулируется взаимодействие между компаниями, представляющими субъектов, МСП и вузами, научными организациями, что повышает конкурентоспособность субъектов МСП и поставщиков работ/услуг – научных организаций. Во-вторых, простота, доступность, а также быстрая реализация и введение в практику инновационных ваучеров. В-третьих, прозрачность расходования средств бюджета и значительное снижение коррупционных рисков.

Хотелось бы отметить, что с учетом положительного опыта зарубежных стран, а также положительного опыта использования аналога инновационного ваучера - социального ваучера в России, инновационный ваучер как механизм государственной поддержки исследований и разработок, их внедрения, коммерциализации, имеет хорошие перспективы эффективного применения.

Однако, чтобы этот инструмент действительно заработал необходимо создать соответствующие условия. Можно выделить несколько подходов к решению этой проблемы. Первый подход применяется ЦБ на основе таргетирования инфляции, который приводит к видимой стабильности экономики при её медленном удушении и фактически негласном запрете долгосрочного стратегического развития. Второй –предлагается Столыпинским клубом, который пытается совместить и перехватить предложения С.Глазьева. Однако это половинчатое решение может вызвать, на наш взгляд, серьезные инфляционные проблемы. И те, и другие, разными методами пытаются «опустить» ключевую ставку до 7-8%, которая примерно соответствует рентабельности некоторых отраслей нашей экономики. Это значит, что, начиная с этой отметки, можно говорить о возможности предоставления кредитов реальному сектору – не для того, чтобы компании занимались финансовыми спекуляциями, а чтобы могли инвестировать.

Но... мечтать не вредно: ЦБ РФ – это институт, который, на наш взгляд, сильно зависит от Федеральной резервной системы (ФРС) США. А ФРС никогда не позволит, чтобы

ключевая ставка в России снизилась до значений, при которых могла бы заработать реальная экономика. В Россию, заходят деньги акционеров ФРС, и здесь эти деньги предлагаются займы под высокие, по нынешним меркам, 7-8% годовых. С точки зрения этих акционеров, Россия – заповедник в мировой финансовой системе, в котором можно что-то заработать, а на Западе на кредитах точно не заработаешь. Так, в той же Европе почти нулевые процентные ставки, а в США ключевая ставка находится в диапазоне 0,25-0,5%. Другими словами, на Западе на кредитах точно не заработаешь, а в РФ – запросто. ФРС делает и будет оберегать свою валюту. Но, то что хорошо для доллара – смертельно для рубля!

Поэтому для создания возможностей применения инструментов стимулирования инновационной деятельности необходимы, на наш взгляд, первые ключевые шаги: введения ограничений на трансграничное движение капитала и иностранной валюты в стране, немедленно ликвидировать офшоры, (нужно предоставить нашей «офшорной аристократии» срок в 2-3 месяца. Кто не переведёт свои активы в российскую юрисдикцию, его бизнес подлежит национализации). Только на этой основе может быть создана финансовая система, обеспечивающая экономический рост, низкие процентные ставки и низкую инфляцию, а также стабильность и инновационную привлекательность, чтобы заработали стимулы к инновационной деятельности.[5, с. 204]. А дальше следовало бы применить меры стратегического планирования [6,с.10-11].

Только после таких шагов мы можем надеяться, что наконец то заработают инструменты стимулирования экономики, с помощью которых пойдет восстановление связей между наукой, производством и образованием, и возродятся высокотехнологичные отрасли. Без подъёма сектора высоких технологий не будет той экономической среды, где рождаются инновации. А без ускорения инновационных процессов мы не сможем поднять конкурентоспособность своей экономики – со всеми вытекающими последствиями. Россия так и останется на периферии мирового хозяйства, если не будет проводить глубоких структурных преобразований в экономике, в том числе путем развития инструментов стимулирования инновационной деятельности предпринимательства.

Литература

1. Ильина, И. Е, Сергеева, О. Л., Трачук, О. В. Инновационный ваучер как инструмент стратегического планирования развития малого и среднего бизнеса: зарубежный опыт // НТВ СПбГПУ Экономические науки. № 4. 2015. С.168-178.
2. Чагин, К.Г. Рыночные механизмы организации предоставления госуслуг: принципы, опыт и возможности для автономных учреждений //Руководитель автономного учреждения. 2013. № 4. С. 13-29.
3. URL:<http://inotomsk.ru/materials/news/v-tomske/tomskie-kompanii-poluchat-innovatsionnye-vauchery/> (датаобращения 22.09.16)
4. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/59565964/67620415/>(дата обращения 22.09.16)
5. Алиев, О.М. Комплексный подход к развитию инновационного процесса // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 5. С. 200-207.
6. Алиев, О.М. Стратегическое планирование – состояние и основные решения // Вестник Северо- Кавказского гуманитарного института. №19. 2016. С.8-12.

УДК 65.015

**РОЛЬ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ
В ПОВЫШЕНИИ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ROLE OF EFFECTIVE MANAGEMENT OF WORKFORCE IN INCREASING
PROFITABILITY OF ACTIVITIES**

Воронина А.В., заведующая кафедрой Экономики и менеджмента филиала ЧОУ ВО "Московский университет им. С.Ю. Витте" в г. Ростове-на-Дону, кандидат экономических наук, доцент

*Voronina A.V., FSEI HE "Rostov State Transport University", Associate Professor, Chair of Organization theory and human resource management, PhD, Associate Professor
e-mail: caas@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрены подходы к оценке трудовых показателей и факторов, влияющих на них, с целью повышения эффективности хозяйственной деятельности.

Abstract: The approach to the assessment of labor performance and the factors influencing them, in order to improve the efficiency of economic activity.

Ключевые слова: трудовые показатели, рентабельность, эффективность

Keywords: labor indicators, profitability, efficiency

Человеческие ресурсы и их возможности как фактора экономического развития предприятия во времени и пространстве могут быть большими и меньшими. В таком аспекте изучение состояния рабочего потенциала человеческих ресурсов субъектов хозяйствования и отдельных регионов носит достаточно важное практикоприменительное значение для установления баланса ресурсов живого труда и количества рабочих мест. При этом необходимо учесть все изменения как в количественном и качественном составе рабочего потенциала, так и в области приложения труда, возникающих под влиянием территориального размещения, социально-демографических и персистентных процессов, совершенствования устройства экономики и производства и других факторов.

Автор, ранее в своих трудах, отмечала, что «основными причинами оживления экономической конъюнктуры и положительной динамики макроэкономических показателей в условиях изменившейся геополитической обстановки могут стать: минимизация импортозависимости через импортозамещение; Рост потребления и инвестиционной активности; наличие свободных промышленных мощностей» [5]. Достижение этих параметров возможно только через эффективное использование всех имеющихся ресурсов, и, в первую очередь, трудовых.

Система показателей результативности производственной деятельности является составляющей механизма управления субъектом хозяйствования в векторе обеспечения снижения затрат на производство, экономии ресурсов и затрат на единицу производимой продукции. Система трудовых показателей предприятия, также служит этим целям, она отражает состояние и уровень использования потенциала человеческих ресурсов

организации, факторы, его определяющие, а также степень его влияния на конечные результаты деятельности хозяйствующего субъекта.

Трудовые показатели характеризуются целым рядом факторов, связанных с территориальной расположенностью организации, ее отраслевой структурой, размахом производства, возраста с момента начала функционирования и т.п. Факторы, влияющие на развитие трудовых ресурсов и систему трудовых показателей, представлены на рисунке 1.

Поэтому следует дифференцированно подходить к изучению состояния трудовых показателей каждой организации, определять их уровень на данный период, а также планировать их изменения в перспективе.

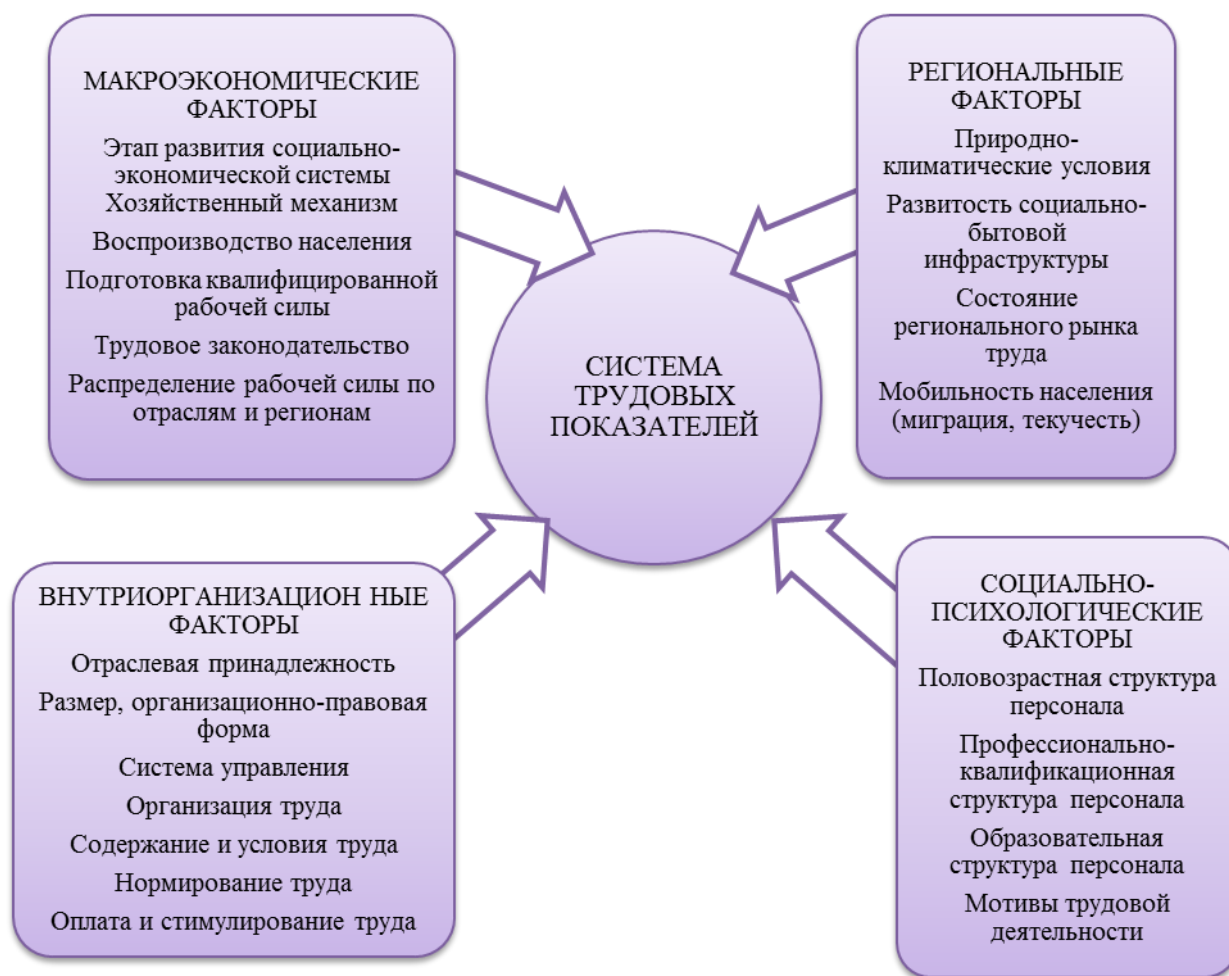


Рисунок 1 – Факторы, влияющие на развитие трудовых ресурсов и трудовые показатели

Кузьминов А.Н. Оксенюк Е.Е., исследуя ценологическую концепцию управления человеческими ресурсами предприятия пришел в выводу что «Проблема неоднородности распределения человеческих ресурсов по образовательным, квалификационным и другим содержательным критериям в границах регионов и территорий имеет большое значение, так как представляет собой естественное ограничение процессов экономического развития на уровне, необходимом в условиях существующих кризисных явлений» [6]. В таких условиях возникает проблема измерения параметров воздействия на состав и структуру людских

ресурсов, дающих возможность привести в действие процессы самоорганизации путем перелива капиталов, ориентированных на увеличение инвестиционной привлекательности организаций, территорий, отраслей, субъектов Федерации, округов обеспечивая поступательную экономическую эволюцию.

Концептуальная методологическая основа рассмотрения данной проблемы находится в рамках основной производственной функции Кобба – Дугласа, показывающей зависимость производства от капитала и труда, данная зависимость выражается формулой (1) [10]:

$$Q = A \times L^{\alpha} \times K^{\beta} \quad (1)$$

где Q – объем производства;

A – технологический коэффициент эффективности производства;

L – труд, как фактор производства;

K – капитал как фактор производства;

α – коэффициент эластичности по труду;

β – коэффициент эластичности по фондам.

Визуально данная функция имеет вид показанный на рисунке 2.

Cobb-Douglas Production Function

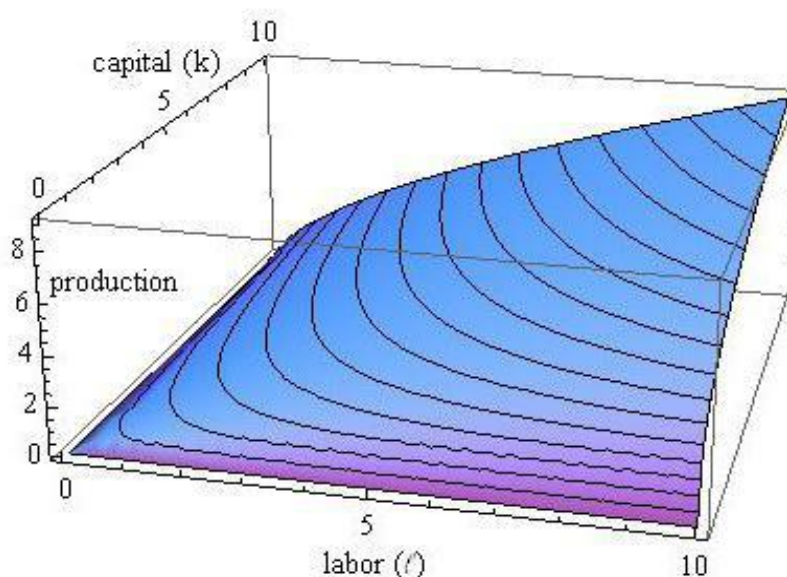


Рисунок 2 – Производственная функция Кобба – Дугласа

Применяя данную формулу в отношении измерения параметров воздействия на состав и структуру человеческих ресурсов, ее можно выразить следующим образом (2):

$$Y_i = A_i K_i^{\beta} (L U_i + \tau L T_i)^{\alpha} \quad (2)$$

где LU_i – начальный этап развития персонала;
 LT_i – завершающий этап развития персонала;
 A_i – показатель эффективности;
 τ – показывает прирост производительности от повышения качества персонала;
 β и γ – характеризуют отдачу рабочей силы и капитала в производственном процессе ($\beta + \gamma = 1$).

Преобразовывая формулу, с целью учета динамики инвестиций в людские ресурсы, производственная функция может быть выражена следующей зависимостью (3):

$$Y_i = A_i K_i^\beta L_i^\gamma (1 + (\tau - 1)T_i)^\gamma \quad (3)$$

где T – динамика инвестиций в людские ресурсы.

Человеческие ресурсы, рассматриваемые как трудовой потенциал организации оказывают в значительной мере влияние, выступая регулятором на рынке труда, формируя спрос и предложение на рабочую силу. Логически возникает вопрос о возрастном определении границ трудового потенциала в масштабах субъектов Федерации, следует закрепить границы дееспособности лиц трудоспособного возраста юридически имеющих право на осуществление деятельности и ответственность за свои поступки, на нормативном уровне. Нижние границы потенциала трудового населения до сих пор не определены; отечественные нормы, устанавливающие ограничения на прием на работу некоторых групп населения, не являются мерилем. В ст. 21 Гражданского Кодекса Российской Федерации прописаны правила ограниченной дееспособности для лиц, не достигших совершеннолетия, но из данной нормы предусмотрен целый ряд исключения. Верхняя грань трудового потенциала в зависимости от сохранения работоспособности индивидуумами условно может быть поделена на три категории: 60-65 лет (эта группа сохраняет на 65-70%); 65-70 лет (эта группа сохраняет работоспособность на 50,1-60%); 70-75 лет и старше (эта группа лиц трудоспособна примерно на 35-40%). Безусловно, такая градация весьма условна, но тем не менее, обеспечивает дифференцированный подход к потенциалу трудового населения на региональном уровне.

В России статистический учет экономически активного населения в настоящее время в официальных исследованиях ограничен возрастной группой 15 лет – 72 года. Наиболее точную характеристику экономически активного населения могут дать показатели демографической нагрузки. Методика расчета этих показателей выглядит следующим образом.

Итоговое соотношение показывает число лиц в нетрудоспособном возрасте на 1000 человек в трудоспособном возрасте. Соответственно для этого результаты вычисления необходимо умножить на 1000.

Коэффициент потенциального замещения (нагрузки) определяется по формуле (4):

$$K_{\text{потенциальной нагрузки}} = \frac{\text{Количество населения в возрасте 0-15 лет}}{\text{Количество населения в трудоспособном возрасте}} \quad (4)$$

Коэффициент пенсионной нагрузки рассчитывается по формуле (5):

$$K_{\text{пенсионной нагрузки}} = \frac{\text{Число лиц пенсионного возраста}}{\text{Количество населения в трудоспособном возрасте}} \quad (5)$$

Коэффициент общей нагрузки можно вычислить по формуле (6):

$$K_{\text{общей нагрузки}} = \frac{N_{\text{пенсионный возраст}} + N_{\text{возраст 0-15 лет}}}{\text{Количество населения в трудоспособном возрасте}} \quad (6)$$

При этом между тремя указанными выше показателями имеется логическая взаимосвязь, выражаемая формулой (7):

$$\text{Коэффициент общей трудовой нагрузки} = \text{Коэффициент потенциального замещения} + \text{Коэффициент пенсионной нагрузки} \quad (7)$$

Все указанные показатели трудовой нагрузки отображают экономическую нагрузку на трудоспособное население и используются при разработке мероприятий по социальному обеспечению и рациональному использованию трудовых ресурсов. О состоянии трудового потенциала Российской Федерации дает представление коэффициент демографической нагрузки, ежегодно определяемый и корректируемый органами Федеральной службы государственной статистики. В таблице 2 представлена динамика изменения коэффициента демографической нагрузки населения [9].

Таблица 1 – Коэффициент демографической нагрузки

Субъекты Российской Федерации	На 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов								
	моложе трудоспособного возраста			старше трудоспособного возраста			всего		
	2005	2010	2015	2005	2010	2015	2005	2010	2015
Российская Федерация	263	264	294	326	362	411	589	626	705
ЮФО	271	267	288	360	391	423	631	658	711
Республика Адыгея	302	303	319	373	396	421	675	699	740
Республика Калмыкия	333	323	354	225	256	306	558	579	660
Краснодарский край	279	275	297	370	400	425	649	675	722
Астраханская область	286	285	318	317	343	378	603	628	696
Волгоградская область	260	258	280	362	398	437	622	656	717
Ростовская область	256	249	268	367	397	432	623	646	700
ДФО	274	275	302	248	302	338	522	577	640
ПФО	265	264	292	332	370	410	597	634	702
СЗФО	229	232	256	336	381	414	565	613	670
СКФО	409	391	404	239	248	270	648	639	674
СФО	277	287	321	287	330	369	564	617	690
УФО	265	277	313	282	327	362	547	604	675
ЦФО	226	227	249	375	404	437	601	631	686

Количественную характеристику потенциала трудовых ресурсов можно представить при помощи среднегодовой численности персонала (число человеко-лет труда). Для более детального анализа трудовой потенциал можно определить как фонд ресурсов труда путем умножения среднегодовой численности на среднюю продолжительность рабочего времени (год, месяц, день, час) по формуле (8):

$$\text{ФРТ} = \text{СЧ} \times \text{СПРВ} \quad (8)$$

где ФРТ – фонд ресурсов труда (человеко – дни, человеко – часы);

СЧ – среднесписочная численность работников;

СПРВ – средняя продолжительность рабочего периода в днях или часах.

Тогда фонд ресурсов труда будет выражаться в человеко-месяцах, человеко-днях, человеко-часах.

Имея в распоряжении фонд ресурсов труда и число рабочих мест, можно с высокой точностью определить требуемую численность работников учитывая коэффициент загруженности рабочих мест, результаты паспортизации, рационализации и аттестации рабочих мест в масштабе не только организации, но и в региональном аспекте.

С точки зрения качества трудовой потенциал можно оценивать с помощью показателей уровня квалификации персонала и полезности их знаний для организации (производства). Соответственно, качественно трудовой потенциал выражается в степени квалификационной и профессиональной пригодности персонала к выполнению трудовых действий, предусмотренных обобщенными трудовыми функциями, а это зависит от общеобразовательной и профессиональной подготовки, навыков в труде и личных способностей сотрудников.

Комплексно рассматривая количественные и качественные характеристики трудового потенциала, можно оценить, в какой степени производство государства и составные части народного хозяйства обеспечены рабочей силой в соответствии с требованиями рынка, развитием сферы приложения труда учитывая структурные преобразования в производстве, а также в связи с требованиями научно-технического прогресса и конкуренции на рынке труда [7].

Такой анализ позволяет выявить уровень занятости населения, определить пути его результативного использования и обеспечить регулирование рынка труда с учетом характеристик по количеству и качеству в конкретном регионе. К трудовым показателям относятся производительность труда, трудоемкость производственной программы, выработка, трудоемкость единиц продукции, состав и численность персонала, фонд оплаты труда, фонд потребления, средняя заработная плата.

В настоящее время стратегическое планирование трудовых показателей несет важную функциональную роль.

Трудовые показатели неотъемлемо взаимосвязаны с другими показателями оперативных и стратегических планов, поскольку являются составной частью организационного, технического, экономического и финансового планирования, и непременно отражаются при расчете затрат на производство продукции в определении экономического эффекта и в фондировании прибыли.

Планирование увеличения результативности труда связано с выявлением резервов и расчетами планового уровня факторов производительности труда. Программы роста производительности труда предусматривают внесение корректировок в такие сферы, как людские ресурсы, технологические процессы, структура производства, культура производства. Для планирования поднятия производительности труда в очень хорошо подходит интерактивное планирование. Чтобы спроектировать достаточно напряженную, но всесторонне обоснованную, сбалансированную и реальную программу действий, при планировании производительности труда необходимо учесть все причины, обуславливающие его рост, включить в проект все выявленные резервы. А также учесть наличие мотивационных стимулов и минимизировать демотиваторы в труде [4]. Для определения воздействия какого-либо фактора на повышение производительности труда рассчитывается экономия рабочей силы по отношению к необходимой численности работников.

Влияние каждого фактора на увеличение производительности труда (Пт) диагностируется по формуле (9):

$$Пт_i = \frac{ЭЧ_{pi} \times 100}{Ч_n - ЭЧ_{pi}} \quad (9)$$

где ЭЧ_p – экономия численности персонала, чел.;

Ч_n – исходная численность персонала, чел.;

i – фактор, влияющий на производительность труда.

В условиях конструктивных и деструктивных изменений в нынешней экономике представляется возможным исходить из принципиально нового понятия сущности и стратегии планирования трудовых показателей на предприятии, в том числе и производительности труда.

Менеджмент производительности – это процесс, основывающийся на оперативном и стратегическом планировании, постоянном контроле над эффективным внедрением новых организационных, технологических и управленческих решений.

Потребность в персонале, его численности различными субъектами хозяйствования определяется величиной спроса на производимую ими продукцию, осуществляемые работы или оказываемые услуги. Процесс планирования включает три этапа: оценку имеющихся в наличии трудовых ресурсов, оценку предстоящих потребностей в трудовых ресурсах, разработку программы по продвижению и развитию трудовых ресурсов.

Таким образом, эффективное управление человеческими ресурсами основывается на всех составляющих управленческого процесса, во взаимной увязке с экономическим планированием и прогнозированием деятельности.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации [Текст] : [федер. закон : принят Гос. Думой 30 декабря 2001 г. : по состоянию на 4 ноября 2014 г.]. – СПб. : Стаун-кантри, 2015
2. Российская Федерация. Законы. О занятости населения в Российской Федерации [Текст] :

[федер. закон : принят Гос. Думой 20 апреля 1996 г. : по состоянию на 1 декабря 2014 г.]. – СПб. : Стаун-кантри, 2015

3. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 №Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70643464/#ixzz3ucuhzvpv> (дата обращения 03.09.2016 г.)

4. Воронина, А.В. Становление мотивационного механизма в условиях нестационарности рыночных регуляторов / Экономические, правовые, социально-политические и психологические проблемы развития современного общества: материалы II межвузовской научно-практической конференции научно-педагогических работников, аспирантов, практических работников. 26 февраля 2016 г. / под ред. Осипян Н.Б., Ворониной А.В., Дмитриевой М.А. [Электронное издание]. Моск. ун-т им. С.Ю.Витте; ф-л Моск. ун-та им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону. – М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2016. 1,51 Мб.

5. Воронина, А.В. Методические основы горизонтальной интеграции в аграрном бизнесе // Экономика и предпринимательство – 2015. – № 12-1 (65-1). – с. 341-345

6. Кузьминов А.Н. Оксенюк Е.Е. Ценологическая концепция стимулирования инвестирования в человеческий капитал / А.Н. Кузьминов, Е.Е. Оксенюк // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. Из-во: РГУПС – № 3 (32). 2015 г. с. 80-83.

7. Остапенко, Ю.М. Экономика труда: учеб. пособие / Ю.М. Остапенко. – 2е изд., – М.: Инфра-М, 2007. – 272 с.

8. Официальный портал Правительства Ростовской области [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85424> (дата обращения 25.09.2016 г.)

9. Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/02-06.htm (дата обращения: 26.10.2016).

10. Howard, R. The impact of training on productivity and wages: Evidence from British panel data / Dearden, Lorraine, R. Howard, J. van Reenen // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. – № 68/4. – 2006. – P. 397–421.

УДК 332.1

**ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ
INSTRUMENTS OF STATE REGULATION OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL
COMPLEX AT THE REGIONAL LEVEL**

Исакова М.А., Республика Дагестан, г. Хасавюрт, Филиал Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте, старший преподаватель кафедры экономических дисциплин. Аспирантка заочного обучения Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

Isakova M.A., Republic of Dagestan, Khasavyurt Branch of Dagestan state University in Khasavyurt, a senior lecturer in economic disciplines. Postgraduate distance learning, Institute of socio-economic research, Dagestan scientific center RAS

e-mail: atia198755@gmail.com

Аннотация: В статье предложен набор инструментов государственного регулирования развития регионального промышленного комплекса, классифицированный в соответствии со способом государственного воздействия на региональном уровне.

Abstract: the paper proposed a set of instruments of state regulation of development of regional industrial complex, classified in accordance with the method of state influence on regional level.

Ключевые слова: промышленный комплекс региона, проблемы, инструменты.

Key words: regional industrial complex, the problems, tools.

Разграничение полномочий между муниципальным, региональным и федеральным уровнями власти полагает закрепление за каждым уровнем комплекса инструментов, необходимого для осуществления промышленной политики. Реализация региональной промышленной политики связана с ограниченным набором инструментов, использование которых приводит к образованию структурно сбалансированного промышленного сектора, что обеспечивает его эффективное функционирование. При этом применяемые инструменты могут иметь отношение к разнообразным сферам функционирования промышленности.

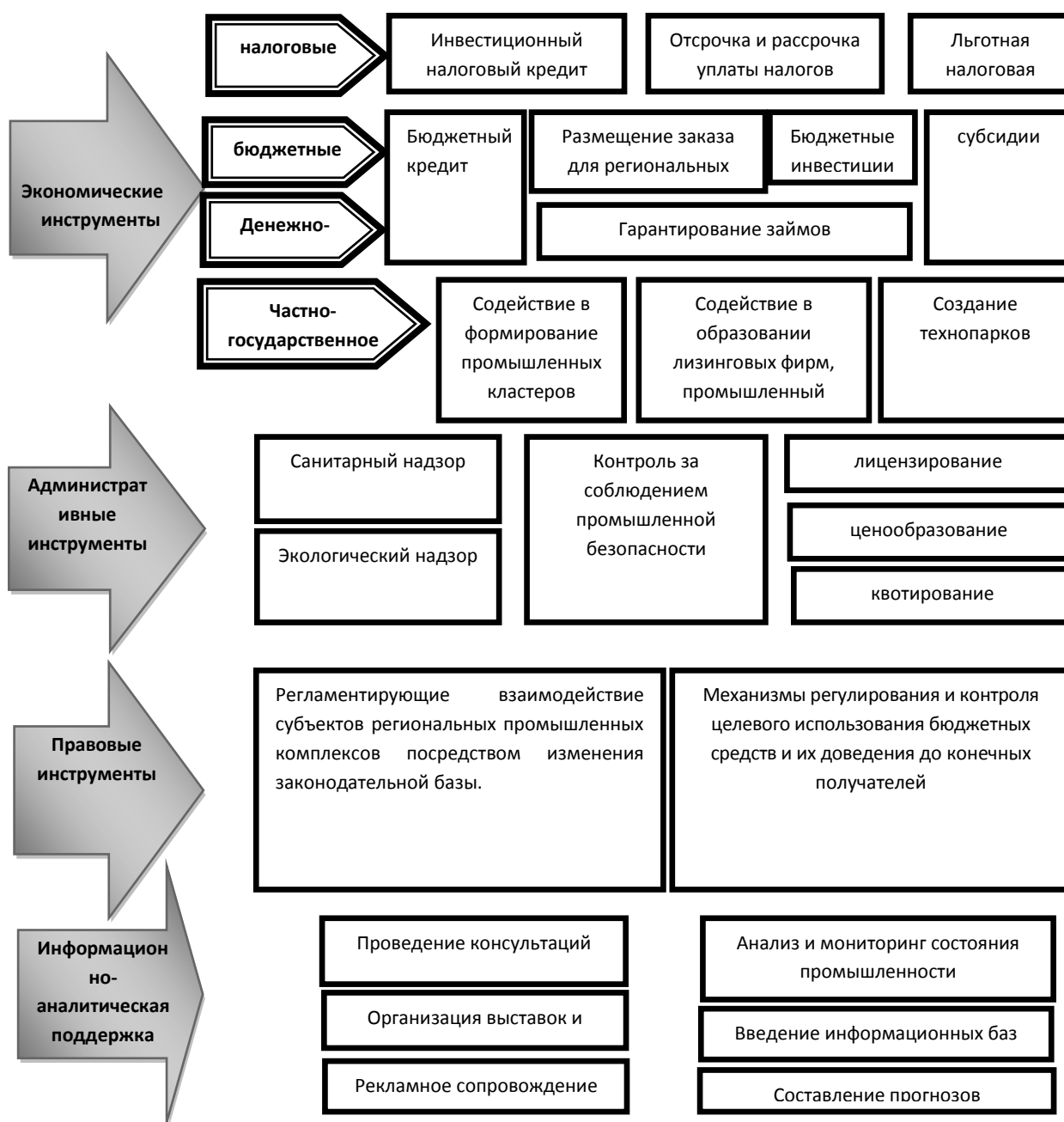
Главные проблемы использования инструментов государственного регулирования в области промышленного развития состоят в отсутствии сбалансированного подхода к их применению:

- во многих случаях некоторые инструменты остаются продекларированными;
- имеется перекоп в использовании одних инструментов и необоснованный отказ от использования других;
- частично или полностью отсутствует необходимая опытно-практическая и правовая база использования тех или иных инструментов.

Попытка разрешить озвученные проблемы невозможна без систематизации всех существующих инструментов регулирования развития промышленного комплекса на уровне региональной власти. В научной литературе многократно предлагались разнообразные версии классификации инструментария по характерным признакам.

По итогам исследуемого материала, касающегося инструментов государственного регулирования развития промышленного комплекса со стороны органов региональной власти и рассмотрения разнообразных подходов к классификации данного инструментария, автор сделал вывод, что необходимо выработать полный комплекс инструментов регулирования развития промышленности в регионе. Это весьма актуально в условиях отсутствия общего подхода к классификации данного инструментария и отсутствия нормативно-правового акта, фиксирующего этот перечень. В результате был систематизирован и описан инструментарий государственного регулирования развития промышленного комплекса на региональном уровне (Рис 1).

Рис 1. Инструменты государственного регулирования развития промышленного комплекса на региональном уровне.



Составлено автором

Налоговые меры имеют большое значение с позиции влияния на структурные изменения в реальном секторе экономики. Налоговые платежи, составляя существенную часть в расходах предприятий, представляют важный инструмент в стимулировании развития направлений промышленного комплекса.

Бюджетные инвестиции – это определенные средства, выделенные из бюджета и направленные на повышение стоимости имущества, находящегося в собственности государства. Подобные вложения осуществляются за счет региональных, федеральных и местных бюджетов. Их объем, объекты и источники определяются исключительно государством.

В рамках осуществления промышленной политики в регионе возможны следующие виды субсидий:

1. Денежно-кредитные инструменты: возмещение производственным предприятиям части расходов на уплату кредитов, возмещение кредитным организациям выпадающих доходов по кредитам.

2. Инструменты имущественного обеспечения: компенсация части платежей за оборудование, поставленное по договору лизинга, софинансирование технического и технологического перевооружения.

3. Информационно-аналитическая поддержка: возмещение расходов по консультационным услугам, возмещение затрат на взносы для участия в выставках.

Бюджетным кредитом может воспользоваться производственное предприятие, финансовое состояние которого оцениваться как стабильное, кризисные промышленные предприятия не могут использовать данный вид государственной поддержки.

Следовательно, налогово-бюджетные инструменты обеспечивают структурные переустройства в региональной промышленной политике. Вследствие этого экономика региона на стадии масштабного преобразования тесно взаимосвязана с состоянием государственных финансов. Данная взаимосвязь проявляется не только в области выполнения бюджетных обязательств, но и в качестве фактора, который стимулирует инвестиционную активность.

Необходимо отметить, что часть инструментов региональной промышленной политики находится на пересечении различных видов. Так, например, бюджетное кредитование относится одновременно к бюджетным инструментам, поскольку в процессе применения используются бюджетные финансовые средства, а также к денежно-кредитным инструментам

Возмещение части затрат на оплату процентов по кредитам, кроме того, что является одним из инструментов региональной промышленной политики в части денежно-кредитного регулирования, представляет собой также субсидию. Данная компенсационная мера позволяет предприятию-заемщику использовать более дешевый кредит, снижая процентную ставку.

Особое внимание, на взгляд автора, требуется уделить предоставлению гарантий по кредитованию. Гарантирование займов является одним из наиболее эффективных

инструментов поддержки промышленных предприятий, поскольку позволяет привлекать последним необходимые заемные средства у частного банковского сектора. [3].

Система мер целенаправленного воздействия на развитие отраслей промышленного комплекса региона, разрабатываемая отечественными учеными, включает государственную поддержку в виде расширения доступа частных предприятий к финансовым ресурсам, стимулирования внутреннего спроса, уменьшения нагрузки на бизнес. Считаем данную точку зрения абсолютно правильной и отметим, что с учетом ограниченных природных ресурсов одним из источников удовлетворения потребностей регионального промышленного комплекса могут стать средства частного бизнеса на основе развития региональных институтов по привлечению инвестиций на базе использования такого инструмента как частно-государственное партнерство (ЧГП), способного сочетать в себе все перечисленные меры.

Стимулирование внутреннего спроса на территории региона путем реализации социально-экономических проектов в сфере регионального промышленного комплекса на базе ЧГП позволяет не только привлечь частные инвестиции и наиболее эффективно использовать финансовые ресурсы, но и создать новые рабочие места, повысить уровень деловой активности, благосостояние населения и доходную часть бюджета путем увеличения налоговых поступлений.

К административным инструментам региональной промышленной политики относятся прежде всего инструменты, обеспечивающие и контролирующие деятельность предприятий промышленного комплекса региона: регулирование цен и тарифов; контроль за соблюдением промышленной безопасности; экологический и санитарный надзор; территориальное размещение; лицензирование отдельных видов промышленной деятельности.

К административным инструментам также относится контроль за размещением и строительством промышленных предприятий. Осуществление такого контроля со стороны региональных органов государственной власти обеспечивает запланированное распределение по территории региона промышленных объектов в соответствии с транспортной и социальной инфраструктурой. Применение данного инструмента возможно посредством промышленного зонирования. Последнее предполагает выделение в регионе специально отведенных зон, в пределах которых могут размещаться предприятия. Более того, может устанавливаться запрет на осуществление того или иного вида экономической деятельности в определенных зонах.

Соблюдение федеральных правил и нормативов промышленной безопасности является обязательным условием любой промышленной деятельности. Федеральные органы исполнительной власти в области промышленной безопасности имеют подведомственные им территориальные органы, которые и осуществляют контроль за соблюдением правил и нормативов [1].

Региональный государственный экологический надзор, включенный в состав административных инструментов промышленной политики региона, представляет собой деятельность органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации,

направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений субъектами промышленной деятельности требований в области охраны окружающей среды .

В качестве предмета проверки в области охраны окружающей среды выступает соблюдение обязательных требований, установленных законодательством в области охраны окружающей среды. Но, помимо нормативного регулирования, присутствуют и другие направления реализации экологического надзора, которые находятся на пересечении с другими группами инструментов. Например, обеспечение и стимулирование природоохранной деятельности может осуществляться посредством:

1. налоговые льготы для предприятий, которые используют в производстве вторичное сырье;
2. компенсация части расходов на оплату процентов по кредиту на экологическое оборудование;
3. субсидии на установку оборудования и подготовку специалистов в данной сфере, и др.

Важными, по мнению автора, инструментами развития промышленного комплекса являются правовые инструменты:

- регламентирующие взаимодействие субъектов региональных промышленных комплексов посредством изменения законодательной базы.
- механизмы регулирования и контроля целевого использования бюджетных средств и их доведения до конечных получателей.

Информационно-аналитическая поддержка как направление промышленной политики в регионе включает.

- формирование и ведение баз данных различного назначения; примерами таких баз могут быть: регистр промышленной продукции, база инвестиционных объектов субъекта и др.;
- осуществление консультаций для представителей промышленного сектора;
- рекламное сопровождение проектов (мероприятий, событий, инвестиционных проектов) и продукции;
- организация выставок и ярмарок.

Создание информационных баз данных осуществляется, как правило, на основе статистической информации, которую представляет территориальный орган Федеральной службы государственной статистики, или соглашений, заключаемых с хозяйствующими субъектами. В числе ставших обязательными для ведения находятся реестр объектов промышленности и регистр промышленной продукции.

Особую часть деятельности в рамках информационно-аналитической поддержки составляет аналитическая. Органы государственной власти региона должны осуществлять анализ и мониторинг деятельности объектов промышленной политики субъекта. Но помимо этого, важное значение имеет анализ воздействия инструментов региональной промышленной политики на состояние всей территории и хозяйствующих субъектов.

Особенного внимания заслуживает также экономический прогноз, который представляет систему аргументированных научных представлений и высказываний о направлениях развития и будущем состоянии экономики, ее отдельных элементов.

Разработка прогноза заключается в том, чтобы определенными методами с использованием специального инструментария количественных оценок отработать имеющуюся на данный момент информацию о состоянии экономики и получить представление о направлениях ее эволюции.

Нельзя забывать о еще одном важнейшем инструменте промышленной политики, применяемом с успехом на региональном уровне – проведении промышленных выставок и ярмарок. Эффективность данного инструмента доказана уже как российской практикой, так и практикой развитых зарубежных государств.

Участие органов государственной власти субъекта Российской Федерации возможно в различных формах. В тех случаях, когда участие ограничивается поддержкой, доступны: компенсация участникам выставки, проводимой частной компанией, организационного взноса (субсидии), информационное сопровождение мероприятия, приглашение потенциальных участников и др. Органы государственной власти так же могут быть организатором самого выставок и ярмарок и полностью финансировать их.

Так, по мнению автора, выглядит классификация инструментов государственного регулирования развития региональной промышленности по содержательному признаку. Все перечисленные инструменты важны для формирования и осуществления эффективной стратегии развития промышленной политики в регионе и способны оказать значительное воздействие на развитие промышленного комплекса региона.

Литература

1. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21.07.1997 N 116-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Собрание законодательства РФ. 28.07.1997, N 30. ст. 3588.
2. Белокрылова О.С. Взаимодействие бизнеса и власти в процессе формирования стратегии экономического развития регионов / О.С. Белокрылова // Проблемы формирования государственных политик в России. М.: Научный эксперт, 2013. - 570с
3. Заболоцкая В. В. Механизм предоставления гарантий в европейском сообществе при кредитовании малого и среднего бизнеса и возможность его адаптации в российской федерации [электронный ресурс] URL:http://www.creditcoop.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=972 (дата обращения 08.05.2015).

УДК 333.338

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ
ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ
MAIN PROBLEMS AND DECISIONS ON IMPROVEMENT
OF DEVELOPMENT OF THE SMALL CITIES**

Алиев О.М., Республика Дагестан, г. Хасавюрт, Филиал Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте, доцент кафедры экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доцент

Aliyev O.M., the Republic of Dagestan, Khasavyurt, Branch of the Dagestan state university in Khasavyurt, docent of the department of economic disciplines, Candidate of Economic Sciences, docent

e-mail: oaom666@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы развития малых городов региона. Предложены первоочередные меры по оздоровлению ситуации и использования опыта Китая в этом вопросе.

Annotation. In article problems of development of the small cities of the region are analyzed. Prime measures for improvement of a situation and use of experience of China in this question are proposed.

Ключевые слова: развитие городов, социально-экономические проблемы, планирование.

Keywords: development of the cities, social and economic problems, planning.

Важнейшим звеном государственной экономической политики на всех этапах развития российского государства было создание новых населенных мест – сел, поселков и городов. Наибольшие результаты в этом направлении были достигнуты в советский период. Тогда за исторически краткий период были созданы тысячи новых населенных мест различного типа в европейской, так и в азиатской России. Подобная политика способствовала росту экономического потенциала государства, обеспечивала социальную стабильность на всей его территории. Полный отказ в 1990-е годы от использования опыта государственного планирования и координации процессов отраслевого и территориального развития, переход к стихии рынка привел к массовому закрытию промышленных и агропромышленных предприятий, особенно в малых городах. Вслед за этим неизбежно сложился серьезный дисбаланс в размещении производительных сил между большими, малыми городами и сельскими поселениями и в возможностях их развития. Негативные процессы, происходящие в территориальной структуре размещения производительных сил страны, вызывают растущую озабоченность. В числе возникших проблем необходимо отметить следующее.

Разрушение экономической базы населенных мест и деиндустриализация страны. В результате экономических реформ 1990-х годов промышленный потенциал России

уменьшился, по разным оценкам, более чем в 2 раза и вызвал исчезновение или деградацию целого ряда отраслей экономики. При этом экономика малых и средних городов пострадала в значительно большей степени, чем в крупных городах в силу их масштаба и многопрофильности.

Показателем ущербности экономических реформ стало «сжатие пространства» (концентрация) экономической активности, которое происходило одновременно как на всей территории Российской Федерации, так и в масштабе отдельных субъектов Федерации. [2]

Массовое сокращение числа малых городских и сельских населенных мест – в результате разрушения реального сектора экономики с карты России за 2 десятилетия исчезло почти 25 тысяч населенных пунктов, прежде всего – сёл и деревень, и даже малых городов, особенно поселки городского типа. С карты России исчезли сотни таких поселений, а в оставшихся – резко обострились практически все их социально-экономические проблемы.

Опустошение периферийных территорий и сжатие пространства экономической активности явилось наиболее ярким показателем ущербности проводимых экономических реформ. Это происходило одновременно как в масштабе территории всей страны, так и в масштабе субъектов Федерации. В первом случае это коснулось северных регионов – Заполярья и Крайнего Севера, а также Забайкалья и Дальнего Востока. Во втором случае – периферийных районов краёв, областей и республик. Происходящая в стране депопуляция обострила проблемы демографического развития, которое тесно связано, прежде всего, с состоянием сельской местности и малых городов как естественно-исторической основы воспроизводства населения. Их разрушение сокращает возможности роста больших городов – опорного каркаса расселения за счет жителей регионов страны.

Развитие широкомасштабной центростремительной миграции трудовых ресурсов. Ситуация в сфере трудовых ресурсов характеризуется массовым оттоком трудоспособного населения из сел и небольших городов в более крупные города и мегаполисы вследствие ликвидации в них рабочих мест и более низкого уровня оплаты труда на сохранившихся предприятиях. Остановка промышленных и сельскохозяйственных предприятий в малых городах способствовала развитию нарастающей безвозвратной и маятниковой трудовой миграции их жителей. По оценкам, в стране число зарабатывающих на жизнь за пределами своего места жительства превышает 20 млн. человек. Периферийным районам страны грозит резкое снижение качества трудовых ресурсов и даже полная их утрата – местное население переходит к самовыживанию в режиме натурального хозяйства. Среди отъезжающих из малых и средних городов возрастает доля лиц молодого возраста. На фоне общего снижения рождаемости, роста смертности жителей небольших городов и поселков это формирует в них нарушенную половозрастную структуру населения с повышенной долей женщин и лиц пожилых возрастов.

Нарастающая концентрация ресурсов развития в больших городах. Период экономических реформ характеризуется нарастающей концентрацией производительных сил в больших городах – Москве и региональных столицах, что выражается, прежде всего, в устойчивом росте численности их населения за счёт жителей сельской местности и малых городов на фоне его сокращения в целом по стране. Уже к 2006 г. города людностью свыше 100 тыс. чел. сосредотачивали более 60% производства промышленной продукции и почти

80% оборота розничной торговли, общественного питания и услуг, половину всего населения страны. На Москву приходится более 21% суммарного ВРП страны, причем за последние годы эта доля увеличилась.

Сокращение сети низовых социально-культурных учреждений. Вслед за разрушением экономической базы российской провинции развернулись процессы свёртывания практически всех видов территориальной инфраструктуры, обеспечивающей развитие небольших городских и сельских населённых мест. За 2005–2010 гг. прекратили существование 12 377 общеобразовательных школ. Большая часть малокомплектных школ на селе и в малых городах России фактически ликвидирована. Уменьшение количества больниц в стране составило 40%, поликлиник – 20%, причем большинство из них – в малых городах и сельской местности. В сельских районах закрываются не только школы, больницы, но и детские сады, фельдшерско-акушерские пункты, учреждения культуры. Основные объёмы финансирования направляются на развитие крупных учреждений социальной сферы в большие города — региональные центры. Внедрение принципа подушевого финансирования учреждений социальной сферы поставило эти учреждения на грань выживания не только в сельской местности, но и в малых городах и ведет к их постепенной ликвидации. [3]

Ликвидация периферийных транспортных структур. Транспортная инфраструктура, связывающая сельскую местность и малые города с областными центрами, не получает должного развития. Действовавшая в советский период система внутрирайонных, внутриобластных и межобластных пассажирских перевозок автомобильного, речного, авиационного и железнодорожного транспорта за годы реформ в процессе приватизации транспортных предприятий была во многом разрушена.

Необеспеченность конституционных прав жителей небольших городских и сельских населенных пунктов. Свертывание сети социальных учреждений в провинции существенно ограничивает возможность их использования. В условиях низкого уровня доходов населения, роста тарифов на транспорт и ухудшающихся транспортных сообщений, это затрудняет осуществление жителями малых и средних городов основных конституционных прав граждан России, таких как право на труд, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование.

Сокращение финансовых возможностей экономического развития небольших населенных мест. Существующее налогово-бюджетное законодательство не создает стимулов для социально-экономического развития муниципальных образований и расширения их собственной налоговой базы. Постоянный рост тарифов на энергоресурсы, связь и транспортные перевозки вырывает небольшие города и возглавляемые ими сельские районы из единой социально-экономической инфраструктуры страны. Российские банки не заинтересованы в кредитовании малых и средних предприятия, которые являются основными субъектами экономики в малых городах. Многие банки сворачивают или уже свернули свое присутствие в небольших городах.

В сложившейся ситуации Правительство Российской Федерации стремится занять позицию стороннего наблюдателя разрушительных процессов в сети малых населенных мест, либо даже ускорить их течение. На разных этапах федеральными органами

исполнительной власти выдвигались концепции «компактной России», концентрации экономических ресурсов в 12 городах – «миллионниках». Отсюда – идеи «сселения» неперспективных моногородов и даже большинства малых и средних городов с населением в 15-20 тыс. чел. жителей ввиду их «экономической неэффективности» в целях ускоренного формирования агломераций на базе крупнейших городов.

Административно-территориальные преобразования последних лет, скорее, препятствуют, чем способствуют развитию многих регионов страны, поскольку направлены в основном на сокращение числа первичных единиц управления, в том числе – путем слияния или присоединения к городским округам. Сохранение существующей системы муниципального управления или создание новых поселений могло бы способствовать стабилизации численности населения и развитию экономической деятельности на многих территориях России. Однако внедрение принципа подушевого финансирования учреждений социальной сферы поставило на грань их выживания не только в сельской местности, но и в малых городах и ведет к их ликвидации. Одновременно реализуется политика безграничного роста населения и территории главного мегаполиса – столицы РФ и концентрации ресурсов на её развитие.

Таким образом можно сделать вывод о разрушительном характере протекающей в стране концентрации людских, финансовых и материальных ресурсов в ряде крупных городов страны. Любые заявления и практические шаги в сторону той или иной формы ликвидации якобы «неперспективных», «неэффективных» и подлежащих сселению малых населенных мест, вне тщательной, независимой социально-экономической экспертизы каждого такого случая в отдельности, носят деконструктивный характер. Подобные идеи наносят существенный ущерб экономической и социальной стабильности в стране и несут в себе потенциальную угрозу ее безопасности. [1]

Мы полагаем, что социально-экономическая эффективность функционирования каждого отдельного населённого пункта может оцениваться только по всей совокупности составляющих факторов и только в рамках целостной отраслевой или территориальной экономической стратегии. [4]

В качестве первоочередных мер мы считаем необходимым:

— разработать и внедрить систему экономических ограничительных мер, предотвращающих дальнейший рост численности населения, концентрацию трудовых, производственных, финансовых и других ресурсов экономического развития в мегаполисах и больших городах – региональных центрах;

— предпринять комплекс мер, исключающих дальнейшее сокращение числа сельских населенных мест, малых городов, поселков городского типа, в том числе – путем слияния или присоединения к городским округам;

— разработать Федеральную целевую программу развития небольших городов и поселков городского типа, используя их в качестве инструмента поддержки сельской местности – с одной стороны, и сдерживания дальнейшего роста мегаполисов и остальных больших городов страны – с другой.

— отказаться от реализации в небольших городах и сельской местности принципа подушевого финансирования систем образования и здравоохранения как не отражающего специфику функционирования социальных учреждений в малых населенных местах;

— осуществить привязку создания 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест к конкретным населённым пунктам страны, с размещением более половины таких рабочих мест в небольших городских и сельских поселениях, в том числе, и в периферийных и слабо освоенных районах страны;

— разработать методические рекомендации по совершенствованию муниципальной статистики до уровня, отвечающего потребностям планирования и прогнозирования всех аспектов развития муниципалитетов всех типов;

В связи с этим интересен опыт Китая по развитию малых городов и территорий вокруг крупных мегаполисов. Города управляют прилегающими районами, которые административно включаются в состав мегаполиса, и их развитие планируется наряду с развитием большого города. В результате в малых городах и поселках будут создаваться новые рабочие места вне сферы АПК. Сначала в промышленности и торговле, затем и в других отраслях. [5]

Такую форму управления можно для начала использовать для преобразования территорий вокруг большинства городов европейской части России, где наиболее высокая плотность населения. В результате мы получим мегаполисы, которые производят промышленную продукцию, являются центрами управления, торговли, культуры, образования. Но при этом также будут развиваться малые города, где выпускают детали, запасные части, вспомогательную продукцию для крупных предприятий, а также сельскохозяйственную продукцию и продукцию кустарных промыслов. Начнут процветать и сельские рынки, на которых будет происходить товарообмен между городом и деревней. Малые города станут центрами пересечения интересов города и деревни, что позволит создать в них дополнительное количество рабочих мест и повысить жизненный уровень местного населения.

Литература

1. Продолжается разработка проекта концепции программы социально-экономического развития малых городов РФ. URL: <http://www.garant.ru/news/>(дата обращения 26.04.16)
2. Проблемы действующего законодательства в сфере развития городских агломераций. URL: <http://economy.gov.ru/mines/planning> (дата обращения 20.03.16)
3. Сбалансированное развитие населенных мест в стратегии пространственного развития России. Всер. НИИ. М., 19.03.2015. URL: <http://smgrf.ru/rekomendatsii-vnprk-sbalansirovannoe-razvitie-naselennyh-mest/>(дата обращения 24.04.16)
4. Алиев О.М. Стратегическое планирование: возможности и решения // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. №19. 2016.
5. Алиев О.М. Опыт Китая по созданию условий для экономического роста // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. №11 (часть 1). 2016.

УДК 338.22

**ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ
НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
TAX POLICY IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE REGION
MACROECONOMIC INDICATORS**

*Воробьева Е.А., Ставрополь, Московский гуманитарно-экономический институт (филиал), доцент кафедры финансов и кредита, кандидат экономических наук, доцент
Vorobyeva E.A., Moscow, Moscow humanitarian-economic Institute, Professor of Finance and credit, candidate of economic Sciences, associate Professor*

e-mail: lencija.ru@mail.ru

*Шаталова О.И., Ставрополь, Северо-Кавказский социальный институт, профессор кафедры финансов, налогов и бухгалтерского учета, доктор экономических наук, доцент
Shatalova O.I., Stavropol, Stavropol branch of Ranepa, Professor of the Department of state, municipal administration and management, doctor of economic Sciences, associate Professor*

e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru

*Снегирева Н.В., Ставрополь, Северо-Кавказский социальный институт, зав. кафедрой финансов, налогов и бухгалтерского учета, кандидат экономических наук, доцент
Snegireva N.V., Stavropol, North-Caucasian Social Institute, Head. Department of Finance, tax and accounting, PhD, Associate Professor*

e-mail: tasya76@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы использования основных инструментов налоговой политики, на макроэкономические показатели развития регионов. Предложены основные направления совершенствования налоговой политики на региональном уровне.

Annotation: the article discusses the use of main instruments of tax policy on macroeconomic indicators of development of regions. The basic directions of improvement of tax policy at the regional level.

Ключевые слова: региональная налоговая политика, валовой региональный продукт, налоговый потенциал региона.

Key words: regional tax policy, gross regional product, tax potential of the region

Наиболее действенным рычагом регулирования социально-экономических процессов на макро и мезо-уровнях является проводимая государством налоговая политика. На макро – уровне основные положения налоговой политики в достаточной степени разработаны и обоснованы, как в теоретическом, так и методологическом аспекте. Здесь наблюдается достаточно высокая централизация налоговых полномочий на федеральном уровне, что является ограничивающим фактором для регионов в самостоятельном формировании финансовых ресурсов и фактически приводит к тому, что регионы не могут достаточно эффективно управлять налоговыми доходами региональных бюджетов. В связи с этим

изучение влияния основных положений налоговой политики на макроэкономические показатели развития региона приобретают особую остроту и актуальность.

Для характеристики различных явление и процессов происходящих в регионе существует множество макроэкономических индикаторов.

Оценку влияния основных положений налоговой политики на макроэкономические индикаторы развития региона предлагается производить в четыре этапа.

На первом этапе необходимо рассмотреть макроэкономические индикаторы развития региона. Для этого, по нашему мнению, следует оценить объем производства и темпы роста валового регионального продукта на мезо- уровне, а так же объем производства ВРП в регионе на душу населения.

На втором этапе целесообразно дать характеристику основным параметрам региональной налоговой политики. Основными показателями налоговой политики на региональном уровне являются объем налоговых поступлений в региональный бюджет и индекс соотношения ВРП и налоговых поступлений в региональный бюджет.

На третьем этапе необходимо разработать макроэкономическую модель, учитывающую взаимосвязь макроэкономических индикаторов развития региона с инструментами проводимой налоговой политики.

На четвертом этапе следует обосновать основные пути улучшения социально-экономического развития субъектов за счет изменения региональной налоговой политики.

Рост налоговых поступлений и повышение уровня собираемости налогов в бюджет является важнейшей задачей региональной налоговой политики. При этом целесообразным является разработка методологического инструментария, позволяющего количественно оценить налоговый потенциал региона с использованием системы макроэкономических показателей. Отсутствие достоверной статистической базы осложняет выбор основных макроэкономических показателей, отражающих потенциальную способность субъектов генерировать налоговые доходы.

Более полно налоговый потенциал регионов отражает такой макроэкономический показатель, как валовой региональный продукт (ВРП), определяемый как суммарная стоимость товаров, работ и услуг, произведенных с использованием экономических ресурсов региона (земли, труда и капитала) за данный период времени, и включающий все доходы, генерируемые внутри региона, независимо от места проживания работников или регистрации предприятий [2].

В связи с тем, что большинство трудоспособного населения региона работают и принимают участие в производстве ВРП того региона, в котором они фактически проживают основной удельный вес в показателе производства ВРП составляют доходы жителей соответствующего региона.

Так же включаются в состав ВРП подлежащие налогообложению доходы нерезидентов в данном регионе. В состав ВРП включаются потраченные туристами на территории региона денежные средства на покупки и гостиничные услуги.

Налоговый потенциал Ставропольского края по показателям производства ВРП увеличился в 2013г. по сравнению с 2012г. на 17,7%, на фоне роста общей суммы налоговых поступлений в бюджетную систему на 3,1%.

Таблица 1 – Динамика показателей налогового потенциала Ставропольского края по показателям производства ВРП за 2012-2013г.

(млрд. руб.)

Показатели	2012	2013	2012 в % к 2013
Валовой внутренний продукт по РФ	66 926,9	71 016,7	106,1
Производство валового регионального продукта в Ставропольском крае	431,8	478,4	110,8
Сумма налоговых поступлений в целом по РФ	10842,2	12214,9	112,67
Эффективная налоговая ставка, %	16,2	17,2	106,2
Налоговый потенциал Ставропольского края	69,9	82,3	117,7
Фактически поступившие платежи в бюджетную систему в Ставропольском крае	91,9	93,9	103,1

При этом необходимо отметить, что сумма фактически поступивших налоговых платежей во все уровни бюджетной системы в Ставропольском крае превышает показатели налогового потенциала региона за рассматриваемый период.

Использование эффективной налоговой ставки и показателей производства ВРП предполагает, что налоговая нагрузка на единицу добавленной стоимости усредняется, и для всех отраслей имеет одинаковое значение. Использование такой оценки налогового потенциала региона является весьма чувствительной к масштабу, в связи с этим регионы ставятся в неравные условия, так как самые большие по производству ВРП регионы имеют больший вес при проведении этой оценки. К достоинствам данной оценки налогового потенциала можно отнести минимальные ошибки при прогнозировании налоговых поступлений, так как суммарно налоговый потенциал по всем регионам будет равен сумме фактически поступивших налогов и сборов. Для планирования поступлений налогов в бюджетную систему данный метод применять целесообразно, однако следует учитывать, что для различных регионов стандартные ошибки и погрешности при расчете налогового потенциала будут не одинаковы. Более точными окажутся расчеты налогового потенциала в экономически более развитых регионах, поэтому данный метод расчета налогового потенциала региона с целью межбюджетного выравнивания является неприемлемым.

Существующие особенности структуры налоговой системы России, так же не позволяют объективно оценить величину налогового потенциала региона с использованием показателей эффективной налоговой ставки и производства ВРП. Самый собираемый налог на прибыль организаций, согласно действующему законодательству уплачивается не по месту осуществления хозяйственной деятельности, а по месту государственной регистрации

организации. Поэтому объективно возникают расхождения между макроэкономическим показателем производства ВРП и суммой фактически собранных налогов на территории региона. В мировой практике при помощи формул, доходы организаций распределяются по всем регионам, где осуществляется хозяйственная деятельность, с учетом местонахождения трудовых ресурсов, производственных мощностей, а так же территориальной структуры продаж.

Для того чтобы преодолеть несоответствие между показателями производства ВРП и реальными налогооблагаемыми ресурсами предлагается использовать макроэкономический показатель совокупных налогооблагаемых ресурсов региона.

Показатель производства валового регионального продукта (ВРП) находится в тесной взаимосвязи с показателем совокупных налогооблагаемых ресурсов (СНР). Так как показатель валового регионального продукта не учитывает особенности влияния межбюджетных трансфертов и некоторых федеральных налогов на налоговый потенциал, в качестве альтернативы, предлагается использовать в оценке налогового потенциала региона показатель совокупных налогооблагаемых ресурсов. Для расчета показателя СНР из ВРП вычитаются федеральные налоги, которые не являются источником доходов региональных и местных бюджетов, а затем прибавляется сумма трансфертов из федерального бюджета хозяйствующим субъектам и физическим лицам (пенсии и пособия по безработице).

В случае возможного использования показателя СНР в России необходимы некоторые преобразования для устранения расхождений между ВРП и совокупным объемом налогооблагаемых ресурсов, связанных со структурой налога на прибыль предприятий [1].

Налоговый потенциал региона более точно отражает показатель СНР, по сравнению с показателем ВРП, однако его применение сдерживает достаточно большая база статистических данных, необходимых для расчета.

В мировой практике для оценки налогового потенциала региона используется разработанная в США экспертной комиссией по межбюджетным отношениям «репрезентативная налоговая система» (РНС). Для расчета налогового потенциала региона с использованием РНС производится суммирование бюджетных платежей, которые представляется возможным собрать с определенной территории в условиях усредненных показателей налогового администрирования, одинаковом составе налогов и их элементов (объектов, субъектов, ставок, льгот, и т.д.). При этом предполагается, что правительства отдельных штатов США могут самостоятельно определять перечень местных налогов и их основные элементы. При использовании в расчете налогового потенциала региона метода РНС необходимо иметь достоверную информацию о фактически собранных налоговых платежах и налоговых базах по всем регионам страны. Для применения этого метода необходимо иметь сведения по всем регионам. Объем фактических поступлений платежей по налогам и сборам по региону является мерилем налогового потенциала региона [4].

Метод оценки налогового потенциала региона с использованием РНС предполагает исследование всех без исключения статей доходов региональных и местных бюджетов, разработку единой системы классификации статей доходов разных территориальных единиц, определение нормативной налоговой базы и средней (репрезентативной) ставки налогообложения. Использование метода РНС дает возможность объективно с высокой

степенью достоверности оценить налоговый потенциал региона. Однако, вследствие использования чрезвычайно большого объема данных, он трудоемок.

В литературе по фискальному федерализму обычно выделяются два основных подхода к расчету налогового потенциала: во-первых, это оценка регионального налогового потенциала на основе метода репрезентативной налоговой системы, и во-вторых, – использование макроэкономических показателей для оценки возможностей субнациональных властей по мобилизации налоговых доходов в собственные бюджеты [3].

В практике работы аналитических отделов налоговых органов обычно для оценки налогового потенциала региона применяют показатели налоговой нагрузки на ВРП и показатели фактически собранных в данном регионе налогов.

Оценка налогового потенциала регионов по показателям фактически собранных налогов на данной территории позволяет сгруппировать регионы по объемам налоговых поступлений. Так называемые регионы-доноры входят в группу с самым высоким налоговым потенциалом. К этой группе относятся следующие регионы: города Москва, Санкт-Петербург, республики Татарстан и Башкортостан, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Московская, Свердловская и Самарская области. Регионы-доноры, численность населения которых составляет 25,8% от всего населения страны обеспечивают около 60% поступлений налогов в бюджетную систему страны.

К самым дотационным регионам России входят субъекты с самыми низкими налоговыми платежами в бюджетную систему. В эту группу относят следующие субъекты: республики Адыгея, Карачаево-Черкессия, Ингушетия, Тува, Еврейская автономная область. Население в этих субъектах составляет 0,3% от всего населения страны, и в бюджетную систему эти регионы перечисляют 0,3% всех налогов и сборов.

В связи с тем что в различные отрасли экономики имеют разный уровень налоговых изъятий суммарный размер налогового потенциала региона зависит от того, насколько представлены на его территории бюджетообразующие отрасли. Для исследования налогового потенциала региона предлагается учитывать отраслевую структуру валового регионального продукта.

Большую часть налоговых платежей в бюджетную систему страны обеспечивают хозяйствующие субъекты работающие в топливной промышленности, машиностроении и металлообработке, а так же в сфере торговли и общественного питания.

Как видно из данных приведенных в таблице 1 для оценки налогового потенциала региона используется эффективная налоговая ставка, рассчитываемая как отношение суммы всех собранных налогов и сборов к величине ВВП. Эта эффективная налоговая ставка усредняет налоговую нагрузку во всех отраслях экономики, поэтому ее применение при расчете налогового потенциала региона не позволяет учесть отраслевые особенности ВРП.

Предложенный вариант расчета налогового потенциала региона, учитывающий отраслевую структуру валового регионального продукта, позволяет объективно оценить на только возможный объем налоговых поступлений в регионе за определенный промежуток времени, но и проследить тенденции развития налоговых отношений в регионе.

На величину налоговой задолженности в регионах так же оказывает влияние отраслевая структура ВРП. Самыми неплатежеспособными в Российской экономики

признаются предприятия аграрного сектора экономики. Поэтому, в тех регионах, в которых ключевым является аграрный сектор проблемы налоговой задолженности стоят особо остро.

Все макроэкономические показатели, оказывающие влияние на региональную налоговую политику, являются слабо регулируемы, так как на их величину оказывает влияние множество факторов. В этой связи формирование активной налогово-бюджетной политики на региональном уровне предполагает:

- Во-первых, нормализацию номинальной налоговой нагрузки на реальный сектор экономики до реалистичной величины. Высокая налоговая нагрузка в экономике будет способствовать росту числа убыточных предприятий и как следствие увеличению налоговой задолженности.

- Во-вторых, на региональном уровне целесообразно провести селективную «налоговую амнистию». Большинство промышленных предприятий-банкротов не могут в силу разных причин расплатиться с накопленной налоговой задолженностью, и практически к этому не стремятся. Жесткие санкционные меры приведут к затормаживанию развития отраслей и фактически не дадут никакой выгоды для регионального бюджета.

- В-третьих, следует взять под контроль не нефтяной сектор экспорта минеральных ресурсов. Если и наводить налоговую дисциплину, то, по-видимому, именно в этом сегменте экономики, так как здесь наблюдается бездарный вывоз природных ресурсов страны без должного пополнения бюджета. На наш взгляд, в данном случае имеет смысл перейти к жесткому ограничению экспорта не нефтяных минеральных ресурсов путем их строгого квотирования. Уже только эта мера может послужить началом к рассасыванию налоговой задолженности.

- В-четвертых, следует осуществить привязку регулирующих действий руководителей регионов к текущим макроэкономическим индикаторам.

К числу приоритетных направлений налоговой политики на региональном уровне следует отнести стимулирующие меры для повышения налоговой культуры хозяйствующих субъектов и населения, создание необходимых условий для роста показателей эффективности налогового администрирования, что приведет к увеличению налогового потенциала на закрепленной территории. Создание эффективной системы налогового администрирования позволит сократить издержки по исполнению налогового законодательства как для государства, так и для граждан.

Увеличить собираемость налогов и сборов в бюджетную систему на макро и мезо – уровнях является основной целью проводимой в стране налоговой реформы. Основными направлениями проводимой налоговой реформы должны стать снижение налоговых ставок, введение новых налоговых льгот, а так же общая либерализация налоговой системы страны.

Литература

1. Айвазов, А. А. Методические подходы к оценке бюджетно-налогового потенциала региона // Аудит и финансовый анализ. – 2009. – Вып. 4. – С. 1-3.
2. Бушманова, И.О. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов [Электронный ресурс] // Евразийский международный научно-аналитический журнал

«Проблемы современной экономики»: электронный журнал. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru>

3. Моисеенко, И.А. К вопросу о методике оценки налогового потенциала // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2010. – Вып. 4 – С. 12-14.

4. Коломиец, А.Л. О понятиях налогового и финансового потенциалов региона [Электронный ресурс] / А.Л. Коломиец, А.Д. Мельник // Журнал «Налоговый вестник» № 12, 1999 г.: Режим доступа: <http://www.nalvest.com/nv-articles/detail.php?ID=3192>

5. Налоговый толковый словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.nalog.freecopy.ru/>

УДК 332.1

**КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ДАГЕСТАНА
THE CONCEPT OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE REGIONAL
INDUSTRIAL COMPLEX OF DAGESTAN**

Исакова М.А., Республика Дагестан, г. Хасавюрт, Филиал Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте, старший преподаватель кафедры экономических дисциплин. Аспирантка заочного обучения Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

*Isakova M.A., Republic of Dagestan, Khasavyurt Branch of Dagestan state University in Khasavyurt, a senior lecturer in economic disciplines. Postgraduate distance learning, Institute of socio-economic research, Dagestan scientific center RAS
e-mail: atia198755@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются стратегические цели, направления и концепция стратегического развития региональной промышленности Дагестана

Abstract: The article discusses the strategic objectives, direction and the concept of strategic development of the regional industry of Dagestan

Ключевые слова: региональная экономика, промышленность, развитие, проблемы, инструменты, стратегия, концепция

Key words: regional Economics, industry, development, problems, tools, strategy, concept

Экономический потенциал и развитие региональной экономики Дагестана определяется в первую очередь уровнем развития и состоянием его промышленности.

Стратегическая цель развития промышленности на региональном уровне это формирование высокотехнологичного, общественно ориентированных промышленных комплексов региона и обеспечение на основе этого активного роста экономики региона и страны, что позволит насытить внутренний рынок товарами и услугами собственного производства.

Для реализации стратегической цели необходимо решить следующие задачи:

- повышение благоприятного инвестиционного климата в отраслях промышленности республики, осуществление структурной перестройки, ввод новых производств, реформирование предприятий;
- стимулирование развития малого предпринимательства;
- повышение количества занятых в промышленности и достижение точки равновесия между спросом и предложением рабочей силы.

Важным направлением должно стать развитие лизинговой деятельности в регионе. Создание лизинга поможет предприятиям выйти из кризиса, в которых отмечается моральный и физический износ основных производственных фондов, а имеющиеся

источники финансирования капитальных вложений не способны обеспечить поддержку производственной базы на нужном уровне.

Для реализации намеченных стратегической цели необходимо:

- a) Наставление ВУЗов республики на улучшение их учебных программ для формирования знаний у учащихся, нужных для инновационного развития, в соответствии с приоритетными направлениями стратегии развития республики.
- b) Завершение к 2025 году работы по введению международных стандартов систем качества, промышленной экологической безопасности;
- c) осуществление мер по финансовому оздоровлению и государственной поддержке предприятий.
- d) обеспечение благоприятных условий для структурной перестройки, реформирования предприятий промышленности и повышения их инвестиционной привлекательности.
- e) обеспечение привлечения средств на техническое переоснащение и реконструкцию предприятий в рамках действующего законодательства.
- f) осуществление мер по предупреждению отрицательных социальных последствий, которые связаны с ликвидацией и реорганизацией предприятий в результате их признания несостоятельными.
- g) осуществление комплекса мер по устранению причин, препятствующих развитию малого предпринимательства и обеспечить необходимые условия для активного роста промышленного производства в этой сфере.
- h) принятие конкретных меры по развитию системы непрерывного профессионального образования, в том числе внутрипроизводственная учёба, расширение возможностей
- i) самообразование и на этой основе обеспечить рациональную структуру занятости населения как основополагающей получения стабильных доходов и повышения благосостояния, достижения сбалансированности предложения и спроса трудовых ресурсов

По мнению автора, для обеспечения развития региональной промышленности необходимо провести такие мероприятия как:

- насыщение внутреннего рынка товарами и услугами собственного производства;
- увеличение производства экспортной и импортозамещающей продукции;
- обеспечение своевременного запуска и вывода на проектные мощности новых производств.

Стратегические установки:

1. Полное использование имеющихся в регионе резервов экономического роста.
2. Борьба с теневой и криминальной составляющей региональной экономики.
3. Наиболее важным условием реализации стратегии является правовое, законодательное обеспечение социально - экономических решений.
4. Формирование инвестиционной привлекательности в республике позволяет привлечь большой круг потенциальных инвесторов в перспективные отрасли промышленности и создать благоприятный инвестиционный климат для инвесторов.

Можно выделить три этапа развития промышленности в региональной экономике Дагестана:

Антикризисный этап (2015-2021 годы). Сохранение и повышение эффективности действующих промышленных производств и областей специализации промышленности РД. Стабилизация имеющегося налогового потенциала, улучшение межбюджетных отношений и их развитие, обеспечение новыми рабочими местами, уменьшение государственных расходов.

Мобилизационный этап (2021-2025 годы). Поэтапная модернизация промышленных предприятий, в результате повысится конкурентоспособность предприятий, сформируются условия для образования промышленно-производственных кластеров, за счет созданного благоприятного инвестиционного климата и различных источников финансирования, увеличатся инвестиционные ресурсы, проведение действенной инвестиционной политики, стабильный экономический рост, создание предпосылок для перехода на следующий этап развития.

Модернизационный этап (2025-2028 годы). Изменение структуры промышленности региона за счет увеличения доли обрабатывающих отраслей. Это период характеризуется активными структурными преобразованиями в области развития высокотехнологичного информационного сектора, модернизацией промышленного комплекса, повышения конкурентоспособности и эффективности промышленного сектора. Модернизация возможна при условии привлечения инвестиционного капитала и создания благоприятных условий для обновления промышленного оборудования. Особенно важно учесть модернизацию промышленного комплекса в части энергетики. Создание энергосберегающих технологий, технологий и оборудования для малой энергетики.

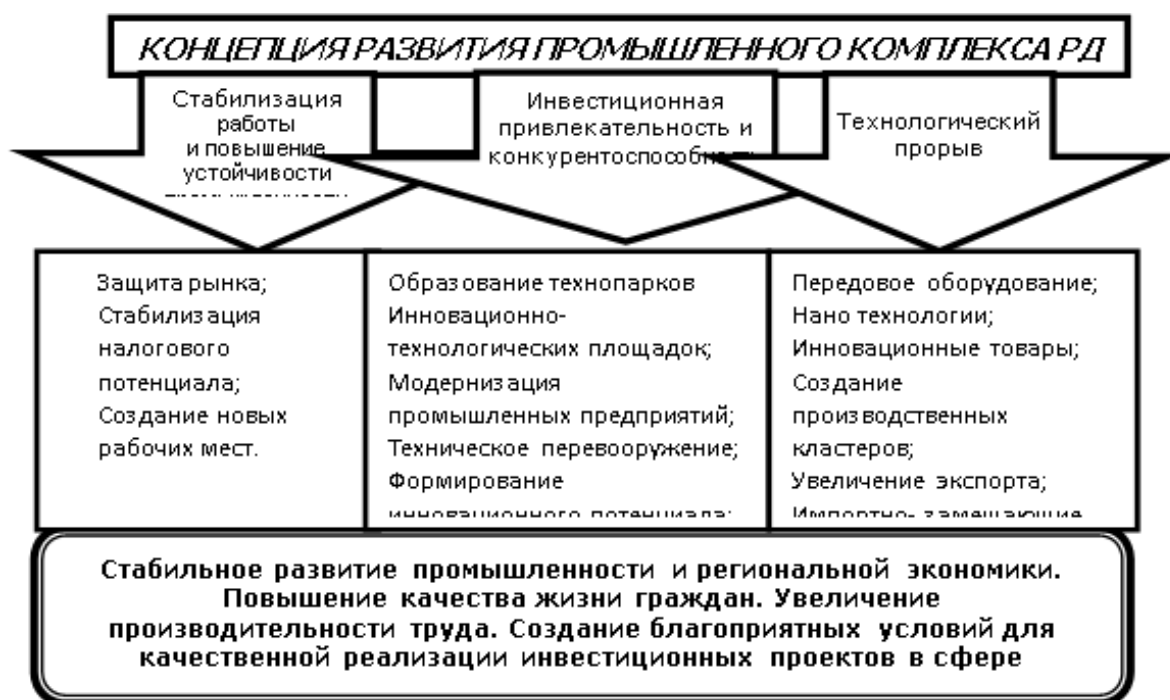


Рис 1- Концепция развития промышленного комплекса Дагестанского региона

Составлено автором

В процессе обновления и модернизации регионального промышленного комплекса необходимо изменить менталитет руководителей и высшего управленческого персонала, на основе использования мирового опыта модернизации промышленности.

Региональная промышленность в ближайшее время столкнется с проблемой наличия квалификационных кадров, в основном рабочих специальностей. В связи с этим предлагается:

1. восстановить структуры подготовки рабочих специальностей с учетом привлечения современных технологий и оборудования в промышленности.
2. ориентировать промышленный комплекс на привлечение трудовых ресурсов из других отраслей хозяйственной деятельности, особенно из сферы торговли и оказания услуг.
3. выступить с инициативой по оказанию государственной поддержке программам подготовки учебных центров подготовки промышленных специалистов в высокотехнологичных областях.

По мнению автора, основные методы механизма, осуществления стратегических программ развития промышленности региона включают:

- экономические, связаны с взаимодействием субъектов промышленных комплексов, посредством системы рыночных инструментов;
- административные, предполагают воздействие на субъекты промышленного комплекса с помощью рычагов государства;
- правовые, регламентирующие взаимодействие субъектов региональных промышленности, за счет изменения законодательной базы.

Все выше предложенное по мнению автора обеспечит стабильное развитие региональной экономики страны в целом, способствует повышению качества жизни граждан, увеличит производительность труда, создаст благоприятные условия для качественной реализации инвестиционных проектов в сфере промышленности экономики региона.

Литература

1. Гулин К.А. Социально-экономическая модернизация России: региональный аспект / К.А. Гулин. — Вологда: Ин-т соц.-эк. развития территорий РАН, 2012.
2. Кинг У., Клиланд Д. Стратегическое планирование и хозяйственная политика. Пер с англ. под общ. ред. КЭН Г.Б. Кочеткова. М:2012.
3. Люкшинов А.Н. Стратегический менеджмент: Учебное пособие для вузов. – М: ЮНИТИ – ДАНА,2012

УДК 339.138:656

**РОЛЬ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ
THE ROLE OF MARKETING ACTIVITIES IN
THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN TRANSPORT SERVICES**

Тагиров Ш.М., Махачкала, Махачкалинский филиал Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), кандидат экономических наук, доцент, Научно-исследовательский институт управления, экономики, политики и социологии, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, старший научный сотрудник,

Tagirov Sh.M., Ph.D., docent Department of Economics and Management MF MADI, senior research assistant, Research Institute of Management, Economics and Sociology SAEI, DGINH.

e-mail: tshamilm@mail.ru

Омаров З.З., Хасавюрт, Дагестанский государственный университет, Хасавюртовский филиал, кафедра Экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доцент

Omarov Z.Z., Khasavyurt, docent, Dagestan State University, Khasavyurt branch of the Department of Economic disciplines, Ph.D.

e-mail: tshamilm@mail.ru

Аннотация. В данной статье проведён обзор транспортной сферы, определено место транспорта в экономике страны, выявлена маркетинговая политика на транспорте, проанализирован российский рынок транспортных услуг.

Annotation. This article provides an overview of the transport sector, defines the place of transport in the economy of the country, revealed marketing policy on transport, analyzed the Russian market of transport services.

Ключевые слова: транспортная сфера; конкурентоспособность; транспортный маркетинг; рынок транспортных услуг.

Keywords: transport sphere; competitiveness; Transport Marketing; transport services market.

Транспортная сфера является одной из стратегически значимых отраслей, связывающей воедино не только экономическое пространство страны, но, и во многом определяя социальную стабильность в обществе и качество жизни населения. Сложившиеся в данной сфере за последние десятилетия системные проблемы (качество управления, износ основных фондов, неразвитая и не отвечающая современным потребностям экономики транспортная инфраструктура), которые и сегодня не решаются в полном объеме, на фоне прогнозируемого возрастания спроса на транспортные услуги грозят отечественным транспортным предприятиям не только потерей конкурентоспособности на мировых рынках,

что в условиях глобализации представляет серьезную угрозу, но – и снижением субъектов отечественного рынка транспортных услуг, что напрямую связано с удовлетворением транспортных потребностей общества и экономики. Другими словами, в современных условиях уровень развития транспортной сферы относится к одним из важнейших факторов конкурентоспособности национальных экономик, что особенно справедливо для такой географически протяженной страны как Россия, расположенной сразу в двух полушариях Земли, - это позволяет ей выстраивать свои экономические отношения со всеми регионами мира без транзитных стран.

Транспорт является одной из важнейших составляющих экономики государства, обеспечивающий её нормальное функционирование и способствующий повышению эффективности общественного производства. Формирование эффективной системы транспортного маркетинга позволяет фирмам обеспечить рост оборота услуг.

Маркетинговая политика транспортного предприятия представляет собой набор правил, которые ориентированы на формирование результативных действий по организации товарной, ценовой, сбытовой, рекламной политик для целей обеспечения и роста прибыли. Отечественные предприятия ориентируются на маркетинговые подходы в бизнесе сравнительно недавно, необходимо ориентирование на опыт зарубежных стран, в управленческой деятельности которых накоплен богатый опыт по маркетинговой деятельности в данной сфере. Однако практика хозяйствования в России свидетельствует о том, что внедрение маркетинга хотя и получает все большее распространение, но в полной мере ещё не используются все формы управления маркетинговой деятельностью, особенно среди малых и средних предприятий, где чаще это делается хаотично, бессистемно, или недостаточно квалифицированными специалистами. Огромная территория, которую занимает наше государство, определила уникальность транспортной системы, характеризующейся развитой транспортной сетью, насчитывающей около 86 тысяч километров железных дорог, более 900 тысяч километров автомобильных магистралей, свыше 600 тысяч километров воздушных линий, более 100 тысяч километров речных судоходных путей и множество морских трасс. Однако, несмотря на это, нынешнее состояние транспортной системы характеризуется низким техническим уровнем производственной базы большинства предприятий и износом подавляющего большинства транспортных средств, а это приводит к снижению безопасности их работы, неразвитости конкуренции на рынке транспортных услуг, а также отсутствию новых инвестиций.

В 2015-16 годах российский рынок транспортных услуг столкнулся с теми же проблемами, что и подавляющее большинство отраслей экономики. Ослабление позиций рубля и снижение покупательной способности населения никак не могут положительно сказаться на объемах продаж, а, следовательно, и на объемах перевозок. Впрочем, несмотря на все негативные моменты, в целом сектор чувствует себя не так и плохо, особенно в регионах, где имеет место быть большая концентрация промышленности и населения.

По подсчётам экспертов, в 2014 году объём рынка транспортно - логистических услуг должен составить порядка 3 трлн рублей, что примерно на 3-5% больше, чем в 2013-м. В эту цифру включена выручка всех видов транспорта за исключением трубопровода. Более 60% оборота обеспечивается небольшими компаниями и индивидуальными предпринимателями.

Вступление России в ВТО, на которое было немало надежд, пока явно не оправдало ожиданий. Прогнозируемые плюсы – прирост торгового обмена, упрощенный доступ на внешние рынки транспортных услуг, увеличение зарубежных инвестиций – на данный момент остаются лишь виртуальными преимуществами. Отечественные компании и так обеспечивают не больше половины перевозок импорта-экспорта, вследствие обострившейся конкуренции их присутствие будет уменьшаться еще больше.

Снижение объемов импорта и производства, а также нестабильность рубля назывались главными проблемами отрасли еще в 2013-м. В нынешнем году из-за известных событий они «засветились» особенно ярко. Стремительное падение национальной валюты серьезно сказалось на ведущих игроках, многие из которых ведут взаиморасчеты в американских долларах. Как показывает анализ рынка транспортных услуг, большинство сегментов сократилось достаточно серьезно.

Введение санкций больно ударило по компаниям, работающим с зарубежными партнерами. Перестройка на «правильные» страны или на внутренние перевозки – процесс, обычно требующий времени и финансовых затрат. Также возникли проблемы у предприятий, сдающих автотранспорт в лизинг. Существенно снизилось количество арендных договоров и, наоборот, выросло количество просроченных платежей. Прилично «попали» и многие арендаторы.

Еще один очень важный момент – засилье бюрократии. Этот вопрос является большим даже для ЕС, представители которого говорят о необходимости упрощать все таможенные процедуры. Что тогда говорить о России, где на формализм, как правило, накладывается еще и беспредел чиновников. Крайне сомнительно, что в ближайшие несколько лет ситуация здесь может сильно улучшиться.

Все существующие проблемы в транспортной сфере, влияют на экономическое развитие страны в целом, понижая уровень её конкурентоспособности. Маркетинг транспортных услуг — это комплекс действий, благодаря которым услуги компаний доходят до клиентов. «Транспортный маркетинг (маркетинг транспортных услуг) — это совокупность мероприятий, направленных на эффективное удовлетворение потребностей потребителей в транспортных услугах, а также в смежных услугах, обеспечивающих повышение качества основной услуги. Это деятельность, направленная на продвижение транспортных услуг на рынок». [5] К функциям транспортного маркетинга можно отнести комплексное изучение транспортного рынка; планирование и прогнозирование ассортимента продукции, работ и услуг транспортных компаний с учётом имеющихся перспективных ресурсов; разработка тарифной политики транспортной компании; управление маркетинговой деятельностью транспортных компаний, оценка её эффективности, контроль и реагирование на изменение конъюнктуры рынка и др. Основными принципами транспортного маркетинга являются: ориентация на интересы пользователей, на конечный результат, постоянное обновление технических средств и повышение качества транспортного обслуживания пользователей транспорта. Главные цели маркетинга на транспорте:

– привлечение дополнительных объёмов перевозок;

- создание условий, при которых у потенциальных пассажиров и грузовладельцев отсутствовали бы проблемы с заказом транспортных услуг нужного им качества;
- обеспечение финансово-экономической стабильности.

При осуществлении маркетинга транспортных услуг, стоит учитывать такие факторы как:

- реальность данных;
- возможность их проверки (доступно для водного транспорта);
- доступность потребителям.

Неважная экономическая ситуация в стране – это в любом случае очень плохо, однако, как пел один киношный персонаж, «всегда смотри на светлую сторону жизни». Даже в нынешних реалиях можно отыскать несколько положительных моментов для отрасли. Во-первых, рост курса доллара способствует политике импортозамещения, а, значит, стоит ожидать увеличения перевозок внутри страны.

Во-вторых, многие игроки рынка транспортно логистических услуг наверняка обратят более пристальное внимание на регионы. Москва, Санкт-Петербург и прочие отечественные мегаполисы тоже пока далеко не идеал в плане насыщенности подобными услугами, но ситуация там относительно сбалансирована и уравновешена. В регионах же инфраструктура перевозок, как правило, находится далеко не в лучшем состоянии. Возможности здесь таятся поистине огромные, чем обязательно нужно пользоваться.

Изучение транспортного рынка осуществляется с помощью наблюдений, анкетных исследований, анализа отчётных и прогнозных материалов, телефонных интервью и т. д. Под маркетинговой информацией принято понимать набор сведений, количественных и качественных характеристик того или иного товарного продукта компании. [3] Маркетинговая информация базируется на основных принципах, к которым можно отнести следующие:

- необходимость обеспечения актуальной информации на момент разработки программы маркетинга;
- необходимость обеспечения адекватности информации на момент разработки программы маркетинга;
- необходимость обеспечения релевантности информации на момент разработки программы маркетинга, т.е. информация должна отвечать основным задачам маркетингового исследования;
- необходимость обеспечения полноты информации на момент разработки программы маркетинга. Сбор маркетинговой информации для компании, оказывающей транспортные услуги – один из наиболее важных этапов всего маркетингового исследования, определяющий его качество и результативность. Любая деятельность компаний, которые оказывают не только транспортные услуги, осуществляется под влиянием окружающей среды, которую называют маркетинговой средой. Маркетинговая среда компании представляет собой совокупность внешней и внутренней среды окружающих её. К внешней среде относятся факторы, которые оказывают влияние на компанию за её пределами. Внешняя среда в свою очередь разделяется на микросреду и макросреду. В микросреду фирмы включаются взаимоотношения компании с поставщиками, посредниками, клиентами и конкурентами. Макросреда компании представлена более общими факторами, к которым

относятся факторы демографического, экономического, природного, политического, технического и культурного характера. Внутренняя среда компании показывает её потенциал и маркетинговые возможности. Внутренняя среда это те элементы и характеристики, которые находятся внутри самой компании:

- основные фонды компании;
- навыки и компетенция руководства;
- квалификация и состав персонала;
- финансовые возможности компании;
- имидж компании;
- использование технологии;

– опыт работы компании на рынке. Для продвижения услуг, в том числе и транспортных, компании используют комплекс маркетинга. Комплекс маркетинга (маркетинг-микс) — набор инструментов маркетинга, с помощью которых предприятие воздействует на спрос и позволяющих наилучшим образом удовлетворить потребности потребителей. Рынок транспортных услуг является дифференцируемым в силу большого количества вида транспорта и услуг. Именно поэтому в маркетинг-микс должна входить такая составляющая как сегментация рынка. К традиционным 4Р комплекса маркетинга в сфере транспортных услуг могут быть добавлены еще 3Р: process, people, physique vidence. Process можно рассматривать как контроль над совершением бизнес-процессов. People – это потребители (клиенты), конкуренты, поставщики, посредники и другие субъекты, которые взаимодействуют на рынке транспортных услуг. «Physicalevidence» подразумевает создание определённой атмосферы обслуживания, которая предусматривает восприятие материальной среды не только потребителями, но ещё и персоналом, поскольку как мы уже говорили выше, услуга неотделима от источника. В зависимости от выбора сегмента, услуги, а так же ситуации на рынке транспортных услуг стратегия продвижения будет меняться. В рамках сформированной системы транспортного маркетинга немаловажен анализ спроса на транспортную услугу. На рисунке 1 представлена методика анализа спроса на продукцию транспортной компании:

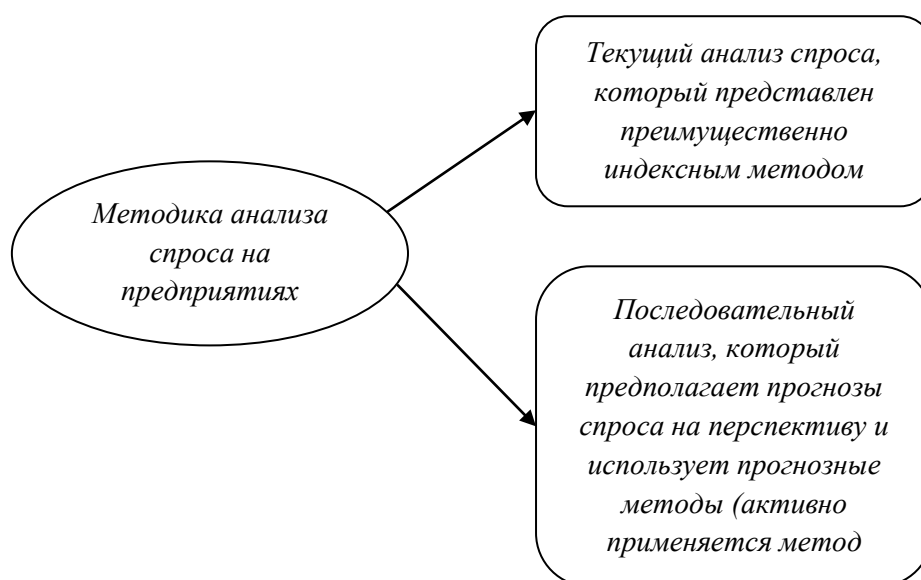


Рисунок 1. Методика анализа спроса транспортной компании

В наше время продвижение в сфере услуг осложнено многими факторами. В целях осуществления эффективной деятельности транспортная компания должна использовать различные инструменты продвижения:

- маркетинговые коммуникации;
- расширение списка предоставляемых услуг;
- снижение транспортных тарифов;
- бенчмаркинг;
- Интернет-маркетинг;
- аудит качества обслуживания.

Анализ спроса предполагает оценку предпочтений потребителей на рынке транспортных услуг за определённый период. При этом, анализ спроса должен основываться на поведении потребителей на рынке. Стадии принятия решений о покупке потребителя на рынке транспортных услуг рассмотрены на рисунке 2.

Совершенствование эффективной системы маркетинга важно для предприятий, оказывающих транспортные услуги. Качественная и социальная составляющая маркетинга в управлении огромная - она приводит к высоко прибыльной ритмичной деятельности субъектов хозяйствования. В этих условиях управление маркетинговой деятельностью для компаний, имеющих цель не только получить прибыль сегодня, но и быть более конкурентоспособными, важно, как никогда раньше.

По мнению экспертов, в 2015 году основная масса клиентов рынка транспортных услуг будет проводить политику оптимизации затрат, которая коснется и расходов на логистику.

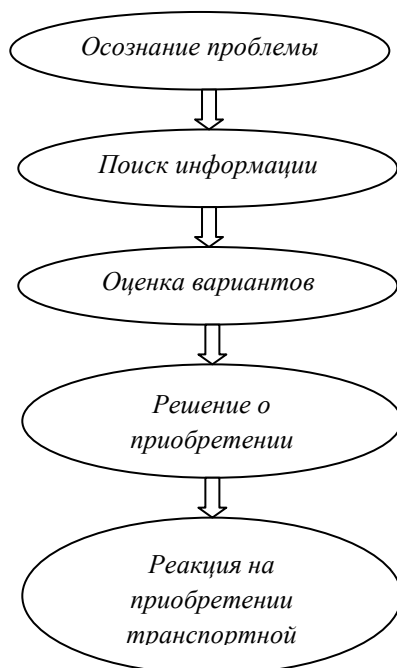


Рисунок 2. Стадии принятия решений о покупке потребителя на рынке транспортных услуг [4].

Некоторые мелкие перевозчики, скорее всего, уйдут. Лучше всего себя будут чувствовать компании в свое время уделившие достаточное внимание диверсификации бизнеса.

Очевиден высочайший потенциал отрасли. Анализ рынка транспортных услуг показывает, что по сравнению с большинством развитых европейских и азиатских стран, возможности сектора задействуются крайне неэффективно. Заказчики все больше обращают внимание на компании, предлагающие креативные решения. Чтобы дать им это операторы должны обладать соответствующей компетенцией. Улучшить результативность бизнеса может помочь положительный опыт зарубежных государств.

В настоящее время в секторе наблюдается рост конкуренции, что способствует не только улучшению качества работы, а и снижению цен. Такое положение дел, конечно, не может не радовать заказчиков, но наверняка они предпочли бы обменять подобную экономию на стабилизацию общей финансовой ситуации в стране, чего всем и желаем.

Текущая экономическая ситуация в стране негативно сказывается на развитии практически всех отраслей. Не исключением является и рынок транспортно-логистических услуг. Повсеместное падение объемов продаж не может не ощущаться и, естественно, что в таких условиях рассчитывать на привлечение существенных инвестиций в сектор в ближайшее время не приходится.

Практически во всех сегментах рынка логистических услуг ощущается серьезное замедление, однако в целом положение дел остается достаточно стабильным. Относительное благополучие можно объяснить тем, что большинство крупных производителей и ритейлеров, как правило, планируют деятельность на год вперед и провайдеры в основном пока продолжают работать в установленном режиме.

Отдельно нужно сказать о складских операторах. В наиболее сложном положении сегодня находятся те, кто арендовал свои площадки в евро или долларах. Благодаря нестабильности национальной валюты они уже вынуждены будут заплатить в полтора раза больше, если заключили договор в начале года. В любом случае стоимость аренды будет расти и здесь дополнительное конкурентное преимущество получают компании, у которых есть свои складские территории.

В 2015-м инерционное движение закончится, и на рынке логистических услуг наступят «суровые будни». Чего стоит ожидать в нынешней ситуации? Прежде всего, консолидации – многие мелкие игроки уйдут или окончательно, или под крыло крупных компаний. Клиентов станут активно привлекать всевозможными скидками, бонусами и акциями. Наверняка намного больше внимания будет уделяться сегменту онлайн-продаж.

В условиях усиления конкуренции на рынке транспортно-логистических услуг заметно возрастет значение сервиса. Не секрет, что в целом организация перевозок в России существенно проигрывает в сравнении с Китаем и США – странами, имеющими схожую географическую структуру. Повышение эффективности в этом направлении может стать очень серьезным преимуществом. Оптимизация бизнес-процессов уже в ближайшем будущем станет одним из основных трендов.

Существенное охлаждение отношений с Западом может дать серьезный толчок в развитии импортозамещения. Это означает увеличение количества перевозок внутри страны.

В таком случае ряд организаций, специализирующихся сегодня на импорте и экспорте, переориентируются исключительно на внутренний рынок логистических услуг.

По-прежнему актуальной для перевозчиков остается проблема несовершенства законодательства. Многочисленные попытки внести изменения, которые существенно облегчили бы жизнь большинству игроков отрасли, пока проваливаются. В настоящее время сложилась поистине уникальная ситуация: в стране, являющейся участником международных конвенций, внутренние операции осуществляются в соответствии с одним регламентом, а внешние – с другим.

Согласно Гражданскому кодексу, предусматривается наличие закона о смешанных перевозках, в котором прописывались бы все требования к осуществляющим их операторам. На самом же деле подобного норматива до сих пор не существует. Вообще, законодательство, регламентирующее рынок логистических услуг в вопросах транспортно-экспедиционной деятельности, порой отличается крайней противоречивостью. К сожалению, государство пока вяло реагирует на эту проблему.

Если говорить о перспективах отрасли в целом, то нельзя не отметить, что очень слабо задействуется потенциал регионов. Наиболее развита инфраструктура в Москве и Московской области, которые являются безоговорочными лидерами по количеству компаний и объемам операций. Относительно неплохо обстоят дела в Ленинградской, Свердловской, Новосибирской и Самарской областях.

Все остальные регионы заметно отстают, хотя в последние годы ситуация стала меняться в лучшую сторону. Способствуют развитию рынка логистических услуг на периферии крупные организации, многие из которых с целью оптимизации расходов переносят свои производственные площадки подальше от традиционных центров. По финансовым причинам процесс освоения «глубинки» сегодня несколько замедлился, но будущее именно за региональными структурами.

Как бы ни ухудшалась экономика в дальнейшем, отрасль будет продолжать работать и развиваться. Данный кризис является далеко не первым и, скорее всего, не последним, поэтому какого-то особого коллапса в секторе ожидать не стоит. Большинство игроков продолжают сохранять умеренный оптимизм, хотя, конечно, хорошего пока мало. Чем быстрее стабилизируется ситуация в стране и на международной арене, тем скорее сектор возвратится в колею динамичного развития.

Литература

1. *Будрин А.Г.*, Конкурентные партнёрские отношения между предприятиями в кластерных образованиях. Монография./ Божук С.Г., Тагиров Ш.М. - Санкт-Петербург, СПбГИУ, 2010. – 256с.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 №60-ФЗ (ред. от 14.10.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.01.2015) // "Собрание законодательства РФ", 24.03.1997, N 12, ст. 1383
3. *Гурин, С.В.* Технологическая фирма: менеджмент и маркетинг / С.В. Гурин. - Киев «Илиада», 2011-394с.
4. *Морозова И.А.*, Кластерно-маркетинговый подход к управлению конкурентоспособным

рыночным поведением транспортных предприятий. Монография. / Тагиров Ш.М. - Махачкала, МФ МАДИ, 2013. – 202с.

5. *Морозова И.А.*, Методология управления конкурентоспособным рыночным поведением транспортных предприятий. Монография. / Тагиров Ш.М.- Махачкала, МФ МАДИ, 2014. – 180с.

6. *Никиточкин, Р.Ю.* Экономика / Р.Ю. Ниточкин. - М.: АСТ, 2011- 669 с.

7. Официальный сайт Федеральная служба государственной статистики, Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения 14.10.2014 г.)

8. *Тагиров Ш.М.* Системное управление конкурентоспособным рыночным поведением предприятия. Монография - Махачкала, МФ МАДИ (ГТУ), 2007. – 220с.

9. *Тультаев, Т.А.* Маркетинг товаров и услуг: учебно-практическое пособие / Т.А. Тультаев. – М.: ЕАОИ, 2011. – 318 с

УДК 331.57

**БЕЗРАБОТИЦА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ
UNEMPLOYMENT IN RUSSIA: SOCIALLY – ECONOMIC CONSEQUENCES
AND WAYS OF ITS REDUCING**

*Магомедов М.А., Хасавюрт, Дагестанский государственный университет, доцент
кафедры экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доцент*

*Magomedov M.A., Khasavyurt, Dagestan state university, docent of economic disciplines,
Candidate of Economic Sciences, docent*

e-mail: zagid1962@mail.ru

Аннотация: В статье вкратце характеризуются современное состояние и особенности безработицы в России, рассмотрены методы преодоления безработицы, ссылаясь на «антикризисную программу» Правительства РФ.

Annotation: In article the current state and features of unemployment in Russia in brief are characterized, methods of overcoming unemployment are considered, referring to "the anti-recessionary program" of the Government of the Russian Federation.

Ключевые слова: экономический кризис, проблемы реформирования, циклическая безработица, экономические последствия безработицы, дифференциация доходов.

Keywords: economic crisis, reforming problems, cyclical unemployment, economic consequences of unemployment, differentiation of the income.

Безработица – это явление социально-экономического характера, с которым сталкивается любое практически все государства. Экономический кризис в России, начавшийся в 2014 году, обострил множество важных проблем, в том числе и проблем в сфере занятости.

По данным Росстата, уровень безработицы в России начиная с 2011 года по настоящее время неуклонно растет - с 5,6% в 2011 году до 7,6% в 2014 году [3]. В конце января 2015 г. в службах занятости было зарегистрировано 1609 тыс. человек.

Согласно данным Росстата, в России в настоящее время проживает 26 млн., человек, не зарегистрированных в качестве безработных, но при этом не имеющих официального места работы. Эта категория граждан просто находится вне пределов рынка труда. Источник существования этих людей – продукты с приусадебных участков и огородов, случайные заработки и социальные пособия родителей и детей. В результате данная проблема влечет за собой большие проблемы социального характера. По этой причине резкий скачок уровня безработицы в 2016 году является одной из актуальных проблем нашего общества [3].

Безработица представляет собой вынужденную незанятость рабочей силы, возникающую вследствие постоянно нарушаемого равновесия между спросом и предложением на рынке труда. Можно выделить такие современные ее виды, как добровольная (фрикционная), структурная, циклическая, технологическая, сезонная, скрытая и

другие. В силу различных факторов уровень официальной безработицы далеко не всегда соответствует действительности, ведь скрытая незанятость (а в эту категорию также относятся сельские жители с перенаселенных регионов) по своим масштабам намного превышает все прочие виды. В то же время официальная статистика не учитывает в числе нетрудоустроенных тех граждан, которые перестали искать работу (не становятся на учет на бирже труда), а также тех, кто вообще не желает работать (таких людей в крупных странах развитого рынка около 1-2 миллионов). Для официальной статистики эти люди просто не существуют. Все это влияет на существенное занижение уровня безработицы.

Высокий уровень безработицы в обществе ведет к деформации устоявшегося экономического уклада, ухудшению финансового положения, невозможности вести привычный образ жизни. Она ведет к деградации личности, разрушению уровня социальной стабильности.

Безработица, являясь категорией социального характера, приводит к бедности, а в случае неприятия специальных социальных мер со стороны государства – к обнищанию населения. Необходимо учитывать и тот факт, что возможность для большинства людей работа до недавнего времени была не только источником дохода, сколько предметом социальной гордости, чести и достоинства. Возможность обеспечивать себя и своих близких – мощный фактор мотивации человека на повышение эффективности своей трудовой деятельности, а, следовательно, на увеличение производительности труда в целом в государстве.

В сознании большинства населения высокий уровень безработицы связан с проводимыми экономическими реформами. Именно по этой причине безработица становится фактором, ведущим к неприятию экономических преобразований и трансформации общества. Безработица, ведущая к бездеятельности, становится причиной выхолащивания духовной составляющей личности. Она неразрывно связана с депрессивным, подавленным и угнетенным состоянием.

Безработный гражданин теряет постоянный и регулярно получаемый источник существования. В таких условиях безработный не имеет возможности создавать денежные накопления, тратить их на приобретение необходимых продуктов. Таким образом, снижается внутреннее и спрос, из-за которого страдает вся экономическая система государства. Это в еще большей степени приводит к значительной дифференциации и стратификации населения [1].

Указанные обстоятельства ведут к упадку нравственных начал поведения гражданина. Развиваются такие черты характера, как раздражительность, чёрствость, злость, безразличие, социальная индифферентность и инертность.

Все эти обстоятельства подавляют нравственные начала поведения человека. Убивается инициативность, порождается неуверенность в своих силах, снижается гражданский и трудовой потенциал.

Указанными социально-экономическими последствиями не ограничиваются роль безработицы. Нередко она выступает фактором, ведущим к более серьезным последствиям для общества в виде миграции наиболее трудоспособного и талантливого населения. Наиболее чувствительными сферами, безработица в которых ведет к значительным

изменениям в социальной структуре общества, являются наука, образование, информационно-техническая сфера, обрабатывающая промышленность.

Таким образом, такие условия ведут к дисквалификации, переквалификации и эмиграции работников. Но рано или поздно наступает стадия оживления и подъема экономики государства, вследствие чего произойдет рост спроса на работников интеллектуальной и технической сферы, удовлетворить этот спрос будет невозможно. Это, в свою очередь, приведет к отставанию экономического развития России, упадку многих сфер экономики и глубокой социальной-экономической дестабилизации.

Необходимо отметить, что безработица кроме отрицательных последствий социально-экономического характера имеет и положительные моменты. Безработица является явлением, обуславливающим нормальное и бесперебойное функционирование экономики. Этим обеспечивается формирование резерва рабочей силы как одного из важных факторов развития рыночной экономики, предъявляющей постоянный спрос на труд [1].

Вследствие наличия безработицы происходит необходимое экономике перераспределение кадров, которые обеспечивают производство тех продуктов и услуг, которые пользуются большим спросом.

Весьма многообразны и неоднозначны и экономические последствия безработицы. В экономической литературе исследованы не все аспекты этой многообразной проблемы. В первую очередь внимание уделяется экономическим потерям, к которым относятся пособия по безработице, расходы предприятий и государства на переподготовку работников, снижение доходов лиц, ставших безработными, и т.п. [1].

Кроме этого, учитывается также объем потенциальной продукции, которая могла быть произведена безработными, снижение налоговых доходов вследствие сокращения их выплат. Говоря при этом об издержках и потерях безработицы, учитывает уровень национальной экономики. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что безработица является весьма сложным и многомерным явлением, последствия которого оказывают влияние не только на все уровни социально-экономической жизни общества, но и на каждого участника экономического процесса. В связи с этим при решении проблемы экономических потерь от безработицы выделяют уровни их оценки.

Выделение уровней оценки потерь от безработицы позволяет проводить более конкретный и точный анализ ее экономических последствий.

Уровневый подход оценки потерь от безработицы позволяет осуществить более конкретный и адресный анализ ее экономических последствий. В основу этого подхода положен так называемый закон А. Оукена. Данный закон имеет две стороны: одна показывает, к какому экономическому росту нужно стремиться для решения проблемы безработицы, другая выражает количественную зависимость изменения уровня безработицы и производства ВВП [1].

Большое значение представляет расчет уровня безработицы. Эта величина рассчитывается для определения объема потерянному для национальной экономики внутреннего продукта в связи с ней. Для экономистов закон Оукена выражает отставание фактического объема ВВП от его потенциального значения. Американскому ученому А. Оукену удалось доказать наличие соотношения между объемом совокупного продукта и

уровнем безработицы. Это соотношение получило название закон Оукена. Согласно этому закону, объем национального продукта находится в обратно пропорциональной зависимости от количества нетрудоустроенных людей в стране. При росте безработицы на 1 % значение реального ВВП уменьшается минимум на 2%. Поскольку естественная безработица неминуема и носит постоянный характер, для расчета отставания объема национального продукта учитывают только избыточную незанятость. Этот последний вид, к слову, на сегодняшний день свойственен для более развитых стран.

Для оценки уровня естественной безработицы принято брать величину, равную 6% от общего числа трудоспособных людей. Ранее, около 30-35 лет назад, он определялся в 3%, что говорит о том, что мобильность рабочей силы возросла (это приводит к росту добровольной безработицы) а темп НТП ускорился (это увеличивает структурную незанятость). В наше время совокупный уровень безработицы, как правило, превышает естественный уровень, что, согласно закону Оукена, ведет к потере части ВВП рыночных стран.

В тоже время закон Оукена демонстрирует и обратную зависимость. Суть ее в том, что при условии ежегодного прироста национального продукта минимум на 2,7% число нетрудоустроенных людей будет неизменным и не станет превышать естественного значения. Таким образом, если макроэкономическим параметрам не удастся преодолеть трехпроцентный барьер, безработица в стране растет.

Стоит отметить, что закон Оукена не является строгим правилом, которое непременно выполняется при любых обстоятельствах. Это, скорее, тенденция, имеющая для каждой страны и периода времени свои ограничения. Рост безработицы имеет следующие негативные последствия: происходит недоиспользование, обесценивание трудового потенциала страны, качество жизни ухудшается, усиливается давление на величину заработной платы, растут расходы общества на смену профориентации или восстановление профессионального статуса, растет число правонарушений.

Безработица, ее рост и застойный характер дают понять работнику, что его специальность, знания, профессиональные навыки не соответствуют требованиям рынка труда, устарели и требуют переквалификации. Все это способствует тому, что гражданин будет мотивирован к постоянному повышению профессионального мастерства.

Для определенных категорий граждан безработица может стать «толчком» и мотивом для освоения новой профессии, как часто и происходит в сегодняшней России. Она побуждает человека активно повышать свой образовательный уровень, получать знания по разным профессиям [4].

Основными факторами, влияющими на показатель безработицы, являются следующие: - организационно-экономические – состояние инфраструктуры рынка труда, смена организационных и правовых форм организаций и предприятий, приватизация, структурные изменения в экономике; - экономические – уровень инфляции и цен, норма накопления, состояние, в котором находится инвестиционная активность, финансово-кредитная система и национальное производство; - технико-экономические – темп НТП, соотношение предложения и спроса в разных сферах рынка труда, структурные изменения в экономике; - демографические – показатель рождаемости, смертности, возрастной и половой

структуры населения, продолжительности жизни, направления и объемы миграционных потоков.

Позитивным результатом существования безработицы на уровне страны (при условии, что уровень безработицы не превышает ее естественного уровня в разы) является тот факт, что безработица - одно из условий нормального, бесперебойного функционирования экономики, обеспечивающая формирование резерва рабочей силы как важнейшего фактора развития рыночной экономики.

Это обусловлено, в частности, и необходимостью ввода в действие новых объектов хозяйственной деятельности. Их комплектование кадрами не может быть обеспечено только за счет естественного прироста экономически активного населения.

В то же время действующее производство систематически предъявляет спрос на дополнительную рабочую силу и в связи с необходимостью пополнения естественной убыли, и в связи с так называемой текучестью кадров. Удовлетворить его в условиях современного рыночного механизма оказывается возможным лишь за счет резервирования рабочей силы, поскольку многие из уволенных работников нуждаются в переподготовке, повышении квалификации. Осуществить это в целом ряде случаев возможно только с отрывом от производства.

Безработица обеспечивает необходимое производству перераспределение кадров, их сосредоточение в тех видах деятельности, которые сегодня нужны потребителям. Правда, такие переливы кадров не всегда проходят безболезненно для отдельного человека. И здесь весьма велика роль государства, которое должно смягчить негативную сторону этих, в целом позитивных для производства и населения, процессов.

Литература

1. *Адамчук, В.В.*, Экономика и социология труда: Учебник для вузов/ *Ромашов О.В., Сорокина М.Е.* . - М.: ЮНИТИ, 2014. - 407 с.
2. Занятость и безработица в Российской Федерации в феврале 2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/ISSWWW.exe/Stg/d05/54.htm
3. Проблема безработицы в России и пути ее решения // Евразийский юридический журнал // [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7431:2015-06-09-06-37-19&catid=165:2010-09-14-09-21-23
4. *Чернышева, Н.И.* Пути решения проблемы молодежной безработицы в современном обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/puti-resheniya-problemy-molodezhnoy-bezrobotitsy-v-sovremennom-obschestve>

УДК 658.5

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УЧЕТА ЗАТРАТ ОРГАНИЗАЦИИ
STRATEGIC ASPECT OF THE ACCOUNTING OF EXPENSES
OF THE ORGANIZATION**

Татарина М.Н., Ставрополь, Ставропольский государственный аграрный университет, доцент кафедры бухгалтерского управленческого учета, кандидат экономических наук, доцент

*Tatarinova M.N., Stavropol, Stavropol state agricultural university, associate professor of accounting managerial accounting, Candidate of Economic Sciences, associate professor
e-mail: vetrovamn@yandex.ru*

Гришанова С.В., Ставрополь, Ставропольский государственный аграрный университет, доцент кафедры бухгалтерского управленческого учета, кандидат экономических наук

*Grishanova S.V., Stavropol, Stavropol state agricultural university, associate professor of accounting managerial accounting, Candidate of Economic Sciences
e-mail: kutarovasv@mail.ru*

Башкатова Т.А., Ставрополь, Ставропольский государственный аграрный университет, доцент кафедры экономического анализа и аудита, кандидат экономических наук

*Bashkatova T.A., Stavropol, Stavropol state agricultural university, associate professor of the economic analysis and audit, Candidate of Economic Sciences
e-mail: bashkatovata@yandex.ru*

Аннотация: Рассмотрены стратегические аспекты учета затрат организации являющиеся основой прогнозирования развития производственной деятельности.

Annotation: The strategic aspects of the cost accounting of the organization which are a basis of forecasting of development of productive activity are considered.

Ключевые слова: учет затрат, стратегия производственной деятельности, анализ безубыточности.

Key words: cost accounting, strategy of productive activity, breakeven analysis.

В настоящее время современные условия бизнес-среды требуют от экономических субъектов разработки новых методик управления, которые будут эффективны для постоянно изменяющейся конъюнктуры рынка.

Основные показатели, которые можно использовать для прогнозирования развития организации – это маржинальный доход, операционный рычаг, производственный леверидж. Именно они помогают выбрать оптимальную стратегию в управлении прибылью, затратами.

Напрямую прослеживается взаимосвязь в том, что любое изменение объема реализации вызывает еще более сильное изменение прибыли. Эта зависимость называется эффектом производственного левериджа или же силой воздействия операционного рычага [2].

$$\frac{\text{Маржинальная прибыль}}{\text{Прибыль}} = \frac{\text{Выручка} - \text{Переменные затраты}}{\text{Прибыль}} = \frac{\text{Прибыль} + \text{Постоянные затраты}}{\text{Прибыль}}$$

С помощью силы операционного рычага выявляется математическая зависимость: если прибыль равна 0, сила операционного рычага стремится к бесконечности: даже самые слабые колебания объема производства вокруг критической точки вызывают сильные относительные колебания прибыли.

Сила операционного рычага показывает, насколько процентов изменится прибыль при изменении выручки на один процент.

При этом возможны пять основных стратегий управления затратами организации [1]:

1. Увеличение цены реализации.
2. Снижение переменных затрат.
3. Снижение постоянных затрат.
4. Увеличение объема производства и реализации.
5. Сочетание любых перечисленных стратегий.

На практике выбор той или иной стратегии зависит от соотношения между тремя важнейшими экономическими показателями: «издержки – объем производства – прибыль», получившее название анализа безубыточности.

В практическом применении, особенно на российских предприятиях, анализ безубыточности фактически не используется. На наш взгляд анализ безубыточности является неотъемлемой частью управленческого учета и позволяет изучить зависимость прибыли от небольшого круга наиболее важных факторов и на основе этого управлять процессом формирования величины прибыли.

Для целей проведения анализа безубыточности различные авторы выделяют разные подходы к его осуществлению. Однако, изучив литературу, мы можем убедиться, что суть расчета однозначна [4,5,6].

Согласно одной методика анализ безубыточности основывается на выделении маржинального анализа и операционного. В качестве расчетных коэффициентов первого выделяют – маржинальный доход, операционного – операционный рычаг, порог рентабельности, запас финансовой прочности [7].

Сторонников другого подхода не разграничивают проведения анализа, а просто выделяют его ключевые элементы – точка безубыточности, сила воздействия операционного рычага, запас финансовой прочности, эффект финансового рычага [8].

Однако едино мнение, что практическая значимость анализа в целевом планировании прибыли и управлении затратами, так как анализ позволяет оценить сравнительную прибыльность отдельных видов продукции, установить запас «прочности» предприятия в его текущем состоянии и спланировать объем реализации продукции, который обеспечивает желаемое значение прибыли.

В таблице 1 приведем необходимые данные для расчета точки безубыточности производства условной продукции.

Таблица 1 – Размеры производства организации

Показатели	Товар А	Товар С
Объем продаж, шт.	150	18
Продажная цена за 1 шт. (цена единицы продукции), тыс. руб.	11,3	27,3
Выручка от продажи, тыс. руб.	1695	491
Переменные расходы на 1шт., тыс.руб.	8,586	20,277
Переменные расходы на весь объем продаж, тыс. руб.	1288	365
Постоянные расходы, тыс. руб.	214	172
Чистая прибыль, тыс. руб.	193	(46)

На основе приведенных данных рассчитаем точку безубыточности для Товара А:
 $11,3 * X - 8,586 * X - 214 = 193$.

Затем в левой части уравнения за скобку выносим объем реализации (X), а правая часть – прибыль – приравнивается к нулю (так как цель данного расчета – определить точки, где у предприятия нет прибыли):

$$X * (11,3 - 8,586) - 214 = 0$$

$$X = 214 / (11,3 - 8,586) = 79 \text{ (шт.)}$$

или в денежном выражении

$$11,3 * 79 = 892,7 \text{ (тыс. руб.)}$$

Таким образом, точка безубыточности производства Товара А равна 79 единиц или же 89,27 тысяч рублей.

Рассчитаем точку безубыточности для производства товара С:

$$27,3 * X - 20,277 * X - 172 = -46;$$

$$X = 172 / (27,3 - 20,277) = 24 \text{ (шт.)}$$

или в денежном выражении

$$27,3 * 24 = 655,2 \text{ (тыс. руб.)}$$

Таким образом, точка безубыточности производства товара С 24 единицы или же 655,2 тысяч рублей.

Для наглядности представим результаты расчетов в таблице 2.

Таблица 2 – Соотношение критического и реального объемов продаж

Показатели	Товар А		Товар С	
	Критический объем продаж	Реальный объем продаж	Критический объем продаж	Реальный объем продаж
Объем продаж, шт	79	150	24	18
Цена продаж, тыс. руб.	11,3	11,3	27,3	27,3

Выручка от продажи, тыс. руб.	892,7	1695	655,2	491
Постоянные затраты, тыс. руб.	214	214	172	172
Переменные затраты на 1 шт, тыс. руб.	8,59	8,59	20,28	20,28
Переменные затраты, тыс. руб.	678,7	1288	483,2	365
Совокупные затраты, тыс. руб.	892,7	1502	655,2	537
Маржинальный доход, тыс. руб.	214	407	172	126
Чистая прибыль	0	193	0	(46)

Так как объем производства Товара С ниже точки безубыточности, организация работает в убыток при данном производстве. Хотя на прибыли организации в целом данная ситуация сказалась незначительно (из-за покрытия полученного убытка в данном производстве прибылью, полученной при производстве других моделей), организации следует задуматься либо о расширении рынка сбыта, либо о прекращении производства данных моделей.

Используя данные таблицы 2 можно спланировать ассортимент выпуска и реализации продукции и принять следующие решения:

- максимально развивать производство и продажу товара А, так как этот вид продукции по сравнению с другими видами дает самый большой маржинальный доход;
- по товару С необходимо либо уменьшить затраты на ее производство, чтобы ее продажа приносила доход, либо снизить производство.

Выбор учетной стратегии управления затратами необходимо начать с анализа операционного рычага.

В нашей ситуации сила операционного рычага товара А равна:

$$(1695 - 1288)/193 = 2,11.$$

Следовательно, если на следующей день выручка от реализации товара А увеличится на 10%, то прибыль увеличится на 21,1% (10 x 2,11).

Выбор стратегии для наглядности оформим в виде таблице 3.

Применение данной методики возможно лишь при классификации затрат на переменные и постоянные. Такие расчеты справедливы для определенной масштабной базы, т. е. для интервала в объеме реализации, в котором постоянные затраты не изменяются.

Владея рассмотренными методами, бухгалтер-аналитик имеет возможность моделировать различные комбинации объема реализации, издержек и прибыли, выбирая из них наиболее приемлемый, позволяющий организации создать условия для расширенного воспроизводства.

Таблица 3 – Выбор оптимальной стратегии для производства Товара А

Стратегии	Точка безубыточности, шт.	Запас прочности, шт.	Увеличение прибыли (на), тыс.руб.	Ранжирование стратегии
Исходная позиция	79	71	-	-
Увеличение цены реализации на 10%	56	94	167,96	1
Снижение переменных затрат на 10%	60	90	128,3	2
Снижение постоянных затрат на 10%	71	79	20,9	4
Увеличение объема реализации на 10%	79	86	41	3

Рассмотрим выбор стратегий на нашем примере.

1. Увеличение цены реализации на 10%, т. е. на 1,13 тыс. руб., она составит 12,43 тыс. руб.

Маржинальная прибыль на единицу продукции равна: $12,43 - 8,586 = 3,84$ тыс. руб.

Точка безубыточности равна: $214/3,84 = 56$ шт.

Запас прочности равен: $150 - 56 = 94$ шт.

Прибыль равна: $94 * 3,84 = 360,96$ тыс. руб.

Следовательно, увеличение цены реализации на 10% приведет к увеличению прибыли на $360,96 - 193 = 167,96$ тыс. руб.

2. Снижение переменных затрат на 10%, т. е. на 0,86, и составят они $8,586 - 0,86 = 7,73$ тыс. руб.

Маржинальная прибыль единицу продукции равна: $11,3 - 7,73 = 3,57$ тыс. руб.

Точка безубыточности равна: $214/3,57 = 60$ шт.

Запас прочности равен: $150 - 60 = 90$ шт.

Прибыль равна: $90 * 3,57 = 321,3$ тыс. руб.

Следовательно, уменьшение переменных затрат на 10% приведет к увеличению прибыли на $321,3 - 193 = 128,3$ тыс. руб.

3. Снижение постоянных затрат на 10%, т. е. на 21,4 тыс. руб., и составят они $214 - 21,4 = 192,6$ тыс. руб.

Маржинальная прибыль на единицу продукции: $11,3 - 8,586 = 2,71$ тыс. руб.

Точка безубыточности равна: $192,6/2,71 = 71$ шт.

Запас прочности равен: $150 - 71 = 79$ шт.

Прибыль равна: $2,71 * 150 - 192,6 = 213,9$ тыс. руб.

Следовательно, снижение постоянных затрат на 10% приведет к увеличению прибыли на $213,9 - 193 = 20,9$ тыс. руб.

4. Увеличение объема производства и реализации на 10%, т. е. на 15 шт. и составит $150 + 15 = 165$ шт.

Цены и затраты остались прежними, следовательно, точка безубыточности осталась прежней.

Запас прочности равен: $165 - 79 = 86$ шт.

Прибыль рассчитаем с помощью силы операционного рычага, которая равна 2,11; следовательно, прибыль увеличится на 21,1% от 193 тыс. руб. и составит 234 тыс. руб. ($193 + 41$).

На основании приведенных расчетов можно видеть, что оптимальная стратегия для увеличения прибыли лежит через изменение ценовой политики. Из-за увеличения отпускной цены точка безубыточности сместилась вниз, соответственно зона убытков уменьшилась, а зона прибыли возросла. Однако нужно посмотреть, как такая политика скажется на спросе и как пересмотренная цена соотносится с ценой конкурентов.

Увеличение прибыли за счет снижения переменных затрат тоже достаточно оптимальный вариант, однако замена материалов в отдельных производствах невозможна, так как существует установленная технология и стандарты, а закупка более дешевых материалов может отрицательно сказаться на сроке службы товара, его качестве и репутации фирмы. Можно предложить более эффективное использование трудовых ресурсов, получение оптовых скидок на закупаемые ресурсы, либо ускорение срока оплаты материалов и получение скидок за быстроту оплаты.

Рассмотрим две последующие стратегии. Снижение постоянных затрат организации более мобильно отразилось на зоне безопасности (точки безубыточности), чем при увеличении объема реализации, однако на конечный результат прибыль существенно влияет объем продаж. Принимая четвертую стратегию придется увеличить постоянные расходы: увеличить рекламу, торговых представителей, либо уменьшить цену.

Применение на практике в учете стратегического планирования затрат посредством методики анализа безубыточности ограничено допущениями о постоянстве структуры выпускаемой продукции. Данная категория не является неизменной при принятии среднесрочных и долгосрочных управленческих решений. Таким образом, можно сказать, что анализ безубыточности производства продукции как правило проводится в целях изучения зависимости между изменениями объема производства, издержками и прибылью в течение краткосрочного периода.

Литература

1. Прищенко, Е.А. Стратегический аспект управления затратами / Прищенко Е. А. // Интерэкспо Гео-Сибирь. - № -1. - том 2 – 2006
2. Костюкова, Е.И. Организационно-методическое обеспечение управленческого учета затрат и калькулирования себестоимости продукции в винодельческих организациях // Костюкова Е.И., Феськова М.В. - Ставрополь, 2015.
3. Яшина, Н.И. Методические аспекты оценки финансирования расходов лечебно-

профилактических учреждений на основе методов ABC и XYZ / Яшина Н.И., Хансуварова Е.А., Яшин К.С. // Управленец. 2015. № 3 (55). С. 22-28.

4. Татарина, Е.Д. Совершенствование ассортимента продажи товаров на основе ABC-XYZ-анализа / Татарина Е.Д., Наумов А.А., Баженов Р.И. // Экономика и менеджмент инновационных технологий. - 2015. - № 2 (41). - С. 112-122.

5. Бобрышев, А.Н. Управленческий учет в условиях кризисных процессов в экономике / Бобрышев А.Н. - Ставрополь, 2015.

6. Сигидов, Ю.И. Расширение информационной базы отчетных показателей как основа повышения эффективности управления / Сигидов Ю.И., Рыбьянцева М.С., Ясменко Г.Н., Оксанич Е.А. - Москва, 2015. Сер. Научная мысль

7. Перспективы использования системы «директ-костинг» для целей управленческого анализа себестоимости и прибыли / Феськова М.В., Дариенко Я.В., Лазарева Е.В. // Экономика и предпринимательство. - 2014. № 12-3 (53-3). - С. 892-895.

8. Бондарева, Е.М. Поэтапное планирование в управлении затратами торговых организаций / Бондарева Е.М. // Вестник ОрелГИЭТ. - 2013. - № 2 (24). - С. 72-75.

УДК 369.54

**НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ
СИСТЕМЫ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
THE DIRECTIONS OF REFORMING OF THE PENSION SYSTEM
OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE**

*Магомедов М.А., Хасавюрт, Дагестанский государственный университет, доцент
кафедры экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доцент*

*Magomedov M.A., Khasavyurt, Dagestan state university, docent of economic disciplines,
Candidate of Economic Sciences, docent*

e-mail: zagid1962@mail.ru

Аннотация: В статье вкратце характеризуются состояние российской пенсионной системы в период развития рыночных реформ, этапы ее становления; определены подходы к ее реформированию в современной России в свете реализации Федерального закона РФ «О страховых пенсиях».

Annotation: In article a condition of the Russian pension system during development of market reforms, stages of its formation in brief are characterized; approaches to its reforming in modern Russia in the light of implementation of the Federal law Russian Federation "About insurance pensions" are determined.

Ключевые слова: проблемы реформирования, базовая и трудовая пенсия, негативные факторы, новые подходы к реформированию, страховые пенсии, условия назначения, методы определения размеров страховых пенсий.

Keywords: reforming problems, basic and work pension, negative factors, new approaches to reforming, insurance pensions, appointment conditions, methods of determination of the sizes of insurance pensions.

Двадцатый век существенно изменил представления населения о социальной справедливости, в том числе в связи с развитием пенсионного обеспечения: в наше время практически все признают как нечто само собой разумеющееся обязательность общественной (государственной) материальной поддержки каждого гражданина, достигшего законодательно установленного возраста или состояния, препятствующего трудовой деятельности.

Порядок назначения и механизмы выплаты пенсий регулируются законодательством страны и изменяются в соответствии с реальными политическими и финансовыми обстоятельствами.

Процесс реформирования российской пенсионной системы протекает более 20 лет. В 1995 году, когда был очевиден финансовый кризис в стране, Правительством РФ была одобрена Концепция реформы системы пенсионного обеспечения в РФ. Ее основная идея заключалась в переходе на трехуровневую систему реформирования пенсий:

- 1) государственная базовая (социальная) пенсия, финансируемая за счет общих налогов;
- 2) трудовая (страховая), финансируемая за счет страховых взносов;
- 3) дополнительная негосударственная, финансируемая за счет добровольных в некоторых случаях обязательных взносов работодателей и частных лиц.

Базовая (социальная) пенсия призвана обеспечить минимальные государственные гарантии социального обеспечения для всех граждан независимо от наличия трудового стажа.

Трудовая (страховая) пенсия выплачивается всем наемным работникам и другим лицам, подлежащим обязательному пенсионному страхованию. Как социальная, так и трудовая пенсии устанавливаются и выплачиваются за счет средств государства, аккумулированных в Пенсионном фонде РФ.

В мае 1998 г. была принята новая «Программа пенсионной реформы в РФ», которая предусматривала постепенное введение условно – накопительных счетов. Однако после августовского (1998г.) кризиса финансового состояния ПФР претерпело существенные изменения. Это обстоятельство резко ухудшило перспективу внедрения дифференцированных пенсий и реформирования всей системы пенсионного обеспечения.

Пенсионная реформа в Российской Федерации - это важный момент, который волнует все население. Ведь каждый налогоплательщик перечисляет определенные денежные средства в Пенсионный Фонд России. И в один прекрасный момент у него появляется возможность получить деньги обратно, только в виде пенсии. В России система поддержки граждан, ушедших на заслуженный отдых, постоянно терпит какие-то изменения. Сейчас очень много разговоров идет на тему пенсий. Поэтому следует точно знать, к чему готовиться. В нынешней России система пенсионного обеспечения, как и экономика страны в целом, находятся в состоянии глубокого финансового кризиса, обусловленного различными социально – экономическими, демографическими и другими, внешними и внутренними факторами.

Всеобщее и повсеместное падение производства в реальном секторе экономики, резкое снижение цен на углеводородное сырье на мировом рынке, сокращение численности занятых в экономике страны, хроническая задолженность предприятий и организаций перед пенсионным фондом России (ПФР), старение населения и рост численности пенсионеров – все это в конечном итоге привело к ухудшению уровня пенсионного обеспечения, увеличению нагрузки на работающее население страны.

Анализ официальных данных Росстата свидетельствуют, что за годы рыночных реформ в России происходит устойчивое сокращение численности населения при росте численности пенсионеров и уменьшении числа занятых в экономике. В результате соотношение численности занятых в экономике и пенсионеров резко изменилось. Так, по сравнению с 1992 годом численность занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера сократилось в 2012 году с 2,04 до 1,68 чел. Иными словами выплату пенсии одному пенсионеру в 2012г. обеспечивал 1,68 работающих (в 1992 году – 2,04 работающих), что создает напряженность в сфере пенсионного обеспечения. Между прочим, в развитых странах данное соотношение находится примерно на уровне 2,4 : 1 [2].

К весомым факторам, оказывающим негативное влияние на уровень пенсионного обеспечения в России относятся: крайний низкий уровень заработной платы подавляющего большинства работающего населения – основного источника формирования ПФР, сокращение доли оплаты труда в структуре общего объема доходов населения, высокий уровень теневых заработков и т.д.

Происходящие ныне в России негативные социально – экономические процессы, связанные с тяжелейшим финансово – экономическим положением страны, вызванным падением мировых цен на реализацию нефти и газа, отсутствием ощутимых сдвигов в развитии производства в реальном секторе экономики, обесцениванием российского рубля, оказывают существенное влияние на уровень жизни российских пенсионеров.

В России складывается устойчивая тенденция роста абсолютной численности пенсионеров (в 1992 году – 35,3; в 2012 году – 40,6 млн. человек), увеличения численности пенсионеров, приходящихся на тысячу человек населения (в 2007 году – 269,5; в 2012 году – 283 человек). Средний размер назначенных пенсий составил в 2012 году 9 040 рублей в месяц при величине прожиточного минимума пенсионера – 5 123 рубля. Начиная с 2010 года соотношение среднего размера назначенных пенсий со средним размером начисленной заработной платы снижается и составило в 2012 году почти 34 % (в 2010 году – 35,7%) [2]. Это свидетельствует о том, что в России значительная часть пенсионеров находится в состоянии социального выживания.

Действующий в России механизм обеспечения покупательной способности пенсии, основанный на ежеквартальном пересмотре их размеров в случае увеличения фактически выплаченной в стране среднемесячной заработной платы, оказался не приспособленным к функционированию в условиях значительного увеличения уровня инфляции и не обеспечивает социальную защиту пенсии от обесценивания. Поэтому часть пенсионеров России в целях выживания вынуждена работать.

В пенсионной системе России накопилось множество старых проблем. Старение население, падение мировых цен на энергоносители, обострение финансово-экономического положения в стране, острая нехватка бюджетных средств, масштабное и повсеместное увеличение потребительских цен на товары, лекарства и услуги массового потребления требуют принятия неотложных мер по увеличению покупательской способности пенсии.

Правительство РФ в разработанной им Концепции долгосрочного социально – экономического развития я РФ на период до 2020 года [1] предусматривает установление следующих результатов:

- увеличение к 2016 – 2020 годам среднего размера трудовых пенсий по старости до величины, составляющей не менее 2,5 – 3 прожиточного минимума пенсионера одновременно с повышением среднего размера социальной пенсии до прожиточного минимума;
- обеспечение дальнейшего развития российской пенсионной системы на основе применения страховых принципов;
- улучшение материального положения всех категорий пенсионеров путем достижения финансовой сбалансированности ПФР, обеспечения его устойчивого функционирования в долгосрочной перспективе;

- создание необходимых предпосылок для увеличения индивидуального коэффициента замещения утраченного заработка, на который начислялись страховые взносы, повышения размера трудовой пенсии по старости не менее чем на 40 %.

В новом Федеральном законе «О страховых пенсиях» устанавливается пенсия по старости, по инвалидности и по потере кормильца.

Право на страховую пенсию по старости имеют мужчины, достигшие возраста 60 лет и женщины, достигшие возраста 55 лет.

Продолжительность страхового стажа, необходимого для назначения страховой пенсии по старости, зависит от года назначения пенсии, в 2015 году она составила шесть лет.

С 1 января 2015 года страховая пенсия по старости назначается при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента не менее 6,6 с последующим ежегодным увеличением на 2,4 до достижения величины индивидуального пенсионного коэффициента, равной 30, а страховой стаж, необходимый для назначения страховой пенсии по старости, составляет не менее 15 лет [4].

Новость о том, которая вызвала волну недовольства со стороны населения, - это отмена пенсий работающим пенсионерам. Пенсионная реформа в России подобного типа подразумевает, что гражданам, которые после достижения возраста, в котором можно уйти на заслуженный отдых, продолжают трудиться, прекратят оказывать финансовую поддержку со стороны государства.

Иными словами, упразднят пенсии для работающих пенсионеров. Существует два варианта трактовки этой реформы. В первой говорится, что условие начнет действовать в 2016 году и распространится только на тех, кто зарабатывает больше 1 000 000 в год. Это получается 83 тысячи рублей в месяц. Таким гражданам не будут платить пенсию. Во второй пенсионная реформа указывает на прекращение выплат со стороны государства для всех граждан-пенсионеров, которые продолжают трудиться. Ни доход, ни стаж роли играть не будут.

На данный момент подобные реформы считаются мифом. И если пенсии работающим гражданам уберут, то ближе окажется первый вариант развития событий. Пока что все люди, достигшие пенсионного возраста, в России получают в тех или иных размерах финансовую поддержку со стороны государства.

Сейчас в России действительно прорабатываются системы, которые помогут пересчитывать денежные средства. Но никаких жестких ограничений нет. Разве что пенсионные выплаты не могут быть меньше прожиточного минимума на человека. Поэтому бояться подобных новостей не стоит. В правительстве, наоборот, думают, как сохранить и даже повысить пенсии [4].

На этом обсуждения не заканчиваются. Пенсионная реформа для работающих пенсионеров в 2016 году все равно состоялась. Но только она пока что не слишком заметна. Дело все в том, что в России предусматривается обязательная индексация пенсионных выплат. Но работающие пенсионеры не будут получать индексированных выплат. Вместо этого им положена финансовая поддержка от государства без всяких повышений.

То есть на данный момент в стране граждане, которые достигли пенсионного возраста и продолжают работать, получают пенсию, которая была положена на конец 2015 года. Никакой индексации они не имеют.

Тем не менее это вовсе не значит, что пенсионная реформа в России полностью отменяет повышение выплачиваемых пенсионерам денежных сумм. Это не так. Ведь приостановление индексации распространяется только на трудоустроенных граждан. Все остальные получают в России повышенную пенсию. На данный момент все выплаты проиндексированы на 4%. В 2016 году гражданам должны были 2 раза повысить сумму, которую платит государство после достижения пенсионного возраста. И данное правило было соблюдено в полной мере. Получается, что для неработающих пенсионеров нет никаких особенностей. Все та же индексация, все те же выплаты. Даже порядок назначения финансовой поддержки остался без изменений.

Новости пенсионной реформы в стране на этом не заканчиваются. По поводу данной темы постоянно возникают какие-то вопросы. Уже давно в России планируют повысить пенсионный возраст. О повышении пенсионного возраста уже несколько лет идут разговоры. Сейчас в России женщины имеют право на уход на заслуженный отдых в 55 лет, мужчины получают такую возможность в 60. Но, как показывает практика, многие не прекращают работать даже после указанного возраста.

Это натолкнуло на мысль о том, что граждане слишком рано выходят на заслуженный отдых. В большинстве стран пенсионный возраст гораздо выше. И это помогает пополнять государственный бюджет. Новая пенсионная реформа подразумевает постепенное повышение возраста выхода на пенсию. Так, женщинам хотят продлить трудоспособность до 60, а мужчинам до 65 лет соответственно.

К каким последствиям может привести повышение пенсионного возраста? Сейчас в России многие остаются недовольны данной перспективой. Она еще не воплощена в жизнь, но уже точно известно, что когда-нибудь новость станет реальностью. Возмущение вызвал тот факт, что правительство РФ старалось равняться на другие страны и не учитывало среднюю продолжительность жизни человека в стране. Так, женщины в среднем доживают до 77, а мужчины - до 65 лет. Получается, практически многие мужчины не будут получать пенсионные выплаты, если заниматься повышением возраста, в котором разрешено официально уходить на заслуженный отдых. По этой причине нововведение пока решили отложить. Но при этом говорят о постепенном повышении возраста ухода на пенсию. Раз в полгода планируется увеличивать его на 6 месяцев.

Последнее, что действительно заинтересовало граждан, - это условия назначения выплат. Уже было сказано, что планируется повысить пенсионный возраст. Также для получения финансовой поддержки от государства (не социальной) необходимо иметь 30 баллов. Но на этом изменения не заканчиваются.

Чтобы выйти на заслуженный отдых и получать денежные средства от страны, потребуется 7-летний стаж работы. И это независимо от имеющихся баллов у гражданина. Раньше этот срок равнялся 5 годам. В 2016 году повысился до 7. И данная "планка" будет увеличиваться вплоть до 2024 года. Планируется довести минимальный трудовой стаж

для выхода на пенсию до 15 лет. Такие изменения сейчас предусматривает пенсионная реформа. Последние новости указывают на то, что это не миф, а реальность.

Следующая информация уже не может считаться новой. Но о ней все равно далеко не всем известно. Дело все в том, что пенсии теперь формируются преимущественно за счет граждан. Выплаты разделили на 2 части: страховую и накопительную. Первая выплачивается в обязательном порядке. Она гарантируется государством. Накопительная зависит напрямую от граждан и обычно формируется в негосударственных пенсионных фондах. Можно оставить ее и в государственном фонде. Главное, время от времени переводить часть дохода в выбранную организацию, откладывая тем самым на старость.

Методы определения размера страховых пенсий.

Трудовая пенсия в РФ состоит из двух частей: *базовой и страховой*. Базовая часть трудовой пенсии устанавливается в фиксированном размере, который ныне не зависит от величины страховых платежей за конкретного работника. Российское законодательство устанавливает размер базовой части трудовой пенсии с учетом программы борьбы с бедностью застрахованных лиц. В 2010 году размер базовой части трудовой пенсии составлял около 3000 руб. в месяц при прожиточном минимуме 4 тыс. руб.

Страховая часть трудовой пенсии определяется на основе принципов обязательного социального пенсионного страхования. Ее финансовой основой является распределительный метод функционирования, модернизированный с учетом фиксации индивидуального вклада страховых взносов в пользу застрахованного лица.

Его еще называют иначе условно – накопительным способом финансирования пенсии, при котором размер пенсии зависит исключительно от величины накопительных страховых средств, внесенных работодателем в пользу работника, возраста выхода на пенсию и ожидаемой продолжительности предстоящей жизни.

Размер страховой части трудовой пенсии по старости определяется по формуле [3:210]:

$$СЧ = ПК / T, \text{ где}$$

СЧ – страховая часть трудовой пенсии по старости;

ПК – сумма расчетного пенсионного капитала;

T - количество месяцев ожидаемой продолжительности предстоящей жизни пенсионера, принимаемое для исчисления страховой части трудовой пенсии, составляет 228 месяцев (19 лет). Страховая часть трудовой пенсии и пенсионный капитал индексируется на уровне не ниже фиксируемой инфляции.

Размер страховой части трудовой пенсии по инвалидности определяется по формуле [3:211]:

$$СЧ = ПК / T \times K, \text{ где}$$

СЧ – страховая часть трудовой пенсии по инвалидности;

ПК – сумма расчетного пенсионного капитала, учтенного по состоянию на день, с которого назначается страховая часть трудовой пенсии;

T - количество месяцев ожидаемой продолжительности предстоящей жизни пенсионера, принимаемое для исчисления страховой части трудовой пенсии;

K – отношение нормативной продолжительности страхового стажа (в месяцах) по состоянию на указанную дату к 180 месяцам. Нормативная продолжительность страхового стажа до достижения инвалидом возраста 19 лет составляет 12 месяцев и увеличивается на четыре месяца на полный год возраста, начиная с 19 лет, но не более 180 месяцев.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662 – р.
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013. – Стат. сб. / Росстат: 2013.
3. Социальная политика: - М.: Юрайт. 2015.
4. Федеральный закон РФ «О страховых пенсиях» от 28 декабря 2013 г. № 400.

УДК 657

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
УЧЕТНОЙ ПОЛИТИКИ
FEATURES OF FORMATION OF MANAGERIAL
ACCOUNTING POLICY**

*Дариенко Ж.Ю., к.э.н., доцент кафедры «Бухгалтерский управленческий учет»
ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»,
Darienko Jeanne Y. - PhD, associate professor of "Management accounting" FGBOU IN
"Stavropol State Agrarian University"*

e-mail: daj1205@mail.ru

*Феськова М.В., к.э.н., преподаватель кафедры «Бухгалтерский управленческий
учет» ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»,
Feskova M.V. - Ph.D., lecturer in "Management accounting" FGBOU IN "Stavropol State
Agrarian University"*

e-mail: marina.feskova@mail.ru

*Аннотация: В статье дано авторское определение термина «управленческая
учетная политика», разработаны организационно-методические основы построения
учетной политики для целей управленческого учета.*

*Annotation: The article gives the author's definition of the term «managerial accounting
policy», developed organizational, methodical and functional bases of construction of accounting
policy for internal management purposes.*

*Ключевые слова: управленческий учет, финансовый учет, управленческая учетная
политика.*

Keywords: management accounting, financial accounting, managerial accounting policy.

В условиях растущей конкуренции на рынке экономическим субъектам необходим мощный методический инструментарий и современные технологии в сфере управления затратами и себестоимостью продукции. Такой инструментарий обеспечивает система управленческого учета. Внедрению системы управленческого учета в деятельность организаций препятствует отсутствие единой теоретической основы, посредством которой осуществляется интеграция инструментов управленческого учета в целостную систему. Для внедрения управленческого учета требуется выработка единой концепции, которую можно представить в виде управленческой учетной политики.

Принимая во внимание, что в основе управленческого учета лежат три основных источника [3]: технология бизнеса в целом и конкретного вида деятельности, в частности; учетная политика и правила бухгалтерского учета конкретного вида деятельности; нормативная база конкретного вида бизнеса; систему управленческого учета можно рассматривать как совокупность базисных и индивидуальных элементов[4].

Базисные элементы включают организационную, техническую и методическую стороны управленческого учета, и присущи организациям независимо от вида деятельности.

Организационная сторона управленческого учета определяет принципы, цели и задачи системы, организационную и бюджетно-финансовую структуру организации. Техническая сторона включает описание взаимосвязи между финансовым и управленческим учетом, результатов в виде формирования и представления управленческой отчетности, и во многом зависит от материальной базы.

Методическая сторона посвящена описанию учетно-аналитической системы, и во многом формируется под влиянием индивидуальных особенностей производственной деятельности.

На уровне отрасли, и далее предприятия существуют индивидуальные особенности деятельности, организационно-технологические особенности, приводящие к вариативности построения системы управленческого учета. Построение системы бухгалтерского учета с учетом специфики отрасли впоследствии определяет качество управленческой информации, получаемой из системы управленческого учета. Например, в построении учетно-аналитической системы управления конкретного хозяйствующего субъекта находит свое отражение специфика учета затрат и калькулирования себестоимости продукции. Аналогично и характеристика производства (индивидуальное, серийное или комплексное), а также масштабы деятельности (крупное, среднее или малое предприятие) оказывают существенное влияние на организацию учетно-аналитического процесса.

Для формирования единой теоретической основы последующих научных и прикладных исследований, посредством которых осуществляется интеграция инструментов управленческого учета в целостную систему, необходима выработка единой концепции системы управленческого учета.

В общем виде концептуальные основы представляют собой модель, которая состоит из взаимосвязанных и последовательных элементов. При этом существует необходимость уточнения и структурирования концептуальных основ управленческого учета в соответствии с наиболее явственными запросами информационных пользователей. В данной связи под концептуальными основами учета понимается совокупность теоретических построений, определяющих логику, содержание и принципы функционирования принятой системы [6].

Концептуальные основы могут быть представлены в виде учетной политики предприятия.

Организация и ведение управленческого учета законодательно не урегулированы. Следовательно, не существует единого подхода к структуре, да и к определению учетной политики для целей управленческого учета.

По мнению Кузьминой М.С., целью формирования учетной политики для управленческого учета является обеспечение единства методики учета для предоставления полноценной информации руководству [5], Вигдорович М. выделяет важность обеспечения адекватного и стандартизированного отражения в учете и отчетности бизнеса предприятия и его подразделений [1]. Совершенно иное представление об учетной политике для управленческого учета у Дедюхиной Н.В. По ее мнению, цель заключается в обеспечении инвестиционной привлекательности организации и оптимизации (минимизации) асимметрии экономических интересов участвующих сторон [2]. По нашему мнению, целью учетной политики для управленческого учета является выбор и упорядочивание элементов системы управленческого учета в целях придания ей концептуальной целостности, а также для

формирования учетно-аналитического обеспечения организации, удовлетворяющего информационные запросы внутренних пользователей.

Основываясь на рассмотренных выше точках зрения на сущность учетной политики для целей управленческого учета и учитывая предложенное нами деление элементов системы управленческого учета на базисные и индивидуальные, предлагаем представить управленческую учетную политику как совокупность базисных элементов (организационных, технических и методических) управленческого учета, упорядоченных и объединенных в единую управленческую концепцию для формирования системы управленческого учета экономического субъекта, которая предназначена для сбора, измерения, группировки, анализа данных, необходимых для управления организацией в целом, в разрезе центров ответственности, бизнес-процессов и для принятия стратегических, тактических и оперативных управленческих решений с учетом индивидуальных (специфических) особенностей вида экономической деятельности.

Учетная политика для целей управленческого учета формируется лицом, ответственным за ведение управленческого учета и утверждается руководителем организации.

При этом утверждаются:

- 1) рабочий план счетов управленческого учета, содержащий синтетические и аналитические счета, необходимые для ведения управленческого учета в соответствии с принципами управленческого учета, либо допустимо привести перечень синтетических и аналитических счетов, которых нет в финансовом учете и которые предназначены исключительно для целей ведения управленческого учета;
- 2) формы документов для внутренней управленческой отчетности;
- 3) правила документооборота и технология обработки учетной информации;
- 4) другие решения, необходимые для организации управленческого учета.

Предложенное определение послужило основой для систематизации организационно-методических основ формирования учетной политики для целей управленческого учета, которые могут быть рекомендованы для любых организаций, но в данном случае рассмотрены на примере организаций виноделия (рисунок 1).

Методический раздел учетной политики представлен в виде сравнения способов ведения финансового и управленческого учета в части учета затрат и калькулирования себестоимости продукции виноделия, и наглядно демонстрирует различие выбранных способов, обусловленное различием целей и функций этих двух подвидов бухгалтерского учета, направленностью на удовлетворение информационных потребностей разных категорий пользователей (внутренних и внешних) финансовой информации.

При сравнении способов ведения финансового и управленческого учета обособленно не выделяется налоговый учет. В настоящее время бухгалтеры стараются максимально сблизить бухгалтерскую и налоговую учетные политики. Многие положения, закрепленные в учетной политике для целей бухгалтерского (финансового) учета относительно учета затрат и калькулирования себестоимости продукции, отражены в учетной политике для целей налогового учета. Целью бухгалтерского финансового учета является формирование документированной систематизированной информации об объектах учета на счетах

бухгалтерского финансового учета составление на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности. На основе финансового учета возможно построение системы управленческого учета.

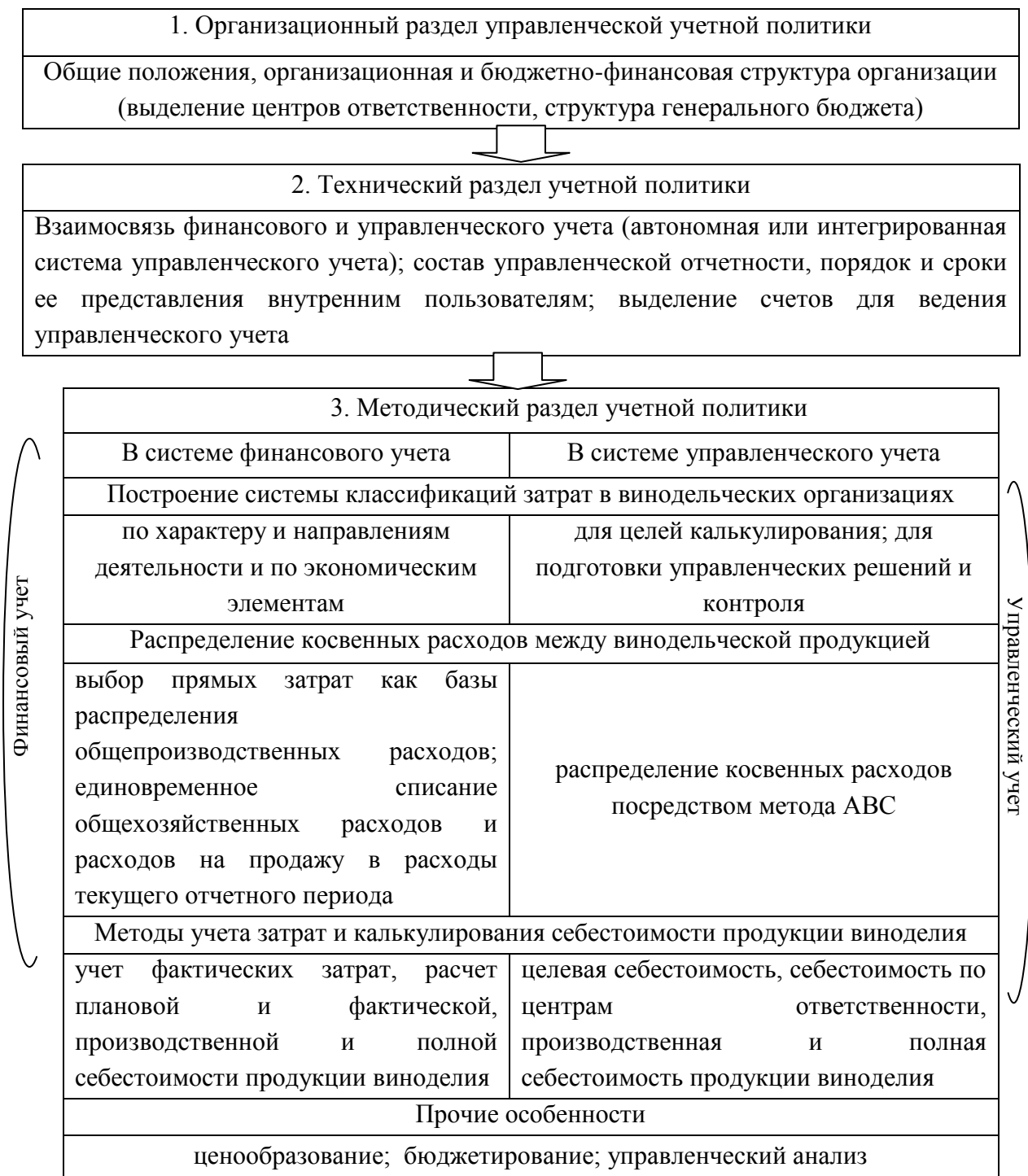


Рисунок 1 - Организационно-методические основы формирования учетной политики для целей управленческого учета на примере организаций виноделия

Логика исследования позволила нам сделать вывод о необходимости формирования единой теоретической основы последующих научных и прикладных исследований, позволяющей интегрировать инструменты управленческого учета в целостную систему, в виде единой концепции, представленной учетной политикой для целей управленческого учета. Предложенные основы (рисунок 1) могут быть рекомендованы для любых организаций, но в рамках данного исследования адаптированы к особенностям организаций виноделия. Методическому разделу управленческой учетной политики отведена ключевая роль, так как он определяет порядок управленческого учета затрат и калькулирования себестоимости продукции, работ или услуг.

Литература

1. Вигдорович М. Как единая технология: управленческая учетная политика предприятия // Управление компанией. 2007. № 7. С. 43 - 47.
2. Дедюхина Н.В. Цели и задачи учетной политики организации в условиях инновационно-инвестиционного развития экономики // Управленческий учет. 2009. № 5. С. 89.
3. Костюкова Е. И., Башкатова Т. А. Организационно-методические основы функционирования системы управленческого учета / Е.И. Костюкова, Т.А. Башкатова // Международный бухгалтерский учет. - 2011. - №36. - с. 12-17.
4. Костюкова Е. И., Феськова М.В. Управленческий учетна предприятиях виноделия в соответствии с принципами МСФО / Е.И. Костюкова, М.В. Феськова // Международный бухгалтерский учет. - 2013. - №33. - с. 20-27.
5. Кузьмина М.С. Формирование управленческой учетной политики / М.С. Кузьмина // Бухгалтерский учет. – 2007. – № 4. – С. 73 - 75.
6. Попова Н. С. Управленческий учет, диагностика бизнеса, диагностика финансового состояния: учеб.- нагляд. пособие / Н. С. Попова. – М.: ИПК госслужбы, 2006. – 67 с.

УДК 303.094

**К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ИМИТАЦИОННОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА
TO THE QUESTION APPLICATION OF SIMULATION MODELING METHOD
UNDER UNCERTAINTY AND RISK**

Шутова М.Е., Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, магистрант, 2 курс, гр. ИМЗМО 21

Shutova M.E., Rostov-on-Don, Don State Technical University, master's degree, 2 year, gr. IMZMO 21

e-mail: nik.mashunya@mail.ru

Угримова С.Н., Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, доцент кафедры «Экономика и менеджмент», кандидат экономических наук

Ugrimova S.N., Rostov-on-Don, Don State Technical University, docent of the department «Economics and Management», candidate of economic Sciences

e-mail: s.ugrimova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье предложена имитационная модель технологии принятия решения в условиях неопределенности и риска, с целью предотвращения проблем в деятельности предприятия.

Abstract: In this article we propose a simulation model of the technology decision-making under uncertainty and risk, in order to prevent problems in the enterprise.

Ключевые слова: управленческое решение, неопределенность, риск, выбор альтернатив.

Key words: management decision, uncertainty, risk, alternatives.

Эффективность работы в коммерческой деятельности непосредственно связана с разработкой, реализацией и принятием управленческих решений. Качество принятия управленческого решения имеет большое значение в функционировании предприятия, особенно в условиях неопределенности и риска. Данная проблема является наиболее актуальной для современного бизнеса, когда экономика подвержена кризисным явлениям.

Принятие эффективных управленческих решений в кризисных условиях должно основываться, прежде всего, на использовании комплексного подхода к оценке и анализу всех процессов в экономической системе хозяйствующего субъекта, что позволит интегрировать влияние объективных и субъективных факторов к процессу принятия и разработки управленческих решений в современных условиях экономики России [1].

Невозможно учесть все возможные факторы, которые оказывают влияние на развитие ситуации, поэтому в момент разработки и принятия управленческого решения всегда значителен элемент неопределенности и риска. А в условиях кризиса неопределенность действий и вероятность рисков увеличивается [3].

Управленческое решение сопровождается осуществлением управленческой задачи и предполагает собой процесс и результат выбора действий из нескольких альтернативных вариантов в условиях неопределенности и риска.

С неопределенностью сталкиваются практически все организации при принятии управленческих решений. Если уровень неопределенности велик, то организации необходимо вести свою деятельность в условиях высокого риска, так как возможные последствия от неверных принятых решений могут повлечь за собой значительные проблемы [2].

Нестабильность внешней среды в настоящее время, которая выражается в росте безработицы, увеличение расходов, роста инфляции и т.д., влияет на деятельность организации. В данных обстоятельствах увеличивается важность планирования и требований к качеству принимаемых решений, так как неготовность менеджмента предприятия к неожиданным событиям может иметь для него самые негативные последствия. Главной целью антикризисного управления является уменьшение, преодоление противоречий со стороны внешней и внутренней среды. Любая информация, которую предприятие сможет получить о возможных сценариях внешней среды, уменьшает неопределенность выбора наилучшего решения и упрощает сам выбор [5].

Цель исследования: разработка алгоритма действий принятия управленческих решений в условиях неопределенности и риска с помощью метода имитационного моделирования.

Имитационное моделирование в принятии управленческих решений – процесс создания модели реальной ситуации для оценки различных стратегий с учетом влияния неопределенности и риска на финансовый успех предприятия в целях дальнейшего эффективного функционирования системы.

Для достижения поставленной цели считаем возможным использовать технологию принятия управленческих решений в условиях неопределенности, которая состоит из нескольких этапов:

1. Постановка цели, задачи и диагностика управленческой проблемы.
2. Анализ факторов, влияющих на принятие решения.
3. Разработка вариантов управленческих решений с учетом риска.
4. Оценка альтернативных вариантов решения. Выбор наилучшего варианта решения.
5. Реализация решения.

Разработана имитационная модель технологии принятия управленческого решения в условиях неопределенности и риска (рисунок 1)

Постановка цели и задач – ключевой этап в принятии решения. Предприятие должно определиться с целями, описать будущее состояние предприятия и желаемый результат. Диагностику управленческой проблемы можно произвести с помощью методов: стандартизованный опросный лист, анализ первичных документов отчетности, консультации специалистов, анализ финансовой отчетности. Собранную информацию можно использовать так же и при анализе факторов, влияющих на принятие решения.

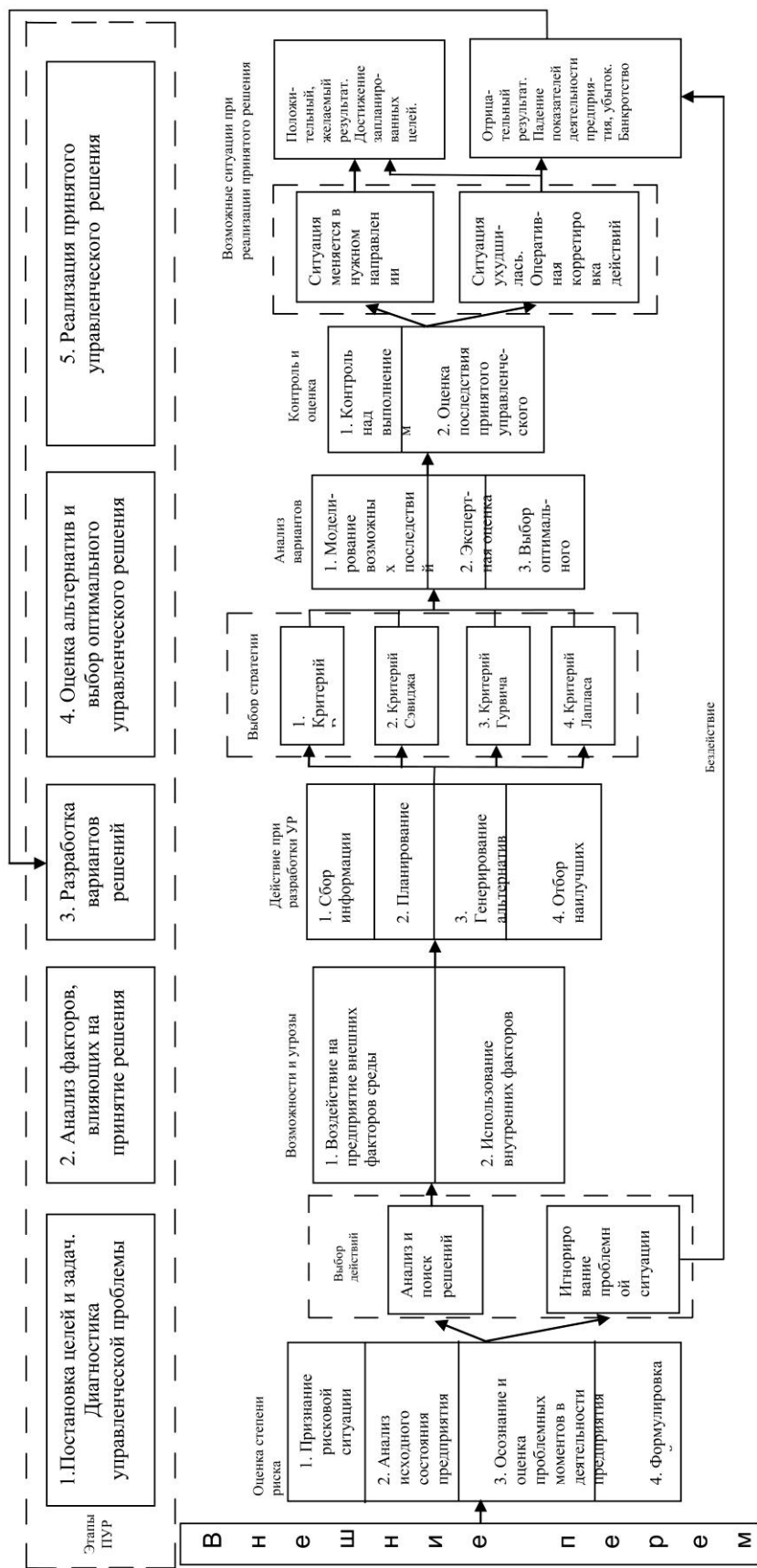


Рис. 1 – Имитационная модель технологии принятия управленческого решения в условиях неопределенности и риска¹

¹ Авторская разработка

Для разработки решений необходимо определить цели, критерии, альтернативы и их исходы. На рисунке 2 приведены критерии для рационального выбора оптимальной стратегии лица, принимающего решение.

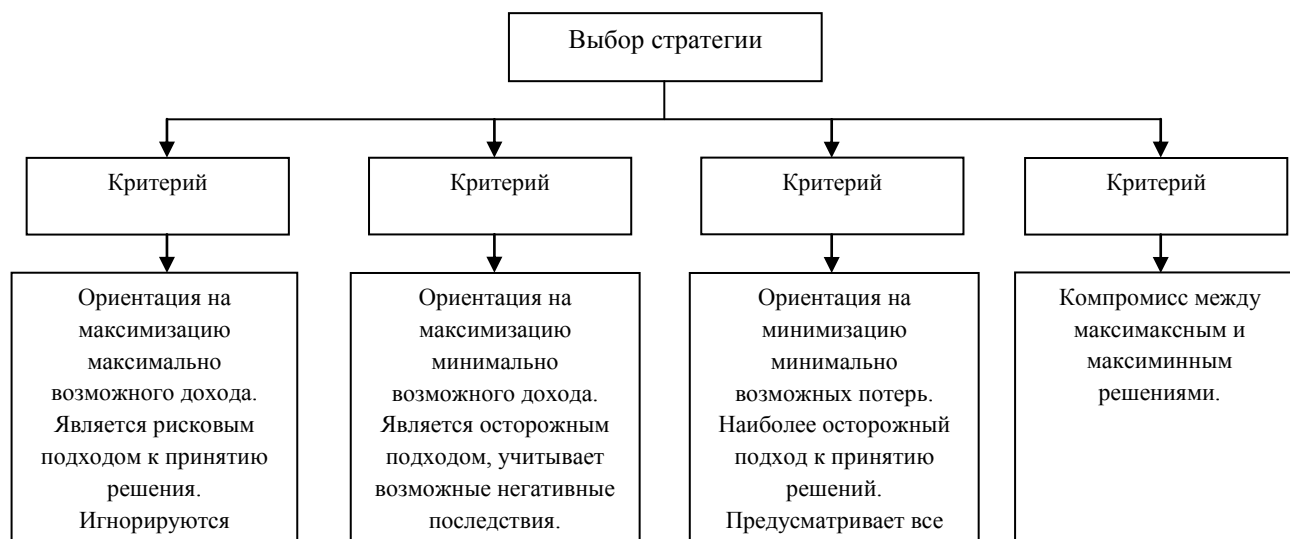


Рис. 2 – Выбор оптимальной стратегии¹

На этапе оценки и сопоставления альтернатив необходимо провести анализ всех выдвинутых идей, сравнить их, определить положительные и отрицательные последствия, сильные и слабые стороны. Стоит не только определить перспективность каждого из вариантов, которые откроются при их реализации, но и необходимо учесть риски. При выборе варианта решения обязательным условием является комплексный учет его возможных позитивных и негативных последствий. Здесь следует использовать системный анализ, т.е. дать оценку воздействия принимаемого управленческого решения на главные экономические показатели функционирования предприятия.

На этапе реализации решения главной задачей руководителя является оценка изменений, которые могут возникнуть в проблемной ситуации в связи с реализуемым решением, меняется ли ситуация в желательном и нужном направлении. Если руководителя не устраивают наступающие изменения, в этом случае, необходимо совершить оперативные корректирующие действия [4].

Таким образом, применение метода имитационного моделирования в процессе принятия управленческих решений в условиях неопределенности и риска является достаточно востребованным в современных условиях развития экономики в деятельности менеджера. Чтобы предотвратить реальную проблему, которая стоит перед предприятием, нужно выйти за рамки рассматриваемой ситуации с помощью моделирования, которое позволит экспериментально спрогнозировать последствия и разработать качественное и эффективное управленческое решение, минимизировав негативные последствия неопределенности.

¹ Авторская разработка

Литература

1. Угримова, С.Н. Особенности воздействия факторов, влияющих на процесс принятия управленческих решений / С.Н. Угримова, М.Е. Шутова // Экономика и социум, № 4 (23). – 2016 – [Электронный ресурс] Режим доступа: // [http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_23/Ugrimova%20S.N.%20\(Osobennosti%20.pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_23/Ugrimova%20S.N.%20(Osobennosti%20.pdf) (дата обращения 12.10.2016)
2. Александрова, Е.Н. Особенности планирования деятельности предприятия в условиях неопределенности / Е.Н. Александрова, С.Н. Зубкова // Теория и практика общественного развития, – 2014, – №20. – С 57–59.
3. Асаул, А.Н. Теория и практика разработки принятия и реализации управленческих решений в предпринимательстве / А.Н. Асаул, В.П. Грахов, О.С. Коваль, Е.И. Рыбнов // Международный журнал экспериментального образования, – 2015, – №8–2. – С. 276–277.
4. Балдин, К.В. Управленческие решения: Учебник. 7-е изд. / К.В. Балдин, С.Н. Воробьев, В.Б. Уткин. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. – 496 с.
5. Черников, А.П. Принятия управленческих решений в условиях неопределенности // Известия Иркутской государственной экономической академии, – 2013, – №2. – С. 57–61.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SCIENCE OF LAW

УДК 347.8

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА
И СВЯЗЬ С СУБКУЛЬТУРОЙ ОСУЖДЕННЫХ
MODERN CRIMINAL SUBCULTURE
AND RELATIONSHIP WITH SUBCULTURE CONVICTED

Анфиногенов В.А., кандидат юридических наук, Исправительная колония № 5 УФСИН России по Ставропольскому краю, г. Ставрополь

Anfinogenov V.A., Candidate of Law, Penal colony number 5 FPS of Russia in the Stavropol region, Stavropol

e-mail:01vaang@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается современная криминальная субкультура и ее взаимосвязь с субкультурой осужденных (пенитенциарной), факторы, влияющие на формирование субкультуры осужденных.

Abstract: The article considers the modern criminal subculture and its relationship with the subculture of convicts (penitentiary), the factors affecting the formation of subcultures convicted.

Ключевые слова: криминальная субкультура, субкультура осужденных, консолидация, криминальная идеология.

Keywords: criminal subculture, subculture convicted, consolidation, criminal ideology.

Криминальная субкультура, как в целом и общечеловеческая, содержит не только предметные результаты деятельности членов определенных групп и преступных сообществ (орудия и способы совершения преступления, различные материальные ценности и т.п.), но и включает в себя субъективные человеческие усилия и способности, которые реализуются в процессе деятельности, в том числе и криминальной. К субъективным человеческим усилиям и способностям можно отнести вырабатываемые во время преступной деятельности навыки и привычки, знания, умения; уровень интеллектуального развития, эстетические потребности, этические взгляды, мировоззрение, формы и способы взаимного общения в рамках данных сообществ и за их пределами; способы разрешения споров и конфликтов, создание и руководство преступными сообществами и т.п.

Криминальная субкультура в настоящее время являет собой многообразие различных форм, представляющих субкультуру групп, занятых конкретной криминальной деятельностью, отражающей степень их организованности и профессионализма. Таким образом, по нашему мнению, криминальную субкультуру составляют такие самостоятельные субкультуры, как субкультура представителей профессиональной преступности; субкультура представителей организованных форм преступности; пенитенциарная субкультура.

По мнению Н.П. Барабанова одно из проявлений субкультуры уголовного мира – субкультура, сложившаяся в местах лишения свободы, тюремная субкультура связана с преступной субкультурой, но в местах лишения свободы имеет отличие, обусловленное

особенностями развития системы ценностных ориентаций осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы [1, с. 30].

Субкультура криминального мира в целом и субкультура в местах лишения свободы в частности объективны в том смысле, что их стереотипы (категории, нормы, модели, образцы-схемы) являются в рамках уголовного мира и тюремного сообщества общезначимыми и обязательными, имеющими принудительный характер.

На наш взгляд, субкультура осужденных представляет собой сложное явление. Поэтому неслучайно, одни ученые полагают, что тюремная субкультура – неформальная жизнь преступников, оказавшихся в местах лишения свободы [2, с. 9]. Другие называют её разновидностью криминальной [3, с. 42]. Третьи считают, что это сформированная в местах лишения свободы систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических норм, правил поведения, традиций, взглядов и идей, присущих лицам с устойчивыми антисоциальными и асоциальными ценностями, ориентациями и установками [4, с. 35]. Так или иначе, все исследователи единодушно признают наличие и существование криминальных корней, и их влияние на образ жизни в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы.

В формировании пенитенциарной субкультуры играют роль две группы факторов: внутренние и внешние, – ибо жизнь осужденного в условиях изоляции так же, как и жизнь любого человека, определяется внешними и внутренними факторами. Однако воздействие внешних факторов имеет локальный характер, поскольку возможности для удовлетворения осужденными потребностей ограничены условиями содержания в исправительном учреждении.

Внутренние факторы – это процессы, происходящие в микросреде осужденных. Если субкультура – это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, то содержание этих ценностей, установок, способов поведения, жизненных стилей будет определяться качественным составом социальной группы. Если же в местах лишения свободы принудительно содержатся лица, принадлежащие к различным социальным группам и представляющие различные субкультуры – как профессионально криминальные, так и случайно криминальные, – то вполне естественно, что субкультура осужденных является своеобразной «смесью» из различных субкультур. Ценности таких субкультур не только не совпадают, но и неизбежно входят в противоречие друг с другом.

Отсюда в генезисе субкультуры осужденных можно условно выделить три стадии. *На первой стадии* различные стихийно образованные групповые субкультуры находятся в состоянии противоречий, противоборства, конфликта – эту стадию условно можно назвать *стадией конфликтного состояния, или стадией зарождения пенитенциарной субкультуры*.

На второй стадии большинство осужденных вынуждены принимать ценности и установки доминирующей социальной группы. Эту стадию можно условно назвать *стадией компромисса, вынужденного принятия навязанных норм поведения большинством осужденных*.

В заключительной стадии происходит процесс *обоснования ценностей субкультуры осужденных, ее культивирование*. На протяжении советской и постсоветской истории уголовно-исполнительной системы субкультура осужденных отличалась противоправным содержанием, что позволяет сделать вывод о доминировании отдельных социальных групп, придерживающихся криминальных ценностей. Такая субкультура будет существовать до тех пор, пока она будет отвечать интересам большинства осужденных. Несоответствие общей

субкультуры осужденных интересам отдельных групп осужденных, как правило, связано с насильственным навязыванием меньшинству ценностей большинства и лишь в отдельных случаях компромиссного, нередко временного соглашения между противоборствующими сторонами.

Внешние факторы можно определить как отношение государства к преступности в целом и к осужденным в частности, которое выражается в уголовно-исполнительной политике, непосредственно реализуемой администрацией исправительной колонии. Уголовно-исполнительная политика и субкультура осужденных находятся в своеобразном неизбежном противоречии. Чем большая сфера условий жизни осужденных регулируется государством, тем меньше форм и способов проявления у субкультуры осужденных. И, наоборот, чем пассивнее уголовно-исполнительная политика государства, особенно в создании условий содержания осужденных, их раздельном содержании, исходя из личностных особенностей контроля над внутренними процессами в среде осужденных, тем активнее в жизни осужденных начинают проявляться элементы пенитенциарной субкультуры.

При таком подходе можно с уверенностью утверждать, что нежелание сотрудников администрации исправительных учреждений принимать участие в жизни осужденных по поводу решения насущных вопросов, связанных, например, с предоставлением длительного свидания, получением передачи (посылки), выдачи или замены одежды, обуви, спальных принадлежностей, получением медицинского лечения и т.п., неизбежно вынуждает осужденных изыскивать иные способы удовлетворения собственных потребностей, включая обращение за помощью к авторитетам криминальных сообществ, что неизбежно влечет и зависимость от них.

Следовательно, пенитенциарная субкультура детерминирована, обусловлена комплексом сложившихся условий жизнедеятельности осужденных в колонии, а также является своеобразной основой для воспроизводства криминальной субкультуры.

Пенитенциарная субкультура – динамичное явление, она видоизменяется вместе с изменением характера и структуры преступности [5, с. 23]. Некоторые из впервые осужденных, попадая под влияние опытных преступников, начинают слепо следовать им, стремятся примкнуть к «авторитетам». Субкультура осужденных представляет собой неизбежное явление, поскольку такие лица в местах лишения свободы пытаются найти способы ослабления тяжелых условий изоляции, обрести свою роль, проявить свое «Я» в вынужденном сообществе.

По нашему мнению, «иная жизнь» возникает в местах лишения свободы в связи с противоречиями между нормами, моральными ценностями, признающимися администрацией исправительных учреждений, и ценностями, которые признаются частью осужденных, содержащихся в этих учреждениях, чаще всего консолидирующихся в малые группы, имеющих свою идеологию, собственный кодекс.

Консолидация осужденных на базе специфической субкультуры особенно негативно влияет на их личность и поведение. Такая культура становится основным фактором, компенсирующим в той или иной степени тяжесть лишений, связанных с отбыванием наказания. У осужденных формируется убеждение в том, что только в «своей» среде, а не со стороны администрации, они могут найти понимание и поддержку. В результате обостряется их противостояние персоналу исправительных учреждений и в конечном итоге обществу в целом [6, с. 120].

Формальная организация жизни осужденных в условиях лишения свободы не способна охватить все стороны жизни человека. Она сводит воедино лишь функциональные, имеющие отношение к делу элементы среды и функции человека. Человеку для самовыражения всегда не хватает возможностей, оставленных ему любой формальной организацией.

Каждый осужденный привносит в формальную организацию свои ожидания, цели, настроения, мнения, поэтому в местах лишения свободы самоорганизация носит массовый характер, в нее практически вовлекаются все. К сожалению, приоритетными становятся «воровские законы», которые в большей степени отражают интересы и ценности осужденных. Поэтому отношение осужденных к такой субкультуре зависит от их жизненного и криминального опыта, вида и характера преступления и др.

В этой связи, по нашему мнению, субкультура осужденных (пенитенциарная субкультура) – это вид криминальной субкультуры, обусловленный системой воздействия государства на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, включая создание для них условий отбывания наказания и регулирование многих сторон их жизнедеятельности с одной стороны, с другой – исходя из таких условий, их вынужденным стремлением приспособиться, обеспечить свою безопасность, самоутвердиться в сообществе себе подобных, где неизбежно формируется присущая такому сообществу система ценностей, понятий, обычаев, регулирующих взаимоотношения между изолированными от общества лицами.

Таким образом, субкультуру осужденных можно рассматривать как своеобразную динамическую систему, как результат компромисса между условиями, в которых вынужден находиться преступник, и необходимостью обеспечения им своей безопасности, с одной стороны, а также необходимостью самоутверждения, понимания, поддержки, с другой. Между сообществом осужденных и государством проявляются строго определенные урегулированные нормами права отношения как к лицам, совершившим преступления, и за это они наказаны и нуждаются в принудительном воздействии как к преступникам со всеми вытекающими из этого факта обстоятельствами. Отсюда замкнутость, стремление противодействовать, в том числе в групповых формах, что вполне закономерно и присуще осужденным.

Литература

1. Барабанов Н. П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18).
2. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994.
3. Анисимков В. М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России: дис ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 1998.
4. Громов В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009.
5. Анфиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.
6. Уваров И. А. Идеология пенитенциарного сообщества в механизме латентизации пенитенциарной преступности // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 3.

УДК 343

**ОТЛИЧИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО
ХАРАКТЕРА ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
DIFFERENCES BETWEEN COMPULSORY MEDICAL TREATMENT
AND CRIMINAL PUNISHMENT**

*Апольский Е.А., Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «ВГУЮ»
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
теории и истории государства и права*

*Apolski E.A., Rostov Institute (branch) FSBEI UGWU (RPA of the Ministry of justice of
Russia), candidate of law, docent, the head of theory and history of state and law department
e-mail: apolski@mail.ru*

*Иващенко Д.А., Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «ВГУЮ» (РПА
Минюста России), студент 4 курса очной формы обучения*

*Ivaschenko D.A., Rostov Institute (branch) FSBEI UGWU (RPA of the Ministry of
justice of Russia), 4nd year student of full-time training
e-mail: ivashhenko.dmitij.95@mail.ru*

*Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотреть отличия
принудительных мер медицинского характера от уголовного наказания. Сформулирован
вывод о том, что несмотря на определенные сходства, в том числе в части наличия
общей цели (предупреждения совершения новых преступлений) следует выделять целый
ряд оснований, по которым принудительные меры медицинского характера можно
отграничить от наказания.*

*Annotation: The paper attempts to examine the differences of compulsory medical
measures from criminal punishment. It formulated a conclusion that despite some similarities,
including in terms of the availability of general purpose (preventing the commission of further
offenses) should be allocated to a number of grounds on which compulsory medical measures
can be distinguished from punishment.*

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, наказание.

Key words: compulsory medical measures, punishment.

В настоящей статье, исходя из методологии, использующейся в науке уголовного права, будут рассмотрены отличия принудительных мер медицинского характера от уголовного наказания [1,2,3].

Исходя из содержания УК РФ, принудительные меры медицинского характера могут применяться к лицам, совершившим преступные деяния в состоянии невменяемости; к лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости; к лицам, страдающим расстройством

сексуального предпочтения, не исключая вменяемости. Особенностью всех вышеуказанных категорий граждан является то, что, в отличие от других преступников, их общественная опасность обусловлена имеющимся психическим расстройством. Кроме того, число случаев применения принудительных мер медицинского характера заметно возрастает. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2013 год было зафиксировано 6604 случая применения принудительных мер к невменяемым [4], а за 2014 год эта же мера назначалась уже 7968 раз [5]. В связи с этим очень важно определить правовую природу принудительных мер медицинского характера, выделить их сходства и различия с уголовным наказанием.

Следует отметить, что принудительные меры медицинского характера, так же, как и наказание, являются мерой государственного принуждения, которая применяется к лицам, представляющим опасность для себя и окружающих, и состоит в определенных ограничениях и лишениях прав и свобод вышеуказанных лиц. Однако принудительные меры медицинского характера имеют ряд признаков, отличающих их от наказания.

Первой отличительной чертой следует считать цель применения. Цели уголовного наказания изложены в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Это восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Целями принудительных мер медицинского характера в соответствии со ст. 98 УК РФ являются излечение лиц, которым может быть назначено принудительное лечение или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых уголовно-наказуемых деяний. Как видно из содержания УК РФ, общей целью рассматриваемых институтов является предупреждение, которое также называют превенцией. Но при этом достигается данная цель разными способами.

Превенция как цель уголовного наказания делится на общую (обращенную ко всему населению) и специальную (обращенную к лицам, уже совершившим преступление). Специальное предупреждение достигается, во-первых, лишением или ограничением возможности лица совершить новое преступление, во-вторых, его устрашением. Общее же предупреждение достигается самим фактом существования УК РФ, в котором закреплен исчерпывающий перечень составов преступления, за которые предусмотрено соответствующее наказание, а также наличием случаев применения определенного наказания за совершение конкретного преступления [6].

Предупреждение новых преступлений как цель принудительных мер медицинского характера – это достижение такого состояния душевнобольного, при котором снижается или вовсе исчезает вероятность совершения новых преступных деяний, при этом как во время, так и после отмены принудительного лечения. Лицо, страдающее психическими заболеваниями, в первую очередь, пытаются излечить, и только тогда, когда этого сделать не удастся, принудительные меры медицинского характера применяются как способ физической изоляции больного от общества в целях недопущения совершения им новых преступлений. Следует также отметить, что в данном случае можно говорить лишь о специальной превенции.

Также данные правовые категории различаются по основаниям назначения. Для назначения наказания необходим факт совершения преступления. Основание же назначения принудительных мер медицинского характера не столь однозначно и

конкретно. Во-первых, также как и при назначении уголовного наказания, требуется наличие факта совершения преступления. Во-вторых необходимо, чтобы лицо, совершившее общественно опасное деяние соответствовало одной из категорий, указанных в ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Следует отметить, что перечисленные основания для применения принудительных мер медицинского характера являются необходимыми элементами. Отсутствие хотя бы одного из них означает отсутствие правовой базы применения принудительных мер медицинского характера.

Отсюда вытекают и различия в субъектном составе. Если наказание формально можно применить к каждому лицу, совершившему преступление, то принудительные меры медицинского характера, - только к лицам, совершившим общественно опасные деяния и одновременно страдающим психическими расстройствами, которые и обуславливают их опасность для себя и окружающих.

Ещё одним отличием наказания от принудительных мер медицинского характера является то, что в постановлении суда, которым назначается принудительное лечение, не устанавливаются конкретные сроки, поскольку невозможно определить, какой период времени займет это лечение. Вследствие этого принудительные меры медицинского характера исполняются до тех пор, пока не произойдет улучшение психического состояния душевнобольного, снижение или изменение его общественной опасности до такой степени, когда возможно будет поставить вопрос об изменении вида лечения либо вообще об его отмене. Наказание же преимущественно носит срочный характер. Сроки его применения должны точно указываться в обвинительном приговоре суда.

Кроме того, принудительные меры медицинского характера могут быть в случае ухудшения психического состояния душевнобольного продлены судом. Продление же наказания не допускается независимо от того, достигло ли оно своих целей, исправилось ли лицо, к которому оно применялось.

Ещё одним основанием различия между рассматриваемыми уголовно-правовыми институтами считается возможность или невозможность применения условного осуждения. В соответствии со ст. 73 УК РФ наказание может быть условным, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания назначенного наказания. На применение же принудительных мер медицинского характера условность не распространяется. Все виды принудительного лечения должны быть реальными, иначе теряется смысл их назначения.

Следующим отличительным признаком применения принудительных мер медицинского характера является отсутствие такого негативного уголовно-правового последствия, как судимость.

Еще одним отличием является наличие возможности условно-досрочного освобождения лица, которое допускается в случае отбывания наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ, лишения свободы. При принудительном лечении применение данного института не предусмотрено.

Также необходимо отметить, что лица, которым были назначены принудительные меры медицинского характера, в отличие от осужденных к наказанию, не могут быть амнистированы и помилованы. Амнистия и помилование представляют собой акты

прощения, доверия со стороны государства. В соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ и ч. 1 ст. 84 УК РФ акт об амнистии издает Государственная Дума РФ в отношении неопределенного круга лиц, в связи с каким-либо значимым событием. В соответствии с этими же источниками помилование осуществляется Президентом РФ в отношении индивидуально-определенного лица. При этом как в случае амнистии, так и в случае помилования необходимо наличие определенных условий. В частности, при помиловании учитывается поведение осужденного.

При отмене принудительных мер медицинского характера не учитываются наступление каких-либо знаменательных событий, не играет никакой роли поведение больного. Освобождение возможно лишь при излечении или улучшении психического состояния лица, к которому применялось принудительное лечение.

Кроме того, объявление амнистии или осуществление помилования невменяемого недопустимо, поскольку это не повлечет за собой никаких уголовно-правовых последствий. Данные лица итак уже считаются освобожденными от уголовной ответственности, что специально оговаривается в постановлении суда, которым назначаются указанные меры.

Еще одним отличием, о котором следует упомянуть, является то, что назначение наказания по общему правилу — это обязанность суда, а назначение принудительных мер медицинского характера, исходя из формулировки ст. 97, — его право.

Таким образом, несмотря на определенные сходства, в том числе в части наличия общей цели – предупреждения совершения новых преступлений, был выделен целый ряд оснований, по которым принудительные меры медицинского характера можно отграничить от наказания: способ достижения указанной общей цели; основания применения; субъектный состав; сроки; возможность продления; возможность применения института условного осуждения; наличие/отсутствие судимости; возможность условно-досрочного освобождения, применения амнистии и помилования; обязательность применения.

Литература

1. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
2. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82
3. Коровин Е.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий. – М., 2015 (Сер. «Борьба с преступностью: вчера, сегодня, завтра»).
4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 г. [Электронный ресурс] // <http://www.cdep.ru> (Дата обращения: 20.10.2016г.)
5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 г. [Электронный ресурс] // <http://www.cdep.ru> (Дата обращения: 20.10.2016г.)
6. Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2013. С. 106.

УДК 34

**К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ
FOR QUESTIONS ON HOW TO APPEAL AGAINST THE**

*Бескибалов Р.В., г.Ставрополь, ЧОУ ВО «Ставропольский университет», аспирант
кафедры уголовного права и уголовного процесса*

*Beskibalov R.V., Stavropol, NOL IN «Stavropol University», graduate student
of chair of criminal law and criminal procedure*

e-mail: laliy@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена краткому анализу проблем, возникающих при реализации права на апелляционное обжалование у различных субъектов уголовного судопроизводства в связи с существенным изменением института апелляции

Annotation: The article is devoted to a brief analysis of the problems encountered in the implementation of the right to appeal against the various actors in the criminal proceedings in connection with a significant change in the appeal of the Institute.

Ключевые слова: апелляционное производство, обжалование, суд, пересмотр решения суда

Keywords: appeal proceedings, the appeal court, review of the judgment

История апелляционного производства в нынешнем его понимании достаточно богата. Появившись впервые в законодательстве нашей страны в конце 19 века в эпоху глобальных реформ не только законодательства, но и всех сфер жизни общества и государства, впоследствии много десятилетий находясь в забвении, сегодня действует вновь, трансформируясь из кассационного пересмотра уголовных дел, сохранив не только название, но и основное свое предназначение – каждое лицо по сути имеет право на рассмотрение его дела дважды.

Стадия апелляционного производства обязательной не является. Потребность в ней возникает с связи с наличием апелляционных жалоб от участников процесса и наличия оснований для пересмотра уголовного дела.

Право апелляционного обжалования, согласно ст. 389.1 УПК РФ, принадлежит «...осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю и (или) вышестоящему прокурору, потерпевшему, частному обвинителю, их законным представителям и представителям... Гражданский истец, гражданский ответчик или их законные представители и представители вправе обжаловать судебное решение в части, касающейся гражданского иска». Закон также говорит и об иных лицах, которые могут воспользоваться правом апелляционного обжалования, не приводя их точный перечень, а определяя как иные лица, которые могут обжаловать судебное решение в части, которая затрагивает их законные права и интересы.

В ст. 389.2 УПК РФ указано, какие решения суда первой инстанции могут быть обжалованы одновременно с обжалованием итогового решения суда, а какие подлежат до

вынесения этого решения: «Определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу... До вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству; судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы, о наложении ареста на имущество, об установлении или продлении срока ареста, наложенного на имущество, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору; другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также частные определения или постановления».

Что касается формы подачи апелляционной жалобы (устно или письменно), то закон прямо ее не называет, однако отсутствие в ст. 389. 6 УПК РФ ссылки на то, что жалоба должна быть занесена в протокол судебного заседания, свидетельствует о том, что жалоба может быть подана исключительно в письменном виде.

Заметим, что возможность подать жалобу в устном виде значительно ускорит направление дела в суд апелляционной инстанции (в случае внесения соответствующих изменений в УПК РФ). Так, например, после провозглашения приговора председательствующий по делу не только разъяснит сторонам право на апелляционное обжалование и его порядок, но и разъяснит требования, предъявляемые к апелляционной жалобе, указанные в ст. 389.6 и 389.15 УПК РФ, что позволит участнику в зале суда, в присутствии сторон подать жалобу (этот пример нельзя рассматривать как ограничение права участника на составление жалобы самостоятельно в десятидневный срок и на ознакомление с протоколом судебного заседания). Здесь необходимо учесть, что участнику процесса, не являющегося профессиональным юристом, может быть достаточно сложно составить жалобу в соответствии с требованиями ст. 389.6 УПК РФ, что может повлечь за собой возвращение жалобы для ее пересоставления, на основании ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ [1, с.157]. Смирнов В.В. обоснованно считает, что доводы лица, подавшего жалобу, могут быть (несмотря на требования, изложенные в п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ) сформулированы лаконично в виде мнения о несправедливости приговора, утверждения о своей невиновности и т.д. [2] В пользу возможности устной подачи апелляционной жалобы (или ее письменного изготовления после провозглашения приговора) свидетельствует и то, что именно председательствующий по делу первой инстанции решает вопрос о соответствии жалобы установленным требованиям. Кроме того, стороны могут после озвучивания жалобы заинтересованного лица подать на нее возражения, которые соответствующее лицо незамедлительно получит.

Изложенная возможность, связанная с устной подачи жалобы, значительно ускорит направление уголовного дела в суд апелляционной инстанции и сократит сроки вступления приговора в законную силу.

Согласно ст. 389.7. УПК РФ суд, постановивший приговор, должен направить копии поступивших жалоб заинтересованным сторонам, разъяснить им право подать возражения в письменном виде, с указанием срока. Поскольку в этой статье указано, что возражения приобщаются к материалам дела, то, соответственно, представляется, что дело в суд апелляционной инстанции до этого момента направлено быть не может. Здесь возможно есть необходимость для оптимизации процессуальных сроков порядка уведомления сторон расширить способы использования в судопроизводстве электронных средств коммуникации.

В УПК РФ в ст. 389.5, регламентирующей порядок восстановления срока апелляционного обжалования, предусмотренная процедура восстановления срока на обжалование достаточно сложная и обязывает ходатайство о восстановлении срока рассматривать в судебном заседании, причем не только судьей, рассмотревшим дело, но и любым другим судьей. При этом постановление об отказе в восстановлении пропущенного срока может быть обжаловано в вышестоящий суд, который вправе отменить это постановление и рассмотреть поданные апелляционные жалобы по существу либо вернуть их в суд, вынесший обжалуемое решение, для выполнения требований, предусмотренных ст. 389.6. УПК РФ (содержание апелляционной жалобы).

Нам непонятна позиция законодателя, как правильнее поступать судье, вынесшему обжалуемое решение, и возникает ряд вопросов, которые нуждаются в разъяснении. Так, есть ли необходимость рассматривать это ходатайство в судебном заседании? Надо ли извещать стороны об этом ходатайстве? Как следует из ч. 2 ст. 389.5. УПК РФ, может быть только обжаловано постановление об отказе в восстановлении пропущенного срока, почему же нельзя заинтересованной стороне обжаловать постановление об удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока? В этой же ч. 2 отмечено, что вышестоящий суд может рассмотреть поданные апелляционные жалобы по существу, либо вернуть их в суд, для выполнения требований ст. 389.6. УПК РФ. Получается, что выполнение требований ст. 389.7. УПК РФ уже необязательно и суд второй инстанции вправе без получения возражений на жалобу рассмотреть ее?

Допустим, одна из сторон полностью удовлетворена приговором, однако по истечении срока на его обжалование получает копию апелляционной жалобы от другой стороны и в ней указаны новые доказательства, которые сторона представит в суд второй инстанции. Соответственно, срок на обжалование пропущен, хотя решение не вступило в законную силу (можно ли здесь признавать неважность пропуска срока), однако имеется право на подачу возражений и может ли эта сторона представить в возражениях новые доказательства и может ли суд второй инстанции исследовать их?

Представляется, что возражения на жалобу по своим процессуальным последствиям, необходимо приравнять к апелляционной жалобе и тогда вопросов, связанных с восстановлением пропущенного срока на обжалование станет значительно меньше.

УПК РФ не регламентирован срок, в течении которого, суд первой инстанции по истечении срока на обжалование обязан направить уголовное дело в суд второй инстанции.

По мнению В. И. Кононенко, установление конкретного срока было бы излишним, ввиду того, что сформировать апелляционное досье фактически нереально, поэтому следует исходить из понятия «разумного срока», т.е. в срок без необоснованной задержки [3, с.116].

В ст. 389.10. УПК РФ установлены сроки для рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке, которые не должны быть начаты позднее чем в 15, 30 и 45 суток, для районного, областного и приравненного к нему судов и Верховного Суда РФ. На первый взгляд может показаться, что эти сроки, учитывая размер территорий, подсудные некоторым областным и краевым судам России нельзя признать большими. Однако в некоторых случаях возможно есть необходимость их снизить и установить такие же, как в ч. 3 ст. 227 УПК РФ, когда судья обязан принять соответствующее решение не позднее 14 суток со дня поступления дела в суд, когда обвиняемый содержится под стражей.

Ст. 389.11 УПК РФ достаточно четко регламентирует назначение и подготовку заседания суда апелляционной инстанции. Ч. 3 этой статьи предусматривает возвращение дела в суд первой инстанции для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению данного дела судом апелляционной инстанции, в случаях невыполнения требований ст.ст. 389.6. и 389.7. УПК РФ.

Однако, как правильно отмечается в юридической литературе, неясно что законодатель подразумевает под понятием препятствие для рассмотрения жалобы?

Допустим, потерпевший не указал в своей жалобе наименование суда апелляционной инстанции или суда вынесшего судебное решение. Представляется, что невыполнение в этой части требований ст. 389.6. УПК РФ не будут препятствовать рассмотрению жалобы в суде апелляционной инстанции и возвращение дела по этим основаниям будет влечь за собой исключительно к увеличению срока рассмотрения дела и нарушает права сторон на доступ к правосудию. Ведь для председательствующего по делу вполне очевидно, какой потерпевший и по какому делу обжалует судебное решение, также для него очевидно, какой суд в апелляционном порядке должен рассматривать это дело. Очевидны эти обстоятельства и у судьи, который будет рассматривать это дело в апелляционном порядке. Таким образом, возвращение дела по формальным основаниям является по меньшей мере нецелесообразным [1, с.155].

Предположим, в материалах дела, поступивших в суд апелляционной инстанции, нет данных о получении потерпевшим копии жалобы осужденного, который не согласен исключительно с размером наказания и считающего его чрезмерно строгим. Формально это является неоспоримым основанием для возвращения дела в суд, вынесший обжалуемое решение. Вместе с тем, если из материалов дела будет усматриваться, что потерпевший в прениях не настаивал на размере наказания и оставил этот вопрос на усмотрение суда, можно ли говорить о том, что неполучение потерпевшим копии жалобы затрагивает его права и какие здесь будут иметься препятствия для суда апелляционной инстанции? Необходимо учесть и то, что согласно ст. 222 УПК РФ прокурор, направляя дело в суд, обязан уведомить об этом стороны, с разъяснением им соответствующих прав. Более того, в случаях, предусмотренных ч. 4 этой статьи, т.е. при уклонении обвиняемого от получения копии обвинительного заключения, прокурор только сообщает в суд об этом с указанием причины. При этом невыполнение прокурором этих требований не является для суда

основанием для возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ).

Здесь необходимо еще учитывать и позицию Верховного Суда РФ, изложенную в постановлении Пленума от 24 марта 2005 г, № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ», где в ч. 2 п. 6 указано, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу, считается извещенным о времени и месте судебного рассмотрения и в случае, когда из указанного им места жительства (регистрации) поступило сообщение об отсутствии адресата по указанному адресу, о том, что лицо фактически не проживает по этому адресу либо отказалось от получения почтового отправления и т.д.

Таким образом возвращение материалов дела в суд первой инстанции не должно быть по формальным основаниям и, более того, может иметь место только в том случае, если судом не предпринимались меры к извещению сторон надлежащим образом. Если же суд первой инстанции предпринял все возможные меры к установлению места нахождения сторон, однако вручить им копию жалобы не представилось возможным, то и в этом случае возвращения дела в суд первой инстанции, на наш взгляд, недопустимо и суд апелляционной инстанции должен рассмотреть дело по жалобе по существу, но для этого необходима более четкая законодательная регламентация ч. 3 ст. 389. 11 УПК РФ.

Литература

1. Сердюков, С.В. Апелляционное производство по уголовным делам: история, современность и вопросы применения / С.В. Сердюков // Судебно-правовая реформа 1860-х г.г. в России и современное уголовно-процессуальное право: материалы Шмеждународной научно-практической конференции. – М.: Право, 2014.
2. Смирнов, А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: апелляция / А.В. Смирнов (Подготовлена для системы Консультант плюс, 2011 г.)
3. Кононенко, В. И. Апелляция в уголовном судопроизводстве / В.И. Кононенко / Под общей редакцией В.В. Ершова. - М., 2014.

УДК 343

**КЛЕВЕТА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
ОГРАНИЧИВАЮЩЕЕ СВОБОДУ СЛОВА
DEFAMATION AS A FREEDOM SPEECH RESTRICTION CRIME**

*Блинникова Д.В., аспирант Российского государственного университета правосудия
Blinnikova D.V., a graduate student of the Russian State University of justice
e-mail: 11081975@list.ru*

Аннотация: в статье анализируются уголовно-правовая норма об ответственности за клевету, её эффективность как законного средства ограничения свободы слова и обозначены некоторые проблемы реализации уголовной ответственности. Обращается внимание на то, что уголовная ответственность за клевету является конституционно обусловленной мерой защиты чести, достоинства и деловой репутации. Выявлены недочеты, допущенные при конструировании уголовно-правовой нормы об ответственности за клевету. Обозначены перспективы совершенствования уголовного законодательства.

Annotation: the article analyzes the article of Criminal Code on defamation, its effectiveness as legal means of restriction a freedom of speech, and shows some problems of realization of criminal liability for defamation. Noted that criminal liability of defamation is predetermined by constitutional law rules and it is a one of a legal measure of protection of honor, dignity and business reputation. Revealed some defects of criminal-law norm of defamation. Defined a prospect of improving the criminal legislation.

Ключевые слова: уголовно-правая норма, свобода слова, клевета, уголовная ответственность, наказание.

Keywords: criminal-law norm, freedom of speech, defamation, criminal liability, punishment.

Российское уголовное законодательство содержит различные предписания, которые прямо или косвенно связаны с ограничением свободы слова. Практически в каждой из глав Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержатся нормы, формулирующие запрет на свободное распространение информации или иным образом ограничивающие свободу слова.

В современных условиях эффективность имеющегося уголовно-правового инструментария в названной сфере заслуживает внимательной оценки. Сегодня перед законодателями различных стран, как никогда прежде, остро стоят вопросы об адекватности, необходимости достаточности уголовно-правовых мер для борьбы с так называемыми «словесными» преступлениями. Постановка этих вопросов приобретает особую актуальность в контексте расширения границ межличностного взаимодействия за счет виртуализации социальных контактов, «популяризации» радикальной и экстремистской идеологии и пр.

«Современный глобализированный мир, – пишет В.Н. Кудрявцев, – порождает новые проблемы, связанные со свободой слова»[1].

Определение параметров уголовно-правового ограничения свободы слова обусловлено в том числе и складывающимися в современном международном праве подходами к проблеме ограничения права на свободу волеизъявления. Обозначим их на примере деяния – клеветы. В §47 Замечания общего порядка №34, подготовленного Комитетом по правам человека, указано, что национальным правительствам следует тщательно подходить к разработке законов, касающихся клеветы, обеспечивать их соответствие положениям п. 3 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. об обеспечении равенства возможностей пользоваться гражданскими и политическими правами. Так же в Замечании №34 содержится рекомендация национальным правительствам о том, что не следует допускать на практике, чтобы такие законы использовались для ограничения права на свободное выражение мнений. Государствам-участникам рекомендовано рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьезными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания[2].

С учетом изложенного следует оценить имеющиеся в действующем уголовном законодательстве положения об ответственности за клевету.

Поскольку свобода слова есть важнейший элемент, образующий свободу личности, уголовные запреты, охраняющие эту абсолютную ценность, следует прежде всего искать внутри раздела VII УК РФ – «Преступления против личности». В структуру этого раздела Особенной части, включены некоторые преступления, связанные со злоупотреблением свободой слова. Так, в главе 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», установлена уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его деловую репутацию (ст. 128.1 «Клевета»). Вкратце, сущность этого преступления заключается в публичном (не менее одного адресата) сообщении не соответствующей действительности позорящей информации о другом человеке. В данном случае уголовная ответственность за клевету, казалось бы, есть логичная реакция государства на случаи злоупотребления субъективным правом.

Однако надо заметить, что современное отношение законодателя к оценке этого слово выразительного деликта как криминального действия не совсем однозначно. Будучи исключенным из уголовно-правового поля в декабре 2011 г.[3], уже в июле 2012 г. это деяние вновь было признано преступным[4]. При этом пределы уголовно-правового вмешательства (подход законодателя к дифференциации ответственности и концентрация наказаний в санкциях статьи) были изменены.

Следует предположить, что поспешная реанимация обозначенной уголовно-правовой нормы явилась реакцией на объективно существующую потребность в наличии традиционного для отечественной практики наиболее репрессивного уголовно-правового инструментария защиты нарушенного личного интереса[5]. Неслучайно в этом отношении появление в юридической литературе серии критических публикаций относительно

принятого в 2011 г. решения о декриминализации клеветы[6]. Как верно указывает С.В. Максимов: «Тот факт, что всего лишь несколько месяцев спустя после декриминализации клеветы законодатель восстановил за нее уголовную ответственность, говорит о том, что государство не должно забывать о своей обязанности всемерно укреплять нравственные начала в обществе всем средствами, т.е. формировать мораль»[7].

Между тем подобная неопределенность отечественного законодателя в вопросе юридической оценки клеветы, по всей видимости, есть еще и свидетельство отсутствия общественного согласия относительно инструментов ограничения и защиты свободы слова, когда сама суть посягательства на нее выражено в этом «слове». При этом в современном уголовно-правовом дискурсе все чаще звучит мысль о важности сохранения в уголовно-правовой сфере нормы, охраняющей честь, достоинство и деловую репутацию[8].

Не способствуют достижению компромисса в понимании возможностей уголовно-правовой защиты чести и достоинства от словесных посягательств и ссылки на зарубежный опыт. В мире наблюдается неоднозначная ситуация с регламентацией ответственности за клевету. С одной стороны, среди правотворческих тенденций в ряде зарубежных стран выделяется исключение уголовной ответственности за клевету[9]. А с другой, заметны попытки противостояния подобным тенденциям[10].

В литературе последних лет встречаются предложения о необходимости соблюдения принципа разумной достаточности при установлении ограничений прав и свобод человека. Однако не разработанность этого принципа в теории[11] и на уровне конституционно-правового толкования[12] является одной из причин, приводящих к подобным законотворческим «шатаниям» в уголовно-правовой сфере, что в частности можно наблюдать на примере регламентации ответственности за клевету.

Представляется, что в сложившейся ситуации предлагаемые международными организациями рекомендации (в частности, касающиеся использования уголовно-правовых средств в борьбе с клеветой в качестве средства *ultima ratio*) и выработанные практикой Европейского суда по правам человека подходы[13] могут быть расценены в качестве ориентиров в части установления и дифференциации ответственности за факты злоупотребления свободой слова. Обозначив возможные перспективы, стоит обратить внимание на то, соответствуют ли обозначенным «критериям» положения действующего УК РФ об ответственности за клевету.

Современная редакция уголовно-правовой нормы об ответственности за клевету предусматривает различные по своей форме способы злоупотребления свободой слова. Ключевым критерием признания факта злоупотребления субъективным правом будет являться целенаправленный (заведомый) характер распространения сведений, которые носят ложный и одновременно с этим порочащий характер. Как верно указывает Ю.Е. Пудовочкин: «Не соответствующими действительности (заведомо ложными) сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся распространяемые сведения. Эти сведения могут относиться лишь к фактам прошлого или настоящего; измышления о позорящих фактах, которые могут наступить в будущем, состава клеветы не образуют. Распространяемые при клевете сведения должны в деталях либо в общих чертах характеризовать какой-либо конкретный факт, при

этом они могут прямо указывать на событие или содержать косвенную информацию о нем»[14].

Степень общественной опасности совершения клеветнических действий, как ее понимает российский законодатель, может быть выражена по-разному и зависит от способа распространения ложных сведений и содержания ложной информации. Так, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 128-1 УК РФ установлена за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его деловую репутацию, любым способом (кроме тех, что указаны в квалифицированных видах этого преступления). Такое решение вполне логично, принимая во внимание, что доведение порочащей информации до сведения третьих лиц может быть выражено по-разному (образно, инсказательно, оскорбительно и т.д.). К примеру, суд обоснованно признал клеветой действия подсудимой П., выразившиеся в сообщении по телефону заведомо ложных сведений об изнасиловании её малолетнего сына потерпевшим, а также в распространении изготовленных ею листовок с аналогичной информацией среди жильцов дома, в котором проживал потерпевший[15]. В связи с чем Верховный Суд РФ обращает особое внимание на необходимость внимательного изучения способов совершения преступления, предусмотренного ст. 128-1 УК РФ, и в необходимых случаях рекомендует нижестоящим судам назначать лингвистическую экспертизу или привлекать для консультации специалистов (например, психолога)[16].

В квалифицированном составе клеветы, в ч. 2 ст. 128-1 УК РФ, сделан акцент на способе совершения преступления – ложные сведения должны распространяться посредством публичного выступления, в публично демонстрируемом произведении или в средствах массовой информации. Признак публичности в данном случае означает, что виновным лицом осознается большой охват аудитории. Причем для квалификации содеянного по ч. 2 ст. 128-1 УК РФ не требуется установления количественного критерия «слушателей». Важен факт того, что распространяемые таким образом сведения становятся широко доступными.

В прикладном смысле наибольшие трудности при квалификации содеянного по ч. 2 ст. 128-1 УК РФ возникают при оценке признака публичности в тех случаях, когда порочащие сведения размещены на Интернет-ресурсах, не зарегистрированных в качестве средств массовой информации[17]. Судебная практика в этом случае противоречива. Так, факты распространения заведомо ложных сведений на страницах различных социальных сетей судами оцениваются по различным частям ст. 128-1 УК РФ[18].

Представляется, что решение обозначенной проблемы можно найти в разъяснениях высшей судебной инстанции. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. №16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» указано, что «лица, допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет, не зарегистрированные в качестве средств массовой информации, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации»[19]. Таким образом, Верховный Суд

РФ указывает на необходимость квалификации случаев распространения через Интернет заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство и подрывающих деловую репутацию по ч. 2 ст. 128-1 УК РФ

Отдельное внимание законодатель уделяет фактам распространения заведомо ложной информации лицами, которые используют для этих целей свое служебное положение (ч. 3 ст. 128-1 УК РФ). В данном случае повышение ответственности логично, поскольку происходит как бы «двойное» злоупотребление правом: лицо, используя имеющиеся полномочия вопреки законным интересам, злоупотребляет свободой выражения мнения. Примером такой клеветы могут выступать действия главного редактора, в полномочия которого входит принятие решения о выпуске в печать очередного выпуска журнала, выражающиеся в размещении им в своей колонке заведомо ложных сведений, порочащих другое лицо.

В особо квалифицированных составах клеветы (чч. 4, 5 ст. 128-1 УК РФ) важное значение придается содержанию излагаемой виновным лицом информации. Распространение ложных сведений о наличии у лица социально опасного заболевания[20] или информации о якобы совершенном лицом сексуальном или ином тяжком или особо тяжком преступлении влечет повышенную уголовную ответственность. Не вызывает особых сомнений потребность в дифференциации уголовной ответственности в зависимости от способа распространения информации и характера такой информации. Однако используемые законодателем формулировки обоснованно критикуются специалистами[21]. Так, к примеру, неопределённое в тексте закона понятие «преступление сексуального характера», в совершении которого необоснованно обвиняется другое лицо, а также используемая в диспозиции статьи формулировка «клевета, соединенная с совершением преступления сексуального характера», вызывают множество вопросов среди правоприменителей, по-разному трактуются учёными, и в конечном итоге не отвечают принципу определенности уголовно-правового запрета. В связи с чем описание объективной стороны деяния в уголовно-правовой норме об ответственности за клевету нуждается в уточнении.

Как следует из самой сущности анализируемого деяния, совершается клевета только прямоумышленно, с желанием опорочить другого человека. Лицо должно достоверно знать и быть уверенным в том, что оно распространяет ложные сведения. На это, в частности, указывает используемый законодателем термин «заведомо». Как подчеркивается в судебной практике, заблуждение или сомнение лица в истинности распространяемых им сведений исключает уголовную ответственность за клевету[22]. Мотивы и цели преступника законодателем не обозначены. На квалификацию они не влияют, но могут быть учтены при назначении наказания.

Анализ сконструированных законодателем санкций за клевету свидетельствует, что в этом отношении имеющиеся в арсенале российского правоприменителя инструменты, на первый взгляд, адекватны характеру и степени общественной опасности деяния, выражающегося в злоупотреблении свободой слова. В санкциях всех пяти частей ст. 128-1 УК РФ предусмотрены не связанные с изоляцией от общества наказания в виде штрафа и обязательных работ. Вместе с тем, безальтернативность наказаний в ч. 1 – 3 ст. 128 УК РФ, достаточно большие размеры штрафов (их верхние границы), невозможность назначить наказание за клевету лицам, не способным выплатить штраф, или тем категориям

осужденных, которым не могут быть назначены обязательные работы (в соответствии с ч. 4 ст. 49 УК РФ), ставит под сомнение эффективность существования уголовно-правового механизма противодействия преступлениям, связанным с злоупотреблением свободой слова, в изучаемом ракурсе. Следует отметить, что понимание излишней репрессивности предусмотренных наказаний за клевету правоприменителем[23] привело к практике назначения наказания «по минимуму». Во всех случаях назначенное в 2015 г. за клевету наказание в виде штрафа не превышало 100 тыс. руб. Причем, 92% назначенных штрафов было назначено в размере до 25 тыс. руб.[24]

Изложенное позволяет заключить, что использование уголовно-правового инструментария для противодействия наиболее опасным формам злоупотребления свободой слова на примере преступления клеветы является собой результат эволюционного развития права и объясняется потребностью общества в защите наиболее важных гуманитарных ценностей средствами уголовного права. Вместе с тем последние представляются недостаточно эффективными и нуждаются в модернизации в соответствии с формирующимися в международном праве и социальной действительности трендами.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Свобода слова. М., 2006. С. 31.
2. Замечание общего порядка №34, ССРР/С/GC/34, 12 сентября 2011 г. Комитета по правам человека. Сто вторая сессия. URL : <https://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom34.html>
3. Федеральный закон от 07.12.2011 г. №420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. №278. 09.12.2011.
4. Федеральный закон от 28.07.2012 г. №141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. №174. 01.08.2012.
5. Еще по Уставу Князя Владимира Святославовича и на протяжении всей истории развития отечественного уголовного права клевета рассматривалась в качестве преступного деяния.
6. См., например: Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. №2. С. 29 – 34; Осокин Р.Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процесс. 2012. №7-8. С. 196 – 199; Тасаков С.В. Реформа уголовного законодательства Российской Федерации в свете последних изменений // Российская юстиция. 2012. №4. С. 45 – 47 и др.
7. Максимов С.В. Двадцатилетие новейшей уголовно-правовой политики России: предварительные итоги и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. №4. С. 62.
8. См.: Скворцова О.В., Бовгиря А.Н., Литвина А.В. Уголовно-правовой анализ процесса реформирования законодательства, регламентирующего ответственность за клевету // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1. №3. С. 107.

9. См., подробнее о процессах декриминализации клеветы: Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть / под ред. С.П. Щербы. – М., 2010. С. 119 – 121.
10. К примеру, решением Конституционного суда Румынии от 18 января 2007 г. №62 было признано не соответствующим конституции решение национального законодателя о декриминализации оскорбления и клеветы. – См.: Официальный сайт Конституционного суда Румынии: URL: http://www.ccr.ro/decisions/pdf/en/2007/D062_07.pdf
11. См., подробнее: Егорова Е.В. Эволюция и современное состояние института ограничений прав и свобод человека и гражданина в России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 21.
12. См.: Елинский А.В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. №3. С. 159 – 176.
13. На необходимость учета практики ЕСПЧ при рассмотрении дел о клевете прямо указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В двух томах. Т. 1. (постатейный) / под. ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс»
15. Приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы по уголовному делу №1-445/10 г. : URL : <http://судебныерешения.рф/bsr/case/819997>
16. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. С. 14.
17. Актуальность этой проблеме среди прочего придает и тот факт, что не менее 80% всех случаев клеветы, как следует из результатов анализа практики работы органов дознания ГУ МВД России по г. Москве, совершается в виртуальном пространстве. – См.: Скворцова О.В., Бовгиря А.Н., Литвина А.В. Уголовно-правовой анализ процесса реформирования законодательства, регламентирующего ответственность за клевету // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1. №3. С. 112.
18. См., подробнее: Харитонов И.И. Тенденции совершенствования норм об уголовной ответственности за клевету // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №3. С. 117.
19. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. №8.
20. В законе используется формулировка «заболевания, представляющие опасность для окружающих». Перечень подобных заболеваний установлен постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. №715 (в ред от 13.07.2012 г.) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СПС «КонсультантПлюс»
21. См.: Поезжалов В.Б., Шахмаев М.М. Клевета: спорные вопросы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2015. №2. С. 49 – 52.
22. См.: Определение Верховного Суда РФ от 10.03.2015 г. №16-КГ14-37 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Московского городского суда от 30.11.2015 г. №4у-

634/2015 «Об отказе в передаче кассационной жалобы на судебные акты по делу о клевете для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс» и др.

23. В науке справедливо отмечается, что в сложившихся условиях уголовное наказание в виде штрафа в своих верхних пределах по суровости значительно превосходит другие наказания, считающиеся более суровыми и расположенные на следующих ступенях лестницы наказаний, а в аспекте субъективного восприятия осужденными в отдельных случаях штраф по своей суровости превышает карательный потенциал лишения свободы. – См.: Шеслер А.В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. 2015. №3. С. 129 – 135.

24. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, представленным по форме №10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» и форме №10.3.1 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы №10.3)» : URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>

УДК 343

**ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СУДЕБНЫХ
ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ
ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ
DESCRIPTION OF CERTAIN TYPES OF FORENSIC EXAMINATIONS
IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL TRAFFICKING IN FIREARMS,
AMMUNITION, EXPLOSIVES AND EXPLOSIVE DEVICES**

*Варченко И.А., Новороссийск, Новороссийский филиал Краснодарского университета
МВД России, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат
юридических наук*

*Varchenko I.A., Novorossiysk, Novorossiysk branch of Krasnodar University of Ministry of
internal affairs of Russia, associate Professor of the Department of criminal procedural law and
forensic science, candidate of legal Sciences*

e-mail: igorvarchenko@yandex.ru

*Аннотация: В статье рассматривается краткая характеристика судебных
экспертиз, наиболее востребованных практикой расследования указанных видов
преступлений.*

*Abstract: The article presents brief characteristics of the forensic examinations, the most
popular practice of the investigation of these types of crimes.*

*Ключевые слова: Огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывные устройства,
судебные экспертизы.*

Key words: Firearms, ammunition, explosive devices, forensic examinations/

Пунктом 7 Постановления пленума Верховного Суда РФ №5 от 12 февраля 2002 года определено, что в случаях, когда для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило, требуются специальные познания, по делу необходимо проведение экспертизы [1].

Сразу следует оговориться о том, что любое уголовное дело сугубо индивидуально и не существует формализованного и четко градуированного перечня процессуальных действий, включая и перечень криминалистических (судебных) экспертиз, сопровождающих процесс расследования. Должностное лицо, осуществляющее расследование, самостоятельно определяет его ход и направление, выбирая свою собственную тактику и решая задачи, продиктованные конкретными следственными ситуациями. Соответственно и набор экспертных решений будет зависеть от той обстановки, которая сложилась на конкретный момент расследования, тех вещественных доказательств, которые изъяты различными следственными действиями и той доказательственной базой, которая имеется у должностного лица, осуществляющего расследование, в принципе. В этой связи ученые

отмечают, что порядок судопроизводства един и обязателен по всему многообразию уголовных дел, каждому из которых присущи свои индивидуальные особенности...так как противоправное деяние совершается конкретными лицами в определенное время, в определенном месте, с определенными условиями внешней среды, поэтому расследование любого преступления требует индивидуального подхода [2]. Но, в тоже время, отмечается, что отражение в различных преступлениях общих закономерностей обуславливает применение методических положений общего характера, относящихся и к методике расследования отдельных видов преступлений. Это и объясняет наличие методических рекомендаций по расследованию тех или иных видов преступлений, по сути состоящих из рекомендуемого алгоритма действия в той или иной обстановке (при наличии той или иной следственной ситуации).

Как раз исходя из подобных криминалистических рекомендаций, анализа диспозиций статей Уголовного кодекса РФ, сгруппированных как «преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», анализа судебно-следственной практики по данным уголовным делам, интервьюирования и анкетирования сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел, можно установить, что в рамках криминалистического обеспечения процесса расследования деяний, предусмотренных ст.ст. 222-226.1 УК РФ, целесообразно назначение и производство судебных экспертиз, обеспечивающих решение двух самостоятельных направлений. Первое подразумевает исследование предметов, изъятых, обнаруженных при производстве следственных и иных действий, с целью определения относимости их к группам огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств; установления вида, марки, модели, серии (номера), способа изготовления и пригодности для осуществления своего целевого назначения. Второе направление подразумевает привязку субъекта преступления к обнаруженным (изъятым) предметам. Подобная привязка осуществляется путем решения идентификационных задач отдельных экспертиз по следам, обнаруженным на оружии, боеприпасах, взрывных устройствах или при обнаружении сопутствующих преступной деятельности материалов, документов.

Таким образом, вне зависимости от этапа расследования и наличия той или иной следственной ситуации, необходимо назначение и производство следующих экспертиз: баллистическая, взрывотехническая, трасологическая, криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (КЭМВИ), дактилоскопическая, биологическая экспертиза тканей и выделений человека (исследование ДНК), в ряде случаев – экспертиза холодного оружия, почерковедческая экспертиза и технико-криминалистическая экспертиза документов.

Опрос сотрудников правоохранительных органов позволил установить, что самыми распространенными исследованиями при расследовании анализируемых преступлений, выступают баллистические, в рамках которых нередко просят установить и принадлежность ручных гранат к определенной группе взрывных устройств, подменяя взрывотехническую экспертизу и, собственно, взрывотехническая. Достаточно часто назначается дактилоскопическая экспертиза с целью обнаружения и исследования следов рук человека на огнестрельном оружии, боеприпасах, взрывных устройствах.

В экспертно-криминалистических подразделениях ОВД России экспертизы производятся в соответствии с Перечнем родов (видов) судебных экспертиз [3], на основании которого можно детализировать и расширить отмеченные выше виды экспертных исследований.

Далее кратко охарактеризуем возможности перечисленных экспертиз.

Баллистическая экспертиза проводится в целях установления относимости предметов к огнестрельному оружию, патронов – к боевым припасам; определения исправности оружия и патронов и их пригодности к производству выстрела(ов); определения вида, системы, модели оружия; отождествления его по следам на снарядах (пулях, дроби, картечи) и гильзах; установления обстоятельств выстрела (направления и расстояния выстрела, местонахождения стрелявшего и др.), а также решения ряда иных вопросов, связанных с огнестрельным оружием и его применением.

Как правило, в первую очередь, по делам рассматриваемой категории, правоохранительные органы интересуют вопросы баллистической экспертизы, направленные на отнесение предмета к огнестрельному оружию или боеприпасам и их исправности (пригодности), а также способа изготовления.

В рамках баллистической экспертизы могут также решаться вопросы по исследованию следов выстрела (следов оружия на пулях, гильзах и других элементах боеприпасов; следов выстрела на пораженных объектах).

Взрывотехническая экспертиза проводится в следующих целях:

1. Отнесения представленных объектов к предметам преступления по ст.ст. 222-226.1 (боеприпасам, взрывчатым веществам, взрывным устройствам).

2. Выяснения обстоятельств, причин, иных криминалистических и технических вопросов по фактам взрывов.

3. Выяснения обстоятельств преступлений и происшествий по ситуациям, связанным с произошедшим взрывом или подготовкой к взрыву.

Наиболее востребованной с позиций практики расследования анализируемых составов преступлений выступают экспертные задачи по отнесению объектов к предметам преступления – так называемая классификационная экспертиза или объектная экспертиза.

Трасологическая экспертиза проводится в целях идентификации различных объектов по признакам их внешнего строения, отобразившимся в следах на месте происшествия, а также для диагностики различных обстоятельств, связанных с расследованием: направления движения (преступника, транспорта), времени происхождения следов, способа и последовательности действия преступника и т.п.

В зависимости от объектов исследования и характера решаемых задач различают следующие основные трасологические экспертизы: следов обуви; следов зубов; следов орудий взлома и инструментов; следов транспортных средств; замков и запирающих устройств; запорно-пломбировочных устройств (ЗПУ) и пломб; целого по частям; следов производственных механизмов; одежды; узлов и петель.

Применительно к расследованию незаконного оборота рассматриваемых в статье предметов преступления и возможных следственных ситуаций (особенно в ситуациях, когда совершены хищения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

устройств) стоит отметить следующие отдельные виды трасологической экспертизы, производство которых организовано во всех экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел: - трасологическая экспертиза следов обуви; - трасологическая экспертиза следов орудий взлома и инструментов; - трасологическая экспертиза следов транспортных средств; - трасологическая экспертиза замков и запирающих устройств; - трасологическая экспертиза запорно-пломбировочных устройств и пломб; - трасологическая экспертиза установления целого по частям.

Дактилоскопическая экспертиза – один из наиболее востребованных видов судебных экспертиз, позволяющих использовать отображения кожных узоров рук человека для идентификации личности в процессе расследования преступлений. Относительно рассматриваемых преступлений, следы с дактилоскопической информацией могут встречаться на оружии, боеприпасах, корпусах взрывных устройств, на упаковке к указанным предметам, на чертежах и схемах изготовления и пр.

Биологическая экспертиза тканей и выделений проводится в диагностических и идентификационных целях по следам крови, спермы, слюны, пота, волосам, фрагментам тканей человека и запаховым следам, изымаемым, как правило, с мест совершения тяжких преступлений против жизни, здоровья, половой неприкосновенности граждан. При этом используются криминалистические и судебно-медицинские методы исследований, анализ ДНК (генотипоскопия). С учетом решаемых задач и исследуемых объектов при расследовании незаконного оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывных устройств, в экспертно-криминалистических подразделениях субъектов России могут быть выполнены следующие виды биологической экспертизы: - исследование волос человека и животных; - судебно-геномная экспертиза.

Почерковедческая экспертиза проводится в целях установления исполнителя, половозрастных данных о нем, а также обстоятельств выполнения рукописных текстов, записей, подписей и других почерковых реализаций.

Рассматривая преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, необходимо отметить, что в качестве вещественных доказательств исходя из диспозиций соответствующих статей УК РФ, могут фигурировать различного рода отчетные и приходно-расходные документы, книги учета, чертежи, схемы, рабочие записи, исследование которых может проводиться как в рамках исследования почерка, так и в рамках технико-криминалистического исследования документа, о которых пойдет речь ниже. Довольно частыми объектами почерковедческих исследований или комплексных почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов выступают лицензии на приобретенное оружие, документы о прохождении соответствующей подготовки и периодической проверки знания правил безопасного обращения с оружием, медицинские заключения об отсутствии противопоказаний к владению оружием, охотничьи билеты.

При этом, говоря о почерковедческой экспертизе, нас в первую очередь интересуют ее идентификационные задачи и лишь в некоторых случаях – ситуационные.

Технико-криминалистическая экспертиза документов (ТКЭД) проводится в целях установления наличия (или отсутствия) признаков подделки документа, а также получения

данных для розыска и изобличения лица, изготовившего или подделавшего документ. Как уже отмечалось при описании объектов почерковедческой экспертизы, на практике достаточно распространенной является комплексная экспертиза документов, в рамках которой решаются вопросы, характерные для ТКЭД и для почерковедческих исследований.

Задачи, составляющие предмет технико-криминалистической экспертизы документов, носят диагностический и идентификационный характер. Надо отметить, что в рамках ТКЭД при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ, диагностические задачи решаются намного чаще. К ним относится: установление способа изготовления документа, факта и способа внесения изменений в документ; определение первоначального содержания документа; выявление невидимых и слабовидимых текстов (в том числе по вдавленным штрихам), залитых, зачеркнутых записей, текстов на сожженных документах; определение относительной давности составления документа.

К идентификационным задачам относится определение групповой (родовой, видовой) принадлежности сравниваемых объектов (средств письма, орудий письма, документов в целом); установление общности их происхождения; определение тождества индивидуально определенных объектов (орудий письма, печатных форм, печатающих устройств и пр., применявшихся при изготовлении документов) по их отображениям в документе, а также определение документа по его частям.

Объектами экспертизы являются письменные документы, в том числе бланки документов, орудия письма (ручки, карандаши), полиграфическое и репрографическое оборудование, печати, штампы и пр.; материалы письма (бумага, картон, красящие и клеящие вещества, покровные переплетные материалы), а также средства удаления текстов (травящие, моющие средства и пр.).

Экспертиза материалов, веществ и изделий (криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий – КЭМВИ) имеет своей целью определение природы исследуемых материалов, веществ и изделий, установление общего источника происхождения по характерным примесям, особенностям технологического изготовления, хранения, эксплуатации. Исходя из методов, применяемых при исследовании, данный вид экспертизы может быть проведен в различных лабораториях, соответственно, могут быть решены и разные вопросы.

В любом случае, объектами данного вида исследований и с учетом рассматриваемых составов УК РФ могут быть: - волокна и волокнистые материалы; - лакокрасочные материалы и лакокрасочные покрытия; - маркировочные обозначения на изделиях из металлов, полимерных и иных материалов; - металлы и их сплавы; - пороха и продукты выстрела.

Литература

1. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 года №5 (в ред. Постановления Пленума Верховного

Суда РФ №34 от 03.12.2013) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Топорков А.А. Криминалистика: учебник / А.А. Топорков. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2012. – 464 с.

3. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. Приказ МВД России от 29 июня 2005 года №511 (в ред. Приказа МВД РФ №1012 от 27.10.2015) (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 34

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОПУСТИМОСТИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ
PROCEDURAL PROBLEMS OF ASSESSING THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE
IN COURT OF APPEAL**

*Бескибалов Р.В., г.Ставрополь, ЧОУ ВО «Ставропольский университет», аспирант
кафедры уголовного права и уголовного процесса*

*Beskibalov R.V., Stavropol, NOL IN «Stavropol University» graduate student of chair of
criminal law and criminal procedure*

e-mail: laliy@mail.ru

Аннотация: В статье дан краткий анализ проблем и процессуальных правил их разрешения при рассмотрении судом апелляционной инстанции вопросов о допустимости доказательств

Статья посвящена краткому анализу проблем, возникающих при реализации права на апелляционное обжалование у различных субъектов уголовного судопроизводства в связи с существенным изменением института апелляции

Annotation: Abstract: This paper provides a brief analysis of the problems and the procedural rules for their resolution when considering the court of appeal questions the admissibility of evidence

Ключевые слова: апелляционное производство, обжалование, суд, пересмотр решения суда

Keywords: appeal proceedings, the appeal court, review of the judgment

Обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми, в соответствии со п.9 ч.2 ст.389.17 УПК РФ является одним из оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке.

Сущность апелляционного обжалования в 2010 году претерпела серьезные изменения: если ранее апелляционное производство означало пересмотр решений мирового судьи, то сегодня предметом апелляционного обжалования могут быть «определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству; судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы, о наложении ареста на имущество, об установлении или продлении срока ареста, наложенного на имущество, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела

по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору; другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также частные определения или постановления».

Вопросы о допустимости и недопустимости доказательств в юридической литературе поднимаются давно, и до настоящего времени актуальности своей не утратили, так как некорректность законодательной трактовки о процедуре признания доказательств недопустимыми на практике оборачивается значительными сложностями при применении.

Будучи контрольной по отношению к суду первой инстанции, суд, апелляционной инстанции наделен правом заново оценивать собранные и оцененные доказательства, в том числе и по критерию допустимости.

Деятельность суда, непосредственно направленная на проверку и оценку допустимости доказательств, осуществляется в следующих направлениях:

- при решении вопроса о придании потенциальному доказательству (объектом криминалистической значимости, уголовно-релевантной информации) статуса уголовно-процессуального доказательства, в случаях:

А) разрешение вопроса о приобщении к материалам дела представленных сторонами предметов и документов;

Б) решения вопроса об оглашении предметов и документов, истребованных самим судом;

В) разрешения вопроса об оглашении доказательств, собранных на предварительном следствии, то есть о придании следственным доказательствам статуса судебных;

- при решении вопроса о признании доказательства недопустимым;

- при решении, по ходатайству сторон, вопроса о признании допустимым ранее исключенного доказательства возможность чего прямо предусмотрена частью 7 ст.235 УПК РФ.

Деятельность суда по проверке и оценке допустимости доказательств «в чистом виде» проявляется лишь в двух последних случаях: решая вопрос о придании потенциальному доказательству статуса уголовно-процессуального, суд проверяет соответствие представленного объекта критерию не только допустимости, но и относимости.

Доказательства, допустимость которых подлежит проверке и оценке судом апелляционной инстанции, можно разделить на две группы:

1 – доказательства, проверенные и оцененные судом первой инстанции. В данном случае проверяется не только допустимость того или иного доказательства, но и правильность оценки его по этому критерию, произведенной судом первой инстанции. К указанной категории можно отнести доказательства, полученные на стадии предварительного расследования (следственные доказательства), оглашенные в суде первой инстанции и, соответственно, получившие статус судебных.

2 - доказательства, не подвергавшиеся проверке и оценке суда первой инстанции:

А) следственные доказательства, не оглашавшиеся при рассмотрении дела, то есть не получившие статус судебных; они могут подлежать проверке и оценке на допустимость лишь при наличии ходатайства стороны об их оглашении;

Б) доказательства, полученные судом апелляционной инстанции посредством производства судебных и иных процессуальных действий;

В) предметы и документы, представленные сторонами, ходатайствующими о приобщении их в качестве доказательств [1].

Вопрос об оценке допустимости доказательств может быть инициирован как стороной (сторонами) посредством заявления ходатайств об исключении доказательств, ссылок на это обстоятельство в апелляционных жалобах, так и самим судом. В обоих случаях при постановке судом вопроса о допустимости доказательства сторонам должно быть предоставлено право высказывать свое мнение по данному вопросу. Отличие проверки и оценки допустимости доказательств судом апелляционной инстанции от таковых в суде надзорной инстанции состоит в том, что первый вправе осуществлять указанную проверку с помощью всего набора судебных и иных процессуальных действий, производство которых разрешено в суде первой инстанции (в силу ст.389.13 УПК РФ).

Возникает вопрос, должен ли суд апелляционной инстанции в случае, если он дает иную, нежели суд первой инстанции, оценку допустимости доказательств, оформлять данное решение отдельным постановлением и какова должна быть природа данного постановления (постановлении о признании доказательства недопустимым (допустимым) или постановление об отмене ранее вынесенных постановлений суда по данным вопросам) [2].

Во-первых, при несогласии с любым вспомогательным решением суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции должен не отменять его отдельным постановлением, а вынести новое по существу вопроса (в данном случае дать свою оценку допустимости доказательства), поскольку предметом проверки апелляционной инстанции выступает правильность принятого по данному делу итогового судебного акта (приговора, иного решения) суда первой инстанции, а не правильность иных принятых в ходе производства у суда первой инстанции судебных постановлений. Изменен или отменен может быть лишь данный акт, а не принимаемые судом промежуточные процессуальные решения. Несогласие (в том числе по вопросу допустимости доказательств) с позицией суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции правомочен выразить: а) в собственном итоговом судебном акте; б) в промежуточных актах суда апелляционной инстанции, в которых принимается иное, нежели вынесенное судом первой инстанции, решение.

Во-вторых, представляется, что необходимость вынесения по вопросу допустимости доказательств отдельного постановления зависит от существа принимаемого решения и от субъекта, инициировавшего постановку данного вопроса. В случае, когда таким субъектом является суд, правильным будет удалиться в совещательную комнату и оформить соответствующее решение отдельным письменным постановлением, независимо от существа принятого решения. Если же с подобной инициативой выступят стороны, заявив, например, ходатайство об оглашении признанного судом недопустимым доказательство, то суд апелляционной инстанции должен удовлетворить ходатайство об оглашении либо отказать в нем.

В ситуации, когда сторона ходатайствует о признании исключенного доказательство допустимым, считаем правильным отказать ей на основании, что это лежит вне компетенции суда апелляционной инстанции, разъяснив о возможности ходатайствовать о его оглашении

или использовании иным образом. Несогласие суда апелляционной инстанции с выводом ранее принятого решения о допустимости доказательства должно быть выражено в форме постановления о признании его недопустимым и исключении из числа доказательств. Аргумент в пользу этого – тождество (за отдельными изъятиями) процессуального порядка рассмотрения дела в суде первой и апелляционной инстанций.

В решениях по вопросу о допустимости доказательств, принятых ранее судом апелляционной инстанции, следует исходить из положения о тождестве с изъятиями, предусмотренными главой 45.1 УПК производства в суде первой и апелляционной инстанции, закрепленного в ч.1 ст. 389.13 УПК: поскольку при рассмотрении дела в суде первой инстанции вынесение постановления об отмене ранее принятых решений не предусмотрено (достаточно вынесения постановления об исключении доказательства либо постановления о признании допустимым исключенного ранее доказательства), нет никаких оснований требовать этого при рассмотрении дела в суде апелляции.

Литература:

1. Белоковылский, М.С. Специфика проверки и оценки допустимости доказательств при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции / М.С. Белоковылский // Обеспечение права каждого на рассмотрение уголовного дела справедливым, беспристрастным, независимым судом, созданным на основании закона, в разумный срок: материалы II международной научно-практической конференции (Саранск, 11 декабря 2008 г.). – Саранск, 2009. С.44.
2. Динер, А.А. Апелляционное производство в российском уголовном процессе: научно-практическое пособие / А.А. Динер, Л.Ф. Мартыняхин, Н.Н.Сенин / под общей редакцией Л.Ф.Мартыняхина. – М., 2003. С.112.

УДК 343.431

**РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В
ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ
THE ROLE OF THE INTERNAL AFFAIRS AND CIVIL SOCIETY
INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE PREVENTION
OF HUMAN TRAFFICKING**

*Бухориев Б.Р., Москва, Академия управления МВД России, адъюнкт кафедры
уголовной политики.*

*Bukhoriev B.R., Moscow, Academy of Management of the MIA of Russia, adjunct of the
Department of Criminal Policy*

e-mail: Buhoriev_1991@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются, разные взгляды на понятие модели взаимодействия применительно к современным условиям, предлагается переход от патерналистской к партнерской модели взаимодействия.

Annotation: Considered, different views on the notion of interaction model as applied to modern conditions, proposed transition from a paternalistic to the partnership model of interaction.

Ключевые слова: модель взаимодействия, институты гражданского общества, органы внутренних дел, торговля людьми.

Key words: interaction model, civil society institutions, internal affairs, human trafficking.

Предупреждение торговли людьми в современном мире только силами правоохранительных органов в частности органами внутренних дел (далее - ОВД) не представляется возможным, в силу некоторых причин. Во-первых, у государства не всегда хватает средств на предупреждение преступлений, в том числе торговли людьми, во-вторых, высокая латентность не позволяет ОВД зафиксировать все факты торговли людьми. В-третьих, нехватка специалистов, занимающихся предупреждением торговли людьми. Конечно же, это далеко не полный перечень проблем предупреждения торговли людьми, но они являются наиболее важными

ОВД в целях предупреждения преступлений в частности предупреждения торговли людьми взаимодействуют с институтами гражданского общества (далее ИГО) [1]. Роль гражданского общества в повышении условий жизни человека и вообще в развитии государства не вызывает споров.

Ценностно-ориентированная вовлеченность людей в общественную жизнь обусловлена групповыми ценностями и реализуется в самостоятельной активности социальных субъектов, которая рассматривается в качестве одного из наиболее важных механизмов саморегулирования общества, установления связей между гражданами, социальными группами и органами власти [2].

Под взаимодействием ОВД с ИГО следует понимать равноправное, устойчивое, эффективное, деловое сотрудничество, а также постоянные взаимосвязи, которые проявляются в процессе совместной деятельности и использования возможностей, ресурсов друг друга. Опыт зарубежных стран показывает, что при взаимодействии правоохранительных органов с гражданским обществом потенциал предупреждения правонарушений увеличивается. Поэтому нельзя недооценивать роль гражданского общества в сфере предупреждения правонарушений и необходимо обеспечить взаимодействие ОВД с ИГО.

В целях эффективного взаимодействия необходимо переходить на другой уровень – партнерство. Совершенно очевидно, что партнерство представляет собой совершенно новый вид социального взаимодействия, а, следовательно, требует и специальных усилий в области организации взаимодействия. В этом смысле В.И. Иванов и В.И. Патрушев, рассматривая модель партнерства как социальный институт, утверждают, что на его базе может реализовываться определенный тип социальных отношений, направленный на развитие согласованных действий, а также как процесс, ориентированный на достижение положительного результата в совместной деятельности – партнеров этого взаимодействия. В их представлении сущность социального партнерства сводится к отношениям постоянного согласования повседневной практической деятельности, основной целью которой является решение общих задач [3].

В 2014-2015 годах нами был проведен опрос 200 представителей руководящего состава МВД Республики Таджикистан, а также сотрудников ОВД, проходивших обучение в период 2014-2015 гг. на высших академических курсах Академии МВД Республики Таджикистан. Кроме того, были опрошены 285 представителей религиозных конфессий, члены профсоюзов и сотрудники Национальной ассоциации независимых средств массовой информации Таджикистана [4]. Практически 90% опрошенных подчеркнули, что обновленная модель взаимодействия ОВД с ИГО должна характеризоваться партнерским типом отношений, открытостью, доверием, результативностью совместно выработанных организационно-правовых мер. 67,5% опрошенных высказались в пользу расширения различных форм партнерских отношений между ОВД с гражданскими институтами. Значительная часть представителей институтов гражданского общества (46,8%) высказалась в пользу передачи целого ряда полномочий государственных органов [5] в сфере противодействия торговли людьми именно им.

Одной из целей взаимодействия ОВД с ИГО является информирование населения, и обеспечение безопасности путем мер убеждения и помощи. В первом случае ведется разъяснение среди населения о том, как не стать жертвой торговли людьми, путем оповещения граждан о различных фактах, способах и методах совершения данного преступления, объясняется, что такое торговля людьми, способы его совершения, цели и т.д. При этом возможна раздача брошюр, листовок. Например, для осуществления такой деятельности на всей территории Республики Таджикистан были реализованы мероприятия под названием «Пятнадцать дней информированности о торговле людьми». В рамках данного мероприятия были проведены различные пропагандистско-просветительские и культурные мероприятия. При содействии неправительственных организаций (далее НПО)

были изготовлены 2000 специальных пропагандистских футболок и 60 тысяч информационных материалов. В столице, а также во всех городах и районах республики с участием более 300 тысяч участников был проведен Национальный день бега – «Нет торговли людьми». Среди учащихся общеобразовательных школ были проведены конкурсы на лучшее сочинение и лучший рисунок на тему «Наш союз против торговли людьми» 58 победителям, которых вручены памятные подарки. С участием представителей Межведомственной комиссии и других министерств и ведомств были организованы беседы на тему предупреждение торговли людьми, которые транслировались по центральному и местному телевидению. В Республиканском молодежном культурном центре «Ориёно», были подведены итоги проделанной работы под общим названием «Мы отрицаем трудовую эксплуатацию детей». В этом мероприятии, которое сопровождалось концертом, участвовали 250 детей-правонарушителей, а также воспитанники школ-интернатов. В южных районах было проведено аналогичное мероприятие бег «Марафон». В здании государственного учреждения «Центр молодежи» был организован показ фильмов на различные темы, в которых демонстрируют лучшие человеческие качества, достойное поведение и здоровый образ жизни. В северных районах был проведен концерт под лозунгом «Пятнадцать дней предупреждения торговли людьми». 1500 добровольцами Комитета по делам молодежи, спорту и туризму при Правительстве Республики Таджикистан были проведены более 215 различных мероприятий на темы, связанные с предупреждением торговли людьми и распространено более 60 тысяч информационных материалов среди населения. В результате реализация информационно-культурных мероприятий позволило непосредственно охватить более 450 тысяч представителей разных слоев населения с необходимой информацией о предупреждении торговли людьми. Кроме этого в соответствующих органах Горно-Бадахшанской Автономной Области при содействии НПО «Мадина» среди девушек были проведены семинарские занятия на темы «График», «Торговля людьми» и «Изучаем свое право». С целью культурного воспитания девушек и их защиты от угрозы торговли людьми среди студенток Хорогского Государственного Университета и местного медицинского колледжа вышеназванной НПО были проведены беседы и другие мероприятия на темы «Достойное поведение восточной женщины», «Трудовая миграция женщин и её последствия», «График детей». В некоторых сельских органах самоуправления также были организованы семинары-совещания и выездные заседания с целью разъяснения требований вышеназванной программы ответственным лицам, в которых участвовали более 3900 председателей махаллинского совета, руководителей школ и дехканских хозяйств [6].

Безусловно, вышеприведенные меры положительно оказали воздействие на правосознание населения, однако, к сожалению, они не приобрели характера постоянных и системных мероприятий по причине выделения со стороны государства больших затрат на организацию этих мер.

Действительно, для того, чтобы побудить общественность к активности в сфере предупреждения торговли людьми необходимо разделить ответственность за повышение качества жизни и тем самым активно поддержать ОВД в их усилиях. Для достижения партнерских отношений ОВД должны глубже интегрироваться в общество и укреплять свою

легитимность на основе согласованных действий и улучшения качества услуг, оказываемых обществу.

Мы полагаем, что в настоящее время в сфере предупреждения торговли людьми ОВД должны:

- быть доступными для населения;
- отзываться на нужды населения;
- прислушиваться к проблемам граждан;
- привлекать и мобилизовать население;
- отчитываться в своих действиях и достигнутых результатах.

Преимущество рассматриваемой модели для ОВД, а также самих ИГО состоит:

а) в расширении возможностей населения поделиться своими проблемами с сотрудниками милиции и стать партнерами по поиску решений в сфере предупреждения торговли людьми, что, в свою очередь, может способствовать понижению латентности данного преступления;

б) в достижении эффективного взаимодействия с другими государственными учреждениями в сфере предупреждения торговли людьми, что помогает экономии ресурсов при решении социальных вопросов;

в) в увеличении объема информации, получаемой от населения, а также росте моральной поддержки усилиям ОВД;

г) в повышении эффективности и действенности работы на основе преимуществ компьютеризированных технологий в сфере предупреждения торговли людьми.

Поддержка общества требуется, с одной стороны, в целях получения информации, необходимой для предотвращения и раскрытия преступлений. С другой стороны, благодаря общественному контролю население получает возможность вносить непосредственный вклад в выработку и реализацию мер по предупреждению торговли людьми.

ОВД могут выступать в качестве катализатора процессов, убеждая общественность взять на себя долю ответственности в предупреждении торговли людьми. В обмен на поддержку законопослушным гражданам предоставляется возможность оказать содействие в деятельности ОВД, которые в свою очередь, должны быть готовы выслушивать граждан и действовать в соответствии с их требованиями и интересами. Вместе с тем, подобный подход, основанный на партнерстве ОВД и ИГО, может быть успешным лишь при установлении отношений полного доверия с обеих сторон.

Партнерская модель взаимодействия ОВД с ИГО в сфере предупреждения торговли людьми формируется в качестве важнейшего оперативного дополнения традиционного стиля в деятельности ОВД. Данный подход характеризуется более глубоким вовлечением в деятельность ОВД других ведомств и общества в целях обеспечения более эффективного предупреждения торговли людьми и укрепления отношений между ОВД с ИГО. Вместе с тем, остаются достаточно актуальными вопросы о степени вовлеченности ИГО и населения в работу ОВД, а также необходимости постановки перед ОВД новых задач в данной сфере, о создании организационных структур и новых стилей управления в условиях активизации общественной активности.

Помимо поддержания личных контактов, ОВД должны использовать благоприятные ситуации и форумы для обмена мнениями с ИГО и населением по вопросам предупреждения торговли людьми. Примерами таких официальных и неформальных интерактивных собраний для общения обычно служат местные консультативные комитеты, церковь, предпринимательство, СМИ, политические партии и движения, общественные объединения или открытые дни, проводимые в ОВД [7]. В целях получения широкого спектра мнений и охвата возможно большего числа местных жителей, эти общественные форумы должны быть открыты для всех частей населения. Особые усилия могут потребоваться для того, чтобы заинтересовать подобными мероприятиями группы женщин и мигрантов и др.

Институтам гражданского общества должно быть также предоставлено право участвовать в процессе принятия решений, за исключением тех случаев, когда закон специально оговаривает исключительное право сотрудника ОВД принимать решения. Укрепление сотрудничества также может мобилизовать ИГО на активное участие в мерах по осознанию коллективной ответственности в сфере предупреждения торговли людьми.

Представляется, что, модель взаимодействия ОВД с ИГО в Республике Таджикистан в сфере предупреждения торговли людьми – это прототип связей между участниками совместной целенаправленной деятельности в различных условиях и обстоятельствах в исследуемой сфере, ориентируемый на внесение правовых и организационных изменений в моделируемые общественные отношения, а, в конечном счете, в поведение субъектов данного взаимодействия.

К организационным характеристикам такой модели относятся:

- открытость и доверие во взаимоотношениях;
- использование в деятельности ОВД результатов работы общественных объединений, граждан, журналистов по выявлению преступлений и правонарушений в сфере торговли людьми;
- публичная демонстрация результатов реагирования ОВД на выявленные общественностью факты торговли людьми;
- обеспечение гражданского контроля за предоставлением ИГО полной информации от ОВД;
- создание дополнительных и модернизация существующих площадок для диалога представителей гражданского общества и ОВД.

К правовым характеристикам партнерской модели относятся:

- нормативное правовое закрепление прав и обязанностей сторон взаимодействия, процедур реализации совместной деятельности;
- определение зоны совместного ведения в сфере предупреждения торговли людьми в Республике Таджикистан и компетенции участников взаимодействия.

Для улучшения взаимодействия ОВД с ИГО в сфере предупреждения торговли людьми в Республике Таджикистан необходимо:

- совершенствовать взаимодействие ОВД с ИГО постоянно ориентируя ОВД на творческий поиск внутренних и внешних резервов повышения эффективности этого взаимодействия;

- расширять возможности привлечения просветительского потенциала религиозных организаций, культурного наследия Таджикистана в данном направлении;
- пропагандировать в средствах массовой информации здоровый образ жизни для молодежи, показывать преимущества образования, спорта;
- воспитывать у населения активную гражданскую позицию в отношении оказания содействия ОВД в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений в сфере предупреждения торговли людьми;
- совершенствовать систему подготовки и обучения сотрудников подразделений системы МВД Республики Таджикистан, отвечающих за взаимодействие с ИГО, активно использовать имеющийся потенциал государственных, ведомственных и других образовательных и научно-исследовательских учреждений для повышения профессионализма сотрудников.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в Республике Таджикистан правоохранительные органы, в том числе ОВД доминируют над гражданским обществом. Таким образом, для эффективного взаимодействия ОВД с ИГО в предупреждении торговли людьми необходимо формировать механизм партнерского отношения, который основывается на принципах доверия ОВД ИГО, обмена информации и общественного контроля.

Литература

1. О милиции: Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004г., №41 // Ахбори Маджлиси Олии Республики Таджикистан. 2004. №5 ст. 352.
2. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Г.Г. Дилигенский. - М.: Наука, 1994. - 228 с.
3. Теория управления: социально-технологический подход // Энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Иванова, В.И. Патрушева; Академия наук социал.технологий и местного самоуправления. 3-е изд., перераб. М., 2004. С. 61-62.
4. Нажбудинов, М.А. Правовые и организационные основы взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества в Республике Таджикистан в сфере противодействия наркотизации населения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Мехридин Амрудинович Нажбудинов. – М., 2015. - 254 с. - Библ.: с. 125.
5. Андреев, Н.А. Стратегическое мышление в управлении правоохранительной сферой : учеб. пособие / В.Б. Коробов, Н.А. Андреев.— М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 304 с.
6. Реализация мероприятий по предупреждению торговли людьми [Электронный ресурс] // Межведомственная комиссия по борьбе против торговли людьми / МКБПТЛ. – Душанбе: 2016 – Режим доступа: <http://www.antitip.tj/ru/resource/otcheti/61--2011-.html/>. - Загл. с экрана.
7. Наилучшая практика построения партнерства между полицией и Обществом Составлено Старшим полицейским советником при Генеральном секретаре ОБСЕ [Электронный ресурс]. – Вена: 2008. - Режим доступа: http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub_inter/socipolice.htm/. - Загл. с экрана.

УДК 343

**ПРИНЦИПЫ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
PRINCIPLES OF INTERPRETATION OF THE CRIMINAL LAW**

Волосюк Е.А. Северо-Кавказский федеральный университет, Юридический институт, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса

Volosyuk E.A. North-Caucasus Federal University, Law Institute, candidate of law, of the department of criminal law and procedure

e-mail: evgesha20@mail.ru

Аннотация: В представленной статье раскрывается содержание основных принципов толкования уголовного закона: законности, конкретизации, системности, единообразия, обоснованности, толкования всех сомнений в пользу виновного лица, судебного усмотрения. Говорится об субъективной и объективной стороне процесса толкования. Дается общее понятие принципов толкования уголовного закона как основных начал осуществления интерпретационной деятельности. Указывается на отличие принципов толкования от принципов уголовного права.

Annotation: In the present article deals with the content of the basic principles of interpretation of the criminal law: the rule of law, specification, systematic, consistency, validity, interpretation of all doubts in favor of the perpetrator, the court's discretion. It is a question of subjective and objective interpretation of the process. We give a general notion of the principles of interpretation of the criminal law as the basic principles of the interpretive activity. It specifies the difference in the interpretation of the principles of criminal law principles.

Ключевые слова: уголовный закон, толкование уголовного закона, системность уголовного закона.

Key words: criminal law, criminal law interpretation, consistency of the criminal law.

Каким бы конкретным по своему содержанию не был уголовный закон, он нуждается в толковании в процессе своего применения[4,5]. Как и любая другая целенаправленная деятельность субъекта, толкование основано на определенных принципах, которые придают ему логически упорядоченную форму и позволяют максимально точно и полно раскрыть содержание уголовно-правовых норм. Под принципами толкования уголовного закона следует понимать определенные основополагающие начала, которыми правоприменительный орган должен руководствоваться при уяснении текста уголовного закона для себя и его разъяснении для других лиц. Исходя из того, что объектом толкования является текстуальная оболочка положений уголовного закона, можно сделать вывод, что принципы толкования уголовного закона к объекту толкования напрямую не относятся. Они характеризуют содержание толковательной деятельности, которая раскрывается во взаимоотношениях объекта и субъекта толкования в процессе понимания последним смысла уголовно-правовой нормы. От принципов уголовного права принципы толкования уголовного закона отличаются тем, что они определяют не содержание уголовно-правовых

норм, а их понимание в процессе практической деятельности, то есть носят не статический, а динамический характер.

Анализ деятельности в сфере применения уголовно-правовых норм позволил нам выделить следующие принципы толкования уголовно-правовых положений:

1) **принцип законности**, в соответствии с которым основой толкования может быть только уголовный закон. Границы объекта толкования, которым является положение уголовного закона, определяют и рамки толковательной деятельности, в пределах которых субъект может понимать содержание уголовно-правовых норм и их применять на практике.

2) **принцип конкретизации**, означающий, что в процессе толкования содержание уголовно-правовой нормы уточняется, оно становится более определенным, конкретным. Это обусловлено тем, что уголовно-правовая норма применяется к конкретному фактическому случаю, а имея абстрактный характер, она, как правило, охватывает собой неопределенно большое количество таких случаев. Данный принцип является прямым отражением философского метода восхождения от абстрактного к конкретному, поэтому он имеет под собой глубокое методологическое и функциональное обоснование.

Принцип конкретизации уголовно-правовых норм имеет наибольшее значение при толковании оценочных понятий и признаков. По своей сути они конкретное содержание обретают только в процессе их толкования, при применении к регулированию реальных уголовно-правовых отношений. Некоторые ученые принцип конкретизации называют принципом определенности, понимая под которым то, что результат толкования нормы права по сравнению с исходной правовой нормой должен быть более конкретным [1, С.413].

3) **принцип системности**, говорящий о том, что субъекту правоприменения следует понимать содержание толкуемых уголовно-правовых норм с учетом всех остальных норм уголовного права. Это объясняется тем, что уголовный закон представляет собой единую формально-логическую систему, нормы которого должны носить согласованный характер. Согласованность же норм уголовного права означает, что они не должны противоречить друг другу, так как они создают при этом единую целостную юридическую форму урегулированных уголовно-правовых отношений.

Принцип системности толковательной деятельности предполагает и определенную иерархичность в раскрытии смысла положений уголовного закона. Так в основе понимания конкретных уголовно-правовых норм, прежде всего, лежат принципы уголовного права (ст. ст. 3-7 УК РФ), которые ориентированы не только на законодателя, но и на правоприменителя, а также задачи уголовного законодательства, указанные в ст. 2 УК РФ. Однако это касается лишь тех случаев, когда конкретная уголовно-правовая норма не представляет собой исключение из принципа уголовного права или содержания более общей уголовно-правовой нормы, поскольку в силу положения ч.3 ст. 17 УК РФ, в случае противоречия между общей и специальной нормой следует применить специальную норму.

Принцип системности используется при определении минимального размера наказания, в тех случаях, когда оно не указано в санкции статьи Особенной части УК РФ, при определении объема насилия, как признака ряда составов преступлений, при разграничении смежных составов преступлений между собой и т.д.

4) **принцип единообразия**, предполагающий сходное или одинаковое понимание одной и той же уголовно-правовой нормы субъектом толкования, при применении её к разным жизненным случаям. Единообразии вообще является важнейшим принципом практической деятельности в области уголовного права, так как именно оно обеспечивает единое уголовно-правовое поле на всей территории нашей страны. К сожалению, изучение практики показывает, что этот принцип и наиболее часто нарушается. Особенно это касается тех случаев, когда применение уголовного закона происходит в рамках действия уголовно-правового метода дозволения. Например, при назначении наказания за конкретное преступление, граница санкции за которое предполагает слишком большую разницу между её максимальным и минимальным пределом. Заметим, что единообразии толкования уголовного закона является основанием единообразия судебно-следственной практики, когда имеет место одинаковое понимание и применение одного и того же уголовного закона, к нескольким случаям, имеющим тождественную уголовно-правовую природу, разными субъектами правоприменительной деятельности [2, С.413].

5) **принцип толкования всех сомнений в пользу виновного**, суть которого состоит в том, что в тех случаях, когда прямой смысл уголовно-правовой нормы установить однозначным образом не представляется возможным, он должен определяться, исходя из интересов лица, виновного в совершении преступления. Этот принцип, конечно, не следует понимать, как предоставление возможности виновному избежать заслуженной им уголовной ответственности, но и обвинительного уклона в применении уголовного закона допускать нельзя. Толкование всех сомнений в пользу обвиняемого должно иметь главной целью недопущение возложения на виновного уголовной ответственности, не предусмотренной уголовным законом. Решающее значение принцип толкования всех сомнений в пользу обвиняемого имеет при толковании пробельных норм уголовного закона, при уяснении содержания уголовно-правовых норм с неопределенным и двусмысленным содержанием.

б) **принцип обоснованности**, означающий, что при понимании уголовно-правовой нормы следует исходить из фактических обстоятельств (конкретной жизненной ситуации), правильного использования методологической базы (в частности, сравнительно-правового, историко-правового, формально-юридического, социологического и других методов), соблюдения всех правил, характерных для логического мышления. Вообще в русском языке слово обоснованность означает доказательность, убедительность какого-либо положения, утверждения [3, С. 343]. Как мы видим, примерно такое же значение имеет это понятие и в толковательной деятельности. Толкование уголовно-правовой нормы лишь тогда будет считаться обоснованным, когда оно опирается на сочетание различных способов толкования, а именно филологического, исторического, систематического или т.д.

7) **принцип субъективного усмотрения**, указывающий на то, что в процессе понимания уголовно-правовых норм субъект руководствуется своим правосознанием, представлением о содержании толкуемой нормы, отношением к конкретной жизненной ситуации к которой должна применяться норма уголовного права, подлежащая толкованию. Принцип субъективного усмотрения в определенной мере дополняет принцип обоснованности, который иногда неправильно считают принципом объективности, и основан он, во многом, на интуиции человека. Следует понять, что норма уголовного права и

представление о ней, имеющееся в сознании субъекта неразрывно взаимосвязаны. И, по этой причине, толковательная деятельность имеет, как объективную, так и субъективную сторону. Объективная сторона толкования заключается в разъяснении смысла уголовно-правовой нормы другим людям. Она немыслима, без использования принципа обоснованности. Субъект не может представлять свое понимание содержания уголовно-правовой нормы другим лицам, не объясняя причины, по которым он пришел именно к таким выводам. Иное дело, субъективная сторона толкования, которая состоит в уяснении содержания уголовно-правовой нормы для себя. Она, в гораздо большей степени основана на доминирующих в сознании правоприменителя установках, идеях и концепциях. Поэтому в отличие от принципа обоснованности толкования, зависящего, во многом от внешних факторов, принцип субъективного усмотрения имеется там, где в раскрытии смысла уголовного закона присутствует воля правоприменителя. Заметим, что принцип субъективного усмотрения не безграничен, он ограничивается принципом законности и обоснованности. В то же время субъективное усмотрение является важной составляющей процесса раскрытия сути уголовно-правовых норм, поскольку в большинстве случаев они имеют очень абстрактное содержание. Правильное же и исчерпывающее понимание содержания норм уголовного закона возможно только при учете в процессе толкования всех его принципов.

Литература

1. Доктринальные и законодательные понятия в современном уголовном праве России. Учебное пособие. В 7-ми томах / Под научной редакцией Г.И. Чечеля. Т. 6. (С-Т). Ростов-на-Дону. «ИП Соколовская». 2016. – 448 с.
2. Иванов С.А. Единообразие при применении уголовного закона как главная гарантия соблюдения принципа законности // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского конгресса уголовного права (Москва, 25-27 мая 2011 г.). М., Проспект, 2011. С. 62-65.
3. Словарь современного русского литературного языка. В семнадцати томах. Т. 8. М., Л., Изд-во Академии СССР. 1959. – 1456 с.
4. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
5. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82

УДК 343.352

**КОРРУПЦИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ
CORRUPTION IN THE CHANGING SOCIETY**

Гончаренко Г.С., доцент, к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). Ростовский институт (филиал) в г. Ростове-на-Дону

Goncharenko G.S., Associate Professor, PhD, Associate Professor, Department of theory and history of State and law HEA FGBO all-Russian State University Justice (Moj RPA. Rostov Institute (branch) in Rostov-on-Don

e-mail: qqc1953@mail.ru

Аннотация: в статье автор коснулся вопросов становления и разрастания коррупции в изменяющемся на протяжении веков российском обществе, отмечая особенности коррупционных проявлений на всех исторических этапах.

Abstract: in the article, the author addressed issues of formation and escalating corruption in the changing Russian society for centuries, noting particular manifestations of corruption on all historical stages.

Ключевые слова: коррупция, институт кормления, мздоимство, лихоимство, взяточничество, общество, государственное управление.

Keywords : corruption, Institute of nursing, bribery, covetousness, bribery, society, public administration.

...Никогда не было государства, которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как средству управления.

Михаил Бакунин

... Never was the State, which in one way or another not resorted to corruption as a means of control.

Mikhail Bakunin

Тему нашего исследования рассмотрим с помощью методов, известных науке ранее [11,12,13,14]. Коррупция как явление в России – это деградация общественных отношений, а как система – это реальная угроза национальной безопасности страны. Более того коррупция сегодня, ее характер, особенности и масштабы развития не только следствие неурегулированных и неразрешенных государственно-политических, социальных и экономических параномий страны, но и присутствие ее глубоких исторических корней.

Порождение «легальной» коррупции на Руси относится к X веку с появлением института «кормления», основу которого составляла сложившаяся процедура направления главой государства (князем) своих представителей с огромными полномочиями в провинцию без денежного содержания, с тем, чтобы они наживались поборами с населения

соответствующей территорий и обеспечивали своих повелителей. Следовательно, изначально коррупция для чиновников в России была узаконенным видом деятельности. И хотя институт «кормления» был официально отменен еще в 1556 году, но традиции жить и обогащаться за счет подданных практически сохранились до сих пор.

Со временем кормление трансформировалось в мздоимство (действия без нарушения норм права) и лихоимство (подкуп за действия, нарушающие действующие законы), которые к середине XV века создали разветвленную систему взяточничества, коррупции, а Судебник 1497 года впервые определил наказание за взятку и для судей. Судебником же 1550 года ответственность за взяточничество рассматривалась уже более детально.

Причем все эти годы не было недостатка, как в моральном, так и государственном осуждении взяточничества (в XIII веке митрополит Кирилл, затем цари Иван III, Иван IV Грозный, при котором впервые была применена смертная казнь за взятку), однако – «Коррупция хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и всех народов» [1] все глубже и глубже пускала свои корни.

В XVI веке на Руси появилась новая форма коррупции – «вымогательство», ее распространение послужило поводом для Московского бунта 1648 года, оказавшегося единственным в российской истории выступлением народных масс против взяточников и коррупционеров.

Масштабная коррупция в обществе и, особенно в системе государственного управления, в начале XVIII века вынудили Петра I ввести строгие меры ответственности, вплоть до смертной казни, для подданных, замеченных в коррупции. С 1715 года для чиновников в России была установлена «фиксированная зарплата» – жалование, при этом взятка в какой-либо форме считалась преступлением. Для широкомасштабной борьбы с коррупцией специально был учрежден и пост Генерального прокурора (обер-фискала).

После петровских времен была вновь восстановлена система «кормления», а взяточничество крепко накрепко сплелось и срослось со всем строем и укладом общественно-политической жизни России. История сохранила примеры, когда «государственные мужи» России прибегали и к незаконной финансовой поддержке из других стран (яркий пример канцлера Бестужева-Рюмина).

С целью продолжения, начатой Петром I борьбы с коррупцией, Екатерина II вернула чиновникам фиксированное жалованье, но оно выдавалось в основном бумажными деньгами, которые к концу ее правления уже сильно обесценивались по сравнению с серебром и золотом и, естественно, коррупция продолжала расти. И только со временем историки смогли оценить коррупционное влияние ее периода царствования, как на сформировавшиеся нравы, так и расхищенную любовниками казну.

К тому же в русской культуре обычай преобладал над действующим в тот или иной период истории страны законодательством. За годы существования крепостного права подношения хозяину были абсолютно естественными, складывались и особенности российского менталитета. И главная из них – правовой нигилизм, а также отсутствие надлежащей общей и правовой культуры российского общества. Кроме того корни коррупции пронизывали менталитет россиян, за тысячелетие существования российского государства смирившихся с положением о неизбежности существования этого зла. Причем

на исторические обоснования проблемы наслаивается множество других причин ментального порядка. Стало быть, коррупциогенные поведения определяются не только экономическими интересами, но и стремлением получить другие дивиденды: власть, престиж и т.д. Вот почему в настоящее время такие понятия, как «моральный климат», «корпоративный дух», «атмосфера», становятся катализатором коррупционного, либо антикоррупционного поведения. Поэтому в России на протяжении веков можно сказать идет столкновение «культуры коррупции» и «культуры антикоррупционной». А о том, как глубоко в нашем сознании сегодня укрепился феномен «коррупция», можно судить по терминологии в нашем обыденном языке: «проявить уважение», «оказать почесть», «поблагодарить», «мзда», «подкуп», «откат».

Вследствие этого «традиция подарков» автоматически переносилась на взаимоотношения с органами государственного управления, ввиду чего подношения рассматривались не как взятка, а именно как подарок без осознания того, что тем самым развращаются чиновники. К тому же с дорогим подарком человек выделялся среди других просителей, и это способствовало первоочередному выполнению его просьбы. Притом, что государственные служащие, в свою очередь, не очень противились взятке, поскольку отказ от «подарка» воспринимался дающим как обида. В этом и состояла особенность «русской взятки» – ее попросту перестали стыдиться, возмущавшихся рассматривали в качестве неисправимых «идеалистов».

Как следствие уже к середине XIX века подавляющее большинство чиновников всех рангов злоупотребляя своим положением, были вовлечены в разного рода коррупционные сделки, находясь при этом в страхе своего разоблачения. Многие моменты того периода нашли отражение в произведении Н.В. Гоголя «Ревизор». А император Николай Первый, пораженный воровством и коррупцией во время Крымской войны сказал, обращаясь к сыну: «Кажется, в России не воруют только двое – я и ты!» [2]. По заявлению сенатора К. И. Фишера: «Николай Павлович служил России добросовестно, но ошибался в системе и был обманываем с отвратительным цинизмом» [3].

Важным этапом по совершенствованию законодательства об ответственности за взяточничество этого периода стало издание Свода Законов (1832, 1842, 1857гг), где лихоимству была посвящена глава 6 раздела 5 тома 15, а статья 336 закрепляла перечень трех видов этого деяния. Хотя основной законодательной нормой, регулировавшей ответственность служащих за мздоимство и лихоимство с 1845 года было «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

Вторая половина XIX века ознаменовалась развертыванием обширной программы либеральных реформ, начавшейся с ликвидации феодально-крепостнического наследия царской России. В условиях бурно развивающихся капиталистических производственных отношений злоупотребления начали принимать абсолютно новые формы сращивания высшего чиновничества с бизнесом, взаимопроникновение государственной системы управления и бурно развивающегося предпринимательства. Хотя общество далеко не сразу разобралось в сомнительности такой связи. По сведениям историков «участие тех или иных представителей бюрократии в деятельности капиталистических предприятий в большинстве случаев носило форму прямого подкупа... (или) проявлялось в различных формах коррупции

(использования служебного положения)» [4. С. 105]. И это притом, что «аппетиты» крупных чиновников к данному виду «деятельности» возросли несмотря на то, что очень существенно, в 2-3 раза, выросли в эпоху Александра II и их жалования, чего в другие периоды не происходило [5. С. 87].

Начавшаяся при Александре II ежегодная публикация имущественного положения чиновников Российской империи стала важным этапом борьбы с «воровством» на государственной службе. Причем в книгах, которые так и назывались: «Список гражданским чинам такого-то ведомства» имущество перечислялось не только личное, но и числящееся за женой, как приобретенное, так и наследственное. Немаловажным направлением борьбы с коррупцией стала реорганизация системы железных дорог, ставшая к тому времени одной из главных сфер финансовых злоупотреблений.

В начале XX века в коррупции оказались замешаны и высшее офицерство, для которых вождение наживы вообще было не свойственно, для них веками важны были понятия доблести, чести и достоинства. А рост взяточничества был вызван не только увеличением количества чиновников, но и поставками, а также военными заказами; основанием новых кооперативных обществ; сделками с недвижимостью; получением для эксплуатации земельных участков с полезными ископаемыми и др. В период русско-японской, а затем уже и первой мировой войны, значительный рост коррупции вызвал необходимость как усиления ответственности за получение взяток, так и отказа от ненаказуемости за взяточничество [6]. Царское правительство остро отреагировало на всплеск коррупции в самом начале русско-японской войны, ужесточив отношение к любым проявлениям мздоимства и лихоимства. Более того на лиц совершивших эти противоправные деяния не распространялась милость (амниция), даруемая Всемилоштивейшим Манифестом от 11 августа 1904 года.

Менялись эпохи, менялся общественно-политический строй, но коррупционная составляющая сопровождала Россию на всем ее историческом пути. Появившись в Советах еще до их прихода к власти, коррупция продолжала расти и крепнуть и после ноября 1917 года. Принимаемые советским государством жесточайшие меры, включая смертную казнь, смогли лишь на время уменьшить ее размеры. А сама борьба с коррупцией походила, скорее, на показательно-политический характер и использовалась для расправы с неугодными лицами. Причем в середине 30-х годов появилась система «конвертов» (весьма успешно реанимированная в постсоветский период).

Для второй половины XX века характерна тотальная коррумпированность партийно-советской номенклатуры и бюрократии. Считается, что и крах Советского Союза связан не только с неэффективной, изжившей себя моделью экономики, но и масштабной коррупцией на самом высоком уровне, не говоря уж о директорах предприятий и организаций в регионах.

Однако, радикальные либералы, шедшие к власти под лозунгами «борьбы с коррупцией», оказавшись во главе с Б.Н. Ельциным у власти, во стократ «перекрыли достижения» партийных номенклатурщиков. И хотя официально денежное содержание госчиновников оставалось довольно скромным, но самое главное, что без их «разрешения»

открыть или развивать бизнес было практически невозможно. Особенной «кормушкой» в начале 90-х годов оказалась проведенная приватизация.

Кроме того, говоря об изменяющемся российском обществе, не следует забывать и о «децентрализованной российской коррупции» имеющей свои ментальные особенности. К примеру, если в других странах для решения вопроса достаточно «дать на лапу» одному-двум высокопоставленным служащим, то в России необходимо оплатить «заботы» всех – начиная от секретарши в приемной чиновника и до налогового инспектора.

Реальная, не идеализированная и не мифологизированная история государства Российского свидетельствует о том, что коррупция, наряду с другими социальными недугами (воровством, пьянством, беззаконием и др.), нищетой и бесправием большинства населения, всегда были чрезвычайно распространены в стране. Но коррупция, судя по мировому опыту, всегда растет в условиях трансформирования общественных отношений [8].

В настоящее время, по мнению исследователей, коррупция в России трансформируется из преступных деяний отдельных служащих в массовое социально-политическое явление, превращающееся в общепринятую практику, становится привычным элементом социально-экономической системы. При этом происходит не только интенсификация процессов срастания аппарата органов государственной власти и общественного управления с организованными формами преступных проявлений, но и возрастает умение коррупции формировать и воссоздавать нестандартные отношения обмена и соответствующие им социальные нормы (этические, правовые, моральные и др.). Этими нормами регулируются и поддерживаются непредусмотренные законом и потому скрывающиеся от общества и государства процессы обмена, а также присвоения субъектами публично-властных госструктур незаконной ренты [9. С. 34-35].

Сегодняшнее руководство страны, как и правители прошлых эпох России, пытается политической волей противостоять мощной коррупции, но до тех пор, пока в массовом сознании граждан и особенно государственных служащих коррупция, подношения, подкуп, взятка будет восприниматься как естественное и необходимое явление, ничего не изменится. Более того если взятку будут предлагать – значит ее будет кому и брать, невзирая на суровые меры наказания. В настоящее время, складывающееся в стране состояние гражданского общества, к сожалению, не способно разорвать этот порочный круг коррупционной зависимости.

Литература

1. Кирпичников А.И. Российская коррупция// Изд-во «Юридический центр Пресс». 2004.
2. История России XVIII-XIX. Биография и правление Николая I. // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ote4estvo.ru/imperatory-xviii-xix/398-nikolaj-i.html>
3. Фишер К.И. Записки. Исторический вестник. Изд. Захаров. 2008. 368с.
4. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 99, 105.
5. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 86-87.

6. Волженкин Б. В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // журнал «Правоведение». 1991. № 2.
7. Гишинский Я.И. Коррупция: теория, российская реальность, социальный контроль // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://pravo33.wordpress.com/2008/10/22/>
8. Гончаренко Г.С. Коррупция как системное многоструктурное явление // Сб. матер. V Международной научно-практической конференции: «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени». Екатеринбург. 2015. № 5. Ч. 3.
9. Гончаренко Г.С. Пределы распространения коррупции. // Российский следователь. Изд. Юрист. 2015. № 22. С. 34-35.
10. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
11. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82.
12. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.
13. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука.2013. №3.

УДК 347.24

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВА
СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT OF OWNERSHIP
OF NATURAL RESOURCES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Гончаров Е.И., заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Ростовского института (филиала) ФГБОУ ВО ВГУЮ (РПА Минюста России) кандидат юридических наук, доцент.

Goncharov E.I., head of the department of entrepreneurial law, civil and arbitration process Rostov Institute (branch) FSBEI UGWU (RPA of the Ministry of justice of Russia) candidate of legal Sciences, associate Professor.

e-mail: ei06@bk.ru

В статье рассматривается конституционно-правовой аспект права собственности на природные ресурсы, анализируется природоресурсное законодательство Российской Федерации. Проводится исследование форм собственности на природные ресурсы, в том числе частной собственности граждан и юридических лиц.

The article deals with the constitutional and legal aspects of ownership of natural resources, analyzed natural resources legislation of the Russian Federation. A study of forms of ownership of natural resources, including private property of citizens and legal persons are given.

Ключевые слова: собственность, право собственности, правомочия собственника, частная собственность, природные ресурсы, земля, окружающая среда, государство, Конституция РФ, гражданское законодательство.

Key words: property, property rights, ownership rights, private property, natural resources, land, environment, government, Constitution, civil law.

Конституция России закрепляет положение о том, что природные ресурсы выступают как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [1]. Природные ресурсы, к которым относят: землю, недра, водные объекты, лес и другие, могут быть объектом права частной, муниципальной, государственной и иных форм собственности.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. возможности института частной собственности на природные ресурсы были значительно расширены. Но это потребовало приведение в соответствие и конкретизации отраслевого законодательства России, которое также проходило правовую перестройку с советских времен.

Конституционное положение о природных ресурсах, получило конкретизацию в гражданском законодательстве России, а именно, согласно ст. 129 ГК РФ [2] земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах. Статья 209

ГК РФ воспроизводит положение статьи 36 Конституции РФ относительно того, что правомочия собственника в отношении земли и других природных объектов, в рамках допустимых возможностей в гражданском обороте, осуществляется их правообладателем свободно, при условии не нанесения урона окружающей природной среде. Также необходимо помнить о смежных правах природопользователей, которые подлежат защите со стороны государства. Правовая регламентация общественных отношений, связанных с использованием и охраной объектов природной среды осуществляется в отдельном законодательстве РФ именуемом природоресурсным.

Таким образом, положения основ конституционного строя и гражданского законодательства РФ о праве собственности на природоресурсные объекты заложили правовую основу для использования гражданами, хозяйствующими и иными субъектами по соответствующим направлениям и в установленной форме. Природоресурсное законодательство призвано урегулировать специфические формы и черты правоотношений по использованию и охране объектов окружающей среды. Благодаря этому, общественные отношения в сфере природных ресурсов, позволяют выделить отдельный предмет правового регулирования права окружающей среды.

Действующее природоресурсное законодательство России требует значительных изменений и совершенствования, так как все чаще в гражданский оборот вовлекаются природные ресурсы и объекты. Ранее в советский период в законодательстве не рассматривался вопрос о допустимости природных объектов в частные руки. Вся земля находилась в государственной собственности, а граждане и организации могли ее использовать на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного бессрочного пользования.

В литературе под правом собственности на природные ресурсы принято понимать в субъективном и объективном смысле. Субъективное значение исходит из того, что правообладатель или собственник наделяется совокупностью правомочий по владению, пользованию и распоряжению над такими объектами природы, как землей, недрами, водными и лесом, объектами животного мира и атмосферного воздуха. По смыслу статьи 36 Конституции России: владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно. Однако данное правило не носит абсолютный характер. Собственность на природные объекты подлежит ограничению со стороны общественно значимых интересов. Собственник, обладая свободой в реализации имеющихся правомочий, должен не допускать вреда окружающей среде и прав смежных природопользователей.

Объективное значение права собственности на объекты природы предусматривает юридически властные полномочия субъекта собственности, который выступает обладателем принадлежащего ему имущества.

Представляется, что реализация правомочий собственника природных ресурсов по пользованию и распоряжению ими должна быть строго урегулирована в законодательстве с учетом того, что природные ресурсы имеют специфическое значение в отличие от иных объектов недвижимого имущества. Природные ресурсы имеют экономическое, экологическое, оздоровительное, рекреационное, эстетическое, культурное, историческое и

иное значение. Поэтому количественные и качественные характеристики объектов природы находят отражение в отраслевых (природоресурсных) и комплексных (территориальных) норма права. Как правило, в процессе природопользования человеком потребляются отдельные удовлетворяющие его потребности свойства природного ресурса. Важно, чтобы при этом не у mažались, т.е. сохранялись, другие потребительские свойства того или другого природного ресурса и чтобы при распоряжении собственностью, определении судьбы природного ресурса, исходя из его кадастровой оценки, соответствующие условия природопользования находили четкое отражение в лицензиях и договорах, закрепляющих право пользования ими.

Выполнение подобных предписаний предписано общественной значимостью природных ресурсов, кроме того служит регулятором права собственности на объекты природы, вне независимости от ее формы.

Обладая правомочиями, собственник природных объектов помимо прав имеет комплекс обязанностей. Главной обязанностью выступает требование природоресурсного законодательства РФ по рациональному пользованию объектами в соответствии с их целевым назначением, а также необходимость применения мер по охране и воспроизводству в случае утраты или причинения вреда окружающей среде. Эта обязанность предписывает, собственнику-природопользователю поступать определенным образом, установленным в природоресурсном законодательстве РФ. При передаче прав на природные объекты, собственник не освобождается от мер по контролю за использованием ресурсов рационально и в соответствии с целевым назначением, например, государственная собственность на водные объекты, лесные участки.

В период до 90-х годов на территории России все природные ресурсы находились только на праве государственной собственности. Исключительность права государственной собственности было продиктовано тем, что советская собственность не подвергалась каким-либо изменениям и не могла отчуждаться другим лицам, что делала ее неизменной и неприкасаемой со стороны хозяйствующих субъектов и иностранных элементов. Монополизация государственных ресурсов на объекты природы преследовала одну наиважнейшую цель - недопустимость распоряжения, помимо государства принадлежащими народу материальными благами.

В период демократических преобразований и распада СССР, были пересмотрены эти главные ориентиры в отношении природных ресурсов, в ходе которых мы получили возможность нахождения объектов природы на праве частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Что понимается под иными формами собственности остается загадкой, так как в законодательстве не приводятся другие формы собственности. Возможно, подобная формулировка предполагает совершенствование общественных отношений в сфере права собственности на природные ресурсы, когда хозяйствующие субъекты применяют новые формы собственности не противоречащие закону. Единственным и неизменным остается принцип равенства форм собственности, когда на всех собственников возлагается обязанность по обеспечению рационального использования и охране объектов природы.

Наше государство обладает огромными запасами природоресурсных объектов, которым могла бы позавидовать любая иная страна. Однако не всем гражданам России предоставлена возможность свободно иметь в собственности отдельные объекты природных ресурсов. Используемые природные богатства в виде нефти и газа государством используются во внешнеэкономической деятельности, с целью поддержания экономики страны.

Российская правовая система определяет порядок использования природных ресурсов, согласно которому на праве собственности могут находиться только те объекты, которые не изъяты из гражданского оборота. В теоретическом плане правовой режим использования природных ресурсов должен быть построен таким образом, чтобы можно было удовлетворить текущие потребности общества, а также учесть возможность сохранения природных богатств для будущих поколений. В связи с этим наиважнейшим принципом использования природных ресурсов будет рациональность. Переход Российской Федерации к устойчивому развитию позволяет воплотить данный принцип в практической деятельности хозяйствующих субъектов, использующих природные ресурсы.

Для достижения права каждого на благоприятную окружающую среду будет возможным, если каждый в момент удовлетворения своих физиологических, оздоровительных, экономических и иных потребностей задумается о том какое благо в себе несет природная среда и то что нужно это благо беречь и защищать.

Определяя место человека во взаимоотношении с природой, важную роль играет то, что природные ресурсы служат базисом в общественном развитии. Поэтому ответственность субъекта права собственности природными ресурсами лежит в сохранении того начального благоприятного состояния окружающей среды, которое позволит удовлетворить и интересы будущих поколений. Развитие правовой доктрины и права окружающей среды в рамках концепции сохранения природной среды, являющейся народным достоянием.

Данная идея получила свою реализацию при разработке и принятии главного закона в природоресурсовом праве, а именно в Законе «Об охране окружающей среды». Согласно преамбуле закона, объекты природы получили статус национального достояния всех народов России, проживающих на ее территории, а также служат базисом для естественного развития в социально-экономической сфере и благосостояния каждого [3]. Здесь следует обратить внимание на то, что данное положение преамбулы в практической реализации права частной собственности на объекты природы приводит к тому, что лишь состоятельный класс людей способны обладать природными богатствами и извлекать из них прибыль для удовлетворения своих интересов. Если проводить сравнительный анализ в общественном достоянии народа и общенародной собственности, то мы видим советские формулировки употребляемые ранее в отношении природных ресурсов, когда они принадлежали в реальной действительности государству. В том числе это касается и российского государства, выступающего в качестве исключительного собственника на большинство объектов природных ресурсов, включая такие природные богатства как нефть и газ.

Если общенародная собственность, провозглашаемая ранее в советском государстве больше позиционировала как идеологический штамп, не имеющий юридической реализации, то нынешняя формулировка основ и достояния народа в некоторой мере имеет право на

существование. Действующая концепция общественного достояния будет иметь практическую реализацию в том случае, если будут установлены правовые механизмы и гарантии, позволяющие реализовать в полном объеме правомочия собственника на природные ресурсы. Но при этом в совокупности данные свободы должны отвечать интересам общественного достояния.

Основным источником правового регулирования правоотношений по поводу права собственности на природные ресурсы в Российской Федерации выступает – Конституция России. Однако закрепление этого права в Основном законе государства является недостаточным. Для его реализации требуется отраслевое законодательство, отвечающее требованиям современных общественных отношений, участниками которых являются – граждане, юридические лица и органы государственной власти.

Гражданское законодательство закрепляет основные направления и формы реализации права собственности на природные ресурсы. Основными нормативными актами природоресурсного законодательства являются: Земельный кодекс РФ, Лесной и Водный кодексы России, Закон о недрах. Задача природоресурсного законодательства – урегулировать специфические формы и черты правоотношений по использованию и охране объектов окружающей среды. Благодаря этому, специфика общественных отношений в сфере природных ресурсов, позволяет выделить особую отрасль права – природоресурсовое право.

Проведенное исследование таких объектов природных ресурсов, как земля и недра, позволяет сделать вывод о том, что данные объекты являются основой жизни и народным достоянием граждан России. Во многом на землю и недра устанавливается федеральная форма собственности, так как государство состоит из определенной территории, имеющей государственную границу и защищаемой национальным законодательством, общепризнанными нормами и принципами международного права.

Действующее законодательство РФ детально регламентирует особенности частной собственности граждан и юридических лиц на землю. Вместе с тем недра находятся только в федеральной собственности. Однако это не означает, что граждане не вправе использовать недра, располагающиеся ниже поверхностного слоя земли. Законодательство допускает для нужд сельского хозяйства, ведения личного подсобного хозяйства возможность извлечения подземных вод, добычи общераспространенных полезных ископаемых, а также строительство подземных зданий и сооружений. Такого рода виды недропользования не нарушают прав собственника – Российской Федерации, так как правомочие распоряжения остается за государством.

Механизм реализации права собственности на природные ресурсы представляет собой порядок возникновения права собственности на природные объекты, использование по целевому назначению и возложение дополнительных обязанностей по охране и защите объектов природной среды. Достижение поставленных целей механизма возможно при условии дальнейшего совершенствования законодательства России, которое позволит рационально использовать природные ресурсы и в нужный момент обеспечить государственной защитой собственника и иного титульного владельца.

Конкретные способы защиты отражены в отраслевом законодательстве и должны использоваться таким образом, чтобы это не наносило ущерб другим собственникам, обладающими смежными правами на природные ресурсы. Законодательством РФ допускаются четкие основания прекращения права собственности на природные объекты. К таким основаниям относится, например, злоупотребления правом, а также изъятие природного объекта для государственных нужд. Собственник или иной законный владелец природных ресурсов вправе обратиться в суд с иском о защите принадлежащего ему права в порядке, предусмотренном действующим процессуальным законодательством РФ. Благодаря существующей судебной практике во многом восполняются имеющиеся пробелы в праве. Задача законодателя направлена на устранение подобных пробелов, а цель суда урегулировать возникший спор и защитить права собственника, способами, не запрещенными законом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Российская газета. 2009. № 7. 21 января.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.
4. Апольский Е.А., Плешков Е.В. «Декреты» Бурхарда как символ компиляций канонического права X-XI вв. // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 4. С. 51-56.
5. Плешков Е.В., Апольский Е.А. Особенности становления и раннего развития канонического права (до V века н.э.) // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 4 (8). С. 143-146.
6. Апольский Е.А. Дореволюционная диссертационная разработка римского частного права // Вестник СевКавГТИ. 2012. № 12. С. 85-90.
7. Апольский Е.А. История учений о гражданском праве в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: монография. – Ставрополь, 2007.
8. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
9. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. №2. с.79-82.
10. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.
11. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука. 2013. №3.

УДК 343.9

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ СУДЕБНОЙ
КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
ABOUT THE POSSIBILITIES OF THE JUDICIAL COMPUTER
FORENSIC AND TECHNICAL EXPERTISE IN THE INVESTIGATION
OF CRIMES IN SPHERE OF HIGH TECHNOLOGIES**

Дёмин К.Е., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Demin K.E., The candidate of jurisprudence, docent, docent department weaponry and trace analysis and educational complex judicial examination Moscow university of the Russian Interior Ministry name V. J. Kikot

e-mail: diomin.costia@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретические, методические вопросы судебных компьютерно-технических исследований электронных носителей информации как нового класса судебных экспертиз.

Annotation. This article deals with theoretical and methodological issues of legal and technical research kompyuterno electronic media as a new class of forensic examinations.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная система; компьютерные преступления; судебная компьютерно-техническая экспертиза; электронные носители информации.

Keywords: information and communication system; computer Crime, com-puter forensic and technical expertise, electronic media.

Стремительное проникновение преступных организаций в такие сферы как: перехват данных из информационно-телекоммуникационных систем (ИТКС); преднамеренное распространение вирусов; мошенничества с банкоматами и платежными системами; нарушение авторских и смежных прав в сфере системного программного обеспечения и аудио-видео-игровых носителей информации; мошенничества в области мобильной связи; незаконное распространение баз данных, содержащих конфиденциальную информацию о физических и юридических лицах; изготовление и распространение (продажа) специальных технических средств; сетевой экстремизм в информационных сетях и их использование в террористических целях и т.д. [5. С. 13-18] В связи с чем назрела необходимость внедрения практики проведения исследований и экспертиз электронно-вычислительной техники, средств мобильной связи, их систем и сетей [3. С.409-416].

На данном этапе развития судебная компьютерно-техническая экспертиза (СКТЭ) является новым формирующимся родом в системе инженерно-технических экспертиз в связи с тем, что само рождение вычислительной техники обязано инженерно-технической мысли

[2. С.203-217; 7. С. 218]. В тоже время, рассматриваемая область специальных знаний, характеризующаяся очень высокой динамикой развития, быстро насыщается все новыми направлениями, синтезом с рядом пограничных научных областей. Поэтому, по мнению Е.Р. Россинской и А.И. Усова [6. С.118; 8. С. 21-23], уже в ближайшем будущем этот род может быть расширен, и выделится в полностью самостоятельную систему судебной экспертизы. Например, это может быть класс судебной экспертизы в сфере современных информационных технологий - судебных информационно-технологических экспертиз. Данное обстоятельство потребует серьезного методического наполнения потенциальных направлений таких как, например, в области защиты данных и информационной безопасности, цифровых изображений и распознавания образов, электронного документооборота и коммерции. В настоящее время это широко известные компоненты обеспечивающие работу любого компьютера, смартфона, коммуникатора, иными словами это аппаратная (техническая), программ-ная («софт»), информационная (информационное наполнение и оснащение и созданные пользователем данные), и сетевая составляющие. Помимо этого современные технологии предполагают применение встраиваемых систем, представляющих собой компьютерные устройства функционирующие в составе другого оборудования, и встраиваемого программного обеспечения, которое «вшито» в процессор, работающего в составе некоторого устройства (например, сотового телефона, цифровой камеры).

Предметом СКТЭ являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерности разработки и эксплуатации компьютерных средств, обеспечивающих реализацию информационных процессов, которые зафиксированы в материалах уголовного или гражданского дела, дела об административном правонарушении [4. С. 194-199]. Кратко рассмотрим систему судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ):

1. судебная аппаратно-компьютерная экспертиза (САКЭ);
2. судебная программно-компьютерная экспертиза (СПКЭ);
3. судебная информационно-компьютерная экспертиза (СИКЭ).
4. судебная компьютерно-сетевая экспертиза (КСЭ) [3. С.195].

Рассмотрим подробнее задачи каждого экспертного направления.

Такое деление охватывает технологические особенности, функциональные и эксплуатационные свойства объектов исследования. Остановимся на них более подробно.

Сущность судебной аппаратно-компьютерной экспертизы (САКЭ) заключается, прежде всего, в проведении исследования аппаратных (технических) средств компьютерной системы. Предметом данного рода являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе закономерностей эксплуатации аппаратных средств компьютерной системы - электронных материальных носителей информации от факте события уголовного или гражданского дела.

В большинстве случаев целью исследований аппаратных средств, является получение доступа к представленному компьютерному или радиоэлектронному оборудованию и информации, хранящейся в нем. Объектами экспертизы являются такие устройства как электронные органайзеры, мобильные телефоны, магнитные и ЧИП-карты, любая

потребительская электроника. В криминалистическом аспекте наиболее важен подвид запоминающих устройств и электронных носителей данных, который включает все известные электронные носители данных: микросхемы памяти, магнитные и лазерные диски, магнитооптические диски, карты памяти и т.п.

Для производства экспертных исследований программного обеспечения, предназначена судебная программно-компьютерная экспертиза (СПКЭ), родовым предметом которой являются закономерности разработки и использования программного обеспечения компьютерной системы, представленной на исследование в целях установления истину по уголовному или гражданскому делу. Целью СПКЭ является изучение функционального предназначения, характеристик и реализуемых требований, алгоритма и структурных особенностей, текущего состояния представленного на исследование системного, прикладного и авторского программного обеспечения системы.

Ключевой составляющей системы СКТЭ является судебная информационно-компьютерная экспертиза (СИКЭ), так как позволяет получить ценную доказательственную информацию, связанную с компьютерной информацией. Поэтому целью этого рода является поиск, обнаружение, восстановление, анализ и оценка информации, подготовленной пользователем или порожденной (созданной) программами для организации информационных процессов в компьютерной системе.

Судебная компьютерно-сетевая экспертиза (СКСЭ) - в отличие от предыдущих основывается, прежде всего, на функциональном предназначении компьютерных средств, реализующих сетевую информационную технологию (в т.ч. Интернет). Отдельным видом здесь является телематическая экспертиза для исследования средств телекоммуникаций и подвижной связи как материальных носителей информации о факте или событии какого-либо дела. Предметом СКСЭ являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе специальных знаний об сетевых технологиях и средствах телекоммуникации и связи. Она выделяется в отдельный род, в связи с тем, что использование сетевых технологий позволяет соединить объекты и сведения о них, эффективно решать поставленные перед экспертом следствием или судом вопросы.

Таким образом, становление и развитие новых видов СКТЭ сопряжено с активным внедрением принципиально отличных от современных технологий, основанных на телекоммуникационных и информационных составляющих, свидетельствует о важности дальнейшего развития уже существующих и формирования новых ее направлений.

Литература

1. Васильев А.А., Дёмин К.Е. Электронные носители данных как источники получения криминалистически значимой информации. Учебно-методическое пособие. М.: МГОУ, 2009.
2. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008.
3. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Научное издание – М.: АНТИДОР, 2004.

4. Дёмин К.Е. О современном состоянии и перспективах развития судебной компьютерно-технической экспертизы. // Вестник Московского университета МВД России – М.: Московский университет МВД России, 2012(3).
5. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. – Воронеж: ВГУ, 2002
6. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. – М.:2001.
7. Нехорошев А.Б. Компьютерные преступления: Квалификация, расследование, экспертиза. Часть 1. / Под ред. В.Н. Черкасова. Саратов: СЮИ МВД России, 2003.
8. Усов А.И. Судебно-экспертное исследование компьютерных средств и систем. Учебное пособие. Под. ред. Е.Р. Россинской. - М.: 2003.

УДК 343

**О ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА УРОВЕНЬ ЛАТЕНТНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
ABOUT THE POSSIBLE PREVENTIVE EFFECT
ON THE LEVEL OF LATENT PENAL CRIME**

*Долгополов К.А., к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин СФ
РАНХ и ГС при Президенте РФ*

*Dolgoplov K.A., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law RANH SF
and SG at the President of the Russian Federation.*

e-mail: nadal06@mail.ru

*Милованова Е.Н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»*

*Milovanova E.N., Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology GAOU IN
"Nevinnomyssky State Humanitarian-Technical Institute"*

e-mail: leshailiza@yandex.ru

*Аннотация: в статье рассматриваются проблемы, реализации профилактической
деятельности исправительных учреждений, по преодолению латентизации пенитенциарной
преступности. Автор делает основной упор на необходимость реализации мер
направленных на защиту жертв преступных посягательств.*

*Abstract: The article deals with the problems, the implementation of preventive activities of
correctional institutions, to overcome latentizatsii penal crime. The author focuses on the need to
implement measures to protect victims of criminal attacks.*

*Ключевые слова: пенитенциарная преступность, пенитенциарная латентность,
пенитенциарная профилактика.*

Keywords: prison crime, prison latency penal prevention.

Тему нашего исследования рассмотрим с помощью методов, известных науке ранее [9,10,11,12,13,14].

Одним из важных направлений деятельности государства в борьбе с преступностью является предупреждение преступлений. Данное положение обязывает государственные правоохранительные органы, в частности органы, исполняющие наказание, проводить планомерную, комплексную, целенаправленную деятельность по недопущению преступлений.

Как известно профилактика преступлений в криминологии подразделяется на два уровня: а) общесоциальный; б) специально-криминологический [1, с. 161].

Нас будет больше интересовать профилактика на специально-криминологическом уровне, так как на нем осуществляется система мер, непосредственно направленных на выявление и устранение причин сокрытия преступлений.

Деятельность сотрудников исправительных учреждений по профилактике преступлений среди осужденных предполагает, прежде всего, выявление условий, способствующих их совершению, с последующей разработкой профилактических мероприятий. Помимо этого, данная деятельность включает в себя выявление лиц, от которых можно ожидать подобных действий, и применение к ним мер воспитательного и предупредительного воздействия. Наконец, она предполагает своевременное обнаружение и пресечение замышляемых и подготавливаемых осужденными правонарушений.

В тех случаях, если осужденный, подготавливая преступление, подыскивает соучастника, то делает это среди своего окружения, обращая внимание, прежде всего, на лиц, отрицательно настроенных, а также характеризующихся неустойчивым поведением. В данной ситуации в отношении тех, кто подготавливает противоправные действия, проводятся предупредительные мероприятия, направленные на недопущение перерастания замысла в конкретные действия.

«Совершенствование общей организации борьбы с преступностью, – по мнению И.А. Уварова, – включает ее надежное информационно-аналитическое обеспечение и прогнозирование криминологической ситуации» [2, с. 256].

Основным направлением профилактики пенитенциарных преступлений, должна стать ориентация на активную нейтрализацию криминальной субкультуры. По нашему мнению, это возможно за счет смягчения противоречий наказания, пересмотра существующих запретов и ограничений, углубления дифференциации правонарушителей с изоляцией лидеров и авторитетов уголовного мира от основной массы осужденных, объединения их вокруг значимых интересов и целей, не имеющих криминальной окраски. Однако, профилактика необходима не только для нейтрализации противоправного поведения виновных, но и для предупреждения виктимного поведения потерпевших.

По убеждению Ю.М. Антоняна «поведение потерпевшего – это в широком смысле одно из проявлений среды поскольку: во-первых, потерпевший сам является элементом данной среды; во-вторых, его действия являются результатом норм, принятых в этой среде, или наоборот, нарушением их. В этой связи оно способно к созданию конкретных жизненных ситуаций, влияющих на формирование решимости у преступника совершить преступление» [3, с. 66].

В связи с тем, что очень трудно определить в отношении кого будет совершено преступление, и как это лицо себя поведет в последствии (заявит о преступлении или нет), практически невозможно осуществлять индивидуальные мероприятия по профилактике латентности преступности. Указанную работу можно проводить только в отношении небольшой группы осужденных, как правило – это осужденные, занимающиеся картежной игрой и имеющие долги. По законам «тюремной жизни» картежный долг является обязательным к оплате. В отношении лиц, которые в срок не смогли рассчитаться с подобными долгами, может быть учинена физическая расправа или совершены насильственные действия сексуального характера [4, с. 168].

На наш взгляд более эффективное воздействие на состояние латентной преступности может оказать общая профилактика – т.е. система специально-криминологических мер, осуществляемых в сфере общественных отношений безотносительно к конкретной личности

в целях выявления и устранения причин, способствующих существованию латентности преступности.

Как нам известно, латентная преступность образуется в результате отсутствия заявлений о преступлениях со стороны осужденных и не регистрации известных администрации исправительной колонии преступлений в официальных учетах. Исходя из этого представляется целесообразным проводить профилактическую работу по двум направлениям.

Первым направлением профилактики является увеличение количества заявлений и сообщений, осужденных о совершенных преступлениях. Нами уже ранее отмечалось, что в ряде случаев причиной возникновения латентности преступлений является пассивная позиция большинства осужденных, которые либо стали жертвой преступных посягательств, либо являлись свидетелями происходящего. В большинстве своем осужденные, как и все другие граждане, внутренне убеждены в необходимости применения к преступникам мер уголовного воздействия, но данное понимание не стыкуется с жесткими и безжалостными «законами» преступного мира, запрещающими осужденным обращаться к правоохранительным органам в целях наказания виновников насилия, а предписывают решать возникающие проблемы на «тюремном разборе» с участием «авторитета» [5, с. 175-187].

Однако, оказание физического сопротивления со стороны потерпевшего, а также обращение к помощи администрации в целях предотвращения насильственных действий и обеспечения личной безопасности, по мнению осужденных, является малоэффективным. Они считают, что меры защиты в ответ вызовут лишь насилие и в итоге приведут только к усугублению конфликта. При этом 26% осужденных – правонарушителей заявили, что отказались бы от намерения совершить преступление, если бы были уверены в способности потерпевшего оказать сопротивление [6, с. 129].

Таким образом, при проведении виктимологической профилактики, как нам представляется, практические работники мест лишения свободы должны сконцентрировать свое внимание, прежде всего на осужденных, взаимоотношения которых выходят за рамки нормальных, так как именно в них отклоняющееся поведение одного из субъектов может послужить поводом для совершения посягательства гораздо чаще, чем при иных взаимоотношениях.

В местах лишения свободы в силу действующих там режимных требований и имеющихся возможностях решить данную проблему не сложно. Потерпевших и свидетелей можно изолировать на время проведения предварительного расследования, поместив их в безопасное место. В исправительных учреждениях как правило таким местом является штрафной изолятор или помещение камерного типа. В колониях особого режима и тюрьмах – одиночная камера. Также существует возможность эпатировать осужденных, участвующих в проведении предварительного следствия в следственный изолятор.

В силу нормативного регулирования процесса предоставления осужденным безопасного места, с изоляцией потерпевших и свидетелей у администрации трудностей возникнуть не должно. Ознакомление с практикой деятельности исправительных учреждений показало, что указанная работа с осужденными проводится, подобные

мероприятия планируются, однако у большинства сотрудников подход к выполнению намеченных мероприятий чисто формальный.

Существенным профилактическим фактором предупреждения латентности преступлений является повышение доверия осужденных к представителям администрации, а также возможности администрации защитить их права и интересы. В данной ситуации целесообразно полностью исключить случаи совместного содержания осужденных, которые проходили по одному уголовному делу, так как противоречия в отношениях, а также личные антипатии, сложившиеся в связи с привлечением к уголовной ответственности, в условиях исправительных учреждений могут перерасти в открытую конфронтацию, которая неизбежно выльется в насилие [7, с. 120].

Наибольший процент в структуре латентных преступлений в исправительных учреждениях занимают насильственные действия сексуального характера. Опасность данного преступления заключается в том, что нередко оно совершается с применением физического насилия, угроз и различных извращений. В целях предупреждения насильственного мужеложства среди осужденных мы считаем необходимым: 1) выявление лиц, склонных к гомосексуализму и постановки их на специальный учет; 2) распределять их в отряды, бригады, смены, где исключается возможность этого правонарушения; 3) проведение регулярных медицинских осмотров с целью выявления лиц, подвергшихся насилию [8, с. 12].

Другим направлением профилактической деятельности является снижение количества незарегистрированных преступлений по вине администрации исправительных учреждений. Как нам представляется, для достижения указанной цели необходимо: 1) изменить отношение к регистрации преступлений в исправительных учреждениях; 2) отменить существующую негативную практику наложения на сотрудников дисциплинарных взысканий за совершенные осужденными преступления [7, с. 123].

Состояние преступности, конечно, важный критерий, однако поддерживать «допустимый» уровень преступности необходимо не искусственным, а естественным путем. Количество преступлений, совершаемых, в местах лишения свободы, будет значительно меньше, если все виновные будут нести ответственность за свои деяния. В первое время уровень преступности, несомненно, возрастет. Но это увеличение, как нам представляется, будет не долгим. Через небольшой промежуток времени количество преступлений, имеющих место в исправительных учреждениях, значительно снизится. Привлечение к уголовной ответственности всех виновных в конечном итоге повлечет за собой уменьшение уровня преступности в местах лишения свободы, так как прежде чем совершить какое-либо противоправное деяние осужденные станут задумываться стоит ли, ведь это неизбежно приведет к увеличению срока наказания.

Добиться снижения количества незарегистрированных преступлений по вине администрации исправительных учреждений можно и другим способом. Количество незарегистрированных преступлений снизится, если повысить ответственность сотрудников за необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела и умышленное сокрытие преступлений от учета.

Реализация указанных предложений думается, поможет не только уменьшить количество скрытых преступлений, но и снизить общий уровень преступности в местах лишения свободы.

В заключении хотелось бы отметить, что изложенные выше профилактические меры не являются, естественно, исчерпывающими. Дальнейшая разработка и реализация этих мер будут способствовать более успешному решению задачи профилактики и предупреждения латентных преступлений в местах лишения свободы, как со стороны осужденных, так и со стороны сотрудников.

Литература

1. Миньковский Г.М. Криминология. Учебник. М., 1988.
2. Уваров И.А. О закономерностях реализации пенитенциарной профилактики // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 2 (6).
3. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973.
4. Уваров И.А. О закономерностях пенитенциарного насилия // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3.
5. Хохряков Г.Ф., Саркисов Г.С. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988.
6. Алиев К.Б. Учет виктимологических факторов при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы // Проблемы совершенствования исполнения уголовных наказаний. Рязань, 1992.
7. Уваров И.А. Идеология пенитенциарного сообщества в механизме латентизации пенитенциарной преступности // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 3.
8. Методические рекомендации по профилактике гомосексуального поведения в ИТУ. М., 1978.
9. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
10. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. №2. с.79-82.
11. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.
12. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука. 2013. №3.
13. Апольский Е.А. Дореволюционная диссертационная разработка римского частного права // Вестник СевКавГТИ. 2012. № 12. С. 85-90.
14. Апольский Е.А. История учений о гражданском праве в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: монография. – Ставрополь, 2007.

УДК 343

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ, И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЛЕГАЛЬНОМУ ОБОРОТУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ
PUBLIC DANGER OF THE CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE
OF PRODUCTION AND TURNOVER OF ALCOHOLIC PRODUCTS AND EFFICIENCY
EVALUATION OF MEASURES OF STATE REGULATION AND LEGAL
COUNTERACTION TO ILLEGAL TURNOVER ALCOHOLIC PRODUCTS**

*Жиров Р.М., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ИПЭиФ
КБГУ*

*Zhirov R.M., PhD in Law, associate professor of criminal trial and criminalistics IPEIF
KBGU*

e-mail: dzhir-ruslan@mail.ru

*Дзамихов А.С., магистрант 2-го года обучения направления 40.04.01
«Юриспруденция» магистерской программы «Уголовное право; криминология» ИПЭиФ
КБГУ*

*Dzamikhov A.C., undergraduate of the 2nd year of training of the direction 40.04.01 «Law»
of the master program "Criminal law; criminology" IPEIF KBGU*

e-mail: alihandzamihov@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере производства и оборота алкогольной продукции. Авторами дается оценка эффективности мер государственного регулирования и правового противодействия нелегальному обороту алкогольной продукции.

Summary: Article is devoted to a research of public danger of the crimes committed in the sphere of production and turnover of alcoholic products. Authors give an efficiency evaluation of measures of state regulation and legal counteraction to illegal turnover of alcoholic products.

Ключевые слова: алкоголизм, алкогольная продукция, преступления в сфере незаконного оборота алкогольной продукции, противодействие нелегальному обороту алкогольной продукции.

Keywords: alcoholism, alcoholic products, crimes in the sphere of illicit trafficking in alcoholic products, counteraction to illegal turnover of alcoholic products.

Алкоголизм, как один из факторов демографического и социального кризиса в современной России, представляет собой общенациональную угрозу, имеющую негативные последствия как на микроуровне так и на уровне всей страны. Злоупотребление алкогольной продукцией приводит к упадку нравственных ценностей и устоев в обществе, деградации граждан, росту преступности, насилия, инвалидности и случаев суицида.

В России за 9 месяцев 2016 года зарегистрировано свыше 36 тыс. случаев острых отравлений алкогольной и спиртосодержащей продукцией, в том числе 9,3 тыс. с летальным исходом (25,6 %) [1].

По данным отчета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за период с 1992 по 2015 годы Россия - лидер по количеству смертей (30%), связанных с употреблением алкоголя, а также по темпам роста пьянства среди молодежи. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), обнародованным в 2015 году, из ежегодно фиксируемых более трех миллионов смертей в мире, около 500 тысяч, связанных со злоупотреблением алкогольной продукцией приходится на Россию [2].

По данным ГИАЦ МВД России из общего количества лиц, совершивших преступления в январе-ноябре 2016 года (939228 человек), более одной трети приходится на лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (364061 человек)[3].

В состоянии алкогольного опьянения совершаются многочисленные насильственные преступления – убийства, причинения вреда здоровью различной степени тяжести, изнасилования, хулиганства, грабежи, разбои, угоны автотранспорта и другие преступления.

Нелегальное производство и оборот алкогольной продукции, помимо нанесения крупного ущерба бюджетной системе государства, способствует возникновению перечисленных выше последствий и определяет высокую степень общественной опасности преступлений в этой сфере. Именно поэтому остро стоит вопрос о принятии мер, направленных на пресечение незаконного оборота алкогольной продукции, и ужесточении наказания в отношении лиц, задействованных в нем.

Преступления, совершаемые в данной сфере можно классифицировать в уголовно-правовом аспекте как общественно опасные деяния, посягающие на: 1) экономическую деятельность (ст. ст.171-171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), ст. 180 УК РФ); 2) здоровье населения (ст. ст.151.1, 234, 238 УК РФ); 3) порядок управления (ст. ст. 325, 327, 327.1 УК РФ)

Исходя из вышеприведенной классификации, можно дать определение преступлению, совершаемому в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции. Это умышленно совершенные, общественно опасные деяния, посягающие на здоровье населения, на законную экономическую деятельность в сфере производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также на порядок предоставления необходимых документов (лицензий, товарных знаков, сопроводительной и иной документации), специальных и акцизных марок, подтверждающих законность данной отрасли экономической деятельности, запрещенные уголовным законодательством Российской Федерации под угрозой наказания.

Помимо санкций, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ за совершенные преступления в рассматриваемой сфере следует отметить и иные меры государственного регулирования.

Так, согласно Указу Президента России от 31.12. 2008 г. № 1883 создана Федеральная службы по регулированию алкогольного рынка, осуществляющая контроль над производством спирта и алкогольной продукции, сроками их реализации и соблюдением норм законодательства о возрастных ограничениях в розничной торговле спиртных

напитков. Являясь контролирующим органом, она полномочна выдавать лицензии на производство, хранение и продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Другой государственной мерой является ужесточение законодательных норм Федерального закона от 22.11. 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

В результате процесса перелицензирования организаций алкогольной отрасли в 2009 году алкогольный рынок России лишился значительной части действующих производителей (30%), которые не смогли продлить лицензии. Поэтому, на фоне сокращения предприятий-производителей и оптовых компаний, снизились продажи легальной алкогольной продукции (25%-30%). Сохранение розничного потребления алкогольной продукции на прежнем уровне свидетельствует о росте нелегального оборота алкогольной продукции.

По итогам работы Комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Кабардино-Балкарской Республике за 2015 год львиная доля незаконного оборота промышленной продукции в республике приходится на сферу производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции (более 98%).

Так, в 2015 году из незаконного оборота изъято 791 тыс. литров спиртосодержащей жидкости, 667 тыс. бутылок контрафактной алкогольной продукции известных брендов, оклеенных поддельными федеральными специальными марками, а также 327,5 тыс. штук федеральных специальных марок. По данным фактам подразделениями МВД по КБР и СУ СК РФ по КБР возбуждены и расследуются 14 уголовных дел.

Органами внутренних дел пресечена деятельность тридцати двух подпольных цехов на территории республики. В суд направлены уголовные дела в отношении организаторов пятнадцати из них.

Всего в 2015 году в ходе проведенных МВД по КБР мероприятий, без учета проведенных с целью декриминализации сферы производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, проведено 2 257 проверок юридических и физических лиц, по результатам которых выявлено 1 617 нарушений, в том числе 50 преступлений, составлено 1 567 протоколов об административных правонарушениях [4].

Таким образом, сфера производства и оборота алкогольной продукции остается одной из наиболее криминогенных областей экономики. Проблема государственного регулирования и противодействия незаконному обороту алкогольной продукции по-прежнему актуальна.

Возможность получения в сжатые сроки не контролируемой государством сверхприбыли от производства и реализации неучтенной, а подчас недоброкачественной и опасной для здоровья и жизни, алкогольной продукции, несоизмеримость санкций, предусмотренных УК РФ с обозначенными выше негативными последствиями обусловили создание и совершенствование уже существующих устойчивых организованных преступных группировок экономической направленности.

Существующие меры противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота алкогольной продукции не соответствуют действительному положению дел в этой сфере.

Выходом из данной ситуации является реализация в сфере производства и оборота алкогольной продукции комплекса мер, в числе которых особое место занимают меры уголовно-правового характера.

Литература

1. Информационный ресурс: <https://regnum.ru/news/accidents/2209343.html>
2. Информационный ресурс: <http://www.newsru.com/russia/14may2015/alco.html>.
3. Информационный ресурс: <https://мвд.рф/reports/item/9116063/>
4. См.: Указ Главы КБР от 14 июля 2015 года № 101-УГ (ред. от 24.06.2016 № 76-УГ) «О комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Кабардино-Балкарской Республике».

УДК 343

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
И ПРЕСЕЧЕНИЮ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
MAIN DIRECTIONS OF JOINT ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT
AND TAX AUTHORITIES FOR THE PREVENTION AND SUPPRESSION
OF TAX CRIMES**

*Жиров Р.М., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ИПЭиФ
КБГУ*

*Zhirov R.M., PhD in Law, associate professor of criminal trial and criminalistics IPEIF
KBGU*

e-mail: dzhir-ruslan@mail.ru

*Дзамихова Фатимат Суфьяновна., магистрант 2-го года обучения направления
40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовное право; криминология»
ИПЭиФ КБГУ*

*Dzamikhova Fatimat Sufyanovna, undergraduate of the 2nd year of training of the direction
40.04.01 «Law» of the master program "Criminal law; criminology" IPEIF KBGU*

e-mail: alihandzamihov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления совместной деятельности правоохранительных и налоговых органов по предупреждению и пресечению налоговых преступлений. Отмечается роль внесенных в уголовно-процессуальное и налоговое законодательство изменений в этой сфере. Авторами сделан вывод о необходимости организации тесного взаимодействия налоговых и правоохранительных органов в предупреждении и пресечении налоговых преступлений.

Summary: In article the main directions of joint activities of law enforcement and tax authorities for the prevention and suppression of tax crimes are considered. The role of the changes in this sphere made to the criminal procedure and tax law is noted. Authors have drawn a conclusion on need of the organization of close interaction of tax and law enforcement agencies for the prevention and suppression of tax crimes.

Ключевые слова: налог, налоговые преступления, предупреждение налоговых преступлений, организация взаимодействия налоговых и правоохранительных органов.

Keywords: tax, tax offenses, tax offenses, prevention of tax offenses, organization of interaction of tax and law enforcement agencies.

На сегодняшний день одним из основных источников финансирования деятельности государства и экономическим инструментом реализации государственных приоритетов являются налоги. Мировой опыт и российская практика показывают, что более 70% доходных источников бюджета государства составляют налоговые поступления. От

эффективности механизма взимания налогов зависит результативность мер фискального воздействия государства на экономическую активность в стране.

Изложенное объясняет актуальность разработки оптимальных и эффективных путей увеличения собираемости налоговых платежей и максимального выявления фактов уклонения от их уплаты, совершенных преступным путем. Массовость уклонения налогоплательщиков от уплаты налогов, высокий уровень совершения налоговых преступлений с особой остротой ставят проблему их выявления.

Как показывает анализ работы правоохранительных органов, количество налоговых преступлений стало резко снижаться. Так, в 2011 году было зарегистрировано 6 802 налоговых преступления, в 2012 году – 3 367, в 2013 году – 3 055, в 2014 году – 3 016. [1].

Такая же тенденция характерна и относительно количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные статьями 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В 2011 году оно составило 6 031 человек, в 2012 году – 3 239 и 2013 году – 2 966, в 2014 году 2 895 [1].

Между тем, материальный ущерб, причиненный налоговыми преступлениями за январь-ноябрь 2016 года составил 61105383 тысяч рублей (по оконченным уголовным делам) [2].

Снижение количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, с одной стороны, при ежегодном росте преступлений в налоговой сфере с другой, указывает на необходимость более серьезного отношения к этой проблеме.

На наш взгляд, такая ситуация обусловлена следующими факторами.

1. Принятием ФЗ от 07.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому установлен новый порядок возбуждения уголовных дел за налоговые преступления. Поводом для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, служат лишь материалы, направленные налоговыми органами в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

2. Последствием внесения изменений в ч.1 Налогового кодекса Российской Федерации (ФЗ от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ), явилось шестикратное увеличение размеров сумм неуплаченных налогов и сборов. Стало возможным освобождение лица от уголовной ответственности в случае полной уплаты суммы недоимки по налогу и соответствующих пеней и штрафов (примечание к ст. 198 УК РФ).

Установление фактов налоговых преступлений возможно с помощью более активных инициативных действий сотрудников правоохранительных органов в отличие от «традиционных» преступлений (убийство, кража, изнасилование и т.д.), которые регистрируются, как правило, на основании заявлений потерпевших и заинтересованных лиц. А налоговые органы такими функциями не обладают, поскольку их основная задача заключается в контроле правильности исчисления налогоплательщиками сумм налогов, исходя из представленных ими документов бухгалтерской и налоговой отчетности, в доначислении выявленных недоимок и привлечении к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения. В этой связи следует упомянуть о возможности реализации налоговыми органами полномочий по проведению мероприятий налогового

контроля, которые хотя и не являются оперативно-розыскными мероприятиями, в то же время выступают эффективным инструментом выявления правонарушений в сфере налогообложения [3].

С принятием вышеупомянутого ФЗ от 07.12.2011 № 407-ФЗ органы внутренних дел фактически были отстранены от выявления налоговых преступлений, что не могло не сказаться на раскрываемости преступлений в сфере налогообложения.

Федеральным законом от 22. 10. 2014 № 308-ФЗ в уголовно-процессуальное законодательство также внесены изменения, согласно которым поводом для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, предусмотренных статьями 198-199.2 УК РФ признаются не только материалы, переданные налоговыми органами, но и заявления о преступлениях, сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях, полученные из различных источников (в том числе средств массовой информации), постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, а также явка с повинной.

Данное изменение оказывает комплексное влияние на уголовное производство:

- право на возбуждение уголовного дела, проведение следственных действий и привлечение к уголовной ответственности за преступления до 10-летней давности;
- расширение круг лиц, инициирующих возбуждение уголовного дела;
- расширение перечня материалов, которые могут стать основанием для возбуждения уголовного дела;
- расширение перечня государственных органов, способных оказать влияние на возбуждение уголовных дел;
- усложнение механизма освобождения от уголовного преследования при уплате суммы недоимки, пеней и штрафов.

Казалось бы, расширение возможностей по возбуждению уголовных дел должно неизбежно влечь за собой активизацию деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений. Но, как показывает практика не более 8% уголовных дел возбуждаются по результатам проверок налоговых органов. Приговоры суда выносятся только по 10-15% уголовных дел, возбужденных по ст. 198-199.2 УК РФ. Остальные не доходят до суда в виду некомпетентности сотрудников, расследующих дела, либо давления, оказываемого на предпринимателей с целью получения неформальных доходов или иных частных выгод. [4]. Низкая выявляемость преступлений объясняется, на наш взгляд тем, что противодействие налоговым преступлениям рассматривается в качестве второстепенной функции налоговых органов.

Успешное выявление налоговых преступлений возможно лишь при обеспечении эффективного взаимодействия правоохранительных органов и органов налоговой службы, направленного на противодействие налоговым преступлениям. В качестве основных задач такого взаимодействия следует обозначить предупреждение преступлений в сфере налогообложения, профилактику причин и условий, способствовавших их совершению. Важную роль в этом отношении следует уделять отбору высококвалифицированных кадров правоохранительных и налоговых органов, учитывая не только наличие опыта оперативно-

розыскной или следственной работы, но и соответствующей финансово-экономической подготовки претендентов.

Основными направлениями совместной деятельности правоохранительных и налоговых органов являются:

- осуществление налоговыми органами качественного и полного предпроверочного анализа для выбора организаций с наибольшим риском уклонения от налогообложения для проведения выездных налоговых проверок совместно с правоохранительными органами;

- обеспечение сотрудниками налоговой службы полного и своевременного направления материалов проверок в отношении налогоплательщиков, имеющих признаки уклонения от уплаты налогов, в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

- проведение совместных проверок в отношении организаций, обладающих признаками фирм-«однодневок», созданных с целью уклонения от уплаты налогов.

- проведение на постоянной основе совместных контрольно-рейдовых мероприятий для выявления лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в налоговых органах;

- осуществление правоохранительными органами дополнительных оперативно-розыскных мероприятий с использованием имеющихся рычагов по пресечению и предупреждению преступлений в данной сфере и направление полученных материалов в налоговые органы с целью использования их в мероприятиях налогового контроля;

- осуществление внешнего контроля за деятельностью налоговых служб по соблюдению процессуальных сроков и качества проведения налоговых проверок.

Следование указанным направлениям, наряду с другими рекомендациями, позволит повысить эффективность деятельности как налоговой службы, так и правоохранительных органов в сфере предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в налоговой сфере.

Литература

1. Состояние преступности в России // Статистический сборник. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», Москва 2014 год
2. https://мвд.пф/upload/site1/document_news/009/116/063/Sostoyaniya_prestupnosti_yanvar_-_noyabr_2016_goda.pdf
3. Карякин В.В. Махов В.Н. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях// СПС ГАРАНТ.
4. Вопросы выявления налоговых преступлений. М., 2013.

УДК 336.15

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БЮДЖЕТОВ
РАЗНЫХ УРОВНЕЙ
THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN
BUDGETS OF DIFFERENT LEVELS**

Жирова С.А., Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет, старший преподаватель кафедры экономики и финансов ИПЭиФ

Zhirova S.A., Nalchik, Kabardino-Balkarian state university, senior teacher of department of economy and finance ILE and F

e-mail: sayida@yandex.ru

Аннотация: В статье проведено исследование проблемы взаимоотношений и взаимодействий бюджетов разных уровней. Выработка новой стратегии урегулирования межбюджетных отношений должна быть ориентирована на предупреждение разногласий и споров между бюджетами разных уровней, а также обеспечение межбюджетной сбалансированности.

Summary: In article the research of a problem of relations and interactions of budgets of different levels is conducted. Development of new strategy of settlement of the interbudget relations shall be oriented to the prevention of disagreements and disputes between budgets of different levels, and also ensuring the interbudget balance.

Ключевые слова: бюджет, бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, налоговые (доходные) полномочия, расходные полномочия.

Keywords: budget, budget federalism, interbudget relations, tax (profitable) powers, account powers.

Распределение бюджетных полномочий между уровнями бюджетной системы не может и не должно ограничиваться распределением статей расходов. Здесь должны быть учтены многие моменты.

Во-первых, разработка процедур эффективного управления бюджетным процессом посредством установления и реализации нормативов бюджетного обеспечения социальных гарантий и механизмов, обеспечивающих соблюдение этих гарантий.

Во-вторых, формирование критериев оценки развития регионов, что обеспечит финансирование приоритетных и эффективных региональных и межрегиональных программ, а также многие другие аспекты, связанные с реализацией принципов бюджетного федерализма.

Нельзя не согласиться с тем, сформировать отношения между федерацией и субъектами Федерации, которые стимулировали бы рынок и заинтересованность регионов в развитии, достаточно сложно и продолжительно по времени. Основные направления реформирования и принципы, в целом верны, но необходимо постоянно отслеживать и

анализировать влияние происходящих изменений на экономику региона и страны в целом [2, С. 272].

На наш взгляд, должны быть предприняты меры в следующих направлениях: на законодательном уровне обеспечить автономию региональных и местных властей с четким разграничением их налоговых и расходных полномочий; уточнить расходные обязательства региональных властей и наличие законодательных гарантий их автономного финансирования за счет собственной налоговой базы; передать с регионального на федеральный уровень дополнительные доходы и расходные обязательства с постепенной децентрализацией финансовых ресурсов в средне- и долгосрочной перспективе; создать правовую базу для введения института банкротства и внешнего финансового управления региональными бюджетами; повысить прозрачность и стабильность политики трансфертов; обеспечить свободу торговли и мобильности факторов производства. А также обязательное соблюдение базового законодательства экономического характера, в частности закона о конкуренции.

Ожидается, что реализация перечисленных мер будет способствовать большей независимости региональной налогово-бюджетной политики и свяжет финансовое состояние региональных и местных бюджетов с ее результатами. Региональные и местные органы власти будут самостоятельно управлять своими расходами и нести ответственность за принимаемые решения. Конкуренция между регионами за привлечение инвестиций, которая обязательно возникнет в условиях жестких бюджетных ограничений, вынудит региональные власти проводить политику экономических реформ и содействия экономическому росту. Реальные и четко сформулированные требования бюджетного законодательства обеспечат их безусловное соблюдение, что повысит бюджетную ответственность региональных властей и приведет к сокращению их неформальной деятельности. Так как предлагаемые меры значительно уменьшат заинтересованность региональных и местных властей в «теневых» бюджетах, они будут иметь больший эффект по сравнению с любым ужесточением прямого федерального контроля над субнациональными финансами.

Если более подробно рассмотреть межбюджетные отношения в России на региональном уровне, то здесь также немало проблем, в частности дотационный характер бюджетов многих муниципальных образований, разногласия между руководством региона и муниципальных территорий, большая доля финансовых нагрузок, не обеспеченных необходимыми ресурсами, дефициты местных бюджетов без источников их покрытия, «скрытые дефициты», отсутствие налаженной связи местных бюджетов и других элементов экономической базы в системе местного самоуправления и т.д. [1, С. 136].

Существующая практика бюджетного процесса на уровне региона, а также практика межбюджетных отношений, излишне универсальна и слабо учитывает, или не учитывает вообще, социально-экономическое развитие отдельных муниципальных образований. Сложности возникают с территориями-донорами и субъектами с высоким уровнем концентрации производственного и налогового потенциала, которые не укладываются в универсальные схемы внутрирегионального финансового выравнивания. Ситуация усугубляется тем, что такие тенденции социально-экономического подъема в стране, имели точечный характер. Однако такой подъем часто усиливает тенденции социально-экономической дифференциации на территориальном уровне. Парадоксально то, что во

многих регионах есть муниципальные образования, где на фоне значительного улучшения социально-экономической ситуации, уровень дотаций в их бюджеты вырос. Универсальные модели схем межбюджетного регулирования на уровне региона становятся все менее приемлемые. Но в то же время имеющаяся законодательная и методическая базы не позволяют субъектам Федерации выстраивать специализированные модели взаимодействия с различными типами муниципальных образований [3].

Аналогичной проблемой является формальная структуризация местных финансов, особенно в связи с применением одно- или двухуровневой системы местных бюджетов.

Действующее законодательство, Бюджетный кодекс РФ в частности, не решают вопрос легитимности двухуровневой системы местных финансов. Бюджетной системе РФ все еще характерен дисбаланс «по горизонтали», т.е. смещение расходных полномочий и бюджетных дефицитов на уровень региона и муниципалитета.

По мнению многих специалистов в программе развития бюджетного федерализма не содержится прямого указания на принципы бюджетного федерализма, а бюджетным отношениям на внутрирегиональном уровне уделено очень мало внимания. Следовательно, положения данной программы по указанным вопросам необходимо развить и конкретизировать на законодательном уровне.

Законодательные органы субъектов Федерации также примут активное участие в решении задач правового обеспечения внутрирегионального уровня межбюджетных отношений, где пока не удастся успешно решить проблему адекватного правового оформления финансово-экономической базы местного самоуправления. Здесь во главе угла ставятся такие вопросы, как общая структура местного самоуправления, а также разграничение функций и расходных полномочий региональных и местных органов самоуправления.

Опорой для экономического содержания и правового регулирования принципов бюджетного федерализма является их четкое законодательное закрепление. Ориентиром для финансового выравнивания в первую очередь является социально-экономическое выравнивание как долговременный приоритет. Предполагается, что финансовое выравнивание должно создавать предпосылки к постепенному преодолению дотационности и обеспечению самодостаточности бюджетов всех уровней. Но необходимо иметь в виду, что различные уровни располагают и различными возможностями по постижению этой цели.

Наибольшими возможностями в данной сфере располагают субъекты Федерации, особенно если будет решена проблема избыточной централизации налогового потенциала при его первичном распределении.

Больше сложностей возникает на внутрирегиональном уровне. В период российских реформ внутри регионов наблюдался процесс деления муниципальных образований на экономически слабых и бесперспективных в плане поддержания какой-либо самостоятельной единицы управления.

Проведя анализ возможностей и направлений реформирования местных бюджетов и межбюджетных отношений на внутрирегиональном уровне, можно заключить, что модели бюджетного федерализма, в том числе и на внутрирегиональном уровне, имеют две взаимосвязанные стороны: процедурную и содержательную.

Процедурная сторона бюджетного федерализма определяет характер и формы взаимодействия субъектов Федерации и муниципальных образований в бюджетном процессе, то есть определение основных параметров и инструментов внутрирегионального межбюджетного регулирования. В настоящее время этот вопрос российской модели бюджетного федерализма далек от логической завершенности. Это связано с недостаточной проработанностью инструментов финансово-бюджетных взаимоотношений субъектов Федерации и муниципальных образований.

На сегодняшний день нет отработанных механизмов активного участия муниципальных образований в формировании принципов и механизмов бюджетного процесса и межбюджетных отношений на уровне субъектов Федерации. А также нет ясного представления о необходимой мере и формах контроля со стороны субъекта Федерации. Доработка необходима и в плане законодательного закрепления содержательной стороны принципов российской модели бюджетного федерализма и ее «проекции» на внутрирегиональный уровень финансово-бюджетных взаимодействий.

Литература

1. Березин М.Ю. Региональные и местные налоги: правовые проблемы и экономические ориентиры. М., 2006.
2. Грицюк Т.В., Котилко В.В., Лексин И.В. Бюджетная система Российской Федерации. М., 2013.
3. Курляндская Г.В., Николаенко Е.И., Шишкин Д.В. Децентрализация публичной власти и межбюджетные отношения в регионах /Центр фискальной политики. http://www.budgetrf.ru/Publications/Analysis/fpcenter/an_fpcenter_01112002/an_fpcenter_01112002000.htm

УДК 340.1(09)(470)

**РУССКАЯ ПРАВДА И ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЯМ:
О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ПРАВА ВИЗАНТИИ НА РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ
ПРАВО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ.
RUSSKAJA PRAVDA, AND THE ZAKON SUDNUJ LJUDJAM: ABOUT THE
INFLUENCE' DEGREE OF BYZANTINE'S LAW ON THE EARLY FEUDAL LAW
OF SLAV PEOPLE**

Душина Т.В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»

*Dushina T.V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, GAOU IN "Nevinnomyssky State Humanitarian-Technical Institute"
e-mail: nadal06@mail.ru*

Аннотация: Статья анализирует нормы Русской Правды и Закона Судного Людям в целях установления степени влияния на них церковно-византийского права.

Annotation: The article examines the norms of Russkaja Pravda, and the Zakon Sudnuj Ljudjam in order to establish the degree of their church and Byzantine law' influence.

Ключевые слова: византийское право, памятники права, религия, государство, преступление, наказание, источник права.

Keywords: byzantine law, rights monuments, religion, state, a crime, punishment, source of law

Одному из самых значительных памятников отечественного права – Русской Правде исполнилось тысячу лет. В 2015 году произошло знаменитое «побоище» в Новгороде между, собственно, новгородцами и проживавшими на его территории варягами и колбягами. Именно это событие послужило причиной появления знаменитого Устава князя Ярослава, состоявшего всего из восемнадцати статей, защищавших жизнь, честь и имущество новгородцев. По мнению Б.Д. Рыбакова, «созданный в конкретных исторических условиях 1015 года Устав Ярослава оказался вполне применим ко всем случаям уличных побоищ вообще...» и просуществовал несколько столетий, неоднократно становясь частью многочисленных уставов русских князей XI – XII вв.[1]. Из княжеского домениального закона (напомним, Ярослав в 1015-1016 гг. еще не владел великокняжеским престолом, а довольствовался титулом князя новгородского) Русская Правда, постепенно разрастаясь, превратилась в сборник норм раннефеодального русского права и на сегодняшний день представляет собой бесценный источник по истории не только древнерусского права, но и государства.

Текст данного памятника права вызывает неизменный интерес отечественных историков на протяжении почти трехсот столетий. Очерки, в той или иной степени, посвященные истории создания и анализу статей Русской Правды имели место в трудах

выдающихся русских историков В.Н. Татищева и В.О. Ключевского. Значительно обогатили наше знание о древнерусском праве советские историки Б.Д. Греков, С.В.Юшков, М.Н. Тихомиров, Я.Н. Щапов, Б.А. Рыбаков. Все исследователи истории Киевской Руси неизменно отмечали влияние на содержание Русской Правды церковно-византийского законодательства, что, собственно, является естественным для феодального общества с его господством религии в культуре, идеологии и мировоззрении.

Безусловно, все известные памятники раннефеодального права славянских народов, принявших православие, так же как и памятники права раннего Средневековья других народов Европы, испытали на себе влияние религиозных источников, в том числе и византийских. Однако, как показывает анализ первых законодательных установлений славянских правителей, влияние это было различным и не всегда подавляющим, так как славянские правды во многом несли на себе отпечаток обычного права и традиций дохристианского периода. Не умаляя значения византийского права и византийских традиций в становлении права и государственного порядка в славянских государствах, попытаемся определить степень влияния церковно-византийского права на такие памятники раннефеодального права как Русская Правда и Закон Судный людям.

Одними из основных источников древнеславянского права неизменно называются такие памятники церковно-византийского права, как Эклога, законы Моисеевы, Прохирон, Земледельческий закон и Номоканон. Это объясняется, прежде всего, необходимостью утверждения у народов, только что, принявших христианство, норм православия, как в быту, так и на уровне государства. Однако, не умаляя значения «византийских произведений законовещения», В.О. Ключевский основным источником Русской Правды все-таки считал не их, а «Закон русский», «то есть обычное право языческой Руси» [2]. С ним согласен Б.Д. Рыбаков, который считал, что «многое в Русской Правде опиралось на обычное неписаное право» [3]. Что касается Закона Судного Людям, то и он, по оценке того же Ключевского, является не слепой копией Эклоги, а ее «славянской переделкой» [4]. Исходя из этого, на наш взгляд, будет интересен сравнительный анализ положений византийских памятников права с аналогичными нормами названных раннефеодальных сводов законов Руси и Болгарии.

Русская Правда и Закон Судный это памятники права двух славянских народов, связанных не только общностью древнейшей истории, но общностью религии, что предопределило и тесные исторические связи двух народов. Русская Правда дошла до нас в Краткой и Пространной редакциях, а «Закон Судный Людям» – в Краткой и Подробной редакциях. Причем обе редакции болгарского памятника права сохранились, в том числе, и в русских источниках – в Румянцевском, Варсонофьевском и Новгородском списках «Кормчей книги». Данный памятник раннефеодального болгарского права, по праву, является, по общему признанию, одним из источников Русской Правды.

Приступая к анализу влияния церковно-византийского права на древнерусское и древнеболгарское право необходимо определить место христианской морали в общественной и государственной жизни Первого Болгарского Царства и Киевской Руси. Нормы обоих памятников славянского права, без сомнения, подчеркивают христианский дух закона. Закон Судный уже ст.1 содержит установления, направленные против язычников, что

свидетельствует о том, что данный законодательный сборник был принят государственной властью, прежде всего, в связи с принятием христианства. На привилегированное место религии в жизни болгарского общества указывает и то, что Закон Судный на первое место ставит преступления не против государя, а против христианской религии.

В тоже время, Русская правда, выросшая, по общему мнению, из сферы церковного суда, не упоминает преступлений против религии. Это, конечно не означает, что государственная власть Киевской Руси не боролась с данными видами преступлений или, что христианская религия в русском обществе XI века занимала менее значимое положение, чем в болгарском обществе. О том, какое место занимает церковь в жизни древнерусского общества можно судить хотя бы по тому, что священник по размеру пени, ограждавшей его жизнь от посягательств, приравнивался к княжеским мужам и боярам. Не упоминает Русская правда о преступлениях религиозного характера, видимо, только потому, что они были подсудны церковным судам.

Влияние норм византийского права на славянские своды законов особенно заметно в тех нормах, которые регулировали брачно-семейные отношения. И Русская Правда и Закон Судный однозначно утверждают христианскую семью с церковным браком, отрицают многоженство, наложничество, запрещают разводы. В тоже время анализ статей древнеславянских памятников права позволяет сделать вывод о том, что утверждаемые в них нормы христианской морали входили в жизнь населения Руси и Болгарии не без сопротивления, что не могло не учитываться при составлении болгарского и русского законников.

Так, например, в Законе Судном десять статей посвящены половым преступлениям (Ст. 4-13), в том числе и «кровосмешению», за которое в Эклоге предусмотрена смертная казнь. Тем не менее, составители болгарского памятника права, учитывая состояние болгарского общества с еще не укоренившимися в нем христианскими традициями, не могли принять в качестве наказания за «кровосмешение» ни смертную казнь, ни членовредительство, а потому остановились на самом легком – простом разлучении супругов. Точно также Закон, в отличие от Эклоги, не устанавливал наказания юноше, вступившему в связь с девицей, если он готов был на ней жениться. Все это еще раз подчеркивает, что болгарский свод законов преимущественно опирался не на религиозные установления, а на старый, дохристианский обычай.

Аналогичные примеры мы находим и в Русской Правде. Краткая редакция отечественного памятника права, несмотря на непримиримое отношение церкви к институту наложничества, все же упоминает внебрачных детей и даже утверждает их право на участие в наследовании после смерти отца. О том, что внебрачные связи на Руси имели место даже в XI в. свидетельствует и церковный Устав Ярослава, по которому признается невенчанная жена законной, если мужчины, с которым она сожительствует, нет другой «венчанной» жены. При этом, самовольный развод невенчаных супругов наказывается практически так же, как и самовольный развод венчаных супругов, разница только в размере денежного штрафа. Но Русская Правда как бы игнорирует данный факт, а потому умалчивает об имевших место дохристианских формах брака, тем самым подчеркивая значимость брака церковного как единственно законного. Все это еще раз подчеркивает, что составители

Закона Судного и Русской Правды вынуждены были учитывать условия переходного периода славянских обществ от язычества к православию, тем более, как нам известно, этот переход был достаточно длительным и болезненным.

О том, что древнеславянские памятники права не копируют слепо нормы известных византийских узаконений, а стараются приспособить их к условиям жизни русского либо болгарского общества достаточно наглядно свидетельствуют статьи о рабах и холопах. Византийское право, в том числе Эклога, однозначно утверждает то, что «раб не послушествует» (Эклога, 14,3), то есть не свидетельствует в суде. Русская Правда, не отрицая положений Эклоги, в начале статьи 59 категорично постановляет, что «свидетелем холоп быть не может». Но далее, исходя из сложности и неоднородности института холопства на Руси и как бы в развитие положений Эклоги, указывает на случаи возможного участия холопа в суде в качестве свидетеля: «если не будет свидетелей из простых людей, то по нужде можно призвать боярского тиуна, не других простых холопов; только в малом иске и то по нужде можно сослаться на свидетельство закупа».

Не совпадают исследуемые нами правовые памятники и в вопросе об отношении к рабу. В Законе Судном, испытавшем более значительное влияние византийского права, нежели русское право, содержится норма, предусматривающая отпуск на волю раба, которому господин выколол глаз или выбил зуб. Свободу по болгарскому закону получает и осрамленная хозяином раба. В данном случае Закон Судный практически повторяет положения Эклоги. В Русской Правде также имеет место статья об отпуске рабыни на волю, но несколько в иной интерпретации. На Руси получает свободу не только раба, но и прижитые ею от господина дети. Однако «выходили они на волю» только по смерти хозяина. При этом Русская Правда предполагает помимо свободы и выделение рабе с детьми «прелюбодейной части» из движимого имущества умершего. В тоже время Закон Судный содержит указания на раба как объект купли-продажи и устанавливает обстоятельства обращения в рабство свободных за преступления против религии (отречение от христианства), собственности, нравственности. Как свидетельство копирования византийского права, в нем имеют место нормы об отпуске раба на волю за выкуп или отработку своей цены, то есть то, что как раз характерно для византийского общества VIII-IX веков. В Русской же Правде ничего подобного нет.

Сравнение других положений древнерусского памятника права с аналогичными по содержанию нормами византийского права также не дают полной аналогии. Возьмем для примера статьи о ночной краже. В византийский Законах Моисеевых читаем: «...аще в подкопании обрящется тать и язвен умрет, несть ему убийство; аще же въздет солнце над ним, повинен есть, умрет за него» (Исход 22,2 и 3). В Русской Правде в ст. 36 находим: «Кто застанет ночью у клети или на каком воровстве, могут убить, как собаку, если же продержат пойманным вора до рассвета. То должны вести его на княжий двор, в суд; если же вор окажется убитым, а сторонние люди видели его уже связанным, то платить за убийство пены в 12 гривень». Как видим, несмотря на внутреннюю связь этих двух норм, нельзя не отметить чисто русского начала в определении наказания для того, кто убил ночного вора уже после восхода солнца. Норма Краткой Правды явно более гуманна и, в отличие от

византийского сборника, предусматривающего наказание виновному в виде смертной казни, наш сборник права ограничивается в данном случае только штрафом.

К аналогичным выводам можно прийти и в результате анализа норм, касающихся последствий кражи, совершенной не свободным человеком, а рабом. Так, византийская Эклога в отношении раба, совершившего кражу на стороне, предполагает наказание либо в вознаграждении потерпевшего хозяином раба, если хозяин предполагает сохранить раба за собой, либо в передаче раба во власть потерпевшего. В Русской Правде по аналогичным обстоятельствам господин холопа, совершившего кражу, должен не только выкупать его, но и оплачивать все понесенные потерпевшим убытки и все пени. Но в случае отказа делать это, он должен выдать вора потерпевшему. Как видим, в данном случае, славянский правовой сборник, безусловно руководствуясь церковно-византийским правом, все же создает правовую норму, отражающую состояние русского общества.

Особенно наглядно несовпадение византийских и славянских правовых установлений находим в нормах, определяющих наказания. Оба славянских памятника права оставили вне поля зрения ряд норм «Эклоги» и те составы преступлений, борьба с которыми, по-видимому, не была необходимой с точки зрения новой христианской религии и утверждаемой ею морали. Именно в силу этого ни Русская Правда ни Закон Судный не упоминают, к примеру, нормы, определяющие наказания за государственную измену. И не потому, что подобных преступлений не было. Скорее всего, они наказывались по законам, действовавшим в славянском обществе до принятия христианства.

Что же касается, собственно, вопроса о видах наказаний, то здесь русский и болгарский своды законов явно расходятся. Закон Судный в части уголовных наказаний практически повторяет статьи Эклоги, а потому перечень содержащихся в нем наказаний весьма разнообразен: от штрафа и конфискации, до изгнания, членовредительства и смертной казни. Помимо светских наказаний, в нем упоминаются и церковные (эпитимные) наказания. Однако применительно к Закону Судному, на наш взгляд, эпитимные наказания не столько подчеркивали христианский дух закона, сколько выступали в качестве альтернативы другим видам наказания. Это было вполне оправданно для Болгарии конца IX в., если учесть, что христианство было принято болгарами только в 868 году, а потому заповеди новой христианской морали еще не были восприняты большей частью населения Болгарии. И в этой ситуации можно было бы зайти слишком далеко, если бы, например, каждому виновному в несоблюдении христианской этики отрезали нос, как в Византии. Вероятно, именно поэтому в Законе Судном зачастую членовредительские наказания заменяются наказаниями эпитимными. Это вовсе не означает, что и по другим видам преступлений можно было отделаться только покаяниями. Закон Судный довольно часто упоминает такой, характерный для Византии, вид наказания как смертная казнь. Так, смертная казнь однозначно предусматривалась за разбой. За некоторые виды убийств убийца мог быть наказан штрафом – «враждой», а когда он неизвестен – платит село («емство»), где найден труп [5].

Нормы Русской Правды в вопросе определения наказаний за преступные деяния достаточно гуманны. В отличие от Эклоги и Закона Судного, русский памятник права предпочтение отдает штрафу как основному виду наказания. Не упоминает русский свод

законов и о наказании в виде смертной казни. Составитель русского сборника права, скорее всего, исходил, в первую очередь, из того, что смертная казнь не совместима с христианским взглядом на человека. Кроме того, в этот период государственная власть воспринимала смертную казнь, как продолжение кровной мести, которую стремилась искоренить, или хотя бы ограничить. В истории немало примеров о попытках русских князей покончить с кровной естью. В подтверждение этой мысли можно привести норму из Поучения Владимира Мономаха: «...не убивать ни правого, ни виновного, хотя бы кто повинен в смерти». Если Закон Судный людям, как уже отмечалось, не поощрял членовредительные наказания, то Русская Правда даже такой излюбленный византийцами вид наказания как битье кнутом заменяет опять же штрафом. Правда, ситуация меняется по мере развития феодальные отношений на Руси и Пространная Правда уже указывает на такой вид наказания как «поток и разграбление»: конфискация имущества и выдача преступника вместе с домочадцами «головой», то есть в рабство. Однако нельзя не заметить, что данный вид наказания, который оправданно воспринимается в качестве высшей меры наказания, применялся в ограниченных случаях и только за особо тяжкие виды преступлений.

А вот в вопросе защиты собственности оба славянских сборника, как и та же Эклога, неумолимы: чужого брать нельзя. Для периода раннего феодализма на Руси характерны господство натуральное хозяйства и неразвитость товарно-денежных отношений, поэтому отечественный законодатель пошел по пути перечисления конкретных наказаний за конкретные преступления против чужого имущества. При этом уже в статьях 31 и 40 Краткой редакции мы встречаем такой институт как соучастие. Указанные статьи устанавливают, что платить штраф должен каждый из соучастников и притом в равном размере: «А иже крадетъ любо кон, любо волы, или клетъ, да еще будетъ крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будет 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви» (Ст.31). Налицо не только институт соучастия, но и усиление наказания в зависимости от того совершено ли преступление одним лицом или группой лиц. Но и здесь Русская Правда, следуя традиции, в качестве основного наказания указывает штраф.

Что же касается болгарского общества периода составления Закона Судного, то для него характерно достаточно интенсивное развитие товарно-денежных отношений, ремесла и торговли, поэтому раздел имущественных отношений в нем, в отличие от Русской Правды, практически повторяет положения Эклоги, а потому является достаточно разработанным с юридической точки зрения. Закон Судный в качестве объектов частной собственности называет не только землю, но и урожай, посеvy, скот, строения и т.п. Статьи Закона предусматривают наказание лиц, умышленно причинивших ущерб собственности другого лица. Виновные в похищении чужого имущества, особенно господского, наказываются достаточно строго. Вводится понятие рецидива в краже. За него полагается ослепление и усекование носа – опять же, обычные наказания для византийского правосудия [6].

Говоря о влиянии византийского права на становление славянского права, мы не должны забывать, что это влияние было не односторонним, а взаимообусловленным. В конце VI века славяне в поисках новых территорий для расселения активно вторгались на территорию Балканского полуострова и на территорию Византийской империи, оказывая, в свою очередь, существенное влияние не только на ускорение перехода Византии к

феодализму, но и на развитие византийского права. Сегодня уже вряд ли кто оспаривает тот факт, что «Земледельческий закон», принятый в Византии в VIII веке, стал, как раз, отражением появления на территории империи огромного количества славян-переселенцев, составивших значительную массу свободного крестьянского населения и положивших начало развитию на территории Византии феодальных отношений, взамен изживших себя отношений рабовладельческого строя.

Таким образом, даже краткий анализ норм Русской Правды и Закона Судного позволяет сделать вывод о том, что они, несмотря на значительное влияние византийского права, представляют собой самостоятельные памятники славянского права. Составители славянских правд, не отрицая значимости и разработанности институтов и норм церковно-византийского права, тем не менее, стремились приспособить их к особенностям раннефеодального общества и государства в Болгарии и на Руси, не игнорируя при этом норм обычного городского права и дохристианских установлений болгарских и русских правителей.

Литература

1. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории.- М.: Молодая гвардия, 1987. С 155.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах М.: Мысль, 1987, Т.1, С. 227
3. Рыбаков Б. Д. Указ. Соч. С. 155.
4. Ключевский В.О. Указ. Соч. Т.1, С.217.
5. Душина Т.В. Государство и право Болгарии./История государства и права зарубежных стран. Уч-к для вузов. Т.1. Древний мир и Средние века. - М.- Старополь: СГУ, 2003, С. 455.
6. Душина Т.В., Ильченко Е.Г. История государства и права славянских народов Европы. Краткий курс.- Невинномысск: НГГТИ, 2016, С.26.

УДК 343.535

**ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО:
ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ
DELIBERATE BANKRUPTCY:
THE CONCEPT AND WAYS OF IDENTIFYING**

*Жиров Р.М., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ИПЭиФ
КБГУ*

*Zhirov R.M., PhD in Law, associate professor of criminal trial and criminalistics IPEIF
KBGU*

e-mail: dzhir-ruslan@mail.ru

*Шикова М.Л., магистрант 2-го года обучения направления 40.04.01 «Юриспруденция»
магистерской программы «Уголовное право; криминология» ИПЭиФ КБГУ*

*Shikova M.L., undergraduate of the 2nd year of training of the direction 40.04.01 «Law» of
the master program "Criminal law; criminology" IPEIF KBGU*

e-mail: mlshik@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются понятие и признаки преднамеренного банкротства. Уделяется внимание нормативно-правовой базе, служащей законодательной основой для проведения мероприятий по обнаружению признаков преднамеренного банкротства. Использован личный практический опыт автора в сфере выявления признаков преднамеренного банкротства.

Summary: In article the concept and signs of deliberate bankruptcy are considered. The attention is paid to the regulatory framework forming the legal framework for holding actions for detection of signs of deliberate bankruptcy. Personal practical experience of the author in the sphere of identification of signs of deliberate bankruptcy is used.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, кредитор, должник, преднамеренное банкротство, заключение арбитражного управляющего.

Keywords: insolvency, bankruptcy, creditor, debtor, deliberate bankruptcy, conclusion of the arbitration manager.

На практике нередко недобросовестные субъекты гражданских правоотношений, используя предоставленные им законом возможности, причиняют вред кредиторам. Многие предприниматели и руководители различных организаций рассматривают банкротство как средство неисполнения своих обязательств перед кредиторами и способ уйти от ответственности за их неисполнение.

Речь идет о недобросовестных субъектах предпринимательской деятельности, которые умышленно, для извлечения своей выгоды, «подводят» свой бизнес к банкротству, которые инициируют его с целью ухода от исполнения долговых обязательств, намеренно создавая условия, ухудшающие положение своих дел. Такие действия наносят ущерб не

только законным правам и интересам кредиторов этих субъектов, но и всей экономике Российской Федерации.

Преднамеренное банкротство является повседневной российской практикой. Так, по данным правоохранительных органов, а также Российского союза промышленников и предпринимателей, около половины банкротств в стране осуществляется незаконно с целью расхищения собственности[1].

Правовую основу по обнаружению признаков преднамеренного банкротства составляют Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [2], Постановления Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» [3], «Об утверждении Общих правил подготовки отчетов (заключений) арбитражного управляющего» от 22.05.2003 № 299 [4], «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» от 27.12.2004 № 855 [5], а также Приказ Минюста РФ от 14.08.2003 № 195 «Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего»[6].

Признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, предусмотренные соответствующими статьями УК РФ, но не содержащие признаки уголовно-наказуемого деяния, образуют состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 14.12 КоАП РФ[7].

Согласно ст. 196 УК РФ «преднамеренное банкротство, то есть совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб...».

Выявление признаков преднамеренного банкротства это сложная работа, требующая глубокие знания, помимо юридических, еще и в области экономики, финансов, бухгалтерского учета, налогообложения и т.д.

Заключение о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного банкротства дается арбитражным управляющим по итогам процедуры наблюдения. Арбитражным управляющим исследуется не менее чем 2-летний период, предшествующий возбуждению производства по делу о несостоятельности (банкротстве) должника, а также период проведения процедур банкротства в отношении данного должника.

Согласно п. 6 Временных правил, выявление признаков преднамеренного банкротства осуществляется в два этапа.

На первом проводится анализ значений и динамики коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника. Расчет производится за исследуемый период с учетом определения коэффициент абсолютной ликвидности, показывающего часть краткосрочных обязательств погашаемых немедленно, коэффициента текущей ликвидности,

характеризующего обеспеченность организации оборотными средствами для ведения хозяйственной деятельности и других показателей в соответствии с Правилами.

Установление на первом этапе существенного ухудшения значений двух и более коэффициентов предполагает проведение второго. Суть этого этапа сводится к проведению анализа сделок должника и действий органов управления должника за исследуемый период, которые могли быть причиной такого ухудшения. При этом существенным ухудшением значений коэффициентов признается такое снижение их значений за какой-либо кварталный период, при котором темп их снижения превышает средний темп снижения значений данных показателей в исследуемый период.

Согласно п. 8 Временных правил анализ сделок должника имеет целью установление соответствия сделок и действий (бездействия) органов управления должника законодательству Российской Федерации, а также выявление сделок, заключенных или исполненных на условиях, не соответствующих рыночным условиям, что послужило причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности организации либо индивидуального предпринимателя (далее ИП), а также причинило организации либо ИП реальный ущерб в денежной форме. Далее п.9 Временных правил дает перечень виды сделок, заключенных на не соответствующих рыночным условиям.

Заведомо невыгодные условия сделки, заключенной должником, как правило, касаются таких условий как цена имущества, работ и услуг, вид и срока платежа.

По завершении второго этапа выявления признаков преднамеренного банкротства, указываются выявленные сделки и действия (бездействие) органов управления должника, не соответствующие законодательству Российской Федерации.

Заключение должно содержать один из следующих выводов:

- отсутствие признаков преднамеренного банкротства;
- наличие признаков преднамеренного банкротства;
- невозможность проведения проверки наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства.

Заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства подлежит представлению собранию кредиторов, арбитражному суду, а также не позднее 10 рабочих дней после подписания - органам, должностным лицам, уполномоченным на составление протоколов об административных правонарушениях, а также принятие решения о возбуждении производства по делу об административном правонарушении в соответствии с КоАП РФ.

При наличии установленного факта причинения крупного ущерба, заключение направляется для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и привлечении виновных лиц к ответственности в органы предварительного расследования.

Наглядным в этом отношении следует признать следующий пример. Так, в августе 2015 года, в отношении индивидуального предпринимателя Г., осуществляющего свою деятельность на территории Краснодарского края, Арбитражным судом Краснодарского края была введена процедура наблюдения и утвержден временный управляющий. В конце процедуры наблюдения к собранию кредиторов временным управляющим был подготовлен

пакет документов по итогам процедуры наблюдения, в том числе Заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства.

Согласно указанному заключению, В соответствии с пунктом 6 Временных правил, выявление признаков преднамеренного банкротства ИП Г. осуществлялось в два этапа.

На первом этапе анализ значений и динамики коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника рассчитать не удалось, ввиду уклонения ИП Г. от передачи временному управляющему запрошенных документов, а так же в связи с упрощенной системой налогообложения должника.

На втором этапе, в результате проведенного анализа сделок ИП Г. за весь анализируемый период были выявлены две сделки ИП Г. по продаже недвижимости, не соответствующие законодательству Российской Федерации, а также заключенные и исполненные на условиях, не соответствующих рыночным условиям, что послужило причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности ИП Г. и причинило индивидуальному предпринимателю реальный ущерб в денежной форме.

Таким образом, в соответствии с пунктом 10 Временных правил был сделан вывод о наличии признаков преднамеренного банкротства ИП Г. Ущерб, нанесенный индивидуальному предпринимателю вышеуказанными сделками, составил (по предварительным оценкам временного управляющего) 48 993 000 руб.

Данное Заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства временным управляющим было представлено на собрании кредиторов ИП Г., а также направлено в Арбитражный суд Краснодарского края.

Далее, временным управляющим в ГУ МВД России по Краснодарскому краю было направлено заявление с приложением всех документов по итогам процедуры наблюдения, с просьбой решить вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении ИП Г. и о привлечении его к уголовной ответственности. После этого, все обязанности временного управляющего по выявлению признаков преднамеренного банкротства в процедуре наблюдения были исполнены в полном объеме [8].

Литература

1. Львова Н.А Преднамеренное банкротство: экономическое содержание и финансовый механизм // Вестник СПбГУ Сер.5. 2006. Вып.3. С. 90.
2. Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190
3. Собрание законодательства РФ. 2003. № 26. Ст. 2664.
4. Собрание законодательства РФ. 2003 № 21. Ст. 2015.
5. Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 2). Ст. 5519.
6. Российская газета. 2003. № 181.
7. Российская газета. 2013. № 295.
8. Пример взят из практического опыта Шиковой М.Л. в качестве помощника арбитражного управляющего

УДК 347

**ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДАМИ СЕМЕЙНЫХ
СПОРОВ И СПОРОВ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ ПРАВА ДЕТЕЙ
FEATURES OF REGULATION BY COURTS OF THE FAMILY DISPUTES
AND DISPUTES AFFECTING THE RIGHTS OF CHILDREN**

Закирова С.А., Старший преподаватель кафедры гражданского, к.ю.н., Ростовский филиал ФГБОУВО «РГУП», г. Ростов-на-Дону

Zakirova S.A., Senior teacher of civil chair, candidate of jurisprudence, RGUP FGBOUVO Rostov branch, Rostov-on-Don

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются современные особенности регулирования судами семейных споров, затрагивающих права детей на современном этапе, который характеризуется тем, что проблемы, связанные с разрешением семейных конфликтов, затрагивающих права несовершеннолетних детей весьма актуальны. Указывается, но то, что судебная форма защиты прав ребёнка является сегодня весьма эффективной, так как именно в судебном порядке может быть защищено любое нарушенное право несовершеннолетнего ребёнка. Об этом указано в ст. 46 Конституции Российской Федерации и ст.ст.8, 56 Семейного кодекса Российской Федерации). Однако сегодня имеются значительные противоречия между нормами гражданско-процессуального и семейного права, при этом единый подход при рассмотрении судами семейных споров и споров, затрагивающих права детей в судебной практике отсутствует. Эти пробелы в законодательстве требуют осмысления для дальнейшего их разрешения.

Summary: In article modern features of regulation by courts of the family disputes affecting the rights of children at the present stage which is characterized by the fact that the problems connected with permission of the family fights affecting the rights of minor children are very urgent are researched. It is specified, but the fact that the judicial form of protection of the rights of the child is today very effective as any violated right of the minor child judicially can be protected. About it 56 Family codes of the Russian Federation are specified in Art. 46 of the Constitution of the Russian Federation and st.st.8). However today there are considerable contradictions between regulations civil and procedural and law of domestic relations, at the same time single approach by consideration by courts of the family disputes and disputes affecting the rights of children in court practice is absent. These gaps in the legislation require judgment for their further permission.

Ключевые слова: семейные правоотношения, семейные споры, особенности рассмотрения гражданских дел в суде.

Keywords: family legal relationship, family disputes, features of consideration of civil cases in court.

В современном обществе весьма активно продолжают процессы трансформации традиционной модели семьи, к сожалению во многом не в лучшую сторону: увеличивается

количество разводов; растёт число внебрачных детей; снижается социальная ответственность родителей; неполные семьи и родители-одиночки становятся нормой.

Происходящие с семьёй изменения, современные исследователи трактуют как кризис семьи, который проявляется в ценностном конфликте личности и общества относительно рождения и социализации детей, следствием чего является ослабление семьи как союза родственников, союза родителей и детей, союза супругов. Иными словами, ослабляется триединство родства-родительства-супружества, следствием чего является процесс замены семьецентризма эгоцентризмом [12, с. 23]. Кризис семьи опосредует новые формы взаимоотношений между супругами и родителями, порождает новые модели осуществления супружеских и родительских прав и обязанностей.

Сегодня семейные споры являются наиболее распространённой категорией дел, которые рассматривают суды. В теории права, под семейными спорами понимают споры, регулируемые семейным законодательством Российской Федерации, которые возникают вследствие разногласий между супругами, а также родственниками. Данная категория споров относится к гражданским делам и требуют особого подхода к их разрешению – как юридического, так и психологического.

Практикующие юристы отмечают, что семейные споры и споры, затрагивающих права детей, самая сложная категория дел в гражданском праве. Можно возразить, что самые сложные споры имеют место в арбитраже, но это не так. В арбитражном процессе разрешается всего лишь вопрос относительно денег и бизнеса, а в семейных спорах на первое место выдвигаются даже не нормы права, а моральная составляющая. Судебному разбирательству подвергаются взаимоотношения между людьми, интересы детей, семейные ценности и другие материи, которые невозможно оценить только лишь в денежном эквиваленте. И дело не только в сложности норм права и многообразии судебной практики.

О.И. Шолгина вполне справедливо отмечает, что не все споры, которые возникают в сфере семейных правоотношений, указывают на то что имеет место спор о праве семейном как совокупности правомочий, принадлежащих тому или иному субъекту семейных правоотношений [18, с. 21].

Этот вид споров характеризуется тем, что его участники уже являются субъектами семейных правоотношений, в то время как спор о праве семейном может возникнуть между лицами, которые (который) на момент возникновения конфликта интересов в соответствующем материальном правоотношении не участвуют.

Наука семейного права не содержит универсальной дефиниции семейно-правового спора, которую можно использовать абсолютно ко всем его разновидностям. Это вполне объяснимо, так как его объектом являются субъективные нарушенные или оспариваемые права.

Большинство авторов под семейно-правовым спором в самом широком смысле понимают конфликт, который возник между участниками семейных правоотношений по поводу их прав (субъективных) и обязанностей (юридических) и который вытекает из факта брака или принадлежности к семье.

Как правило классификация семейных споров осуществляется по виду отношений, регламентированных семейным правом. Семейно-правовые споры подразделяют на три

основных вида, которые вытекают из отношений брака; из семейных отношений; из оспаривания актов гражданского состояния [9, с. 183].

Отдельные авторы предлагают классифицировать семейно-правовые споры по анализу структуры защищаемого интереса: споры с преобладанием государственного интереса; споры, сочетающие государственный и личный интерес; споры, вытекающие из личного интереса.

Семейно-правовые споры возникают между субъектами семейных правоотношений, которые связаны правами и обязанностями и в основном регламентируются Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) [3]. Имеется классификация этих споров в соответствии с материальным и процессуальным аспектом. Эта классификация позволяет выделить следующие категории дел: дела, связанные с прекращением брака; имущественные споры; споры в связи с исполнением алиментных обязательств; споры о детях. Указанные категории споры в свою очередь также подразделяются на несколько видов.

Рассмотрим их подробнее.

Споры, связанные с прекращением брака, которые не однородны и включают в себя:

- ст. 22 СК РФ регламентирует расторжение брака в судебном порядке, которое осуществляется в случае если одна из сторон (супруг/ супруга) не даёт согласие на расторжение брака

- ст. 27 СК РФ - признание брака недействительным.

Весьма многочисленна группа имущественных споров, которые включают в себя следующие категории дел:

- ст. 37 СК РФ - признание имущества каждого из супругов их совместной собственностью;

- ст. 38 СК РФ - раздел общего имущества супругов;

- ст. 45 СК РФ - обращение взыскания на имущество супругов;

- ст. 39 СК РФ - определение долей при разделе общего имущества супругов;

- ст. 44 СК РФ - признание брачного договора недействительным;

- ст. 43 СК РФ - изменение и расторжение брачного договора.

Споры касательно исполнения алиментных обязательств:

- гл. 13 СК РФ - споры в связи с исполнением алиментных обязательств родителей и детей;

- гл. 14 СК РФ споры в связи с исполнением алиментных обязательств супругов и бывших супругов;

- гл. 15 СК РФ споры в связи с исполнением алиментных обязательств других членов семьи.

Касательно темы нашей статьи, нас интересуют споры о детях, в которых объединены следующие категории дел:

1) Споры между родителями и близкими родственниками о воспитании детей:

- п. 3 ст. 65 СК РФ о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей;

- п. 2 ст. 66 СК РФ - об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка;

- п. 3 ст. 67 СК п. 1 ст. 68 СК РФ - об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников.

2) Споры родителей или лиц, их заменяющих, об отобрании детей от третьих лиц:

- п. 1 ст. 68 СК РФ - о возврате родителям ребенка, удерживаемого не на основании закона или судебного решения;

- п. 4 ст. 148.1 СК РФ о возврате опекунам (попечителям) подопечного от любых лиц, удерживающих у себя ребенка без законных на то оснований, в том числе от родителей или других родственников либо усыновителей ребенка.

3) Споры по поводу родительских прав:

- п. 1 ст. 70 СК РФ - о лишении родительских прав;

- п. 2 ст. 72 СК РФ - о восстановлении в родительских правах;

- п. 1 ст. 73 СК РФ об ограничении родительских прав;

- п. 1 ст. 76 СК РФ - об отмене ограничения родительских прав.

4) Споры о происхождении детей:

- ст. 49 СК РФ - установление отцовства в судебном порядке;

- п. 1 ст. 52 СК РФ - об оспаривании отцовства (материнства).

5) п. 2, 3 ст. 80 СК РФ - споры о взыскании алиментов на ребенка.

6) Споры по поводу усыновления детей:

- п. 1 ст. 125 СК РФ - об установлении усыновления;

- п. 1 ст. 140 СК РФ - об отмене усыновления.

Основное значение изложенной классификации заключается в том, что она выявляет и учитывает процессуальные особенности, которые связаны с рассмотрением разновидности предъявляемого иска. Это весьма важно, так как знание процессуальных особенностей способствует более эффективному использованию иска в качестве средства защиты прав и законных интересов в семейно-правовых спорах.

Рассмотрение судами дел, которые возникают из семейных правоотношений, как правило сопровождается рядом сложностей, опосредованных проблемой соотношения норм семейного и гражданско-процессуального законодательства (далее – ГПК РФ) [4]. Эти сложности возникают при определении правил подсудности; при установлении круга потенциальных истцов и других лиц, которые должны принимать участие в рассмотрении дела; при использовании специальных средств доказательств и средств доказывания. Указанные вопросы обладают определённой спецификой как при разрешении семейно-правовых споров в суде, так и при рассмотрении отдельных видов дел, которые следуют из семейных правоотношений.

В действующем законодательстве установлены специальные правила, по которым возбуждаются дела, возникающие из семейных правоотношений. Подготовка таких дел к судебному разбирательству, а также их непосредственное рассмотрение в суде отличается определёнными особенностями, которые зависят от различных факторов: дееспособность, возраст, семейно-правовой статус лица и т.д.

Современные семейные правоотношения в реальной действительности активно видоизменяются и в связи с этим возникают новые судебные притязания, значительно расширяется круг субъектов, которые предъявляют эти притязания. Увеличивается

количество случаев, когда заявителями выступают несовершеннолетние члены семьи, что опосредует необходимость применения судьями общих процессуальных предписаний в адаптированном виде.

Ряд семейно-правовых споров, в соответствии с действующим законодательством могут разрешаться в исковом производстве, однако имеется отдельная категория дел, которые рассматриваются в рамках особого судопроизводства. Из этого следует, что процессуальное положение, права и обязанности сторон, процедура участия в защите своих прав и интересов зависит от вида производства.

Судебные споры по делам, возникающим из семейных правоотношений рассматриваются на основе принципов гражданского процессуального права. Однако при рассмотрении этих дел, отдельные правовые гражданско-процессуальные принципы, такие как состязательность и диспозитивность приобретают особое преломление.

Самостоятельность и ответственность сторон в части распорядительных действий и в целом участия в судопроизводстве по рассмотрению семейных споров регламентируются одновременно общими правилами гражданского процесса и специальными правилами семейного законодательства.

Законодатель исходит из принципа приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, предусматривая особые меры охраны и защиты прав и интересов детей, в том числе при отсутствии между родителями согласия в решении вопросов, связанных с воспитанием, содержанием и образованием детей.

В нормах СК РФ, регулирующих отношения между родителями и детьми, законодатель по-разному определяет формы отсутствия согласия между родителями по тому или иному вопросу, предлагая различный порядок разрешения спорной ситуации. Так в п. 2 ст. 65 СК РФ указано, что все вопросы относительно воспитания и образования детей, родители должны решать по взаимному согласию, ставя во главу интересы детей и при этом указывается необходимость учёта мнения самих детей.

В том случае, если между родителями по указанному поводу возникли разногласия, то они (или один из них) вправе обратиться в орган опеки или в суд. При не достижении согласия между родителями, спор в силу положений п. 3 ст. 66 СК РФ разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом их мнения. Приведённые положения свидетельствуют о том, что в СК РФ закреплён разный правовой режим разрешения разногласий и споров между родителями.

По мнению известного специалиста, в области семейного права А.М. Нечаевой, в СК РФ изложен исчерпывающий перечень дел, связанных с воспитанием детей. Однако это мнение подвергается критике со стороны других исследователей, и потому представляется не бесспорным, так как суд, должен принять к рассмотрению любое дело, по вопросам, затрагивающим права и интересы ребёнка [13, с. 27].

Семейно-правовые споры, затрагивающие права детей, традиционно относят к категории неимущественных споров, так как объектом спора, направленного на защиту прав и интересов ребёнка являются блага, которые денежной оценке не подлежат, следовательно иски подаваемые по данной категории дел – неимущественные, так как цены не имеют.

Большинство семейно-правовых споров о правах детей рассматривается в исковом производстве посредством предъявления иска. И это на наш взгляд является оптимальным порядком, так как в исковом порядке происходит защита субъективных прав ребёнка путем признания. При этом суд указывает на необходимость совершения определённых действий или требует воздержаться от их совершения, а при необходимости прекращает либо изменяет правоотношения, нарушающие права детей.

В этом аспекте вполне справедливо утверждение М.А. Гуревича, который отмечал, что возникновение гражданских прав и обязанностей следует из решения суда, в котором они устанавливаются и принимают законную силу [8, с. 35].

В ст. 56 СК РФ установлено, что ребёнок имеет право на защиту своих прав и интересов. При этом, законодатель вполне чётко обозначил права ребёнка в ст. 54 СК РФ, что нельзя сказать о дефиниции «интересы», которая упоминается в нормах семейного законодательства наряду с правами как правило в одном контексте, но при этом легального определения не имеют. По мнению Л.В. Саенко это связано с тем, что данное понятие имеет множество значений, это опосредовано тем, что с одной стороны интересы ребёнка сочетаются с интересами его родителей и государства, что в свою очередь отражено в различных правовых предписаниях (прямых и косвенных), а с другой стороны категории «права» и «интересы» совпадают по своему существу, так как имеют одинаковые цели [16, с.15].

Большинство авторов вполне обоснованно считают, что наиболее спорные ситуации, которые требуют применения норм семейного права, должны рассматриваться в первую очередь через призму соблюдения интересов ребенка [7, с. 76]. Отметим, что дефиниция «интересы» ребенка является наиболее употребляемой в аспекте его защиты. Так в СК РФ, понятие «интересы несовершеннолетнего», законодатель использует более сорока раз, применительно к разным аспектам семейных правоотношений с участием несовершеннолетних детей. Оно используется в положениях СК РФ, регламентирующих судебный процесс по расторжению брака (ст.ст.23,24); при определении правового статуса ребёнка; при разрешении вопроса о признании недействительным брака несовершеннолетнего (ст. 29); при реализации необходимости заслушать мнение несовершеннолетнего по вопросу, который затрагивает его интересы (ст. 57); при определении доли в имуществе супругов (т. 39); при определении прав ребенка (ст. 54, ст. 56); при принятии решения об изменении имени, фамилии несовершеннолетнего (ст. 59); при разрешении судом споров о воспитании (ст.ст.65, 67, 68); в процессе восстановления родительских прав (ст. 72 СК РФ); при принятии решения о помещении ребёнка под опеку, попечительство, на усыновление в приемную семью (ст.ст.145, 124, ст. 131). Имеются и другие ссылки на интересы несовершеннолетнего в положениях СК РФ. Помимо прямого упоминания об интересах ребёнка, в СК РФ имеется множество косвенных ссылок на его интересы [11, с. 111].

Определяя приоритет защиты прав ребёнка и его интересов, законодатель подразумевает и его защиту от злоупотреблений со стороны родителей своими правами в отношении несовершеннолетнего. Так, в случае, если родитель, с которым проживает ребенок чинит препятствия для общения с другим родителем, или иным образом нарушает

его права, ребёнку предоставлено право обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав и интересов в органы опеки, а с 14-летнего возраста и в суд (ст.56 СК РФ).

Заметим, что понятие «злоупотребление родительскими правами» в СК РФ законодательного определения не имеет. В этом случае, законодатель предоставил право Суду оценивать действия родителей при осуществлении своих родительских прав в каждом конкретно-определённом случае, вынесенном на судебное разбирательство. Как правило под злоупотреблением родительскими правами понимают использование родительских прав в ущерб интересу ребёнка (создание препятствий в обучении, склонение к попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению спиртных напитков или наркотиков и т. д.». Заметим, что этот перечень можно продолжать, но в целом законодатель исходит, из того, что родители используют свои права в противоречии с обязанностями, определёнными в ст. 63 СК РФ.

Права и интересы ребенка, установленные в Конституции, международно-правовых актах и СК РФ, подлежат защите, в том числе и судебной. Суд защищает несовершеннолетнего при разрешении семейных споров, затрагивающих права детей [15, с. 127].

Несовершеннолетнему ребёнку, также, как и любому гражданину РФ по Конституции РФ (ст. 46 Конституции РФ) гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. Это право предусмотрено и Конвенцией ООН «О правах ребенка»[2]. Кроме этого на защите прав ребёнка при разрешении семейных споров, затрагивающих его интересы находятся кроме СК РФ и ГПК РФ, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5], Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и иные нормативные акты.

В СК РФ содержатся отдельные процессуальные правила, которые направлены на специализацию судебной защиты семейных прав, с целью повышения эффективности посредством учёта специфики брачно-семейных правоотношений.

В ст. 37 ГПК РФ указано, что физическое лицо осуществляет свои права при достижении полной дееспособности с учётом правил об эмансипации. В том случае, если в судебном споре затрагиваются права и интересы несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет, то в гражданском процессе эти права защищают их законные представители при обязательном участии в делах самих несовершеннолетних. Это способствует гарантии выявления интересов и ребенка, и его законных представителей в процессе разбирательства, а также наличие (или отсутствие) противоречий между этими интересами.

Законодатель предоставил несовершеннолетним в возрасте 14-18 лет право и лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы, но только в случаях, которые предусмотрены федеральным законодательством. Однако ни в гражданском процессуальном, но в семейном законодательстве не определён механизм обращения несовершеннолетнего в суд, что позволяет судьям отказывать несовершеннолетним истцам в праве на защиту. Следует отметить, что несовершеннолетние как правило не обладают информацией о том, какие им предоставлены возможности для участия в судебном процессе.

В том случае, если встаёт вопрос о защите прав и интересов несовершеннолетних, которым не исполнилось 14 лет, то их права и интересы в гражданском процессе защищают

законные представители или иные лица, которые в соответствии с федеральным законом имеют на это право (ст. 37 ГПК РФ).

Правом на обращение в суд в интересах защиты семейных прав несовершеннолетних обладают органы опеки, прокурор, представители комиссии по делам несовершеннолетних, администрация организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и другие субъекты.

При рассмотрении вопросов дел о лишении или восстановлении родительских прав; об их ограничении; об усыновлении или его отмене обязательным является участие прокурора и органа опеки и попечительства.

По делам об определении порядка осуществления прав родителем, который проживает отдельно от ребёнка; при рассмотрении споров касательно воспитания детей в обязательном порядке участвуют органы опеки и попечительства.

Отдельные положения СК РФ устанавливают публичный характер судебной защиты семейных прав детей и следовательно имеют императивный характер. При этом в отдельных случаях, участие органа опеки и попечительства и прокурора в делах по защите семейных прав ребенка может носить и диспозитивный характер [10, с. 58].

Анализ норм семейного и процессуального законодательства позволяет утверждать, что преобладающей формой разрешения семейно-правовых споров, затрагивающих интересы детей является судебный процесс, который в этом аспекте обладает определённой спецификой. Эта специфика в частности определяется тем, что в делах о расторжении брака, суд по собственной инициативе обязан определить с которым из родителей будут после развода проживать несовершеннолетние дети; с кого и в каком объеме будут взыскиваться алименты на содержание ребенка, если не было представлено соглашение по этому поводу или представленное суду соглашение каким-либо образом нарушает интересы несовершеннолетних. Инициативу по соединению исковых требований должен проявлять суд, а не стороны, как это предусмотрено общими положениями гражданского процессуального закона, которое не предоставляет суду полномочий по рассмотрению исковых требований, не предъявленных сторонами. В противовес этим положениям в ст. 24 СК РФ, законодатель прямым образом возлагает эту обязанность на суд.

Обозначим ещё одну особенность судебного разрешения семейных споров, затрагивающих права и интересы детей. Это, установленная законодателем необходимость использования специальных психологических знаний.

Суд при разрешении практически любых категорий семейных споров, затрагивающих права детей обязан установить насколько то или иное действие касательно ребёнка отвечает его интересам.

Как уже было отмечено ранее в СК не установлены ни перечень интересов детей, ни критерии их определения; не определён и перечень обстоятельств, которые суд должен установить для того чтобы выяснить соответствует ли поведение тех или иных лиц интересам ребенка. В каждом конкретно-определённом деле, суд самостоятельно разрешает этот вопрос по своему усмотрению. В этом аспекте вполне целесообразно использование заключения эксперта-психолога как нейтрального источника доказательств по делу при установлении истинных интересов ребенка.

В ст. 57 СК РФ закреплено право ребёнка быть заслушанным в суде по вопросам, затрагивающим его интересы. Заметим, что в действующем СК РФ возраст, с которого ребёнок вправе свободно выражать своё мнение не установлен, в силу этого следует учитывать правило, сформулированное в ст. 12 Конвенции о правах ребёнка, в которой указано, что критерием этого права является достижение определенного уровня развития, которое позволяет ребёнку выразить собственную точку зрения по тому или иному вопросу, непосредственно касающегося его интересов.

Разрешая семейно-правовые споры, затрагивающие права детей, Суд оценивает возможность неблагоприятного воздействия на ребёнка участия в процессе, и на основании этого решает вопрос о вызове ребенка в судебное заседание. Реализуя право ребёнка быть заслушанным, суд обязан учитывать его возраст; уровень развития и то насколько несовершеннолетний осознаёт собственные интересы при выражении своего мнения. Суд может проводить опрос в присутствии педагога в обстановке, которая бы исключала влияние на ребенка заинтересованных лиц.

В ст. 57 СК РФ изложено предписание суду в обязательном порядке учитывать мнение ребенка, который достиг 10 летнего возраста, но только в том случае, если это не противоречит его интересам. Законодатель поясняет данное предписание устанавливая, что ребенок должен быть заслушан, однако суд наделён правом принять решение, которое не согласуется с пожеланием ребёнка. Это вполне закономерно, так как главной целью в данном случае должны быть поставлены действительные интересы несовершеннолетнего и приоритеты развития, которые в силу недостаточной социальной зрелости, могут им осознаваться недостаточно. Однако, по ряду споров, затрагивающих права детей, законодатель предусматривает обязанность суда принимать решение только с согласия ребенка, которому уже исполнилось 10 лет.

К семейно-правовым спорам, затрагивающим интересы детей относятся и споры, родителей или лиц, их заменяющих, об отобрании детей от третьих лиц. Эти дела рассматриваются по правилам искового производства. К исковому производству относятся и дела об алиментах, взыскиваемых с родителей на несовершеннолетних детей, об уменьшении размера алиментов. Отметим, что в силу норм гл. 11 ГПК РФ взыскание алиментов на ребёнка возможно и в рамках приказного производства если это не связано с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц.

В рамках особого производства рассматриваются дела в которых отсутствует спор о праве - ст. 125 СК РФ - установление усыновления; ст. 50 СК РФ - установление отцовства. Однако в результате установления усыновления и установления судом факта признания отцовства возникают права, по которым в дальнейшем могут возникнуть споры.

Изложенное позволяет утверждать, что семейно-правовые споры, затрагивающие права детей весьма разнообразны. При этом судебный порядок защиты прав ребенка является сегодня преобладающим. При этом сегодня появляются и иные способы защиты интересов детей в семейно-правовых спорах.

Решение, вынесенное судом, не всегда принимается членами семьи (истцами) как наиболее приемлемое. В таких ситуациях возникает потребность в альтернативной форме

урегулирования конфликтов. Сегодня такой формой является медиация [14, с. 453]. Под медиацией (ADR, alternative dispute resolution) понимают технологию альтернативного урегулирования споров, в том числе и в сфере семейных правоотношений, по вопросам, связанных со спорами об интересах детей с участием третьей стороны - медиатора, который является нейтральным, беспристрастным и не заинтересован в данном конфликте стороны, следовательно, оказывает помощь сторонам выработать определенное соглашение по спору. Стороны при этом полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения. Независимое третье лицо в семейной медиации помогает разрешить семейный конфликт. Процедуру медиации регламентирует Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ [6], который создаёт правовые условия для применения в РФ альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица, содействие развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.

Законодатель определил основные принципы осуществления медиации. Это - конфиденциальность, добровольность, сотрудничество и равноправие сторон, а также независимость и беспристрастность медиатора. Однако, надо учитывать, что применение этой процедуры возможно только при взаимном согласии сторон.

В процессе семейной медиации имеется возможность компромисса, который позволяет решить возникшую проблему более цивилизованным методом, а значит и получить результат, максимально устраивающий участников спора. Суть процедуры медиации – сотрудничество сторон, в этом её основное отличие от разрешения спора в судебном процессе, когда на первое место выходит состязательность. В процессе семейной медиации стороны приходят к решению, в котором они заинтересованы. Решение принимается добровольно и при этом соблюдаются все законные права. К сожалению в рамках данной статьи не представляется возможным дать полную характеристику процедуры медиации по семейно-правовым спорам, затрагивающим интересы детей, отметим только, что грамотно организованный процесс медиации может снизить нагрузку и на суды и на исполнительное производство. Решение, принимающиеся при помощи медиатора более устойчивы и в этом случае имеет место большая вероятность что интересы детей будут соблюдены в полной мере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. N 31. Ст. 4398.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12. 1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998, № 31. Ст. 3802.
6. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // Собрание законодательства РФ. 2010. №31. Ст. 4162.
7. Булаевский Б.А. О природе интересов и некоторых правовых исследованиях в ее понимании // Учен. зап. РГСУ. 2010. N№ 4. С. 76;
8. Гуревич М.А. Право на иск. - М.: Изд-во Всесоюзного юридического заочного ин-та, 1978.
9. Корбут Л.В. Обзор заседания комиссии по правовому положению семьи Международного союза юристов // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2 (69). С. 181–185.
10. Кострова Н.М. Развитие процессуальных правил разбирательства семейных дел // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 57-58.
11. Кузьмина А.В. К вопросу о правовой институционализации интересов несовершеннолетних детей // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2010. № 3. С.76
12. Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О. Л. Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестник славянских культур. 2009. №3 С.20-29.
13. Нечаева А.М. Защита интересов ребёнка: семейно-правовые предпосылки. – М.: Наука, 2010.
14. Пантелеева И.А. Семейная медиация как альтернативная процедура разрешения споров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 452-457.
15. Садина О.В., Худойкин А. В. Судебная защита семейных прав ребенка как способ разрешения юридических споров и конфликтов // Социально-политические науки. 2012. №1 С.126-129.
16. Саенко Л.В. Розыск ребенка, незаконно удерживаемого одним из родителей: семейно-правовые аспекты // Практика исполнительного производства. 2013. №6. С.10-18.
17. Фомина Е.А. Споры о праве на воспитание детей (материально-правовые и процессуально-правовые проблемы): Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2004.
18. Шолгина О. И. Интересы ребенка как объект семейно-правового спора: Автореф. дис. на канд. юрид. наук. М., 2011.

УДК 343

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
PSYCHOLOGICAL CAUSES AND CONDITIONS OF CRIME**

Берсей Д.Д., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского университета

Bercy D.D., candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure Law Institute of the University of the North Caucasus

e-mail: di.bersej2012@yandex.ru

Иванов С.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского университета

Ivanov S.A., candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure Law Institute of the University of the North Caucasus

e-mail: 1kol1@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются психологические основания возникновения преступления и их важнейшие этапы развития. Раскрыты основные признаки психологических причин и условий совершения преступления. Показано взаимодействие свободы воли человека и социальных условий его жизни при выборе преступного поведения.

Annotation: The article deals with the psychological bases of occurrence of the crime and the most important stages of development. It outlines the main features of the psychological causes and circumstances of the crime. Displaying the interaction of human freedom of will and social conditions of his life in the choice of criminal behavior.

Ключевые слова: личность преступника, причины преступления, условия совершения преступления, психологические детерминанты преступления, криминальная обстановка.

Keywords: identity of the perpetrator, the causes of crime, the terms of the commission of the crime, psychological determinants of the crime, the criminal situation.

В настоящей статье, исходя из методологии, используемой в науке уголовного права, будут рассмотрены психологические причины и условия совершения преступления [7,8,9,10].

В основе совершения преступления лежат определенные причины и условия, которые принято называть криминогенными детерминантами [1, С. 7]. Данное родовое понятие используется потому, что на практике очень сложно разграничить причины и условия совершения преступления. В криминологической же науке принято считать, что причиной совершения преступления является явление непосредственно его порождающее, а условием – то, что само по себе не порождает преступность или преступление, но влияет на процессы порождения, участвует в детерминации преступности [2, С. 236]. Эти, казалось бы, четкие определения понятий причины и условия совершения преступления не учитывают всей сложности социальных взаимодействий, которые возникают в обществе и его

криминализируют. Как причины, так и условия совершения преступления бывают экономическими, политическими, идеологическими, бытовыми и т.д. Их природа зависит от содержания тех общественных отношений, в которых они возникают. Однако бывают и такие причины, и условия совершения преступления, которые коренятся в сознании самого человека. При этом психологические факторы, приводят к совершению преступления только при взаимодействии человека с социальной средой, отчего их очень часто в криминологической науке именуют социально-психологическими причинами совершения преступления.

Важнейшей причиной, которая приводит в действие психологические факторы совершения преступления является свобода воли как неотъемлемое качество человеческого сознания. Тот факт, что воля является атрибутивным свойством человеческого сознания не может вызывать особых возражений, хотя бы на том основании, что без сознания не может быть и воли[3, С. 168].

Корни свободной воли человека уходят в психофизиологические свойства его личности. Личность человека составляет все содержимое его сознания, в которое входят: установки, ценности, желания, стиль мышления, привязанности и т.д. Но центральное место в личности занимает «Я», иногда также называемое «Эго», которое является ядром сознания человека. Как считают многие видные психологи «Эго» в психической структуре человека возникло в результате взаимодействия бессознательного начала с окружающей средой. Это означает, что оно функционально подчинено, как внутренней бессознательной части психики, так и той социальной среде, в которой человек оказался. В силу присущего разуму человека свойства отражения, то есть идеального воспроизведения окружающей действительности сознание человека способно усваивать социальные ценности, содержание общественных отношений и взаимодействий, в которых он выступает в качестве субъекта, условия, как своей жизни, так и жизни всего общества. Однако восприятие социальной реальности преломляется через присущий человеку специфический стиль мышления, темперамент, скорость и интенсивность сознательно-волевой деятельности и т.п. Поэтому представления человека об окружающем мире, социальных условиях и ценностях никогда не может полностью с ними совпадать. Еще К. Маркс писал, что идеальное, ничто иное как материальное, пересаженное в голову человека и преобразованное в ней [4, С. 21], выделяя таким образом, творческую функцию сознания, которая дает искаженную картину окружающего мира.

Возникновение психологической причины совершения преступления – сложный по характеру процесс, происходящий на сознательном и подсознательном уровне. Первый его этап связан с формированием у человека определенных ценностных ориентиров, которые возникают под влиянием установок, образа мышления, уровня образования и воспитания. Ценностные ориентиры не занимают в сознании человека изолированного положения. Они, взаимодействуют с условиями жизни индивида влияя, тем самым, на вектор направленности его желаний, постановку им определенных целей, выработку потребностей, и это образует второй этап развития психологических причин преступления.

Третий этап заключается в осознании потребностей, которые необходимо удовлетворить в процессе осуществления преступной деятельности. Это приводит к

возникновению мотива преступления, который и составляет основное содержание психологической причины совершения преступления. Особенно очевидна его роль при совершении умышленных преступлений. В теории уголовного права принято считать, что мотив преступления – это обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение к достижению конкретного результата, вызывающее у лица решимость совершить преступление [5, С. 270]. Для того, чтобы вызвать у лица решимость совершить преступление побуждающий мотив должен достичь определенной степени интенсивности и выраженности. В противном случае субъективная сторона преступления просто не образуется, так как мотив совершения преступления неизбежно наталкивается на определенные психологические факторы, препятствующие реализации желания совершить преступление, среди которых можно назвать страх перед наказанием, воспитание, совесть и т.д.

Следует иметь в виду, что мотив совершения преступления не всегда является осознанным, поэтому виновный иногда не может объяснить почему он совершил преступление. Преступный мотив возникает в результате взаимодействия негативных свойств и качеств личности, возникших под влиянием определенной социальной среды и криминогенной обстановки, то есть совокупности обстоятельств, которые способствуют совершению преступления. Так, например, с повышением уровня безработицы в стране повышается уровень преступности. В то же время сложный характер взаимодействия между негативными чертами личности и криминогенными условиями социальной среды не означает, что каждый безработный обязательно будет убивать, воровать, грабить и т.д.

И наконец, четвертый этап в процессе образования психологической причины преступления – это реализация мотива преступления в объективной действительности, то есть в совершении преступного акта в виде действия (совокупности действий) или бездействия. Этот этап имеет очень важное значение, поскольку тот или иной психологический фактор, только тогда можно считать причиной совершения преступления, когда он порождает соответствующее следствие в виде совершенного преступления. Ведь как известно причина и следствие являются парными диалектическими категориями, которые надлежит рассматривать лишь в совокупности друг с другом.

У психологических причин на совершение преступления имеются свои особенности, которые можно назвать признаками.

Во-первых, психологические причины преступления относятся только к психической сфере человека. Загадочный ореол психической деятельности человека приводит к множеству определений ее понятия, ни одно из которых полностью не раскрывает все явление целиком. Принятое классиками марксизма-ленинизма и советской философской школой определение психики как свойства высокоорганизованной материи, возникающей на определенной стадии развития жизни и являющейся особой формой отражения [6, С.414], очень сильно акцентирует внимание только на одной из функций психической сферы, а именно воспринимающей. Это неверно, хотя бы потому, что информационный обмен между внутренним субъективным миром человека и окружающем его внешним объективным миром происходит в двустороннем направлении, а не только от внешней среды к сознанию человека.

Во-вторых, психологические причины преступления вполне реальны. Идеальная природа психологических причин преступления не мешает признавать их как независимый фактор, доступный для наблюдения и познания. И хотя психологические факторы преступления относятся к особой сфере реальности – субъективной реальности, результаты их действия можно увидеть в объективной действительности. По сути дела, значение психологических причин преступления в том и заключается, что они переводят преступные образы, существующие в человеческом сознании в объективную плоскость.

В современной философской науке уже давно признан тот факт, что любая причинность – объективна [6, С. 371]. Это утверждение, на первый взгляд, заставляет сомневаться в существовании психологических причин, способных привести лицо к совершению преступления, поскольку причинная связь по своей природе объективна, а не субъективна. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что именно в силу внутренних побудительных механизмов лицо осуществляет свое поведение, каким бы по характеру оно не было: правомерным или противоправным. Возникшее противоречие легко разрешается, если вспомнить, что любое деяние человека основано на психофизиологическом единстве его организма. Иными словами, преступление совершается потому, что в головном мозге человека, под влиянием посетивших его мыслей происходят изменения в виде передачи определенных электрических импульсов от одних нейронов к другим через определенные синоптические связи, что приводит к возбуждению тех участков мозга, которые в данный конкретный момент жизнедеятельности человеческого организма ответственны за контроль над поведением. Откуда возникают сами идеальные образы в сознании человека и каким именно способом они воздействуют на головной мозг науке до сих пор доподлинно неизвестно.

В-третьих, психологические причины приводящие к совершению преступления обязательно должны влиять на свободу воли человека. Это проявляется в том, что индивид, находясь под их влиянием принимает решение совершить преступление. Психологические факторы по-разному оказывают влияние на свободу воли человека. В одном случае они оказывают прямое непосредственное воздействие на свободу волеизъявления лица, как например, мотивы преступления, которые вызывают у человека решимость совершить преступление. В другом случае психологические факторы выступают в виде определенного эмоционального «фона», который приводит к тому, что сознательно-волевой контроль над поведением у человека ослабляется, в нем просыпаются древние звериные инстинкты и находясь под их влиянием он идет на совершение преступления. Таким эмоциональным «фоном» чаще всего является состояние аффекта при совершении субъектом насильственных преступлений. В третьем случае психологическими факторами преступления являются определенные свойства личности, в частности такие как: беспечность, легкомысленность, разгильдяйство, которые приводят к совершению неосторожных преступлений.

Литература

1. Криминология / Под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1988. 540 с.

2. Криминология. Учебник для вузов. 3 издание перераб. и доп. / под ред. А.И. Долговой. М., Норма, 2005. 912 с.
3. Волосюк Е.А., Иванов С.А. Категория «свобода воли» и его роли//Актуальные проблемы современной науки V Международная научно-практическая конференция в двух томах. 2016. С. 168-170.
- 4.Маркс К. Капитал. Т.1. Послесловие ко второму изданию // К. Маркс, Ф. Энгельс Собрание сочинений. изд. 2. Т.23. 567 с.
5. Доктринальные и законодательные понятия в современном уголовном праве. Т. 2 (И-М). В семи томах / под ред. Г.И. Чечеля. Ростов-на-Дону, 2013. 328 с.
- 6.Философская энциклопедия. Т.4. «Наука Логики» – Сигети/ под ред. Ф.В. Константинова.М., Советская энциклопедия, 1967. 592 с.
7. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
8. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82.
9. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.
10. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука.2013. №3.

УДК 343

**К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ
TO THE QUESTION ABOUT THE ESSENCE OF THE PRINCIPLE
OF LEGALITY
IN CRIMINAL LAW ENFORCEMENT**

*Исакова Ю.И., заведующий кафедрой «Уголовное право и криминалистика»
юридического факультета ДГТУ, доктор социологических наук, кандидат юридических
наук, доцент*

*Isakova Yu.I., Head of the Department "Criminal Law and Criminology" Law Faculty of
Dagestan State Technical University, Doctor of Social Sciences, PhD, Associate Professor
e-mail: snv_571918@mail.ru*

*Аннотация: В статье рассматриваются отдельные вопросы обеспечения
законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, вносятся предложения по
совершенствованию действующего законодательства в данной области.*

*Abstract: The article deals with some issues of legality in institutions of the penal system, to
make proposals to improve the existing legislation in this area.*

*Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, принцип законности,
преступления.*

Keywords: criminal-executive system, the principle of legality, crime.

В настоящее время созданы организационно-правовые предпосылки по реформированию в России учреждений уголовно-исполнительной системы. Однако деятельность данных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в первую очередь зависит от состояния законности.

В соответствии со статьей 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) законность является основополагающим принципом деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [8].

Осуществление контроля по соблюдению законности в местах лишения свободы определено Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в качестве приоритетного направления деятельности органам прокуратуры России, взаимодействующим службам и правозащитным организациям [4].

Точное и неуклонное исполнение законов всеми участниками правовых отношений является индикатором уровня демократии в стране, характеризует отношение общества к праву и состояние всей правовой системы, выступает залогом успеха проводимых в государстве преобразований, в том числе и в уголовно-исполнительной системе.

Статья 2 Конституции РФ определяет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [5].

Как свидетельствуют результаты работы исправительных учреждений, недостаточно самого факта осуждения лица, назначения ему наказания – все дело в правильной организации его отбывания, в его законности. Материальный и процессуальный законы не всегда достигают своих целей. Отдельные их положения полностью не исполняются, а если исполняются, то с нарушениями, что негативно влияет на состояние рецидивной и должностной преступности [1].

Как справедливо отмечал А.Е. Наташев, факты беззакония и произвола, нетерпимые в любых отношениях нашей действительности, в местах лишения свободы имеют огромную общественную опасность, дискредитируя исправительные деяния, оказывая отрицательное влияние на исправление и перевоспитание осужденных [2].

Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, – один из основных показателей неэффективного исполнения наказания в виде лишения свободы. Они существенно дезорганизуют работу уголовно-исполнительной системы. Дестабилизирующее значение данного фактора проявляется в ослаблении требований режима содержания, осложнении оперативной обстановки и снижении качества воспитательной работы с осужденными. По этой причине не решаются общие и специальные задачи, возложенные законом на учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, не достигаются цели уголовного наказания. Сохраняющаяся тенденция роста преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, способствует пенитенциарному рецидиву.

Сегодня ряд ученых высказываются о необходимости относить к пенитенциарной преступности всю совокупность уголовно-правовых деликтов, обусловленных характерными для мест лишения свободы условиями. При этом высокий уровень латентности данного вида преступности объясняется не только закрытостью учреждений уголовно-исполнительной системы, но и тем, что руководство несет полную ответственность за противоправное поведение подчиненных сотрудников [7].

Одним из средств предупреждения преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, является соответствие процесса исполнения наказания требованиям действующего уголовно-исполнительного законодательства. В современных условиях существует немало препятствий тому, чтобы наказание исполнялось в соответствии с предъявляемыми требованиями, ряд вопросов обеспечения законности в исправительных учреждениях и предложения по их решению освещены в настоящей работе.

В настоящее время правовой основой развития УИС России выступает Концепция развития уголовно - исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [6], которая закрепляет основные направления и сферы реформирования УИС РФ. Данная реформа подвергается определенной критике, поскольку, как считают многие специалисты в области пенитенциарного права и науки, реформа не отражает основополагающие позиции ожидаемой уголовно-исполнительной политики [9]. Специалисты полагают, что необходим целесообразный подход к пенитенциарной реформе, позволяющий отразить квинтэссенцию

уголовно-исполнительной политики, отделив ее от набора конъюнктурных правотворческих и правоприменительных действий, связать с принципом законности единой концептуальной логикой и соответственно придать правовым преобразованиям легитимный и социально обоснованный характер. Например, относительно перехода от отрядной системы размещения осужденных к покамерно-тюремной [10].

Состояние законности в УИС, с одной стороны, есть результат совокупного действия факторов, определяющих состояние законности во всей правоохранительной системе в целом. С другой, оно подвержено влиянию специфических факторов, присущих сугубо пенитенциарной деятельности. УИС является одним из основных субъектов, способствующих реализации принципа неотвратимости наказания за нарушение законов, и поэтому обеспечение законности в процессе ее функционирования входит в число первоочередных задач. В свою очередь, решение этой задачи невозможно без основательного изучения факторов, детерминирующих состояние законности в УИС РФ в современных условиях [3].

Таким образом, совершение сотрудниками УИС должностных преступлений характеризуется значительным деструктивным потенциалом. Как правило, сотрудники, совершившие данные преступления, становятся зависимыми от отрицательно характеризующейся части осужденных.

Рассматриваемые негативные явления способствуют обострению криминогенной обстановки в исправительных учреждениях, которая повышает уровень латентности преступного поведения сотрудников.

Вызывает недоумение отказ от стремления к законности и самого законодателя. Так, из Закона РФ от 21 июля 1993 года №5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» Федеральным законом от 29 июня 2004 года №58-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ и признании утратившими силу некоторых законодательных актов РФ в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» исключена статья 2, в которой были определены задачи УИС, среди которых закреплялась важнейшая – обеспечение правопорядка и законности в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Подобный подход негативно влияет на гарантированный в Конституции РФ принцип законности и подрывает основы конституционного строя.

Литература

1. Артемьев Н.А. Соблюдение законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы – необходимое условие эффективности борьбы с рецидивной и профессиональной преступностью // Человек: преступление и наказание. 2013. №3.
2. Белая Н.П. Актуальные проблемы обеспечения законности при исполнении наказания в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2012. №3.
3. Бояринев В.Г. К проблеме обеспечения законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российская юстиция. 2014. № 10.
4. Выступление Президента России В. Путина на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры // Российская юстиция. 2015. № 5.

5. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 №1772-р // СПС «КонсультантПлюс».
7. Сусарин А.А. Криминогенный потенциал латентизации злоупотребления должностными полномочиями и превышения сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2011. №3.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
9. Шатов С.А. О некоторых мерах по противодействию коррупции в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. №4. С. 40.
10. Шелестюков В.Н. Эффективность реализации «Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ» – в строгом соблюдении принципов пенитенциарного законодательства // Российская юстиция. 2015. №2.

УДК 340.114.5

**ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА
LEGAL SIGNIFICANCE OF CULTURE
IN OVERCOMING LEGAL NIHILISM**

*Ильченко Е.Г., преподаватель кафедры теории и истории права и государства, ГАОУ
ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»*

*Ilchenko E.G., Lecturer, Department of Theory and History of Law and State, GAOU IN
"Nevinnomyssky state humanitarian-but-Technical Institute"*

e-mail: nevsk92@mail.ru

*Лысенко Е.С., преподаватель кафедры теории и истории права и государства, ГАОУ
ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»*

*Lysenko E.S., lecturer in theory and history and great-va state GAOU IN "Nevinnomyssky
State Humanitarian-Technical Institute"*

e-mail: elena.lysenko92@bk.ru

Аннотация: В настоящей статье исследуется правовой нигилизм как социальный феномен современного российского общества. Авторы дают понятие правового нигилизма. Под ним понимают определенное пренебрежительное, негативное отношение к правовым явлениям действительности. Перспективным путем решения проблем правового нигилизма, является совершенствование системы правового образования.

Annotation: This article explores the legal nihilism as a social phenomenon of modern Russian society. The authors give the concept of legal nihilism. It refers to a certain dismissive, negative attitude to legal phenomena of reality. Promising way to solve the problems of legal nihilism, improving the system of legal education.

Ключевые слова: Нигилизм, правовой нигилизм, правовая культура.

Keywords: nihilism, legal nihilism, legal culture.

Правовая культура – часть общей культуры общества или отдельной личности, представляющая собой особую интеллектуальную сферу, имеющую свою специфику и выступающую предметом изучения юридической науки.

«Значение правовой культуры в обществе выходит за пределы сферы права, юридической практики, - считает С.С. Алексеев. - Правовая культура – неотъемлемая часть культуры общества в целом» [1]. При этом понятие «культура права» он определяет как «высокий уровень правовой культуры – такой, когда не только общественные явления оцениваются под углом зрения правовых ценностей и идеалов, но и само право строится в соответствии с этими ценностями и идеалами, становится центром общественно-политической жизни».

Говоря о правовой культуре, необходимо отметить, что она находится в тесной взаимосвязи с другими видами культуры, такими как, духовная, политическая, нравственная

и др. И, безусловно, она связана с поведенческой, обычной, зависящей от воспитания человека, его дисциплинированности, уважительного отношения к законодательству. Человека, в правовом аспекте не подготовленного, трудно назвать истинно культурным.

Следует согласиться с С.С. Алексеевым: «...распространить высокую юридическую культуру на все население – значит в условиях демократического общества, сложившегося или формирующегося, значительно поднять общий культурный уровень граждан, утвердить такой компонент в ценностной ориентации людей, который затрагивает важнейшие стороны общественной жизни: реализацию начал демократии, справедливости, свободы, высокую организованность, определенность прав и обязанностей, строгий порядок и ответственность, гарантированность прав личности, упорядоченную активность участников общественных отношений» [2].

Одной из составляющей правовой системы общества выступает юридическая культура, без которой невозможно нормальное функционирование государства. В трудах зарубежных ученых (Л. Фридмэн) можно найти дефиницию, согласно которой правовую культуру характеризуют, как показатель общественной жизни, своеобразный «барометр», определяющий, насколько часто реализуется, или нарушается отдельный нормативно-правовой акт, в процессе правоприменительной деятельности, а также имеются ли злоупотребления тем, или иным законом. По мнению Л. Фридмэна действие правовой системы без правовой культуры невозможно. [3].

Необходимо отметить, что правовая культура характеризует деятельность человека не только в правовой, но и в любой сфере, тем или иным образом связанной с реализацией правовых знаний. Востребованность самих правовых знаний в рамках различных наук и дисциплин, гуманитарного и негуманитарного профилей очевидна. Данные знания нужны во всех сферах, где реализуют нормативно-правовые акты, юридические нормы. Вполне закономерно, во многих высших учебных заведениях страны, правовая подготовка включена в общеобразовательную, так как юридические знания необходимы в рамках любой профессии. И конечно же можно говорить о мировоззренческом компоненте, содержащимся в правовой культуре.

Всем известен демократический принцип права, согласно которому, все, что не запрещено законом – разрешено, в реализации данного принципа большое значение имеет правовая культура, так как легко допустить злоупотребления в аспекте его реализации, если уровень нравственной и правовой культуры низок. При этом человек с низким уровнем правовой культуры, может просто не знать, что запрещено, а что разрешено. В нашей стране, к сожалению, правовая неграмотность существенной части населения, инициирует серьезные негативные последствия, вместе с тем построить рыночные отношения с нарушением данного принципа невозможно. [4].

В связи с этим, одной из основных задач, решение которых необходимо для реализации реформ, проводимых в Российской Федерации, является оптимизация морального и культурного факторов. Культурный фактор играет существенную роль в процессе упорядочивания жизни в стране, повышении ответственности и сознательности каждого человека, в реализации законности, справедливости, а также преодолении правового, нравственного и политического нигилизма.

В настоящее время следует признать, что правовой нигилизм в нашей стране продолжает оставаться характерной чертой нашего общества.

Российское общество в настоящее время можно охарактеризовать наличием разного рода противоречий, из перечня которых можно выделить своеобразное сочетание правового нигилизма и правового идеализма. Данные явления, имеющие противоположный характер, «органично» сочетаются и составляют далеко не надостную картину правового бескультурья.

В первом случае можно говорить об откровенном игнорировании и нарушении законодательства, неуважительном к нему отношении; во втором случае нормативно-правовым актам придается иллюзорное значение чудодейственной силу, панацеи от всех проблем. Массовое сознание начинает требовать принятия все новых и новых законодательных актов по любым, даже малозначимым вопросам. В основе данных крайностей лежит множество причин без решения которых невозможно осуществить идею правового государства.

Нигилизм (от латинского nihil – ничто, ничего) характеризует негативное отношение различных субъектов к разного рода взглядам, ценностям, идеалам, нормам, а также разносторонним аспектам жизнедеятельности человека. Нигилизм можно трактовать как одну из форм социального поведения и мироощущения [5]. Рассуждая абстрактно, нигилизм можно представить как негативное отношение ко всем сторонам общественной жизни.

Говоря о нигилизме нельзя обойти такое его качество как разнообразие форм проявления, он может быть политическим, правовым, религиозным, нравственным, идеологическим, в зависимости от того, какие идеалы отвергаются, о какой области социальной практики и знаний идет речь – праве, искусстве, этике, экономике, политике, культуре. Между различными формами проявления нигилизма имеется взаимосвязь, взаимопереходы, каждая из них имеет свою историю возникновения и развития.

Правовой нигилизм, безусловно уже самого понятия «нигилизм», под ним понимают определенное пренебрежительное, негативное отношение к правовым явлениям действительности, которое сформировалось в сознании отдельно взятой личности, при этом оно доходит до абсолютного неверия и характеризуется полным неприятием норм права, при этом сами правовые нормы соблюдаются исключительно из боязни нести ответственность перед законом и судом.

Правовой нигилизм проявляется в недоверчивом и пренебрежительном отношении к праву, законности и общепринятым социальным ценностям, является элементом массового общественного сознания. При господстве правового нигилизма полностью низвергается принцип верховенства закона и существенно слабеет сила судебного решения.

Решение проблемы правового нигилизма, представляет собой сложный и длительный процесс, в основе которого лежит изменение объективных факторов общественной жизни, вектор развития которого направлен на построение обновленной социальной правовой среды. Среди комплекса мер, направленных на преодоление правового нигилизма выделяется правовая политика государства. Юридическая политика страны должны быть направлена на решение задачи утверждения в жизни общества качественного правового закона, отражающего ценности человека, интересы различных групп общества, отвечающего

стандартам принятым в международном праве, национальным традициям, соответствующего принципу эффективности

Для решения проблемы правового нигилизма необходимо создать действенную систему правового обслуживания, в том числе в аспекте правового информирования населения, что позволит повысить правовую грамотность и компетентность граждан.

«Главное в правовом государстве – это уровень правовой культуры граждан, их готовность следовать закону и видеть в этом свой непосредственный интерес. Для повышения этого уровня необходимо отладить систему правового просвещения таким образом, чтобы к ней были подключены школы, клубы, СМИ» [6].

Перспективным путем устранения правового нигилизма может стать совершенствование системы правового образования. В настоящее время, когда рыночные отношения доминируют в экономическом укладе России, значимость правового образования возрастает многократно. Знать о праве в общем и целом уже недостаточно. Нужны развернутые знания о юридических нормах, а также о механизме защиты правовых интересов. В этой связи большое значение имеет повышение правовой подготовки, правовой культуры всех граждан нашего общества (государственных и муниципальных служащих, руководителей хозяйственных обществ, частных предпринимателей, менеджеров и других), которые ежедневно так или иначе решают правовые вопросы, не имея никакой юридической подготовки. Как справедливо отмечает Д.А. Медведев: «... формирование правового государства требует высокого уровня профессионализма, и в значительной мере это дело юристов. Участие в этом процессе - дело их чести» [7].

Суть правовой культуры гражданина должна выражаться следующей формулой: знать - уважать - соблюдать. Имеются в виду требования законов. Как и в случае с правосознанием, это первичный, обыденный уровень правовой культуры, приобретающий, однако, и общественное значение.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 270-271.
2. Там же.
3. Фридмэн Л.. Введение в американское право. – М., 1992. – С. 47.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрист, 2004.
5. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Маркет ДС, 2007.
6. Медведев Д.А. Выступление на съезде Ассоциации юристов России // Российская газета. – 30 января 2008 года. – № 4575.
7. Там же.

УДК 343

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
ПРОДУКТОВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
APPLICATION OF INNOVATIVE PRODUCTS IN THE FORENSIC
INVESTIGATION OF CRIMES**

Нечаева Н.Б., Ставрополь, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Ставропольский институт кооперации (филиал), доцент кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент

Nechaeva N.B., Stavropol, Belgorod University of cooperation, Economics and law, Stavropol Institute of cooperation (branch), associate Professor of constitutional and international law, candidate of legal Sciences, associate Professor

e-mail: natalyanechaeva18@gmail.com

Аннотация: В статье показано влияние современных технологий на процесс расследования. Сделан вывод о возможности определения эффективности продукта при его апробации и экономии трудозатрат следователя.

Abstract: The article shows the influence of modern technology on the investigative process. The conclusion is made about possibility of determination of the effectiveness of the product when testing and saving work of the investigator.

Ключевые слова: инновационный криминалистический продукт, расследование преступлений, эффективность продукта.

Key words: innovative forensic product, the investigation of crimes, the effectiveness of the product.

В настоящей статье, исходя из методологии, используемой в науке криминалистики, будут рассмотрены использование инновационных криминалистических продуктов в расследовании преступлений [5,6,7,8].

Внедрение наукоемких технологий и технических каналов связи в последние пятнадцать лет явилось тем важным элементом организации оперативно-розыскной и следственной работы, который кардинальным образом поменял процесс управления, основы взаимодействия участников расследования и тактическую сторону следствия, и в целом принципы существования и пользования криминалистически значимой информацией.

Технологический прогресс в расследовании – стал производным от всеобщего технического прогресса, характерного для нашего времени. Вброс дешевой техники на рынок привел к доступности ее для массового потребителя, в том числе пользователями передовых достижений техники в стали преступники. Параллельно с этим, изменилось и поведение потенциальных потерпевших. Обычный среднестатистический гражданин стал более открыто демонстрировать в социальных сетях информацию о себе, своих друзьях, родственниках, увлечениях, повсеместно пользоваться банковскими картами, мобильными телефонами. Отсутствие публичности в сетях у родителей часто компенсируется полной

открытостью со стороны детей. Это может быть как косвенная информация в виде фотографий отснятых событий, так и прямые комментарии. Выложенные пользователем сети посты: фразы, снимки, видеоролики, аудиозаписи дают полную картину о его психологическом состоянии, финансовом благополучии. С другой стороны, многие преступные элементы, благодаря этим же технологиям и возможности легко добывать информацию, а также благодаря неискоренимому желанию быстрой наживы и некоторой наивности жертвы, совершают преступления, не выходя из дома.

Казалось бы, что ситуация развивается закономерно, т.к. устройства, работающие с помощью систем Интернет находятся в свободном доступе, и, рано или поздно все население страны будет их использовать. Однако, можно резюмировать, что благодаря технобуму жертвы стали еще более уязвимы, а преступники еще более ухищреннее. Кроме того, общедоступность технологий значительно замедлилось пресечение преступной деятельности.

Выходом из создавшейся ситуации, по нашему мнению является работа правоохранительных органов на опережение: быстрое создание, внедрение и адаптация криминалистических инновационных продуктов. И. если для совершения интернет-преступления нередко достаточно минимального набора знаний в области компьютерных технологий, то следственные органы должны быть на порядок более подготовленными.

Подкриминалистическими инновационными продуктами мы понимаем, используемые исключительно в целях расследования преступлений технические и технологические средства и методы, обладающие определенными свойствами: значимости; соответствующие требованиям закона; своевременные и удобные в использовании[2].

Поскольку данному определению соответствует целый пласт технических средств, в том числе, технологии биометрической аутентификации с банками данных, автоматизированные системы информационного взаимодействия [1], автоматизированные рабочие места и т.д., то считаем необходимым уточнить, что не каждое изобретение можно называть инновационным. Инновационность криминалистической техники подразумевает качественное повышение эффективности расследования на отдельном этапе, как правило, на этапе накопления информации и ее анализа. В то же время этап выдвижения промежуточных гипотез и окончательного вывода – процесс мыслительной деятельности человека, чаще не автоматизирован, а, следовательно, в какой-то степени «обделен» использованием техники.

Можно буквально рассчитать эффективность какого-то продукта, то есть определить, как бы развивалось расследование уголовного дела без применения данного средства или с ним. Для расчетов необходимо использовать уголовные дела с максимально схожими условиями: схожим объемом первоначальной информации. Это позволило бы математически рассчитать и экономию трудозатрат следователя. В настоящей статье мы не ставим своей целью подобные расчеты.

Значение инновационного криминалистического продукта в криминалистике определяется тем, какие функции он выполняет, и какие проблемы с его помощью решаются. Одним из криминалистических продуктов, показавших свою эффективность является комплекс оперативных (розыскных) проверок для установления личности подозреваемого, обвиняемого. Данный комплекс прошел опытную проверку в Ставропольском крае, он

позволяет в сжатые сроки, порядка десяти минут установить личность задержанного, в том числе за административные правонарушения, получить информацию о том, находится ли лицо в розыске, совершал и ранее преступления и т.д. Оперативные проверки можно проводить как в стационаре, так и в условиях работы на открытой местности.

Необходимо отметить повышенный интерес, как исследователей, так и практиков к дешифровке и автоматическому анализу информации, которая может быть получена с мобильных телефонов, смартфонов, портативных устройств GPS, планшетов. Подобные программы, несмотря на их высокую цену внедряются в деятельность органов внутренних дел, в том числе в Ставропольском крае.

Активное развитие в последнее время получают биометрические идентификаторы, например, так называемая система «электронного носа» - одорологический идентификатор, а также технология построения и анализа термограммы человека, фиксирующей плотность жира, костей и кровеносных сосудов. Последний криминалистический продукт уникален, т.к. позволяет идентифицировать человека даже после пластических операций, различать абсолютно похожих близнецов и т. п.[4].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать выводы, что использование биометрических технологий в криминалистике становится эффективным средством противодействия подготовки и совершения преступлений. Актуальной задачей криминалистики является более широкое внедрение и применение подобных систем, а также совершенствование инструментов идентификации и создание новых, более совершенных систем криминалистических исследований, поскольку биотехнологии справляются с этой задачей как никто лучше.

Общественная безопасность перед угрозой совершения преступлений террористической направленности определяет необходимость создания замкнутых систем идентификации лиц, а также тщательное законодательное регламентирование применения и функционирования таких систем на федеральном уровне.

Наличие закрытых внутренних систем, наподобие системы Папилон, гарантирует сохранение информации, только в руках правоохранительных органов, и, как следствие, не допущение нарушения прав и свобод человека и гражданина при обработке, хранении, передаче его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, которые гарантируются Конституцией Российской Федерации.

В использовании инновационных криминалистических продуктов в расследовании особое значение имеет техническое и нормативное совершенствование отечественных стандартов, регламентирующих применение технологий.[3]. Нам представляется правильным разработка узких специализированных криминалистических стандартов под каждый образец вновь вводимой продукции. Вместе с тем, процесс законодательного и технического урегулирования должен быть максимально упрощен и сокращен во времени.

Внедрение инновационных криминалистических продуктов в расследование преступлений должно производиться с учетом международного опыта, достижений. Например, положительным международным опытом считаем упрощенную процедуру направления материалов на экспертизу. Однако мы не разделяем позицию о необходимости

во взаимодействии с правоохранительными органами зарубежья создания международных баз данных, например, голосовой информации разыскиваемых и подозреваемых лиц. Считаем появление подобных криминалистических учетов преждевременным, до того момента, пока на законодательном уровне не будут урегулированы все процедурные и процессуальные моменты.

Грамотное изучение и решение поставленных в статье вопросов обеспечит своевременное применение криминалистических продуктов, а также упростит процедуру использования результатов экспертиз с новыми криминалистическими продуктами в качестве доказательств в оперативно-розыскной деятельности, предварительном следствии и судебном процессе.

Литература

1. Бегзаян А.С., Бичахчян М.К. Основные формы взаимодействия полиции с общественностью: проблемы и перспективы развития. Научно-методические проблемы профессиональной, служебной и физической подготовки в органах внутренних дел России электронный сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Под общ.ред. Л.И. Тимошенко. 2016. С. 55-60.
2. Нечаева Н.Б., Инновации в криминалистике // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – №2 (32). – С. 156-160.
3. Нечаева Н.Б. Инновационный аспект в криминалистическом прогнозировании и управлении организацией расследования. Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – №3. – С.197-200.
4. Тихонов В. А., Райх В. В. Информационная безопасность: концептуальные, правовые, организационные и технические аспекты: Уч. пособие. – М.: Гелиос АРВ, 2013. – 528 с.
5. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
6. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82.
7. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.
8. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука.2013. №3.

УДК 343.3/7

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ВОВЛЕЧЕНИЯ В
СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
CRIMINALLY-LEGAL CHARACTERISTIC WAYS TO ENGAGE IN THE
COMMISSION OF TERRORIST CRIMES**

*Коровин Е.П., Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
МВД России», старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат
юридических наук*

*Korovin E.P., Stavropol branch within Krasnodar University of the Ministry of Interior of
Russia, a senior lecturer in Criminal Law and Criminology, PhD
e-mail: evgenii_korovin@mail.ru*

*Аннотация: в статье проводится анализ способов вовлечения в совершение
преступлений террористической направленности. Проводится дифференциация на способы
убеждения и принуждения. На основе проведенного анализа выработаны научно
обоснованные рекомендации сотрудникам правоприменительных органов о квалификации по
признакам способа вовлечения.*

*Annotation: the article analyzes the ways of involvement in the commission of terrorist-
related crimes. Held on differentiation methods of persuasion and coercion. On the basis of the
analysis developed evidence-based guidelines for law enforcement bodies of the qualifications on
the basis of the involvement of the process.*

*Ключевые слова: квалификация преступлений, способы вовлечения в совершение
преступления, преступления террористической направленности, вовлечение, убеждение,
уговоры, подкуп, принуждение, применение насилия, угроза.*

*Keywords: qualification of crimes, methods of involvement in a crime, terrorist crimes,
engagement, persuasion, persuasion, bribery, coercion, violence, threat.*

Одним из признаков вовлечения в совершение преступления террористической направленности (ст. 205.1 УК РФ) является способ воздействия на вовлекаемого.

Основываясь на том, что в диспозиции указанной нормы законодатель не называет способы вовлечения другого лица в совершение преступлений террористической направленности, следует сделать вывод о том, что вовлечением можно считать любые действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Вместе с тем способы вовлечения могут влиять на квалификацию как действий вовлекающего, так и вовлекаемого.

Рассмотрим наиболее распространенные способы вовлечения. В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 представлен примерный перечень способов: уговоры, убеждения, просьба, предложение, применение физического воздействия [1, С. 2].

Под уговором понимается процесс, в котором тождественные неоднократные действия вовлекающего направлены на убеждение другого лица в целесообразности совершения преступления террористической направленности, независимо от того, сообщает вовлекающий о причинах своего поведения или нет. Как правило, уговоры осуществляются в устной форме, однако нельзя исключать и письменной формы воздействия. В последнее время получают большую распространенность действия вовлекающих в социальных сетях. Так, Черногорским городским судом Республики Хакасия по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ осужден Турсунов Х.Ф.у., который, являясь имамом, то есть духовным главой для лиц, исповедующих религию ислам, в период времени с 20 апреля 2013 года по 5 мая 2013 года, с помощью персонального компьютера, подключенного к сети Интернет, посредством электронной переписки на сайте социальной сети «Одноклассники» умышленно, в целях обеспечения содействия террористической противоправной деятельности указанных незаконных вооруженных формирований, склонил жителя Республики Бурятия, исповедующего религию ислам, Т.Р.А., к совершению преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, а именно к действиям, направленным на выезд в Сирию, переходу в статус моджахеда, переходу в статус шахида, совершению джихада. Данное коммуникативное намерение Турсунов Х.Ф.у. реализовывал в форме высказываний, содержащих прямые призывы к этому, а также содержащих обоснование необходимости отъезда Т.Р.А. в Сирию с целью осуществления террористической деятельности для оказания воздействия на принятие решения органами власти Сирийской Арабской Республики и международными организациями [2].

Просьбы и убеждения являются разновидностями уговоров, но имеют некоторые незначительные отличия. Также как и в уговоре, просьба предполагает личную заинтересованность вовлекающего. Вместе с тем, в отличие от уговоров, она носит одномоментный характер. Чтобы признать просьбу способом вовлечения в совершение преступления террористической направленности в каждом конкретном случае, необходимо устанавливать характер взаимоотношений между вовлекающим и вовлекаемым. Только после их анализа можно делать вывод о просьбе как способе вовлечения.

Убеждение по своей сущности также напоминает уговор. В рамках убеждения, вовлекающий воздействует не на чувства и эмоции вовлекаемого, а на его разум. Он стремится внушить потенциальному исполнителю значимость совершения преступлений террористической направленности для его собственных интересов, т.е. стремится показать вовлекаемому выгоду, которую он может извлечь для себя.

Представляется, что убеждение следует признавать способом вовлечения только в тех случаях, когда оно имеет определяющее значение для деятельности вовлекаемого. Примером может служить преступление, совершенное Керимовым М.В., который осужден Вологодским городским судом Вологодской области по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ за вовлечение другого лица в совершение преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ (Террористический акт). Керимов М.В., отбывая наказание в исправительном учреждении УФСИН России, познакомился с лицом, которое в колонии приняло ислам. Являясь приверженцем радикальных течений ислама, желая привлечь к совершению противоправных деяний наибольшее число лиц, исповедующих Ислам, Керимов М.В. решил использовать

данное обстоятельство для последующей радикально направленной идеологической обработки последнего с целью вовлечения его в совершение преступлений террористической направленности на территории Российской Федерации. Действия по вовлечению указанного лица Керимов предпринимал как находясь в исправительном учреждении, так и после отбытия наказания. Виновный поэтапно осуществлял активные действия по реализации своего преступного умысла. Он регулярно призывал вовлекаемого к религиозному единству, национальной сплоченности и солидарности, пропагандируя при этом идеи терроризма, а именно ведения вооруженного джихада, то есть войны с федеральными войсками на территории России, ориентировал его на вступление в ряды незаконных вооруженных формирований и участие в боевых действиях. Продолжая реализовывать свой преступный умысел, рассчитывая на укрепление у вовлекаемого желания и решимости совершить преступления террористической направленности, после освобождения вовлекаемого из мест лишения свободы, Керимов М.В. направил в адрес вовлекаемого оптические носители информации с проповедями идеолога террористической организации и также иные пропагандистские аудио- и видеоматериалы, содержащие признаки негативного отношения к представителям других религий, позиционируя их как врагов мусульман. Также Керимов М.В. для обеспечения последующего совершения вовлекаемым преступлений террористической направленности, используя зарегистрированную им учетную запись в социальной сети телекоммуникационной сети Интернет, самостоятельно, инициативно осуществил поиск и подбор кандидатуры в качестве жены для вовлекаемого, члены семьи которой являются активными приверженцами религиозного экстремизма и причастны к деятельности незаконных вооруженных формирований. Указанными действиями Керимов М.В. окончательно сформировал у вовлекаемого желание и решимость совершить преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ.

Вовлеченное лицо при подготовке к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ – террористического акта было задержано сотрудниками правоохранительных органов, в связи с чем не смогло довести преступление до конца по независящим от него обстоятельствам [3]. Несмотря на то, что действия Керимова М.В., совершенные с целью содействия террористической деятельности, были разнообразны по своему содержанию, совершены в разное время и в разных местах, суд правильно квалифицировал их как единое преступление, поскольку они охватывались общим умыслом на вовлечение одного и того же лица в совершение преступления террористической направленности. Вместе с тем, если одно лицо, в разное время, используя одинаковые или различные способы, вовлекает разных людей в совершение самостоятельных преступлений террористической направленности, его действия следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ.

Судебной практике известен и такой способ вовлечения, как предложение. Предложение, как один из способов вовлечения, можно проиллюстрировать на следующем примере. Байсагуров осужден по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ за то, что предложил своему троюродному брату К. вступить в незаконное вооруженное формирование, а получив согласие последнего, дал тому номер телефона одного из руководителей формирования, сообщил последнему о намерении вступить в незаконное вооруженное формирование [4].

В правоприменительной практике также может возникнуть вопрос о квалификации деяний лица, вовлекающего других лиц в совершение преступлений террористической направленности посредством применения насилия или угроз. В законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие. Если же предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции уголовно-правовой нормы. Традиционно в уголовном праве физическое насилие подразделяется на опасное и не опасное для жизни и здоровья.

Угроза как способ вовлечения – это разновидность психического насилия, выражающегося в обещании причинить другому лицу какие-либо неблагоприятные последствия, направленные на подавление воли этого лица с целью вовлечения его в совершение преступного деяния террористической направленности. Для признания угрозы в качестве способа принуждения необходимо, чтобы она была реальной, т.е. у потерпевшего должны быть основания опасаться осуществления этой угрозы. В противном случае сущность угрозы практически не будет отличаться от таких способов убеждения, как уговор, просьба, предложение.

Помимо способов вовлечения, указанных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, к числу наиболее распространенных также можно отнести подкуп.

Подкупом признается предоставление вовлекающим или высказывание намерения предоставить другому лицу деньги, ценные бумаги, движимое или недвижимое имущество, а равно выгоды или услуги имущественного характера, имеющие объективную экономическую стоимость, независимо от её размера, с целью вовлечения его в совершение преступления террористической направленности. Для квалификации содействия террористической деятельности не имеет значения, предоставил ли виновный вовлекаемому обещанные выгоды имущественного характера.

Подкуп как способ вовлечения необходимо отграничивать от финансирования терроризма. Так при подкупе виновный использует материальные средства и иные выгоды имущественного характера для возбуждения у другого лица желания совершить преступление террористической направленности. При этом вовлекающий сам не предоставляет такие средства и не собирает их. В тех случаях, когда лицо предоставляет принадлежащие ему средства или осуществляет их сбор либо оказывает иные финансовые услуги с целью возбудить у другого лица желание совершить хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, его действия следует одновременно квалифицировать как вовлечение в совершение преступления террористической направленности и как финансирование терроризма.

Проведенный анализ способов вовлечения в совершение преступлений террористической направленности позволяет сделать вывод, что их можно разделить на две группы: убеждающие и принуждающие. Убеждающие способы характеризуются меньшей степенью общественной опасности, поскольку волевое влияние вовлекающего при убеждении явно не выражено и не стоит на первом месте. При вовлечении в совершение преступления террористической направленности путем убеждения воля вовлекаемого фактически не ограничивается. В этой связи деятельность самого вовлекаемого обладает

большей степенью общественной опасности. Ненасильственные способы воздействия на сознание и волю другого лица более типичны для вовлечения других лиц в совершение преступлений террористической направленности, поскольку отвечают отношениям взаимности.

Принуждающие способы вовлечения по своей природе являются более опасными, чем убеждающие, потому что волевое влияние вовлекающего и деформация воли вовлекаемого имеют яркое внешнее проявление. Вовлекающий желает подавить волю вовлекаемого путем применения психического или физического насилия. В свою очередь вовлекаемое лицо, под влиянием принудительного воздействия, должно сделать выбор между несколькими вариантами поведения. С одной стороны – охраняемые уголовным законом блага и интересы, а с другой стороны – преступление террористической направленности, совершая которое, лицо обезопасит себя от возможных неблагоприятных последствий. В связи с этим степень общественной опасности поведения лица, вовлеченного в совершение преступления путем принуждения, будет гораздо ниже, нежели степень общественной опасности поведения лица, вовлеченного путем убеждения.

Принуждающие способы сами по себе могут представлять общественную опасность. В связи с тем, что в ст. 205.1 УК РФ способы вовлечения не дифференцированы, любое применение физического насилия подлежит дополнительной квалификации по соответствующим нормам об ответственности за преступления против жизни и здоровья. Применение психического насилия влечет дополнительную квалификацию только в случаях угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

При квалификации вовлечения в совершение преступления террористической направленности путем принуждения необходимо оценивать характер и степень опасности применяемого насилия или угроз. В отдельных случаях, с учетом конкретных обстоятельств дела, деятельность вовлеченного по совершению деяний, предусмотренных ст. ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, может не признаваться преступной. Например, если вовлеченный совершил запрещенное уголовным законом деяние в результате непреодолимого физического принуждения. Если же способом воздействия выступало психическое принуждение (угроза) либо физическое принуждение, вследствие которого вовлекаемое лицо сохранило возможность руководить своими действиями, вопрос об уголовной ответственности вовлеченного в совершение преступления будет решаться по правилам правомерности крайней необходимости. В случае если будут соблюдены все условия правомерности этого обстоятельства, исключающего преступность деяния, вовлеченный должен быть освобожден от уголовной ответственности. В свою очередь вовлекающий, лишивший вовлекаемого возможности выбора определенных вариантов поведения, должен рассматриваться как посредственный исполнитель преступления террористической направленности (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Литература

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

2. Архив Черногорского городского суда Республики Хакасия. Дело № 1-248/2014 // <https://rospravosudie.com/court-chernogorskij-gorodskoj-sud-respublika-xakasiya-s/act-466040793/>.
3. Архив Вологодского городского суда Вологодской области. Дело № 1-830/2013 // <https://rospravosudie.com/court-vologodskij-gorodskoj-sud-vologodskaya-oblast-s/act-508836278/> (дата обращения: 04.07.2016).
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 августа 2010 г. № 23 О10 11с // Доступ: справочная правовая система КонсультантПлюс. Версия: Проф. (дата обращения: 04.07.2016).

УДК 347.511

**ЗНАЧЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ
В УСТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПУБЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ
THE MEANING OF CAUSE-AND-EFFECT RELATION IN THE ESTABLISHING
OF CIVIL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES**

Кабанова И.Е., научный сотрудник Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Kabanova I.E., researcher of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), candidate of juridical sciences.

e-mail: irina_kabanova@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются некоторые особенности юридического состава гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований (публичных субъектов), а именно причинно-следственной связи.

Annotation: The article deals with some peculiarities of civil tort of public subjects such as cause-and-effect relation.

Ключевые слова: публично-правовые образования, гражданско-правовая ответственность, причинно-следственная связь.

Keywords: public entities, civil liability, cause-and-effect relation.

В отечественной цивилистике обычно в качестве необходимого основания гражданско-правовой ответственности выделяется состав гражданского правонарушения, который выступает юридическим фактом, порождающим охранительное правоотношение между правонарушителем и потерпевшим и создающим определенные притязания потерпевшего и обязанности нарушителя по возмещению ущерба, причиненного противоправным действием [1].

Важно подчеркнуть, что в гражданском праве наличие полного состава правонарушения требуется по общему правилу, из которого закон устанавливает ряд исключений в целях защиты слабой стороны правоотношения. В подобных случаях для привлечения к ответственности достаточно лишь некоторых из элементов состава, например, не имеет гражданско-правового значения наличие вины причинителя вреда.

В качестве элемента состава гражданско-правовой ответственности традиционно выделяется причинная связь между противоправным поведением правонарушителя и наступившим вредным результатом [2].

Причинная связь между противоправным действием (бездействием) причинителя и причиненным вредом выражается в том, что: а) первое предшествует второму во времени; б) первое порождает второе.

Причинно-следственная связь есть зависимость между одним явлением (причиной) и другим (следствие), когда причина предшествует следствию по времени и является

определяющей, главной, доминирующей в его формировании. Между последствием в виде ущерба личности или имуществу и деятельностью публичных субъектов должна наличествовать причинно-следственная связь, носящая объективный характер и не зависящая от знаний причинителя вреда о сути происходящего и его представлений о взаимосвязи явлений [3].

Наличие и подтверждение связи между причиной и следствием в контексте ответственности всегда считалось одной из наиболее сложных проблем науки гражданского права и неоднократно служило предметом научных дискуссий.

В соответствии с теорией общей причинной связи все причины, каким-либо образом связанные с наступившим результатом, признаются в равной степени способствовавшими его наступлению. Всякое действие лица, которое является одним из условий последствия, есть в то же время его причина [4].

Выдающийся цивилист М.М. Агарков считал, что перед гражданским правом и судом стоит не мнимая задача определить, является ли виновное действие единственной причиной вреда, а установить, является ли действие достаточной причиной вреда, и предлагал выделять причинно-необходимую и причинно-случайную связь [5].

И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц подчеркивали, что действие человека лишь в том случае может быть признано причиной данного результата, если связь действия и результата является проявлением необходимости, закономерности, а не носит характера случайного сцепления событий [6].

Как представляется, именно теория причинной связи, разделяющая ее на «необходимую» и «случайную», представляет наибольшую ценность для правоприменительной практики, поскольку позволяет выделять юридически значимые причины в наибольшем числе случаев.

В современной цивилистической доктрине широкую поддержку и применение получила теория причинной связи, опирающаяся на общефилософскую концепцию учения о причинности, суть которой сводится к следующему: 1) причинность – объективная связь между явлениями, которые существуют независимо от нашего сознания. Главное здесь не возможность предвидения лицом отрицательного результата, а сам факт наступления вредоносных последствий; 2) причина и следствие как таковые приобретают соответствующее значение только лишь применительно к определенному и строго конкретному случаю.

В том случае, когда в цепи последовательно развивающихся событий между противоправным поведением лица и вредом не существует каких-либо обстоятельств, имеющих значение для гражданско-правовой ответственности, налицо прямая причинная связь. Однако если между противоправным поведением лица и вредом имеют место обстоятельства, которым закон придает значение в решении вопроса об ответственности (действия третьих лиц, непреодолимая сила и т.д.), – это косвенная причинная связь [7].

В юридической литературе некоторое обоснование получила и теория адекватного причинения, согласно которой правоприменитель должен установить, является ли в данном конкретном случае типичной связь между противоправным действием (упущением) и причиненным вредом [8].

Существуют и иные теории причинной связи: теория возможности и действительности [9], теория необходимой и случайной причинной связи [10]. Весьма широкое распространение получила теория необходимого и случайного причинения, согласно которой все причинные связи должны разграничиваться на «причинно-необходимые», отражающие закономерные связи явлений, и «причинно-случайные», не отражающие данной закономерности, где юридическое значение придавалось только первым [11].

Однако в целом отечественная юридическая доктрина стоит на позиции признания теории объективного причинения, согласно которой причинная связь, служащая основанием для возложения ответственности, является по своему характеру объективной.

Для исследований проблем причинно-следственной связи характерным является то, что все авторы в поисках подтверждения своих взглядов находят в судебной практике примеры, полностью укладывающиеся в соответствующую концепцию. Иными словами, в каждой теории причинной связи имеется рациональное зерно, поэтому разные по сути теоретические представления о причинной связи могут быть использованы для определения необходимых приемов и способов установления причинной связи в той или иной конкретной ситуации [12].

В современных условиях важное значение приобретает соблюдение принципа справедливости при возложении гражданско-правовой ответственности. Как отмечает Д.Е. Богданов, начала справедливости «диктуют необходимость преодоления «индивидуализированной» причинности и обуславливают возникновение феномена деиндивидуализированной ответственности, где основанием ее возложения будет факт создания угрозы причинения вреда» [13].

В условиях все большего участия публично-правовых образований в экономических отношениях и, как следствие, расширения области регулирования нормами частного права отношений с участием властных субъектов, неизбежно возникает потребность обеспечения эффективного механизма привлечения к ответственности субъекта, обладающего властными полномочиями, для поддержания стабильности оборота, соблюдения принципов законности и справедливости.

Ст. 16 ГК РФ содержит общую норму, на которой основывается привлечение публично-правовых образований к гражданско-правовой ответственности: «Убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием».

Можно сделать вывод, необходимый для решения вопроса о возложении ответственности на публичный субъект. Обязательным условием наступления гражданско-правовой ответственности является наличие причинной связи между действиями (бездействием) стороны-ответчика и возникшими у другой стороны убытками, т.е. такой объективной связи, при которой одно явление (причина) предшествует другому (следствию)

и непосредственно порождает его. Если вред причинен частноправовому субъекту при исполнении публичным субъектом своих властно-распорядительных полномочий либо реализации гражданской правосубъектности, причинность в связи между деятельностью публичного субъекта и наступившим вредом презюмируется.

Как показывает анализ судебной практики, недоказанность причинно-следственной связи – одна из самых распространенных причин отказа в удовлетворении требований о возмещении убытков, предъявляемых к публичным субъектам.

К примеру, в деле по иску к Российской Федерации в лице Федеральной налоговой службы о взыскании 2 878 520 руб. 01 коп. убытков налогоплательщик утверждал, что в результате неправомерных действий налогового органа, связанных с несвоевременным возвратом из бюджета НДС, общество не исполнило свои обязательства по кредитному договору и понесло дополнительные расходы за пользование кредитом.

Суд указал, что лицо, требующее возмещения убытков, должно доказать наличие вреда, его размер, противоправность поведения и вину причинителя вреда, причинную связь между допущенным нарушением и возникшими убытками. Отсутствие совокупности таких доказательств в деле лишает налогоплательщика права на возмещение убытков. В случае недоказанности понесенных убытков и наличия причинно-следственной связи между заявленными убытками и действиями налогового органа, связанными с принятием решений об отказе в возмещении из бюджета заявленных обществом сумм налога на добавленную стоимость и привлечении налогоплательщика к ответственности по указанным основаниям, публичный субъект не подлежит гражданско-правовой ответственности [14].

В анализируемом Постановлении от 1 апреля 2015 г. Арбитражный суд Центрального округа отметил, что, если налогоплательщик имеет общую кредиторскую задолженность по различным обязательствам в сумме, значительно превышающей налог на добавленную стоимость, подлежащий возврату из бюджета, он не имеет права на возмещение расходов за пользование кредитом.

Кроме того, в данном Постановлении приведен еще один довод не в пользу налогоплательщика: уплата процентной ставки за пользование кредитом и внесение платы за обслуживание кредита не могут считаться убытками, так как указанные обязательства вытекают из гражданско-правовой сделки и обусловлены оказанной банковской услугой.

В целом, судебная практика свидетельствует о том, что сторона, обращающаяся с иском к публичному субъекту о возмещении ущерба, причиненного в результате действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, всегда обязана доказать наличие причинно-следственной связи.

Эта позиция противоречит принципам равенства сторон и справедливости, поскольку истец в указанном охранительном правоотношении – это заведомо «слабая» сторона по сравнению с публичным субъектом, обладающим и административно-организационными возможностями по представлению своих интересов в суде (специальные структуры в составе органов публичной власти), и финансовым обеспечением удовлетворения требований кредиторов при привлечении к деликтной и договорной ответственности (казна соответствующего публично-правового образования). Причинно-следственная связь между деятельностью органов публичной власти и причиненным вредом должна предполагаться,

т.е. представлять собой положительную доказательственную презумпцию, опровержение которой возлагается на публичный субъект.

Литература

1. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970. – С. 5.
2. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. – С. 232.
3. Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М.: Госюриздат, 1950. – С. 193 – 194.
4. Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1928. – С. 127.
5. Агарков М.М. Обязательства из причинения вреда // Проблемы социалистического права. 1939. №1. – С. 70. Цит. по: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2008. – С. 879.
6. Новицкий И.Б., Лунц Л.А.. Общее учение об обязательстве. М.: Юридическая литература, 1950. – С. 307 – 308.
7. Гражданское право: Учебник. Т. 1. Изд. 4-е, перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2005. – С. 552 – 553.
8. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1973. – С. 114.
9. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. – С. 113 – 128.
10. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. – С. 307 – 319.
11. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Госюриздат, 1952. – С. 104 – 126; Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Изд-во Киевского госуниверситета, 1955. – С. 51 – 80; Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. – С. 52 – 72.
12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – С. 718.
13. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Богданов Дмитрий Евгеньевич. – М., 2014. – С. 469.
14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 1 апреля 2015 г. № Ф10-496/2015 по делу № А36-1927/2014 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

УДК 340.1

**ИСТОРИКО – ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ
HISTORICAL - LEGAL RESEARCH WOMEN CRIME IN RUSSIA**

*Карабашева Ф.Ш., преподаватель кафедры гражданского процессуального права
Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Karabasheva F.Sh., lecturer in civil procedure law Rostov branch FGBOU IN "Russian
Academy of Justice"*

e-mail: cechvk53@mail.ru

Аннотация: В статье проведено историко-правовое исследование женской преступности в России и показано, что женская преступность имеет многовековую историю и сложившиеся причины возникновения как правового института

Abstract: In this article the historical and legal research of female criminality in Russia and it is shown that female crime has a long history and established the cause of a legal institution

Ключевые слова: преступность, женская преступность, причины и условия женской преступности

Keywords: crime, female criminality, the causes and conditions of female criminality

В дореволюционной России представление о женщине-преступнице складывалось на основе христианских догматов, служивших основой нравственного и одновременно правового воспитания населения. История первой женщины в ее библейском толковании прямо предписывает ей изначальную, первородную греховность, которая в теологическом аспекте и в соответствующих представлениях людей идентифицировалась с преступностью. В соответствии с библейскими изложениями, подчас, когда Ева отвернулась от Бога, слушая змея, она встала на путь зла, греха. Рай для нее был утрачен. Между тем материнство Евы возвеличивает ее, хотя последнее и достигается ценой мучений и священной обязанностью: «Умножу скорбь твою в беременности твоей». В Новом Завете Апостол Павел в своих Посланиях утверждает, что спасением женщины было возможным через рождение ребенка, «если пребудет в вере и любви и святости с целомудрием» (1 Тим., 2:15)[2]

Известный юрист М.Н. Гернет еще в начале XX в. в своей многотомной работе «История царской тюрьмы» отметил, что «несмотря на то, что десятки тысяч женщин поступали ежегодно в царские тюрьмы, законодательство совсем не знало «женского вопроса» в местах лишения свободы; уравнение в тюрьме мужчин и женщин создавало в действительности для женщин новые, добавочные тяготы»[4].

Поэтому, несмотря на высокий уровень женской преступности, в каждой женщине развит материнский инстинкт. В условиях же изоляции от общества вопрос материнства становится очень актуальным, так как рождение детей рассматривалось как важное средство, способствующее женщине выжить в сложных условиях изоляции от внешнего мира, сохранить качественные характеристики женщины-матери[10].

Впервые происхождение и эволюция семейных отношений рассматривались С.Е. Десницким совместно с развитием общества, собственности, власти как отрасли церковного, а затем, гражданского права.

При принятии христианства означало началом оформления церковного права. В своих научных трудах И.Д. Беляев подробно рассматривает источники церковного права такие как княжеские уставы, а также ранние редакции Судного закона (Кормчей книги). В соответствии с данными законами церковь становилась юридическим лицом получая достаточно большие имущественные и судебные права. В компетенции церкви входили полностью семейные права, значительная часть гражданских прав и отчасти уголовное. В любом случае, преступления, совершенные женами, рассматривались по каноническому праву, церковным судом.

В историко-правовой литературе женская преступность отличалась по характерным признакам, по последствиям, способам и орудиям совершения преступления, выбором жертвы преступного посягательства, влиянием семейно-бытовых и сопутствующих им обстоятельств. Следует отметить, о том, что ученые исследователи (юристы, философы, историки, социологи) по данной проблематике разработали ряд уникальных подходов к исследованию. Эти подходы связаны с местом женщины в системе общественных отношений, ее социальной ролью и функциями, биологической и психологической спецификой.

Исследования о женской преступности в русском праве показывает, что в истории советской и постсоветской науки в исследованиях о женской преступности классически выделяется периоды 1917-1920-х гг., 1930-1950-х гг. и 1950-1991-х гг. Сюда же можно отнести и современный период исследований (до 2015 г.). Однако, проблематика работ исторического экскурса с глубоким анализом женской преступности выявляется ограниченное количество. Начиная с 1990 г. женская преступность исследовалась учеными правоведами как определенное преступное явление.

На рубеже XXI в. женская преступность в России постепенно достигает миллионных масштабов. Внимание заслуживают и статистические данные по увеличению числа преступление, а также и удельный вес женской преступности. Научные исследования показали, что научный подход к данным преступлениям является сложным социальным феноменом, поскольку рассматривается с позиции конкретных сторон отражая закономерности преступности и ее изменения, где выступает как подсистема общей преступности в целом.

Необходимо отметить, что женская преступность располагает заметными специфическими чертами, обусловленными не только социально-биологическими особенностями женщины, но и ее положением в обществе, выполнением ею социальных ролей.

Актуальность проблемы женской преступности вызывает целый ряд обстоятельств, такие как совершение преступлений женщиной, где в основе лежит общественная опасность и дальнейшие проблемные последствия в семье и обществе; оказывающие влияние при воспитании в семье, также морально-этический климат в семье, здесь отмечается, что женщина ведет антиобщественный образ жизни и считается очень опасной по отношению к

своим родным и особенно для несовершеннолетних детей, которые в последствии оказываются безнадзорными.

Если же рассматривать проблематику женской преступности с точки зрения криминологического аспекта, то здесь очень важно разработать подсистему в одном звене с историческими исследованиями и уголовным правом, определяя принципы и способы организации теории и практики женской преступности, а также факторы, детерминирующие ее и формы предупреждения.

Учитывая аспекты социального и духовного, нравственного неблагополучными факторами общества является рост преступности женщин, где сдержать данный фактор можно при усилении правоохранительных органов и органов законодательной и исполнительной власти, а также общественных объединений и населения.

Разумеется, что с изменением социальных условий, образа жизни и роли женщины в обществе меняются характер и способы их преступного поведения. При объяснении различий преступности мужчин и женщин, как правило, принято выделять причины социального и причины биологического характера.

Разумеется, что с изменением социальных условий, образа жизни и роли женщины в обществе меняются характер и способы их преступного поведения[1]. При объяснении различий преступности мужчин и женщин, как правило, принято выделять причины социального и причины биологического характера. Еще в конце XIX и начале XX в. появились три группы теорий, которыми пытались объяснить причины женских правонарушений: антропологические[9], моралистические[7] и социологические[5], причем наибольшее внимание уделялось биологической трактовке этого вопроса. Следует отметить, что стремление к биологизации этиологии женской преступности в большей мере наблюдается в зарубежных исследованиях. Целый ряд зарубежных авторов считали женскую преступность лишь результатом индивидуальных физиологических или психологических черт личности и давали определение женщинам как сексуальным существам, пребывающим в социальном, экономическом и политическом вакууме, страдающим от биологической неполноценности, атавизмов и хромосомных дефектов. Не отказываясь полностью от исследования влияния на женскую преступность социальных факторов, зарубежные ученые отводили им второстепенную роль внешних условий, которые помогают проявиться вовне преступным свойствам, заложенным в женщину природой.

В тоже время, изучая женскую преступность, советские криминологи считали, что причина преступности и преступлений по содержанию всегда есть социально-психологические факторы, которые лежат в области общественного сознания и социальной психологии и включают в себя антиобщественные традиции, нравы и взгляды классового антагонистического общества, перешедшие из дореволюционных формаций, а также принесенные извне современной буржуазной идеологией[6]. К условиям преступности относятся социально-экономические, идеологические и организационно-управленческие явления и процессы, которые способствуют формированию, сохранению, реставрации и проявлению причин преступности[8].

Все последующие исследования женской преступности показало, что приоритет в причинном комплексе преступности принадлежит тем обстоятельствам, которые

формируются в условиях социальной жизни. Именно они оказывают наиболее значимые факторы влияния на формирование преступного поведения женщин[11]/

Биологические особенности женщин, определяя или в некоторых случаях ограничивая количественные показатели отдельных видов преступности, не являются причинами их совершения. В то же время нельзя не учесть то, что женщины оказываются менее защищенными психологически от различных осложнений в их жизни.

Если проследить изменения в женской преступности за длительный исторический период, то можно отметить, что причины, влияющие на совершение этих преступлений, меняются с изменением исторических условий. Изменение условий жизни влечет неминуемо и различия в поведении, в отношении к ценностям общества, своим собственным ценностям.

Проведенные исследования позволяют также утверждать, что различия в мужской и женской преступности имеют довольно сложную основу и, как правильно отмечает А.Б. Сахаров: «что не могут быть объяснены «значительно большей сознательностью последних».

Причины этих различий заключаются не только в том, что социальные роли, выполняемые мужчинами и женщинами в обществе при наличии одинаковых прав, гарантированных Конституцией РФ, не совпадают.

Нравственно - психологическая жизнь женщин отличается от нравственно-психологической жизни мужчин в силу исторически сложившихся условий при выполнении ими соответствующих функций в обществе. Она также определяется их биологическими различиями, но и эти различия в силу их необходимости для нормального функционирования общества становятся социальными в определении различий в поведении женщин.

Таким образом, исследование истории о женской преступности показало, что женская преступность имеет многовековую историю и сложившиеся причины возникновения как правового института. При анализе исторически сложившихся факторов выявлен ряд процессов проявления особенностей женской преступности, таких как:

- условия жизни женщин, при выполнении основных функций деятельности в обществе;
- поведение женщин при влиянии негативных процессов социальной действительности, что приводит к различному неадекватному отражению в их сознании, что в последствии приводит к различному криминогенному воздействию;
- воздействие негативных процессов общества приводят к определенному различию в формировании особенностей преступлений у женщин и соответственно влияющих как на количественную, так и качественную сторону преступности.

Литература

1. Антонян Ю.М. Преступность женщин. // Социалистическая законность. 1991. №7.
2. Волкова Т.Н. Женская преступность в современной России (криминологические и пенитенциарные проблемы): Монография. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001.
3. Гернет М.Н. Общественные причины преступности. М., 1906;

4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951.
5. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1905.
6. Голоднюк М.Н. Некоторые вопросы женской преступности. - «Веста. Моск. ун-та. Сер. Право», 1978, № 1.
7. Зеланд Н. Женская преступность. Спб., 1899.
8. Криминология: Учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. - М.: Юристъ, 1997.
9. Ломброзо Ч., Ферреро Э. Женщины - преступницы и проститутки. 1903; Тарновская П.Н. Воровки. Спб., 1891; ее же Женщины - убийцы. Спб Киев. 1902 и др.
10. Омельченко О.А. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин с малолетними детьми в дореволюционной России // История государства и права. 2015. № 18.
11. Серебрякова В.А., Зырянов В.Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами: Метод. пособие – М., 1990.
12. Фойницкий И.Я. Женщина - преступница. - «Северный вестник», 1893, кн. 3 и др.

УДК 343.541

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ,
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ARMED CRIME: ANALYSIS OF TERMINOLOGY**

Катбамбетов М.И., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Адыгейского государственного университета

Katbambetov M.I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Criminal Law of the Adygeya State University

e-mail: murik-001@mail.ru

Аннотация: в работе предпринята попытка рассмотреть уголовно-правовые признаки применения оружия сквозь призму соотношения данного термина с понятием «использование». Основное внимание уделено поиску алгоритмов квалификации угрозы применения оружия, демонстрации негодного или неисправного оружия.

Abstract: This paper attempts to review the penal signs of weapons through the prism of relations with the concept of the term "use". The focus is on search algorithms gunpoint qualification demonstrating worthless or defective weapons.

Ключевые слова: применение, использование оружия, вооруженные преступления, квалификация.

Keywords: application, the use of weapons, armed crime qualification.

Как один из наиболее опасных сегментов насильственной преступности, вооруженная преступность в недавних пор стала привлекать к себе внимание законодателя. В целях предупреждения криминального применения оружия, в УК РФ и Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» вносятся изменения, касающиеся как определения статуса владельцев оружия, так и установления признаков вооруженных посягательств.

В частности, Федеральный закон от 21.07.2014 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» дополнил ст. ст. 111, 112 и 115 УК РФ новым квалифицирующим обстоятельством - совершение преступления с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Введение этого нововведения явилось своеобразным «спусковым» механизмом, активизировавшим дискуссию о том, что представляет собой применение оружия и как оно соотносится с термином «использование» оружия.

Отсутствие полноты и конкретности в законодательном определении этих терминов негативно влияет на уголовно-правовую оценку вооруженных преступлений. Наибольшие трудности вызывают вопросы о том, можно ли считать применением угрозу оружием, а равно применение заведомо неисправного оружия или его имитации.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»[1], под *применением* оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать умышленные действия, направленные на *использование* лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о *намерении применить* насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Системное толкование позиции Верховного Суда убеждает в том, что применение оружия – это как его использование, так и демонстрация намерения применить. А это означает, что угроза применения оружия должна рассматриваться как его непосредственное применение. Думается, что такой подход необоснованно ставит знак равенства между различными по характеру деяниями и вносит недопонимание в судебную практику.

С семантической точки зрения, понятия «применение» и «использование» близки, но не тождественны. Если использование указывает на фактическую возможность употребить что-либо с пользой, извлечь из вещи полезные свойства, то применение является практическим выражением этой возможности.

Под использованием должна пониматься *возможность* эксплуатации, использования имущества путем извлечения из него полезных свойств. Правомочие пользования позволяет его обладателю использовать вещь, потреблять ее, эксплуатировать имущество, извлекать доходы, получать приносимые им плоды и т. п. Границы права пользования оружием определяются Законом РФ «Об оружии» и законодательством, регулирующим деятельность сотрудников государственных военизированных организаций, работников юридического лица с особыми уставными задачами.

То обстоятельство, что в силу узкой конструктивной предназначенности оружия, его использование сводится к крайне ограниченному кругу действий, не позволяет сводить пользование оружием к одной из форм реализации этого правомочия — к его применению.

С этих позиций оправданна оценка использования оружия как гарантированной законодательством РФ *возможности* лица извлекать пользу от оружия, пользуясь его конструктивной направленностью на поражение живой или иной цели, подачу сигналов, и осуществлять для этого иные действия, обеспечивающие сохранность и исправность оружия.

Актуальным является и другой вопрос: квалификация действий, связанных с угрозой применения незаряженного и негодного оружия.

Согласно судебной практике, применение оружия исключает его демонстрацию без намерения причинить телесные повреждения или угрозу незаряженным или негодным оружием и ограничивается возможностью использования предметов и устройств, являющихся оружием[2].

Нельзя не отметить и то, что признание факта применения оружия не ставится судом в зависимость от субъективного восприятия потерпевшим средства совершения преступления[3]. Но это мнение поддерживается далеко не всеми специалистами. Например, представления потерпевшего о характере используемого оружия легли в основу квалификации действий С. Центральный районный суд г. Омска обосновал, что признак

«применение оружия и предметов, используемых в качестве оружия» нашел свое подтверждение, поскольку С. демонстрировал, а иногда подставлял к потерпевшим предмет (макет пистолета), воспринимаемый ими как пистолет. При этом С. осознавал, что именно в качестве оружия этот предмет будет восприниматься потерпевшим[4].

Важно отметить, что настоящее время концепция «субъективного восприятия оружия» вышла за рамки научного обсуждения и характер типовой рекомендации высшей судебной инстанции. В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т. п. дает основание для квалификации содеянного по пункту «а» части 1 статьи 213 УК РФ (с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия).

С этим положением, как и с концепцией в целом, сложно согласиться. В случаях применения негодного, незаряженного оружия, его копии или имитации отсутствует объективная сторона применения оружия, поскольку отсутствует предмер, подлежащий применению. Существует лишь субъективная (не свободная от искажения и произвола) оценка потерпевшего, в то время как негодное оружие либо его макет не причиняют и не создают угрозу причинения вреда иным способом, и, следовательно, объективно не повышают общественную опасность содеянного.

Ни в теории уголовного права, ни в правоприменительной деятельности не сложилось общего представления о содержательных границах применения оружия.

Доктринальные подходы можно разделить на два направления:

1) подход, ориентированный на результат: применение оружия имеет место при фактическом причинении вреда жизни и здоровью личности;

2) позиция, основанная на функциональных свойствах предмета: применение оружия — это не только осуществление действий, направленных на причинение телесных повреждений, но и демонстрация оружия при наличии готовности лица к его использованию.

Сторонники первого подхода ссылаются на конструктивные свойства оружия и аргументируют свое мнение тем, что только при реальном поражении человека как живой цели возможно вменение квалифицированного признака «применение оружия и предметов, используемых в качестве оружия» (ст. 111, 112, 115, 126, 127, 162, 206, 211, 213, 227, 313 УК РФ).

Октябрьский районный суд г. Омска исключил из обвинения квалифицирующий признак «с применением предмета, используемого в качестве оружия», поскольку в судебном заседании было установлено, что, угрожая предметом, похожим на нож, подсудимый реально его не использовал, ударов, порезов данным предметом потерпевшей не причинил. То есть действия подсудимого по приставлению ножа к телу потерпевшего рассматривались как его демонстрация, поскольку нож фактически не был применен».

Вторая позиция расширяет понятие «применение оружия», включая в него не только фактическое причинение вреда, но угрозу такого причинения. Отсутствие в законе формулировки «угроза применения оружия» не позволяет оценивать намерение лица

применить оружие как фактическое действие хотя бы на том основании, что умысел на его применение при совершении преступления не может быть до конца определен.

Ранее отмечалось, что в отличие от использования, применение оружия предполагает совершение действий, направленных на поражение живой или иной цели, подачу сигналов. Например, применение огнестрельного, газового и пневматического оружия предполагает производство выстрела, холодное оружие — использование мускульной силы при нанесении ударов. При этом не учитывается фактическое наступление последствий в виде причинения физического вреда потерпевшему. С этих позиций, угроза применения огнестрельного, холодного, пневматического и др. оружия не является его применением в уголовно-правовом значении, поскольку отсутствует неперенный элемент применения — совершение действий по управлению оружием как устройством или предметом, конструктивно предназначенным для поражения живой или иной цели и подачи сигналов.

В то же время особенности законодательной конструкции разбоя, представляющего собой нападение в целях хищения чужого имущества, совершенного не только с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, но и с угрозой его применения, позволяет расширить юридическое толкование применения оружия применительно к угрозе применения насилия.

По ч. 2 ст. 162 УК РФ следует квалифицировать демонстрацию готового к применению оружия, если его физические параметры (вес, острая форма) и исправность не позволяли потерпевшему усомниться в том, что этим оружием может быть причинены смерть или тяжкий вред здоровью.

В то же время отсутствие единого понимания применения насилия и применения оружия позволяет заключить, что в ситуации угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья посредством применения оружия (например, ст. 162 УК РФ), по признаку применения оружия следует квалифицировать демонстрацию готового к применению оружия, если его физические параметры (вес, острая форма) и исправность не позволяли потерпевшему усомниться в том, что этим оружием может быть причинены смерть и тяжкий вред здоровью.

Литература

1. Векленко В., Зайцева Е. Векленко, В. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2009. № 2. С. 90 – 95.
2. Сидоренко Э.Л., Катбамбетов М.И. Вооруженное насилие: уголовно-правовая и криминологическая оценка. М., 2014
3. Сидоренко Э.Л. Система виктомологической профилактики преступлений: быть или не быть // Библиотека уголовного права и криминологии. 2-14. № 4 (8). С. 64 – 74.
4. Сидоренко Э. Л. О системности дифференциации уголовной ответственности с учетом возраста потерпевшего // Рос. криминологический взгляд. 2010. № 1. С. 240 – 246.

УДК 346

**КОНЦЕПЦИЯ ФИДУЦИАРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ.
THE CONCEPT OF FIDUCIARY RELATIONS IN RUSSIAN CORPORATE LAW.**

*Кокоева Л.Т., Владикавказ, д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой
предпринимательского и трудового права ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский горно-
металлургический институт (государственный технологический университет)»*

*Kokoeva L.T., Vladikavkaz, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business
and labor rights FGBOU HPE «North-Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State
Technological University)»*

e-mail: skgi_institut@mail.ru

*Колиева А.Э., Краснодар, к.ю.н., доцент, доцент кафедры земельного, трудового и
экологического права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им.
И.Т.Трубилина»*

*Kolieva A.E., Maikop, Ph.D., associate professor, assistant professor of land, labor and
environmental law FGBOU IN "Kuban State Agrarian University. I.T.Trubilina "*

e-mail: skgi_institut@mail.ru

*Аннотация: В данной статье раскрываются основные вопросы концепции
фидуциарных правоотношений в корпоративном праве России. На примере действующего
законодательства и проектов законов, авторы предлагают разработать концептуальные
подходы к фидуциарного управления в нормах корпоративного права.*

*Abstract: This article deals with the main issues of fiduciary relationships concept in
Russian corporate law. For example, current legislation and draft laws, the authors propose to
develop a conceptual approach to fiduciary management in the corporate law regulations.*

*Ключевые слова: фидуциарные правоотношения; корпоративное право;
распоряжение имуществом; доверительное управление; акционерное общество.*

*Keywords: fiduciary relationship; corporate law; disposition of property; asset
management; joint-stock company.*

Сами фидуциарные отношения как таковые шире правоотношений, складывающихся между поручителем и поверенным по договору гражданско-правового представительства, и в настоящее время применяются практически к любым правоотношениям, где одно лицо получает право контроля над другим лицом, либо возможность распоряжаться имуществом другого лица.

Представляется, что независимо от законодательства того или иного государства, полномочия директора, обусловленные его функциональными обязанностями в целом примерно одинаковы. Объем его полномочий зависит от системы управления принятой в компании.

В настоящее время российское законодательство закрепило за директором ряд обязанностей, которые следует относить к фидуциарным:

-осуществлять текущее руководство деятельностью общества (п.2 ст.69 Закона об АО, п.3 ст.40 закона об ООО);

-действовать добросовестно и разумно (п.3 ст.53 ГК РФ).

Кроме этого, принципы добросовестности и надлежащей осмотрительности определяются в положениях, закрепляющих ответственность директора.

Так, управляющий компанией директор несет ответственность как административную, так и уголовную за разглашение внутренней информации корпорации.

Согласно п.7 ст.4 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» директор компании помимо других лиц, входящих в органы управления является инсайдером, т.е. лицом, имеющим доступ к инсайдерской информации, включающей коммерческую, банковскую, служебную и иную тайну. За неправомерное использование инсайдерской информации статьей 15.21 КоАП РФ предусматривается ответственность. Кроме того ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну предусматривается ст. 183 УК РФ.

Также директор несет имущественную либо дисциплинарную ответственность за принятие необоснованного решения, которое повлекло вред имуществу компании (п. 9 ст. 81 ТК РФ).

Согласно п. 3. ст. 53 ГК РФ директор, по требованию учредителей (участников) юридического лица, если иное не предусмотрено законом или договором, обязан возместить убытки, причиненные им юридическому лицу.

Тем не менее, в нормативных актах не определяются критерии добросовестности, разумности, осмотрительности, обоснованности.[1]

Необходимо иметь в виду, что в п. 5 ст. 10 части первой ГК РФ установлена презумпция добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений. Согласно указанной норме добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

Согласно внесенного в Государственную думу законопроекта № 394587-5 от 23.06.2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» предлагаются следующие критерии добросовестности:

-действовал при наличии конфликта между его личными интересами и интересами общества, в том числе при наличии заинтересованности в совершении обществом сделки (сделок), о котором не был уведомлен совет директоров (наблюдательный совет) общества;

-знал или должен был знать о том, что совершенное им действие (бездействие) и (или) принятое решение, за которое он голосовал, не отвечает интересам общества;

-без уважительных причин не исполнял или уклонялся от исполнения возложенных на него обязанностей;

-действия (бездействие) и (или) принятое решение, за которое директор голосовал, не соответствуют требованиям настоящего Федерального закона, иных федеральных законов, нормативных правовых актов, устава или внутренних документах общества.[2]

В приведенном законопроекте не установлено такое основание освобождения от ответственности, как навязанная воля одного из участников по вопросам, относящимся к компетенции единоличного исполнительного органа или правления.

Предпринимаются попытки законодательного закрепления принципа «снятия корпоративных покровов». В п. 3 ст. 6 Закона «Об Акционерных обществах» и п.3. ст.6 Закона «Об Обществах с ограниченной ответственностью» закрепляется ответственность основного общества по долговым обязательствам дочернего общества, однако все это распространяется лишь на участников - юридических лиц и к тому же необходимо предъявить доказательства того, что основное общество было наделено правом давать такие указания, но согласно закону об АО, все это должно следовать из устава общества или из договора между основным и дочерним обществом.

К тому же для привлечения к ответственности по сделкам, вследствие которых возникли неблагоприятные последствия, следует доказать то что основное общество знало о наступлении таковых.

На рассмотрение Государственной Думы был внесен законопроект от Курской областной думы № 328026-5 от 12.02.2010г. Федерального Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Указанный законопроект должен был закрепить возможность привлечения к ответственности за невыполнение требований трудового законодательства в адрес не только работодателей, но также учредителей (участников) юридического лица, а также лиц, наделенных правом дачи обязательных для этого юридического лица указаний.[3]

Согласно заключению правового управления Комитета Государственной Думы по труду и социальной политике, в указанном законопроекте определялось, что применение такого закона было бы трудноосуществимым, в силу того, что, как правило, затруднительно установить лицо, имеющее право давать подобного рода указания, которые нанесли бы вред деятельности корпорации.[4] Ошибочным является привязка данного правонарушения исключительно к трудовым отношениям, а обязательные указания, которые могут нанести вред деятельности компании, когда таковые исходят со стороны учредителей или иных лиц могущих давать обязательные к исполнению указания, относимы в большей степени к трудовому, а не корпоративному законодательству.

Кроме этого законопроект предусматривал лишь один частный случай злоупотребления своим положением лиц, которые имеют влияние на компанию. Тем самым, единственным лицом, отвечающим за деятельность компании, оставался директор независимо от того, действительно ли он являлся инициатором определенного решения или таковое было ему навязано иными лицами, могущими оказывать влияние на компанию, таким, как например фактические владельцы, инвесторы, кредиторы и пр.

Эти недостатки могли быть отчасти исправлены вступлением в силу законопроекта изменений в ГК РФ, подготовленного федеральным государственным бюджетным научным учреждением «Центр частного права при президенте Российской Федерации», в котором

указывалось, что в п. 3 ст. 53 ГК РФ закреплены обязанности, традиционно понимаемые как фидуциарные т.е. действовать добросовестно и разумно. Предлагалось ввести ст. 53.1 ГК РФ, которая устанавливала бы ответственность любого лица представляющего интересы компании независимо от того, исполняло ли оно функции единоличного исполнительного органа на момент причинения убытков или нет, наряду с возложением ответственности в адрес лиц, которые имели фактическую возможность воздействия на деятельность компании.

При этом предлагалось, что такие лица могли быть освобождены от ответственности при условии, если они действовали в рамках обычного коммерческого риска, по указанию акционеров, либо по форс-мажорным обстоятельствам.[5] Однако было указано, что даже если они действовали разумно и добросовестно, в силу имеющейся у них информации, то все равно они равным образом будут нести ответственность. Представляется, что ситуация отсутствия механизма страхования ответственности членов управления органов компании, станет препятствием ее активной коммерческой деятельности.

Решением указанной проблемы могло быть законодательное закрепление фидуциарных правоотношений, которые должны рассматриваться как урегулированные нормами права, основанные на доверии общественные отношения, при которых одно лицо (фидуциарий) в силу договора или иного юридического факта по своему усмотрению действует от имени другого лица, либо осуществляет контроль и управление другим лицом, или имуществом другого лица.

Обязанности, возникающие из такого правоотношения затруднительно нарушить, если лицо, на которое таковые были возложены, осуществляло свои действия с надлежащей профессиональной осмотрительностью и без злого умысла.

Введение понятия фидуциарности в законодательство должно стать четкой законодательной формулировкой, позволяющей руководящим органам в меньшей степени оглядываться на чрезмерные коммерческие риски, избежать которые в любом случае затруднительно. Исполнительный директор корпорации будет нести ответственность за любое действие или бездействие, которое повлекло за собой ущерб компании, учредителям, кредиторам, но только в части, когда его действия или решения были совершены по его воле или в результате неосторожности и неосмотрительности директора.

В то же время директор будет освобожден от ответственности в случае если докажет, что действовал разумно и добросовестно в силу имеющейся у него коммерческой или иной информации.

Еще одним из последствий введения такого положения станет необходимость более тщательного подхода в доказывании вины лиц несущих фидуциарные обязанности в судебном порядке, придавая таковым дополнительную защищенность. Тем самым достигается в большей степени справедливое распределение ответственности между управляющим лицом и иными субъектами, которые могут оказать влияние на формирование воли корпорации (совет директоров, кредиторы, инвесторы).

Рассмотрим отдельные полномочия фидуциарных обязанностей руководства организацией. Директор, согласно точки зрения, принятой многими правоведомы, является субъектом правоотношений по управлению компанией. Договор с руководителем

компания имеет смешанную природу, поскольку на него распространяются нормы как гражданского, так и трудового права. Это находит свое подтверждение в действующем законодательстве и сложившейся судебной практикой.

Так, абзацем 3 п.3 ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрено, что на отношения между обществом и его единоличным исполнительным органом (директором, генеральным директором) и (или) членами коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции) действие законодательства Российской Федерации о труде распространяется в части, не противоречащей положениям настоящего Федерального закона.

Также это подтверждается Постановлением Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами граждан».

Помимо предусмотренных трудовым законодательством общих оснований расторжения трудового договора, таковой может быть расторгнут по мотивам отстранения руководителя организации-должника от должности в соответствии с законом о несостоятельности (банкротстве); в связи с принятием уполномоченным органом юридического лица либо собственником имущества организации, либо уполномоченным собственником лицом (органом) решения о досрочном прекращении трудового договора; по иным основаниям предусмотренным трудовым договором.

В указанном постановлении сформулированы положения, суть которых состоит в том, что правовой статус руководителя организации, включающий права, обязанности, ответственность существенно отличается от статуса иных работников, что обуславливается спецификой его профессиональной деятельности, его местом и ролью руководителя в механизме управления организацией, где он должен выполнять функции единоличного исполнительного органа и совершать юридически значимые действия, в том числе имущественного характера.[6.С.40]

Особенности полномочий руководителя организации признаются объективной основой, позволяющей законодателю предусмотреть особые правила расторжения с ним трудового договора. Введение таких особых правил, поскольку те являются оправданными, обоснованными и соответствующими конституционно значимым целям, не должно, как указано в решении Конституционного Суда, расцениваться в качестве нарушения права каждого свободно распоряжаться своими способностями к профессиональной деятельности в выборе рода профессиональной деятельности и профессии, ни как нарушение равенства всех граждан перед законом и судом, а также не расцениваться как нарушение прав и свобод человека.

Приведенные положения предполагают наделение собственника имущества компании или иной организации конкретными полномочиями, которые позволяют ему в целях достижения надлежащей эффективности своей хозяйственной деятельности в праве

самостоятельно назначать и увольнять руководителя, которому было доверено управление компанией и распоряжение ее активами.

Доверительные отношения являются одним из необходимых условий успешного сотрудничества между обозначенными субъектами, которые должны определить объем полномочий руководителя по управлению имуществом организации, а также предъявляемые ему на этом основании требования с возможностью утраты этой доверительности по самым различным мотивам и причинам, которые не признаются законодательством или договором как стандартные основания расторжения трудового договора по инициативе работодателя.

Литература

1. Заключение Комитета Государственной Думы по финансовому рынку на проект федерального закона - № 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ», внесенный Правительством Российской Федерации [электронный ресурс] Режим доступа: URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?) (дата обращения 15.03. 2016).
2. Проект Федерального закона № 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» (ред., внесенная в ГД ФС РФ)//[электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.lawmix.ru/lawprojects/2787> (дата обращения 15.03. 2016).
3. [электронный ресурс] Режим доступа: URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf). (дата обращения 15.03. 2016).
4. Заключение Правового управления // [электронный ресурс] Режим доступа: URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&7B1FDA06A4D7602EC325771A00217974](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&7B1FDA06A4D7602EC325771A00217974). (дата обращения 15.03. 2016).
5. Проект Раздела I части Гражданского кодекса Российской Федерации. Приводится по материалам сайта [электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/F1D1873F3B7610EA129A1457192E2435_%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB. (дата обращения 15.03. 2016).
6. Маврин С.П. Трудовое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации//Правоведение, 2006. - № 4. - С. 40.

УДК 343

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PROBLEMS OF ENSURING THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN
INSTITUTIONS THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION**

*Короленко И.И., заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических
наук, доцент*

*Korolenko I.I., Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Rostov
Institute (branch) VGUYU (RPA Russian Ministry of Justice), PhD, Associate Professor
e-mail: korolenko.irina.2013@mail.ru*

*Сараев Н.В., начальник Ростовского отделения Центра научных исследований
Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических
наук, доцент*

*Saraev N.V., head of the Rostov branch of the Center for Research of the Rostov Institute
(branch) VGUYU (RPA Russian Ministry of Justice), PhD, Associate Professor
e-mail: snv_571918@mail.ru*

*Аннотация: В статье рассматриваются отдельные вопросы обеспечения
законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, наиболее характерные
нарушения, допускаемые в данной сфере, анализируются условия, способствующие
совершению преступлений в пенитенциарных учреждениях.*

*Abstract: The article deals with some issues of legality in criminal-executive system, the
most typical violations committed in this area, analyzes the conditions conducive to the commission
of crimes in prisons.*

*Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, принцип законности,
преступления.*

Keywords: criminal-executive system, the principle of legality, crime.

В настоящее время в основном созданы правовые и организационные предпосылки по реформированию всех направлений деятельности УИС РФ. Однако нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в первую очередь зависит от состояния законности.

В соответствии со статьей 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации законность является основополагающим принципом деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [9].

Осуществление контроля по соблюдению законности в местах лишения свободы определено Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в качестве приоритетного

направления деятельности органам прокуратуры России, взаимодействующим службам и правозащитным организациям [4].

Как свидетельствуют результаты работы исправительных учреждений, недостаточно самого факта осуждения лица, назначения ему наказания – все дело в правильной организации его отбывания, в его законности. Материальный и процессуальный законы не всегда достигают своих целей. Отдельные их положения полностью не исполняются, а если исполняются, то с нарушениями, что негативно влияет на состояние рецидивной и должностной преступности [2].

Как справедливо отмечал А.Е. Наташев, факты беззакония и произвола, нетерпимые в любых отношениях нашей действительности, в местах лишения свободы имеют огромную общественную опасность, дискредитируя исправительные деяния, оказывая отрицательное влияние на исправление и перевоспитание осужденных [3].

Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, – один из основных показателей неэффективного исполнения наказания в виде лишения свободы. Они существенно дезорганизуют работу уголовно-исполнительной системы. Дестабилизирующее значение данного фактора проявляется в ослаблении требований режима содержания, осложнении оперативной обстановки и снижении качества воспитательной работы с осужденными. По этой причине не решаются общие и специальные задачи, возложенные законом на учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, не достигаются цели уголовного наказания. Сохраняющаяся тенденция роста преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, способствует пенитенциарному рецидиву.

Сегодня ряд ученых высказываются о необходимости относить к пенитенциарной преступности всю совокупность уголовно-правовых деликтов, обусловленных характерными для мест лишения свободы условиями. При этом высокий уровень латентности данного вида преступности объясняется не только закрытостью учреждений уголовно-исполнительной системы, но и тем, что руководство несет полную ответственность за противоправное поведение подчиненных им сотрудников [8].

Анализ преступных деяний, совершенных сотрудниками УИС РФ, позволяет структурировать их следующим образом: 31,6% – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228 УК РФ); 23,5% – получение взятки (ст. 290) и дача взятки (ст. 291); 12,2% – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285); 9,1% – превышение должностных полномочий (ст. 286); 4,1% – причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст.ст. 111, 112); 1,02% – служебный подлог (ст. 292 УК РФ) [8].

Влияющим фактором на обеспечение законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы являются причины и условия, способствующие совершению правонарушений сотрудниками учреждений.

В первую очередь к экономической составляющей коррупции в УИС надо отнести следующие причины: недостаточный уровень заработной платы; желание извлечь и получить личную выгоду; отсутствие социальной помощи и поддержки [6]. Вместе с этим, несоответствие денежного довольствия объему, сложности и характеру работы является основным мотивом увольнения работников УИС и снижения требовательности к персоналу.

Условиями, способствующими совершению преступления, являются:

– слабое знание сотрудниками уголовно-исполнительной системы законодательства РФ;

– неэффективное исполнение должностных обязанностей, непрофессиональный, формальный подход к ним, слабая исполнительская дисциплина, низкий уровень контроля за работой подчиненных;

– недостаточный профессиональный уровень многих сотрудников уголовно-исполнительной системы из-за так называемой текучки кадров, особенно сотрудников, имеющих непосредственный контакт со спецконтингентом в рамках исполнения служебных обязанностей;

– отсутствие у сотрудников уголовно-исполнительной системы интереса к своей работе и, как следствие, небрежность, халатное отношение к своим должностным обязанностям [2].

Известный специалист в области уголовно-исполнительного права, профессор О.В. Старков выделяет следующие категории сотрудников, склонных совершать правонарушения в учреждениях УИС: 1) сотрудники с низким уровнем профессиональной квалификации; 2) профессионалы высочайшего уровня [7].

Как и для первой, так и для второй категории сотрудников УИС характерны два основных состава преступности – злоупотребление служебными полномочиями и превышение их, которые выражаются в грубых нарушениях штатно-финансовой дисциплины; обмане контролирующих органов; сокрытии хищений и недостатков товарно-материальных ценностей; противозаконном расходовании имущества исправительного учреждения либо незаконной передаче его в пользование как сотрудникам учреждения, так и отдельным гражданам; извлечении должностными лицами исправительных учреждений корыстной выгоды за счет собственности этих учреждений путем использования рабочей силы, транспортных средств или механизмов для строительства дач, гаражей, ремонта квартир без оплаты выполненной работы.

Анализ динамики правонарушений коррупционного характера показал, что после повышения заработной платы, их количество среди сотрудников УИС снизилось. Тем самым следует сделать вывод, что при повышении стимулирования сотрудников УИС, количество преступлений, совершенных сотрудниками учреждений, уменьшится. В связи с этим в настоящее время актуальность приобретают вопросы стимулирования служебной деятельности сотрудников УИС. По результатам исследования, проводимого специалистами, 56% опрошенных сотрудников УИС в 18 субъектах РФ на вопрос о том, существует ли в учреждениях или органе УИС, где сотрудник проходит службу, эффективная система стимулирования, ответили отрицательно [1].

Раздел 7 Концепции предусматривает широкое применение практики материального и морального стимулирования работников УИС, дальнейшее развитие системы мер поощрения.

Руководитель должен оценивать индивидуальные особенности каждого сотрудника, подбирать к каждому свои меры материального и морального стимулирования. Допустимо применение нетрадиционных мер стимулирования сотрудников УИС, к которым можно

отнести меры, используемые для повышения трудовой активности в практике зарубежных корпораций. Например, награждение ценными подарками с символикой подразделения, в котором они проходят службу, предоставление отдельного места для парковки личного автомобиля и т.п. Возможность получения жилья является важным стимулом для молодых и перспективных специалистов, способных реализовывать задачи, поставленные руководством.

Существенной проблемой стимулирования служебной деятельности сотрудников УИС является сокращение количества льгот и различного рода преимуществ [1].

Говоря о причинах низкой мотивации сотрудников УИС к повышению своей служебной активности, необходимо отметить неэффективную форму контракта о службе в УИС. Анализируя практику заключения сотрудниками контрактов о службе в УИС, необходимо отметить тот факт, что та форма и условия контракта, которые предусмотрены сегодня, не в силах реально стимулировать сотрудников УИС. Оплата труда, права и обязанности, льготы и гарантии, а также все остальные факторы, способные существенно повлиять на служебную активность сотрудников, обозначаются в контракте в общих декларативных фразах.

Основная задача для сотрудников УИС, требующая серьезных усилий, – это содействие в выработке действенных способов борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе [1].

Система мер противодействия коррупции и сокращения издержек в уголовно-исполнительной системе регулярно дополняется новыми инструментами, среди которых: профилактика неслужебных связей, тщательная проверка биографии лиц, занимающих руководящие должности в УИС, создание подразделений, занимающихся антикоррупционным мониторингом.

Помимо указанных преступлений, совершаемых сотрудниками УИС, проблемным вопросом является возникающие взаимоотношения между осужденными и сотрудниками УИС. На практике данное явление достаточно распространено. Обычно взаимоотношения возникают в первые месяцы работы в исправительном учреждении. Контакт между осужденным и сотрудником УИС обязательно должен быть пресечен, поскольку данное явление сподвигает сотрудника на совершение правонарушения. Также негативным фактором является то, что эти отношения препятствуют основной цели исполнения наказания.

Для снижения преступности следует усилить контроль за деятельностью должностных лиц УИС. Следует начать с усиления внутриведомственного контроля, целями которого являются поддержание законности в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также соблюдение при этом прав и законных интересов осужденных, иных граждан и организаций [5].

Важной формой ведомственного контроля также является рассмотрение предложений, заявлений и жалоб осужденных на действия персонала учреждений и органов, исполняющих наказания.

Деятельность учреждений ФСИН России по соблюдению законности находится под контролем не только международных организаций, государственных структур, судов,

прокуратуры, но и общественности. Как показывает статистика, основная часть нарушений уголовно-исполнительного законодательства в деятельности учреждений и органов УИС выявляется работниками прокуратуры соответствующего субъекта РФ. Наиболее характерными нарушениями законности являются:

- нарушение права осужденных на условия содержания;
- нарушение права осужденных на соответствие налагаемых дисциплинарных взысканий тяжести и характеру совершенных правонарушений;
- нарушение прав осужденных на личную безопасность, охрану и медицинскую помощь;
- незаконное применение физической силы, спецсредств и оружия;
- несоблюдение требований закона при привлечении осужденных к труду;
- неправомерное помещение спецконтингента в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, признание злостными нарушителями порядка отбывания наказания;
- невыполнение норм материально-бытового и медико-санитарного обеспечения;
- непредставление осужденных к условно-досрочному освобождению при наличии законных оснований.

Таким образом, практическая деятельность исправительных учреждений нуждается в совершенствовании. В целях предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений со стороны осужденных во время отбывания наказания целесообразно изменить критерий оценки работы по общему количеству совершенных преступлений. Привлечение осужденных к уголовной ответственности за совершение таких преступлений, как нанесение телесных повреждений, насильственные действия сексуального характера, оскорбление представителя власти, приготовление к побегу следует считать активностью сотрудников по предупреждению тяжких и особо тяжких преступлений.

Следует поддержать предложение о включении в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Кодекс РФ об административных правонарушениях норму об ответственности администрации исправительного учреждения за нарушение законности в отношении осужденных [2].

Требуется более высокий уровень квалификации, материального обеспечения сотрудников УИС, который должен быть обеспечен за счет подбора, улучшения подготовки кадров, накопления индивидуального и коллективного опыта в сфере укрепления законности.

Литература

1. Акчурин А.В. Проблемные аспекты стимулирования служебной деятельности сотрудников ФСИН России на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2012. №3.
2. Артемьев Н.А. Соблюдение законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы – необходимое условие эффективности борьбы с рецидивной и профессиональной преступностью // Человек: преступление и наказание. 2013. №3.

- 3.Белая Н.П. Актуальные проблемы обеспечения законности при исполнении наказания в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2012. №3.
- 4.Выступление Президента России В. Путина на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры // Российская юстиция. 2015. № 5.
- 5.Зубарев С.М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы: Монография. М.: Юрайт-Издат, 2006.
- 6.Пономарева Е.В. Экономические составляющие коррупции в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2014. №3.
7. Старков О.В. Криминопенология. Учебное пособие. М.: Издательство «Экзамен», 2004. С. 480.
- 8.Сусарин А.А. Криминогенный потенциал латентизации злоупотребления должностными полномочиями и превышения сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2011. №3.
- 9.Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
КАК ОСНОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ENSURING THE REGIME OF SERVING THE SENTENCE
AS THE BASIS FOR THE PREVENTION OF ILLEGAL BEHAVIOR
OF CONVICTS IN PRISONS**

*Короленко И.И., заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических
наук, доцент*

*Korolenko I.I., Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Rostov
Institute (branch) VGUYU (RPA Russian Ministry of Justice), PhD, Associate Professor
e-mail: korolenko.irina.2013@mail.ru*

*Сараев Н.В., начальник Ростовского отделения Центра научных исследований
Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических
наук, доцент*

*Saraev N.V., head of the Rostov branch of the Center for Research of the Rostov Institute
(branch) VGUYU (RPA Russian Ministry of Justice), PhD, Associate Professor
e-mail: snv_571918@mail.ru*

*Аннотация: В статье рассматриваются отдельные вопросы обеспечения режима в
учреждениях уголовно-исполнительной системы, анализируются причины совершаемых
осужденными преступлений, предлагаются меры по повышению контроля за осужденными,
снижению рецидива преступлений.*

*Abstract: The article deals with some issues of the regime in the penitentiary system
institutions, analyzed the causes of the crimes committed by the convicts, proposes measures to
improve the monitoring of prisoners, reduce recidivism.*

*Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, режим, контроль за
осужденными, рецидивная преступность.*

Keywords: criminal-executive system, mode, control of prisoners, recidivism.

Одной из основных задач, стоящих перед исправительными учреждениями России, является осуществление надлежащего надзора за осужденными. Качественная работа в данном направлении позволяет говорить об укреплении законности и правопорядка, обеспечении режима отбывания наказания. Важное место в обеспечении правопорядка в исправительных учреждениях отводится профилактике противоправных деяний.

Важным средством предупреждения преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, является соответствие процесса исполнения наказания требованиям действующего уголовно-исполнительного законодательства. В современных условиях существует немало препятствий тому, чтобы наказание исполнялось в соответствии с

предъявляемыми требованиями, ряд вопросов обеспечения законности в исправительных учреждениях и предложения по их решению освещены в настоящей работе.

Наличие преступности в исправительных учреждениях снижает эффективность их профилактической деятельности, а также усиливает криминогенность самого наказания [5].

В процессе исполнения наказания в виде лишения свободы и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений сотрудниками УИС выявляются многочисленные факты нарушений режима, в том числе в виде передачи лицам, содержащимся в учреждениях УИС, предметов, веществ и продукции питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом. Чтобы повысить уровень законности среди осужденных, нужно не допускать самых опасных форм обращения запрещенных предметов (наркотиков, оружия), а также оптимально ограничить как сами запреты, так и перечень запрещенных предметов.

Только в 2013 г., по данным ведомственной статистической отчетности, в исправительных учреждениях изъято: денежных средств на общую сумму 5061,9 тыс. руб., алкогольных напитков промышленного кустарного производства – 52666,3 литра, наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов 84504,199 грамма, средств связи – 61377 единиц, колюще-режущих предметов – 7758 единиц, огнестрельного оружия – 1 единица [2].

Одним из самых распространенных способов доставки запрещенных предметов в учреждения УИС являются перебросы. Причины проникновения в учреждения УИС запрещенных предметов имеют в большинстве случаев корыстную направленность. Местами проникновения запрещенных предметов на режимную территорию чаще всего служат контрольно-пропускные пункты для прохода личного состава (33%), наиболее уязвимые места внешнего ограждения территории учреждения (28%), комнаты длительных свиданий (15%), транспортные средства (13%), посылки и передачи осужденных (10%) [6].

Поступление к осужденным спиртных напитков и наркотических средств нередко приводит к совершению правонарушений. Находясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, они могут посягать на сотрудников учреждений, оказывать им сопротивление, провоцировать хулиганство и массовые беспорядки.

Хотя в большинстве случаев запрещенные предметы изымаются в момент их доставки, значительное их количество попадает к осужденным и выявляется при незаконном их использовании. Это осложняет оперативную обстановку в учреждениях УИС, дестабилизирует, а в некоторых случаях и дезорганизует их деятельность.

Для минимизации отрицательных последствий нарушения режима, выражающегося в виде передачи запрещенных предметов спецконтингенту, следует поддержать предложения о введении уголовной ответственности за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС. Из предметов необходимо исключить только передачу продуктов питания, оставив для этого административную ответственность. Такое разделение значимости передаваемых предметов и вещей спецконтингенту будет способствовать укреплению режима в исполнительных учреждениях. Уголовной ответственности должны подлежать обе стороны – тот, кто передает эти предметы и вещи, и тот, кто принимает [6].

В некоторых странах в уголовное законодательство включены нормы, устанавливающие уголовную ответственность за деяния, совершаемые в связи с исполнением лишения свободы, которые по Уголовному кодексу РФ преступлениями не являются [8]. Так, в статье 411 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Белоруссии) установлена уголовная ответственность за неповиновение требованиям администрации исправительных учреждений. Статья 412 УК Белоруссии предусматривает ответственность за передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в местах лишения свободы. За такое же преступление установлена ответственность в статье 309 Уголовного закона Латвии [7].

Но сколько бы несовершенна была деятельность уголовно-исполнительной системы, различные виды рецидивных преступлений неизбежны, тем более в наших нестабильных социальных условиях. Кризис во всех сферах жизни общества негативно влияет и на состояние преступности в исправительных учреждениях [5]. В данной ситуации значительным является повышение эффективности предупреждения рецидивных преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях и повышение профилактики предупреждения преступлений.

Методы контроля за осужденными весьма разнообразны, но основой предупреждения и профилактики совершаемых преступлений в ИУ служит не сами методы, а уровень профессиональной подготовки сотрудников, применяющих данные меры, и насколько правильно они будут применены.

Проблема современного этапа развития УИС заключается в том, что процесс организации взаимодействия структурных подразделений по обеспечению режима имеет ряд недостатков, вследствие чего возможности данного вида деятельности используются не в полной мере, поэтому он нуждается в совершенствовании.

Эффективность обеспечения порядка в исправительных учреждениях во многом обеспечивается своевременной, оперативной и достоверной информацией о процессах, происходящих в среде осужденных, лицам, требующих повышенного внимания со стороны сотрудников. Большую часть данной информации можно получить в ходе тесного, комплексного взаимодействия подразделений [4].

Взаимодействие отдела безопасности и оперативного отдела при обеспечении режима и надзора предусматривает проведение ряда следующих совместных согласованных действий: 1) сбор и обработка информации о негативных процессах, происходящих в среде осужденных; 2) анализ полученных данных в целях выявления причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний; 3) выявление на основе проведенного анализа проблем в данной сфере; 4) разработка и принятие управленческих решений по организации взаимодействия в сфере профилактики; 5) осуществление повседневного контроля за выполнением профилактических мероприятий [4].

К сожалению, на практике оперативный отдел и отдел безопасности не всегда должным образом взаимодействуют, и, наоборот, нередко конкурируют, что в современных условиях оказывается абсолютно неприемлемым.

В результате недостаточного правового регулирования вопросов взаимодействия возникают следующие негативные явления: 1) несогласованность действий подразделений;

2) дублирование функций, отсутствие системы, порядка координации и контроля за организацией взаимодействия; 3) отсутствие персональной ответственности за организацию указанного направления деятельности, неумение некоторых субъектов взаимодействия правильно организовывать работу в данном направлении [1].

Специалисты считают, что в рамках профилактики правонарушений со стороны осужденных, укрепления режима и надзора в учреждениях существенно возрастает роль принятия локального нормативного акта, который осуществлял бы нормальное сопровождение процесса обеспечения взаимодействия подразделений и служб учреждения в решении задач по надзору [3].

Во многих случаях единственным средством эффективного воздействия на осужденных, нарушающих режим содержания в исправительных учреждениях, на криминогенные явления является оперативно-розыскная деятельность.

В целях решения задач предотвращения преступлений особое значение должно придаваться группе явлений, приобретающих социальную значимость в рассматриваемом направлении. В первую очередь, это предотвращение фактов неповиновения администрации ИУ, массовых беспорядков, групповых побоев, злостного невыполнения требований режима [9].

Серьезной проблемой, затрудняющей обеспечение режима содержания осужденных в местах лишения свободы, являются существующие общие причины и условия, способствующие совершению ими преступлений. К общим условиям, способствующим совершению преступлений, следует в частности отнести: специфику качественного состава осужденных; имеющиеся упущения в размещении осужденных по камерам, в жилых зонах, а также в распределении их по производственным участкам; недостатки в организации труда и в воспитательной работе с осужденными; низкая эффективность надзора за осужденными и недостатки в охране учреждений; наличие в колонии враждующих группировок; упущения в дисциплинарной практике.

Деятельность сотрудников оперативных подразделений предполагает проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях профилактики влияния отрицательно настроенной части осужденных на других лиц; выяснения эффективности оперативно-профилактического воздействия на осужденных; выявления правонарушений, совершенных осужденными; получения информации о подготавливаемых преступлениях и фактах злостного нарушения режима; контроля за подучетными лицами.

Для снижения уровня рецидивной преступности осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, прежде всего, нужно принять следующие меры:

- ограничить возможность передачи лицам, содержащимся в учреждениях УИС, предметов, вещей, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом, а также ограничить перечень запрещенных предметов;
- предусмотреть уголовную ответственность лиц за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы;
- своевременно проводить мониторинг по выявлению криминогенных зон, группировок осужденных с их лидерами, авторитетами и т.п.;

- принять локальный нормативный акт для осуществления нормального сопровождения процесса обеспечения взаимодействия подразделений и служб учреждения в решении задач по надзору, в целях усиления надзора за совершаемыми преступлениями осужденными на территории учреждений уголовно-исполнительной системы;
- ввести должность штатного дознавателя для своевременного раскрытия преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. Барабанов Н.П. Теоретические, правовые и организационные основы взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения по обеспечению правопорядка: монография / Н. П. Барабанов, С. А. Кутуков. Рязань, 2004.
2. Бояринев В.Г. К проблеме обеспечения законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 25.
3. Выступление Президента России В. Путина на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры // Российская юстиция. 2015. № 5.
4. Козлов А.И. Организационно-правовые проблемы взаимодействия оперативных отделов и подразделений безопасности при обеспечении режима и надзора в исправительных учреждениях / А. И. Козлов, Р. В. Яковлев // Человек: преступление и наказание. 2011. №3 (74).
5. Миронов В.О. Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, и их предупреждение: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Южного Федерального университета, 2014.
6. Старков О.В. Криминопенология. Учебное пособие. М.: Издательство «Экзамен», 2004. С. 480.
7. Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 240.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
9. Хромов И.Л. Противодействия преступности в учреждениях исполняющих наказания: криминологические и оперативно-розыскные аспекты. М.: ИД «Юриспруденция», 2011.

УДК 347

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В
ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНЫХ ПРОЦЕССАХ
SOME ISSUES WRIT PROCEEDINGS IN CIVIL AND ARBITRATION
PROCEEDINGS**

Кузьменко Ю.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права, Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Kuzmenko Yu.A., PhD, associate professor of the department of civil procedural law, Rostov branch FGBOUVO "Russian Academy of Justice"

e-mail: cechvk53@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрено приказное производство как один из видов ускоренной процессуальной формы в гражданском и арбитражном процессах и показано, что требуется и дальнейшее совершенствование приказного производства с учетом накопленного национального и существующего международного опыта, а также российских и европейских правовых традиций, что позволит повысить эффективность правосудия и окажет положительное влияние на его качество.

Abstract: article writ proceedings considered as a type of expedited procedural form in civil and arbitration processes and show that further improvement is needed and writ of production taking into account the accumulated national and international experience of the existing, as well as Russian and European legal traditions, which will increase justice and efficiency will have a positive impact on its quality.

Ключевые слова: Приказное производство, судебный приказ, процессуальная форма.

Keywords: Writ proceedings, court order, procedural form.

Суд должен быть скорым и правым - привычный афоризм постепенно превратился в задачи гражданского судопроизводства. В настоящее время в России гражданское процессуальное законодательство призвано сделать процессуальную форму максимально эффективной. Замечено, что в последнее время судопроизводство в России движется по пути упрощения гражданской процессуальной формы [8, С. 128 - 131.], а нововведения в законодательстве из столетия в столетие обуславливаются одними и теми же причинами [7, С. 223.].

Приказное производство - это порядок рассмотрения и разрешения заявлений о выдаче судебного приказа. Судебный приказ - судебный акт, который выносится судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм по требованиям взыскателя.

По мнению О.Д. Шадловской особенности приказного производства, проявляются в упрощенной процессуальной форме (исключается стадия судебного разбирательства, предварительное судебное заседание, а также ряд действий: возможность подачи встречных

требований, вступление и привлечение третьих лиц); рассмотрение в нем лишь некоторых законодательно закрепленных категорий гражданских дел по бесспорным требованиям, основанным на письменных доказательствах; в экономичности, которая проявляется в экономии времени разрешения дела в судебном порядке, денежных средств, затраченных на оплату госпошлины, количества необходимых процессуальных действий [10, С.19].

Изучив советское гражданское судопроизводство, то здесь можно говорить об универсальности процессуальной формы, где рассмотрение различных категорий дел происходило по одним и тем же правилам судопроизводства. Советское законодательство активно использовало дореволюционные правовые достижения и наработки. Так, на начальном этапе существования Советского государства для рассмотрения относительно бесспорных требований использовался институт судебного приказа, который вырос из сокращенного порядка, закрепленного в УГС.

В отличие от сокращенного порядка, предусматривавшего УГС, в котором рассматривались малозначительные требования, в приказном производстве, установленном ГПК РСФСР 1923 г., рассматривались только относительно бесспорные требования. Приказное производство было единственной упрощенной процедурой, использовавшейся в советском гражданском процессе. Советское законодательство, во многом основывающееся на дореволюционных правовых идеях, предусматривало существование в гражданском судопроизводстве судебного приказа.

Как отмечает З.А. Папулова, сокращенное производство являлось действенным механизмом ускорения гражданского процесса, выступало понятной и достаточно простой процедурой для всех сторон по делу, повышало эффективность судебной защиты[9].

Со временем судебный приказ использовался на практике все реже, а в 1928 г. был исключен из Кодекса, поскольку так называемые бесспорные дела отошли к компетенции нотариата и взыскания по долгам осуществлялись с помощью исполнительных надписей нотариусов.

Из-за значительного роста количества гражданских дел, рассматриваемых и разрешаемых в судах первой инстанции, а также перегруженности судов приказное производство было возрождено полностью в отечественном процессуальном законодательстве в 1995 г. путем внесения в ГПК РСФСР главы 11.1. «Судебный приказ». Смена вектора развития государства после принятия Конституции РФ в 1993 г. привела к возникновению большого количества дел экономического характера, которые также возможно было разрешить путем вынесения судебного приказа[9]. Сразу после введения в ГПК главы «Судебный приказ», в первом полугодии 1996 года, судами была вынесена 191 тыс. приказов, что составило 15,4% от общего количества вынесенных решений [4, с. 56].

С этого момента берет свое начало тенденция увеличения количества дел с вынесением судебного приказа. Сегодня не вызывает сомнений актуальность приказного производства в гражданском процессе, позволяющего разрешать гражданские дела наиболее оперативно и без лишних затрат. Итак, в связи с этим на фоне непрекращающегося роста судебной нагрузки актуальным является изменение в результате принятия Федеральных законов от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»

Федерации» и № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [1]. приказное производство появилось в арбитражном процессе (дополнено гл. 29.1 АПК РФ «Приказное производство»). В гражданском процессе появились новые основания для выдачи судебного приказа, а также предусмотрено, что суд (в данном случае - мировой судья) возвращает исковое заявление, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

В научной литературе достаточно давно был поднят вопрос о целесообразности введения аналогичного вида производства при рассмотрении дел в арбитражных судах.

В частности, С.К. Загайнова выделяет такие преимущества приказного производства перед упрощенным производством в арбитражном процессе, как более широкий круг требований, по которым может быть выдан судебный приказ, отсутствие процедуры согласования приказного производства с ответчиком, возможность отмены судебного приказа вынесшим его судом [5, с.225].

По мнению Ю.Ю. Грибанова, приказное производство должно стать универсальной правовой процедурой и использоваться при рассмотрении дел как в судах общей юрисдикции, так и арбитражных судах [3].

Принятие Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [2] ознаменовало начало очередного этапа судебной реформы, вызванного необходимостью сближения систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

В арбитражном процессе в связи с введением гл. 29.1 «Приказное производство» появилось названное производство. Аналогичная норма применялась в гражданском процессе, и довольно успешно. Судебный приказ является одновременно исполнительным документом и приводится в исполнение в порядке, установленном для исполнения судебных решений (ст. 229.1 АПК РФ).

Судебный приказ выдается по делам, в которых (ст. 229.2 АПК РФ):

- требования вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора и основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если цена заявленных требований не превышает 400 000 руб.;

- требование основано на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, если цена заявленного требования не превышает 400 000 руб.;

- заявлено требование о взыскании обязательных платежей и санкций, если указанный в заявлении общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает 100 000 руб.

Требования к форме и содержанию заявления о выдаче судебного приказа приведены в ст. 229.3 АПК РФ. Статьей же 229.4 АПК РФ определены основания для возвращения заявления о выдаче судебного приказа. Среди них указаны, в частности, случаи, если:

- заявлено требование, не предусмотренное ст. 229.2 АПК РФ;

- из заявления о выдаче судебного приказа и приложенных документов усматривается наличие спора о праве.

Возвращение заявления о выдаче судебного приказа в приведенных случаях, а также в случае, если место жительства или место нахождения должника находится вне пределов РФ, препятствует повторному обращению в арбитражный суд с таким же заявлением о выдаче судебного приказа (ч. 3 ст. 229.4 АПК РФ).

О возвращении заявления о выдаче судебного приказа арбитражный суд выносит определение в течение трех дней со дня поступления этого заявления в суд.

Порядок приказного производства установлен ст. 229.5 АПК РФ. Судебный приказ по делам приказного производства выносится арбитражным судом в течение 10 дней со дня поступления заявления о его выдаче в арбитражный суд. Он выносится без вызова взыскателя и должника и без проведения судебного разбирательства. Приказ составляется на специальном бланке в двух экземплярах, которые подписываются судьей, один из них остается в материалах дела, для должника же изготавливается копия судебного приказа.

Данная копия в пятидневный срок со дня вынесения судебного приказа высылается должнику. Ему, в свою очередь, предоставляется право представить возражения относительно исполнения приказного документа в течение 10 дней со дня ее получения.

Если от должника в указанный 10-дневный срок поступят возражения относительно исполнения судебного приказа, то приказ подлежит отмене судьей. В определении суда о его отмене при этом указывается, что заявленное взыскателем требование может быть предъявлено в порядке искового производства.

Копии определения суда об отмене судебного приказа направляются взыскателю и должнику в срок, не превышающий пяти дней со дня его вынесения.

Если возражения должника поступили в суд по истечении установленного срока, они арбитражным судом не рассматриваются и возвращаются ему. О возвращении документов, содержащих возражения должника, суд выносит определение. Исключением является случай, когда должник обосновал невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от него.

При непредставлении должником в 10-дневный срок возражений взыскателю выдается второй экземпляр судебного приказа, заверенный гербовой печатью суда, для предъявления его к исполнению. По просьбе взыскателя данный документ направляется судом для исполнения судебному приставу-исполнителю.

Судебный приказ вступает в законную силу по истечении 10 дней со дня истечения срока для представления возражений относительно исполнения судебного приказа.

Приведенные судебные документы - как приказ, так и определение суда о его отмене - подлежат размещению на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не позднее следующего дня после дня их вынесения.

Взыскателем при подаче заявления уплачивается государственная пошлина в размере 50% от размера госпошлины, которая обычно взимается при подаче искового заявления при рассмотрении долговых споров (пп. 4.1 п. 1 ст. 333.21 НК РФ (введен Федеральным законом от 02.03.2016 № 48-ФЗ «О внесении изменений в главу 25.3 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»)).

Размер же государственной пошлины при подаче искового заявления имущественного характера, подлежащего оценке, установлен пп. 1 п. 1 ст. 333.21 НК РФ. И он зависит от цены иска.

При возвращении заявления о выдаче судебного приказа либо при отмене судебного приказа уплаченная государственная пошлина засчитывается в счет подлежащей уплате госпошлины в случае повторного обращения с заявлением о выдаче судебного приказа либо при предъявлении иска (пп. 7 п. 1 ст. 333.22 НК РФ (введен Законом №48-ФЗ)).

При отказе в принятии к рассмотрению заявления о вынесении судебного приказа либо при отмене судебного приказа уплаченная государственная пошлина при предъявлении заявления о вынесении судебного приказа засчитывается в счет подлежащей уплате государственной пошлины (пп. 13 п. 1 ст. 333.20 НК РФ в редакции Закона № 48-ФЗ).

Приказное производство, как видим, позволяет одновременно получить решение суда и исполнительный лист по истечении 25 дней (10 + 5 + 10) после обращения. Причем такое производство, что важно, осуществляется без участия в судебных заседаниях и без проведения таковых. Введение порядка приказного производства при рассмотрении предпринимательских споров, вероятно, сократит сроки на разрешение споров и, надо надеяться, ускорит получение истребуемых задолженностей.

В приказном порядке, как было сказано выше, с организаций будут взыскивать обязательные платежи и санкции, если их сумма не превышает 100 000 руб. Налоги можно взыскать только через суд, в частности (пп. 2 - 4 п. 2 ст. 45, п. 6 ст. 75, п. 1 ст. 104 НК РФ):

- при переквалификации сделки или по сделке со взаимозависимыми лицами;
- при взыскании недоимки дочерней компании с материнской или наоборот.

Взыскивать обязательные платежи и санкции по приказу вправе будут не только налоговики и внебюджетные фонды, но и другие контролирующие органы, например, таможенная и антимонопольная службы, органы местного самоуправления.

В связи с введением гл. 29.1 АПК РФ повлекло за собой необходимость дополнения норм, касающихся кассации. Судебный приказ может быть обжалован в арбитражный суд кассационной инстанции в срок, не превышающий двух месяцев со дня вступления его в законную силу. Пересмотр его осуществляется по правилам гл. 35 «Производство в суде кассационной инстанции» АПК РФ с учетом положений введенной ст. 288.1. Основания для пересмотра приведены в ч. 4 ст. 288 АПК РФ (ч. 4 ст. 288.1 АПК РФ).

Кассационная жалоба на судебный приказ изучается судьей арбитражного суда кассационной инстанции единолично в 15-дневный срок со дня ее поступления в кассационную инстанцию. По результатам ее изучения судьей выносятся одно из определений:

- передача жалобы с делом для рассмотрения обжалуемого судебного акта в судебном заседании арбитражного суда кассационной инстанции - при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 288.1 АПК РФ;

- отказ в передаче жалобы с делом для рассмотрения обжалуемого судебного акта в судебном заседании арбитражного суда кассационной инстанции - при отсутствии указанных оснований.

Судебное заседание по рассмотрению кассационной жалобы на судебный приказ в общем случае проводится без вызова лиц, участвующих в деле. В то же время указанные лица могут быть вызваны в судебное заседание. Решение об их вызове принимается в зависимости от характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов кассационной жалобы и возражений на нее.

По результатам рассмотрения кассационной жалобы на судебный приказ арбитражный суд кассационной инстанции вправе:

- оставить судебный приказ без изменения, а кассационную жалобу - без удовлетворения;

- отменить судебный приказ и прекратить производство по делу в соответствии со ст. 282 АПК РФ либо оставить кассационную жалобу без рассмотрения применительно к ст. 148 АПК РФ;

- отменить судебный приказ и направить дело на новое рассмотрение, если имеются основания, указанные в ч. 4 ст. 288.1 АПК РФ;

- отменить судебный приказ и вынести постановление об отказе в выдаче судебного приказа, указав при этом в определении на право взыскателя предъявить требования в порядке искового производства.

Подводя итог, необходимо отметить, что за последние несколько десятилетий практика показала, что процедура вынесения судебного приказа оказалась в определенной степени эффективным механизмом судебной защиты, выступая понятной и достаточно простой процедурой ускорения гражданского процесса для всех сторон по делу. Такие меры направлены на унификацию процессуальных процедур и правил, применяемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Указанная новелла в арбитражном процессе несомненно, является позитивной, поскольку уравнивает судебный приказ и судебное решение, позволяет избежать негативных оценок приказного производства.

Считаем, что законодательно в приказном производстве необходимо закрепить обязанность должника мотивировать направляемые в суд возражения, а также в случае отмены судебного приказа - возможность перехода из приказного производства в исковое.

Безусловно, требуется и дальнейшее совершенствование приказного производства с учетом наработанного национального и существующего международного опыта, а также российских и европейских правовых традиций, что позволит повысить эффективность правосудия и окажет положительное влияние на его качество.

Литература

1. Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 07.03.2016, № 10, ст. 1319.

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. N 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

3. Грибанов Ю.Ю. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе: сравнительное исследование правовых систем России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2007.

4. Деятельность арбитражных судов Российской Федерации в 1995 году // Российская юстиция. 1996. № 5. С. 56

5. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. С. 225

6. Иоффе Л. Новации в АПК РФ и ГПК РФ // Практический бухгалтерский учет, 2016, № 7

7. Кудрявцева Е.В. Порядки производства по делу (общий, сокращенный, упрощенный, понудительный) по судебным уставам и законодательству второй половины XIX в. (глава 4) // Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: В 2 т. Т. I: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 223.

8. Нигматдинов Р.М. Упрощение гражданской процессуальной формы: потребность или неизбежность? // Конституция Российской Федерации и ее влияние на практику государственного строительства и развитие правовой системы страны. Сер.: Юбилей, конференции, форумы. Вып. 9: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию юбилею юридического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж, 17 - 18 октября 2013 г.) / под. ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. С. 128 - 131.

9. Папулова З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве. Сер. «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». М., 2014. Кн. 11.

10. Шадловская О.Д. Упрощенная гражданская процессуальная форма в гражданском судопроизводстве: понятие и признаки // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8. С. 19.

10. Шкромада И.Н. Введение приказного производства в арбитражный процесс: предпосылки и перспективы // Современное право. 2015. № 10. С. 94 - 98.

УДК 343.9

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
EMERGENCE OF PROFESSIONAL CRIME**

Малинин В.Б., Санкт-Петербург, доктор юридических наук, профессор, академик РАМ, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Межрегионального института экономики и права при МПА ЕвразЭС

Malinin V.B., St. Petersburg, Doctor of Law, professor, Academician of RAM, Professor of Criminal Law Departments Interregional Institute of Economics and Law at the EurAsEC IPA

e-mail: Malininvasily@mail.ru

Трапаидзе К.З., Москва, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры правового обеспечения предпринимательской деятельности МИУ МГИМО (Университета) МИД РФ - Московского института управления при МГИМО

Trapaidze K.Z., Moscow, PhD, lecturer of the Department to ensure the right of business NIU MGIMO (University) of the MFA of Russia - the Moscow Management Institute at MGIMO

e-mail: Malininvasily@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена возникновению развитию профессиональной преступности в России со времён волжских разбойников до середины XIII века.

The article is devoted to the emergence of the professional crime in Russia since the Volga robbers to sulfur-dyne XIII century.

Ключевые слова: криминология, профессиональная преступность, вор, разбойник, сыскная деятельность.

Keywords: criminology, professional crime, thief, robber, detective work.

Сейчас трудно сказать, в какой именно период истории произошло зарождение преступного мира. Можно лишь предположить, что его формирование непременно связано с появлением государства и права.

В своей основе преступные традиции на стадии образования преступного мира не отличались чем-то специфическим, присущим только этому миру. По форме они нередко отражали отношения между людьми, которые складывались тысячелетиями: помощь ближнему, поддержка, гостеприимство, взаимопонимание и многое другое, что сплачивает людей, способствует взаимодействию между ними, отражает и стимулирует процессы их жизнедеятельности. Преступность, взяв эти нормы на вооружение в первоначальном виде, наделила их затем своим специфическим содержанием.

В основе формирования преступного мира как особой организованной коммуникативной системы преступности лежала отнюдь не какая-то патологическая страсть отдельных людей к преступлению. Возмущение народа несправедливостью на всех этапах истории классового общества, протест в различных формах способствовали объединению униженных, доведенных до крайнего отчаяния людей в их борьбе с нищетой, голодом и бесправием. Обусловленное таким положением нравственное падение многих из них не

позволяло этим людям подняться на уровень сознательной классовой борьбы, и они оказывались на «дне» общества, где культивировали свою мораль, свои традиции, свой преступный образ жизни. Вместе с тем «в этом своеобразном мире «падших», «отверженных'», «наказуемых» и просто «несчастливых» таится нечто странное, нечто загадочное и все-таки нечто ни более, ни менее, как просто человеческое» [1, с.5].

Преступность в России берёт своё начало со времён волжских разбойников, но складываться она стала примерно с XVII века.

В начале XVII столетия сложилось тяжелейшее экономическое положение в России.

Следствием этого было, то, что в среднем ежегодно от помещиков убегало свыше 200 тысяч крепостных. Промыслы и торговля совсем упали. Крестьяне во многих местах не могли даже собрать хлеба с полей и умирали с голоду.

Одни теряли всякую бодрость, опускались, обращались в бродяг, нищих, ходили побираться по миру; другие начинали промышлять воровством, лихим делом, приставали к разбойничьим шайкам, собирались в ватаги, шайки.

Со стороны правительства начинается усиленная ловля беглецов: им постоянно приходится скрываться, жить «вне закона'» пробавляться «воровским промыслом».

В самой Москве разбой, грабежи, убийства принимают ужасные размеры. Все это было следствием не одной только нравственной грубости, также и крайней бедности и бесправия низшего черного люда. Беглецы, ушедшие из государства, из-под закона, становились злейшими врагами их, тем более, что должны были ожидать преследования от них [10, с.27]. Внутри государства повсюду рыскали шайки лихих людей, разбойников, казаков, которые грабили все, что попадалось им под руку, выжигали деревни, беспощадно мучили и убивали жителей, вымогая от них последние крохи уцелевшего достояния. На местах прежних поселков встречались только пепелища; множество городов было выжжено дотла.

Однако простые люди не только не осуждали преступников, но напротив, зачастую боготворили их, видели в них людей, наделенных идеальной силой духа, выносливостью, смелостью [6, с.15].

«Разбойники» воплощали в себе идеал свободной жизни русского простолюдина XVII столетия, он тянулся к этому идеалу своим душевным миром, он его олицетворял в известных образах [4, с.304].

Больших трудов стоила борьба с воровскими шайками, терзавшими повсюду Русскую землю; почти ни одной области не было, которая не страдала бы от них. Бесперывно шли от воевод ужасные вести в Москву: «Пришли к нам в уезд воры-казаки; православных христиан побивают и жгут, различными муками мучают, денежных доходов и хлебных запасов собирать не дают...»

Действия этих воровских шаек доходили часто до возмутительного зверства. Одичалые и освирепевшие среди постоянных разбоев и душегубства злодеи нередко тешились мучением своих жертв: у иных из разбойников было обыною забавою набивать людям рот, уши, нос порохом и зажигать ...

Разбойничьи шайки были часто очень многочисленны; так, например, ватага, что разбойничала на севере около Архангельска и Холмогор, была до 7000 человек.

Воеводы из этих мест доносили царю, что во всем краю по реке Онеге и Ваге, церкви поруганы, скот выбит, деревни выжжены; на Онегу насчитали 2325 трупов замученных людей и некому было похоронить их; множество было изуродованных; многие жители разбежались по лесам и перемерзли [8, с.51].

С такими громадными разбойничьими шайками правительству приходилось вести настоящую войну, и притом очень трудную: разбойники конечно, избегали настоящего боя и встречи с воинскими отрядами; попадали невзначай: пограбят, пожгут, перебьют народ в одном селе и исчезнут.

В сентябре 1614 года на земском соборе обсуждали, как прекратить все эти беды. Попробовали действовать уговором - обещали прощение и даже царское жалованье тем, которые отстанут от воров и пойдут на царскую службу против шведов; а крепостным людям, если они раскаются, обещана свобода, - немногие поддавались обещаниям и шли на службу. Тогда царь приказал боярину Лыкову «промышлять над казаками» ратной силой. Лыкову удалось во многих местах разбить их шайки. В это же время скопище воровских казаков под предводительством атамана Баловня двинулось к Москве. Воеводы Лыков и Измайлов преследовали воров и разбили их у реки Лужи. Из них 3256 человек простили и отправили на службу, а Баловня повесили.

Кроме татар, черемисов и разбойничьих казацких шаек, приходилось в это время справляться с летучими отрядами Лисовского. Он набрал себе ватагу лихих головорезов, более всего из польских и литовских шляхтичей, и скоро прославился своими смелыми наездами.

Угнаться за лисовчиками, как звали их, не было возможности: они делали в день переходы в 100 и более верст. Много бед еще натворил бы Лисовский, если бы не упал с коня и не разбился. Не меньше беды причиняли днепровские казаки, черкасы, как их называли в Москве, они заходили даже на дальний север.

Таким образом, в начале XVII в. преобладали насильственные и корыстные преступления. Не существовало еще так называемого профессионального преступного мира, т.к. многие преступники были выходцами их крестьян и были безграмотными. В большинстве случаев они действовали открыто, т.к. не существовало специальных органов борьбы с ними.

Сыск преступников получил свое нормативное закрепление только в Соборном Уложении в 1649 г. В главе о Государевой чести и как ее оберегать, речь идет об осуществлении обязательного сыска тех лиц, которые посягали на честь и достоинство государя.

Обстановка того времени свидетельствовала, что человек привык к таким явлениям как насилие, грабежи, разбои, убийства и чтобы обезопаситься от преступников, он больше полагался на свои силы, если они у него, конечно, были. Жить, особенно в Москве, было небезопасно из-за постоянно совершаемых преступлений, в которых участвовали дворовые слуги некоторых бояр и других богатых людей. Они промышляли разбоями и грабежами.

Так, однажды, дворовые князя Юрия Ромодановского позвали старосту из серебряного ряда с товарами на загородный двор своего хозяина и там убили его, а деньги разделили между собой [8, с.77].

Сыск вел Разбойный Приказ. Вскоре по однообразию совершаемых грабежей и разбоев были выявлены и задержаны преступники. В ходе сыска выяснилось, что они подобным образом ограбили и убили еще 20 человек Родиона Стрешнего, князей Голицыных, Татеева и других.

На Коломенской дороге действовали банды грабителей и разбойников. По предложению Разбойного Приказа, власти вынуждены были некоторое время направлять туда отряды стрельцов, численность которых доходила до 300 человек. В 1675 году было отмечено, что благодаря активной охранно-сыскной деятельности стрельцов и Разбойного Приказа, количество грабежей и разбойных нападений на Коломенской дороге резко сократилось.

Представляет особый интерес сыскная деятельность подданных Российского царя в Украине в 1666 году, когда там располагались Московские полки. Ратники этих полков совершали уголовные преступления. Жертвы - местное население.

Жители городов Котелвы, Гадяча, Миргорода, Опошни обратились с жалобами к местным властям о кражах, грабежах, насилиях и вымогательствах ратников. Местное управление обратилось за помощью к гетману Украины И. Брюховецкому.

Гетман немедленно начал вести сыск, но к ратным людям нельзя было применить наказание, т.к. они относились к Российскому государству [9, с.62].

Брюховецкий обратился к Российскому правительству с просьбой провести сыск в отношении фактов преступной деятельности ратников. В Украину был направлен стольник Петр Измайлов - заместитель Белгородского воеводы. Измайлову было поручено провести сыск.

В январе 1666 года он начал сыскную деятельность с того, что лично опросил всех потерпевших от преступлений. Их показания были записаны детально устанавливались обстоятельства совершенных краж, грабежей, вымогательств, а также личность подозреваемых.

Так, Измайлов установил, что пьяный рейтарский полковник Тур брал штурмом гадячский замок, который разграбил с помощью своих людей. Начались запросы. В результате часть награбленного имущества была возвращена.

Тогда же неизвестными ратниками была совершена кража носильных вещей из дома гадячского жителя Иванова. Измайлов выехал на место, где несколько месяцев назад произошло преступление. После пытки и очной ставки ратник Деменьтьев сознался в краже путем использования железного крюка через незакрытое окно в отсутствие хозяина.

Но кража 500 злотых из лавки мещанина Трегуба осталась нераскрытой, т.к. хозяин не мог ничего об этом сообщить.

В Ромнах донской казак Кондрат Белый с четырьмя товарищами вымогал у жителей сапоги. В результате их допроса и обыска Измайлов обнаружил 5 пар сапог, которые были изъяты и возвращены потерпевшим.

В Опошне, а также в прилегающих селах, поручики Рихорд и Волченский вымогали у жителей деньги. Измайлов принял меры к возврату денег.

Таким образом, нераскрыто осталось лишь одно преступление.

В 1657 году разбой и убийства распространились в Казани, Нижнем. Крестьянам всех волостей было приказано держать ружья для отражения нападений разбойников и их преследования. Вооруженные крестьяне отыскивали разбойников, истребляли их страны, судили и казнили на месте.

Но эти меры мало помогали.

В 1668 году уже в самой Москве убивали и грабили на улицах. Правительство ввело ночные караулы, которые задерживали всех подозреваемых [8, с.82].

Несмотря на широкий размах преступности примерно до первой половины XVIII века не существовало каких-то определенных традиций, так как не было именно профессиональной преступности.

В отличие от преступности в странах Западной Европы преступность в России складывалась в специфических социально-экономических условиях, наложивших на неё свои национальные особенности.

Во-первых, Россия была, преимущественно, аграрной страной с прочными патриархальными традициями и преобладающим сельским населением.

Во-вторых, Россия являлась крепостнической державой и по своему экономическому положению была одним из самых отсталых государств в Европе. Крайне тяжёлое экономическое и правовое положение крепостных крестьян неизбежно влекло за собой их побег от помещиков. Беглые крестьяне собирались в ватаги, шайки и грабили помещиков и купцов. Поэтому первой криминальной профессией следует считать профессию разбойника. На развитие преступности, в том числе профессиональной, крайне негативно отражались также и жестокость карательных мер. С одной стороны, на совершение преступлений людей толкали нищета и произвол помещиков, а с другой,- невозможность возврата к прежней жизни: поскольку добровольная сдача властям влекла за собой тяжкие последствия [2, с.143]. Это в свою очередь не могло не способствовать сплоченности преступного мира: кражи, разбои большей частью носили групповой характер. Характерно, что в этот период получили распространение карманные кражи и игорное мошенничество. Наравне с кражами и разбоями с не меньшей силой свирепствовали и убийства [2, с.140].

В народных воззрениях преступник часто отождествлялся с «несчастливым человеком», вызывая сочувствие. Так уж исстари повелось на Руси, что православный народ наш по щедроте души своей очень скоро прощал преступникам даже их неистовые злодейства, прощая, жалел и сочувствовал, помогал «несчастливым арестантикам». «Разбойники, гулявшие по юго-восточной Украине, воплощали в себе идеал свободной жизни русского простолюдина XVII столетия: он тянулся к этому идеалу своим душевным миром, он его олицетворял и в известных образах, которые и запечатлел в народных песнях» [4, с.305].

Поэтому несложно представить, как складывалась структура преступности дореформенной России и какие преступления в ней преобладали. Это, прежде всего, бродяжничество, самовольное проживание без документов в городах и имущественные преступления, главным образом кражи.

Тысячи крестьян, бежавших от гнета помещиков, становились бродягами и нередко объединялись в преступные сообщества воров и разбойников. Только с 1719 по 1742 года в

розыске числилось более полумиллиона крестьян. В среднем, по подсчетам ученых, от помещиков ежегодно бежало свыше 200 тысяч крепостных.

Известно, что крестьяне бежали и в более ранние годы. В 1586 году был даже специально утвержден Тобольский разбойный приказ, который организовывал отправку беглых крестьян и уголовников в Сибирь, на каторгу или в ссылку. Многие из них, особенно в зимнее время оседали в городах, превращая преступления и милостыню в единственный источник существования. Местное население всячески содействовало преступникам либо из-за страха перед расправой, либо из солидарности с ними, которая, по словам современников, доходила до того, что в Москве нельзя было положиться на собственных телохранителей. В крупных городах начинали развиваться типичные профессиональные преступления. Например, в Указании генерал-полицмейстера Антона Девиера говорилось о том, что «мошенничество и обман получили право гражданства и сделались явлением обычным» [5, с.11].

Большие города были местами концентрации преступников. Обычно преступники собирались в кружечных домах (пивных), в которых отмечали свои успехи и пополняли шайки новыми людьми.

В описываемый период (до 18 века) преобладали насильственные и корыстно-насильственные преступления с относительно примитивными способами их совершения. Не существовало так называемого профессионального преступного мира с его законами и моралью, что обуславливалось рядом объективных социальных факторов.

Во-первых, патриархальный строй, примитивные способы производства способствовали примитивизму профессиональных преступников. Подавляющее их большинство были выходцами из крестьянской среды - неграмотными, а это не могло не отразиться на характере их преступной деятельности.

Во-вторых, преступники в большинстве своём действовали, открыто, поскольку не было специальных органов борьбы с ними. Существовавший в то время Тобольский разбойный приказ больше действовал как аппарат политического и духовного сыска. В целом, для совершения преступлений не требовалось ни большой квалификации, ни особой конспирации.

В царствование Петра I преступность резко возросла в связи с нарушением привычного уклада жизни крестьян, связанным с многочисленными реформами и нововведениями, частыми войнами, серией неурожаев. Именно с этого времени в России наблюдается постоянный рост преступности.

Положение становилось настолько серьезным, что в 1711 году был учрежден правительственный Сенат, который в одном из первых указов рекомендовал разбойников и воров вешать на том месте, где их поймали.

Однако, несмотря на жестокие полицейские меры, преступность при Петре неуклонно росла.

В России настала эпоха уголовного беспредела. Так, в 1717 г. появилась шайка Гаврилы Старчика, численность которой доходила до 60-70 человек. Хорошо вооруженная, эта банда грабила монастыри, забирала лошадей у крестьян, обрекая людей на мучительную смерть (в частности, сжигала живых людей в печах, как дрова).

Как известно, середина XVIII столетия характеризовалась крестьянскими волнениями в России. Огромная армия бродяг постоянно пополнялась беглыми крестьянами, превращавшимися в профессиональных преступников. Появляются воровские шайки.

Слово «вор», которое существует в современном русском языке, в старой России являлось общим обозначением разбойников. Внешний враг также назывался словом «вор». Лица, укравшие имущество других, обозначались другим словом - «тать». Вообще, воровство считалось гражданским деликтом, а не преступлением [11, с.14,15].

Преступления в городах, особенно кражи, чаще всего совершали бродяги (пришлые люди), которые переодевались в стрельцов и действовали под их видом. По сути, это были уже профессиональные преступники, применявшие специальные воровские приемы и получавшие от кражи средства к существованию. Социальная неустойчивость, злоупотребление чиновничьего аппарата, гнет эксплуатации – все способствовало расшатыванию нравственных устоев общества. Они были подорваны настолько, что в XVIII веке уже встречались целые селения воров и разбойников [2, с.142]. Всякий, кто чувствовал в себе силы, бежал от семьи и родных и приставал к таким же обездоленным искателям приключений. Такое положение было характерно для любого более или менее обжитого места России. Особенно же процветал преступный мир в Москве, где всюду имелись места, в которых преступники устраивали свои сборища: Зарядье, темный и грязный московский угол в Китай-городе, - здесь собиралось ядро преступного мира столицы.

В эпоху царствования Анны Иоановны ситуация настолько обострилась, что была создана специальная войсковая группа, которая только в 1732 году по подозрению задержала 440 человек, из которых 290 человек после проверок были оправданы и отпущены, не понеся никакого наказания. Еще долгие года эта войсковая группа, под командованием подполковника Реткина гонялась за верами и разбойниками.

Наступил год 1741. На престол взошла императрица Елизавета - дочь Петра. Возведение произошло с помощью силы, иными словами, с помощью гвардии. А так как за власть надо платить, то Елизавете пришлось закрывать глаза на тот "беспредел", который творила её гвардия. Военные решили, что пришло время насладиться плодами совершенного ими переворота и, как правило, ни одно дело не доходило до суда, если преступление совершалось офицером. Люди в мундирах грабили прямо на улицах, врываются в дома богатых купцов, вырезая целые семьи. В этот период впервые возникает понятие «крыша». То есть трактирщики и хозяева постоянных дворов вынуждены были бесплатно давать кров, пищу и вино людям со шпагой, взамен постояльцы из военных защищали от произвола других вооруженных групп, таким образом, предоставлялась своеобразная крыша. Очень часто офицеры и солдаты, оставив службу, навсегда уходили в преступный промысел.

Но именно с этого времени возникает настоящая профессиональная преступность [3, с.60].

Литература

1. Бодуэн-де-Куртенэ, И.А. Предисловие к кн. В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («Жаргон тюрьмы»)» / И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. - СПб., Типография Л.Г. Розена. 1908. – 116 с.

2. Белогриц-Котляровский Л. О воровстве-краже по русскому праву. Исто-рико-догматическое исследование / Л. Белогриц-Котляровский. - Киев, 1880. Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Югансона. Вып.1. – 398 с.
3. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. М., Изд. Юридическая литература. 1990. – 442 с.
4. Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого: рассказы из дел Тайной канцелярии и других архивов / Г.В. Есипов. - СПб., Издание А.С. Суворина. 1885. – 392 с.
5. Константинов А. Бандитский Петербург / А. Константинов. - М., Издательский дом «Нева».4-е изд. 2016. - 1440 с.
6. Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность / С.Я. Лебедев - Омск, Изд. ВШМ МВД СССР. 1989. – 71 с.
8. Мамичев Д. Преступники и преступления с древности до наших дней. Гангстеры, разбойники, бандиты. Энциклопедия / Д. Мамичев - Донецк, Изд. Сталкер. 1997. – 145 с.
9. Пиджаренко А. История и тайны уголовного и политического сыска / А. Пиджаренко - Киев, Изд. Юринформ. 1994. – 400 с.
10. Силовский В.В. Родная старина / В.В. Силовский - М., Изд. Современник.1993. – 446 с.
11. Чалидзе В. Уголовная Россия / В. Чалидзе - М., Изд. Терра. 1990. – 396 с.

УДК 343

**К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИНСТИТУТА МЕР ВЗЫСКАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ОСУЖДЕННЫМ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
BY ON IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE INSTITUTE PENALTY
MEASURES USED TO SENTENCED TO IMPRISONMENT**

*Исакова Ю.И., заведующий кафедрой «Уголовное право и криминалистика»
юридического факультета ДГТУ, доктор социологических наук, кандидат юридических
наук, доцент*

*Isakova Yu.I., Head of the Department "Criminal Law and Criminology" Law Faculty of
Dagestan State Technical University, Doctor of Social Sciences, PhD, Associate Professor
e-mail: snv_571918@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы реализации в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации принципа рационального применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения осужденных, анализируется правоприменительная практика применения к осужденным мер взыскания и поощрения.

Abstract: This article discusses the implementation of the correctional institutions of the penal system of the Russian Federation, of the principle of rational use of coercive measures and encouraging law-abiding behavior of convicted, analyzed the practice of law enforcement measures to convicts and promote recovery.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, принцип рационального применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения осужденных, меры взыскания и поощрения.

Keywords: penal law, the principle of rational use of coercive measures and encouraging law-abiding behavior of convicted persons, measures of recovery and promotion.

Исполнение уголовного наказания представляет собой в значительной степени реализацию кары за совершенное гражданином преступление. В данном отношении далеко не последнюю роль играет применение мер взыскания, закрепленных в статье 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ): выговор; дисциплинарный штраф; водворение осужденных, содержащихся в исправительных колониях или тюрьмах, в штрафной изолятор; перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в исправительных колониях общего и строгого режимов, в помещения камерного типа, а в исправительных колониях особого режима – в одиночные камеры; перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в единые помещения камерного типа; перевод осужденных женщин, являющихся

злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в помещения камерного типа.

Если сравнивать коэффициенты, отражающие применение мер взыскания и мер поощрения к осужденным, то согласно переписи 1999 года меры взыскания применяли в семь раз чаще, чем меры поощрения. Можно констатировать явное увлечение администрацией учреждений мерами взыскания, сужающими воспитательный потенциал наказания и не отвечающего закрепленным в УИК РФ принципу рационального применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения осужденных. Сохранение такой разницы в соотношении мер поощрения и взыскания в будущем может препятствовать возможности осужденного характеризоваться «положительно», а также будет снижать желание выполнять правила и соблюдать режим исправительного учреждения, иными словами высок риск потери стимула к правопослушному поведению, что, бесспорно, противоречит регламентированным в законе задачам. Следовательно, целесообразным изменением в деятельности сотрудников исправительных учреждений будет, насколько это возможно в современных реалиях, попытка уравновесить коэффициенты применения мер взысканий и поощрений, добившись максимально комфортной для всех субъектов исправительных правоотношений, соответствующей принципам права, законности и объективности сбалансированности применения мер дисциплинарного воздействия.

Необходимо отметить, что уже в настоящее время ситуация меняется в лучшую сторону, ведь разрыв в коэффициентах применения мер взыскания и мер поощрения сокращается. Если проанализировать дисциплинарную практику в целом, то можно констатировать более явное, чем 10 лет назад, расслоение на «дисциплинированных» и «недисциплинированных» осужденных к пожизненному лишению свободы. То есть администрация учреждений, где отбывают наказание данные лица, стала более четко дифференцировать осужденных. Причиной этому является более глубинное изучение личности и поведения осужденных, как следствие, появилась возможность точнее оценивать личные характеристики каждого и объективнее походить к выбору меры воздействия.

Однако, на наш взгляд, для более рационального применения мер взыскания администрация исправительных учреждений должна продолжать изучать осужденных, акцентируя внимание на отношении осужденных к себе, наказанию, администрации колонии, жизни; на определении установок осужденных и ценностей, значимых для них. Для этого следует использовать такие зарекомендовавшие себя психодиагностические инструменты, как методику «Ценностные ориентации» М. Рокича, методику «Копинг – поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф., Эндлер, Д.А. Джеймс; адаптированный вариант Т.А. Крюковой), методику «фокус – групп», методику САН (самочувствие, активность, настроение), проективную методику исследования личности «Рисунок человека» [1, 3].

Следующей выявленной проблемой реализации принципа рационального применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения является предполагаемая Концепцией новая система исправительных учреждения. Так, размещение значительной части осужденных лиц в тюрьмах по несколько человек в камере с большой долей вероятности создаст существенные трудности в организации общего и профессионального

обучения, общественно полезного труда, различных культурно – массовых мероприятий и психолого – воспитательной работы с осужденными. Опыт тюрем стран Европы, в которых широко практикуется принцип творческого и значительно ориентированного на конкретную личность труда, является неприемлемым для тюрем Российской Федерации, традиционно выступающих средством усиленного дисциплинарно воспитательного и профилактического воздействия на осужденных с элементами монотонного и неквалифицированного труда.

По этому поводу Д.Н. Вороненков отмечает, что переход на «камерную систему» содержания осужденных практически исключает возможность привлечения их к труду, следовательно, станет экономически еще более ущербным для страны, приведет к проблемам внутрикамерной несовместимости, увеличению межличностных конфликтов [2].

Покамерное размещение осужденных снизит рациональность применения мер дисциплинарного принуждения, в основном связанных с дискретным усилением условий изоляции осужденного (в частности, водворение в штрафной изолятор, единое помещение камерного типа, помещение камерного типа) [5].

Нельзя не обратить внимание на еще одну проблему реализации мер взыскания в исправительных учреждениях, а именно форму взыскания. Согласно статье 117 УПК все взыскания налагаются на осужденных только письменно, за исключением выговора, который может быть как устным, так и письменным. Рассматриваемое законодательно закрепленное положение не представляется обоснованным в виду того, что при применении тех или иных институтов поощрения (к примеру – условно-досрочное освобождение от отбывания наказания) первостепенное значение будут иметь данные, характеризующие осужденного, такие как наличие поощрений и взысканий, которые, непременно, должны подтверждаться документально. Поэтому целесообразно отказаться от устной формы выговора и все меры взыскания налагать только письменно, чтобы каждый факт применения мер взыскания находил отражение в личном деле осужденного. В случае незначительного нарушения режима, не требующего отметки в личном деле, для которого и предполагался устный выговор, представляется возможным ограничиться устным замечанием, которые не следует считать выговором. Также нельзя не согласиться с мнением П.Р. Федорева [4], который предлагает расширить перечень применяемых к осужденным мер взыскания за счет таких, как предупреждение о водворении в штрафной изолятор и предоставление возможности условного наложения взыскания в виде водворения в штрафной изолятор, в силу того, что данные меры обеспечат не только реализацию принципа рационального применения мер принуждения, но также позволят дифференцированно воздействовать на нарушителей режима, плюс ко всему сделают перечень мер взыскания более гибкими и увеличат моральное воздействие на осужденных.

Повысить эффективность применения мер взыскания может изменение следующей сложившейся ситуации: действующее уголовно – исполнительное законодательство содержит нормы о дисциплинарной ответственности лишь в виде перечня взысканий, применение которых дифференцируется в зависимости от особенностей того или иного режима и некоторых формальных условий. Однако при более детальном рассмотрении можно выявить некоторые противоречия. Так, с одной стороны, отсутствие жесткой регламентации в применении мер дисциплинарных взысканий к осужденным дает

правоприменителю широкие возможности для реализации принципа рационального применения мер принуждения. С другой же стороны, единый нормативный акт, представляющий собой законодательное закрепление всех разновидностей конкретных составов дисциплинарных проступков мог бы более эффективно способствовать поддержанию законности и неотвратимости юридической ответственности. Также это, непременно, повысило бы уровень правосознания сотрудников исправительных учреждений, и содействовало бы формированию чувства ответственности и законопослушания у осужденных.

Важной проблемой, требующей поиска соответствующих решений, является вопрос эффективности применения и погашения мер дисциплинарных взысканий. Действующее законодательство говорит о том, что независимо от вида и характера наложенной дисциплинарной меры осужденный считается не имеющим взыскания, если в течение года со дня отбытия взыскания он не будет подвергнут новому взысканию (часть 8 статьи 117 УИК РФ). При этом складывается ситуация, при которой уравнивается срок погашения всех мер взыскания вне зависимости от их строгости, что, на наш взгляд, нарушает принцип рациональности и препятствует стимулированию правоупотребительного поведения. Именно поэтому целесообразно делать вывод об исправлении осужденного, опираясь на данные, характеризующие осужденного за весь период отбывания наказания.

Литература

1. Баламут А.Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи: монография. М., 2009.
2. Вороненков Д.Н. Правовые формы и развитие национальной пенитенциарной системы / Д.Н. Вороненков, Н.И. Полищук // Современное право. 2013. № 5.
3. Кокурин А.В. Осужденные к пожизненному лишению свободы. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. / под ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. Вып. 4. М.: ИД «Юриспруденция», 2011.
4. Федореев П.Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы / отв. ред. А.С. Михлин. М.: Юрист, 2006.
5. Шелестюков В.Н. Эффективность реализации «Концепции развития уголовно – исполнительной системы РФ» – в строгом соблюдении принципов пенитенциарного законодательства // Российская юстиция. 2015. №2.

УДК 343.97

**ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕНСКОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
GENERAL SOCIAL PREVENTION OF CRIMINALITY AMONG
WOMEN: REGIONAL ASPECTIN**

*Лесниченко И.П., Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, доцент
кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук,*

*Lesnichenko I.P., Stavropol, North-Caucasian Federal University, docent of criminal law
and process, candidate of law, docent*

e-mail: 13995@yandex.ru

*Сарычева Н.В., Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, старший
преподаватель кафедры уголовного права и процесса*

*Sarycheva N.V., Stavropol, North-Caucasian Federal University, senior lecturer in criminal
law and process*

e-mail: Nata-sar18@yandex.ru

*Аннотация: Рассмотрены основные меры общесоциального предупреждения
женской преступности в Ставропольском крае.*

*Annotation: The main measure general social prevention of female criminality in the
Stavropol region.*

*Ключевые слова: общесоциальное предупреждение, женская преступность,
женщина-преступница.*

Key words: general social prevention, female criminality, female criminal.

Предупреждение преступности – «есть совокупность государственных и общественных мер, направленных на преодоление преступности» [1]. Эти меры определяются закономерностями развития общества.

Основой предупреждения женской преступности является решение глобальных экономических, социальных, политических, нравственных, правовых проблем. Работа по предупреждению преступности среди женщин должна охватывать практически все сферы жизнедеятельности женщины, в которых она находится, поскольку именно там формируются негативные черты ее личности, которые в дальнейшем и толкают их на совершение преступлений.

Государственные меры, направленные в первую очередь на укрепление экономики и улучшение положения женщин на рынке труда, безусловно, являются эффективными и способствуют уменьшению числа совершаемых преступлений, в частности женщинами.

Так как мужчины и женщины по-разному востребованы на рынке труда, то вопросы трудоустройства женщин в деятельности службы занятости должны быть приоритетными. Необходимо шире использовать все формы работы для обеспечения

женщин занятости. Считаем необходимым и эффективным создавать такие программы во всех регионах страны, в том числе и в Ставропольском крае.

Целесообразно более детально изучить деятельность существующих женских организаций и ассоциаций в регионах и обеспечить государственную помощь только тем, которые реально помогают женщинам решать вопросы с трудоустройством.

В России приходится практически четверть выявленных профзаболеваний на долю женщин, что связано с тем, что большое количество женщин занято на рабочих местах, на которых в соответствии с санитарными нормами запрещено работать. Такие факты выявлены во многих регионах. Например, в Ставропольском крае 67% от числа работающих женщин на вредных производствах, заняты в производстве резиновых и пластмассовых изделий, в результате чего ухудшается здоровье женщин, в том числе репродуктивное.

Необходимо добиться сокращения числа женщин, которые заняты на тяжелых и вредных работах путем устранения в первую очередь социальных, технических, технологических и организационных причин, порождающих эти неблагоприятные условия и их последствия. Целесообразно разработать специальные программы вывода женщин с тяжелых ручных работ и ежегодно проводить специальные проверки по вопросам соблюдения законодательства о труде и охране труда женщин во всех регионах страны.

В связи с изменением экономического положения в стране и увеличением числа женщин, занимающихся предпринимательством, необходимо стимулирование мелкого бизнеса. Например, в Ставропольском крае доля женщин в общем числе предпринимателей составляет около 20%. Социологи утверждают, что женщины «демонстрируют большую склонность к компромиссу во взаимодействии с партнерами, большую склонность учитывать моральные принципы и этические нормы» [2].

В Ставропольском крае серьезной проблемой является высокий уровень бедности (16,7%). Несмотря на то, что в последние годы в крае прослеживается устойчивая тенденция сокращения доли малоимущего населения, данный показатель выше, чем в среднем по России. Это связано, в первую очередь, со значительной долей сельского населения. Так, в 2015 году среди экономически активного сельского населения в крае 45% (254 тыс.) – женщины. Уровень их занятости составил 52,5% (в городской местности – 58%), а уровень безработицы – 7,5% , что в 2,5 раза выше, чем в городе. [3]

Поэтому одним из приоритетных направлений общесоциального предупреждения женской преступности является создание на региональном уровне специальной программы для решения социально-экономических проблем села в крае и улучшения труда женщин занятых в сфере сельского хозяйства (наихудшие условия труда для женщин наблюдаются именно в сельскохозяйственной отрасли). Программы должны включать в себя меры поддержки молодых семей и развития села.

Существенная роль в предупреждении преступности, в том числе женской, принадлежит решению задач по регулированию процессов миграции. Вынужденную миграцию людей в Ставропольском крае вполне можно охарактеризовать как миграцию с «женским лицом». Ослабляется контроль со стороны общества за поведением таких женщин, а разрыв социальных связей, приводит, как правило, к отрицательным контактам.

Как показало исследование, действующее миграционное законодательство, в том числе и на региональном уровне, очень мало внимания уделяет членам семьи мигрантов. Это касается правового оформления их пребывания на территории страны и трудоустройства, доступа к социальным услугам, в том числе, образованию и здравоохранению, и т.п. Поэтому, в разрабатываемых программах, направленных на защиту интересов женщин в крае, необходимо учитывать миграционную ситуацию и социальные, этнокультурные, возрастные и индивидуальные особенности семей мигрантов с детьми.

Учитывая, что образовательный уровень населения региона не только характеризует культурную среду, но и является, важной составляющей показателя регионального развития, к числу мер предупредительного характера следует отнести повышение образовательного уровня населения, в частности женщин в Ставропольском крае.

Различия культуры и менталитета представителей разных национальностей способствуют, прежде всего, развитию межэтнической напряженности в крае, что оказывает существенное влияние на состояние женской преступности в крае. Поэтому одним из способов гармонизации межнациональных отношений на территории Ставропольского края должны являться: повышение культуры межнационального общения, включающее в себя: ознакомление молодежи с системой научных знаний о правах и свободах человека и народов, о нациях и их отношениях, о расах и религиозных конфессиях; формирование гражданских и общечеловеческих чувств и сознания; развитие позитивного опыта культуры общения с людьми разных наций, рас и религиозных конфессий.

В связи со своеобразием этнокультурной ситуации в регионе и массовой миграцией можно сделать вывод о необходимости разработки и реализации мер раннего предупреждения этнополитической и межрелигиозной напряженности в крае.

Большую роль для профилактики женской преступности играет борьба с пьянством и алкоголизмом. Необходима продуманная государственная политика в отношении употребления алкоголя, в том числе и на региональном уровне. Антиалкогольное воспитание должно проводиться также и в отношении членов семей женщины, что позволит осуществлять раннюю профилактику пьянства несовершеннолетних девушек.

В борьбе с алкоголизмом и наркоманией может помочь такой институт как женсоветы. Например, в Ставропольском крае уже более 20 лет действует краевой Совет женщин. Эта общественная организация изначально призвана была помогать, решать проблемы, влиять на политическую и экономическую жизнь не только края, но и всей страны. Краевой Совет женщин объединил на добровольной основе свыше 25 тысяч женщин со всего края, в него входит также Союз деловых женщин Ставрополя. Их цель - защита интересов женщины, поддержка семьи, институтов материнства и детства.

Огромную помощь может и оказывает церковь. Например, в Ставропольском крае работает Спасо-Преображенский реабилитационный центр, расположенный в станице Темнолесской. Помимо священников, здесь работают и психологи, и опытные учителя, врачи, специалисты из различных профессий, способные вернуть наркозависимого в ту нормальную социальную среду, откуда его вырвали когда-то наркотики.

На уровне субъектов федерации должны готовиться проекты различных нормативных правовых актов, регулирующих предупредительную деятельность. Должны быть задействованы и органы местного самоуправления, и органы исполнительной власти, прокуратуры, суда субъектов РФ.

Несмотря на существование различных правовых актов, направленных на улучшение положения женщин, как в стране в целом, так и в Ставропольском крае, к сожалению, положения этих документов не находят практической реализации.

Таким образом, учитывая специфику криминогенных детерминант в Ставропольском крае, основными мерами общесоциального предупреждения женской преступности должны являться: создание на региональном уровне специальной программы для решения социально-экономических проблем села в крае; улучшение труда женщин, занятых в сфере сельского хозяйства; разработка программ, направленных на защиту интересов женщин в крае с учетом миграционной ситуации и социальных, этнокультурных, возрастных и индивидуальных особенностей семей мигрантов с детьми; повышение образовательного уровня в крае и культуры межнационального общения; выработка и реализация мер раннего предупреждения этнополитической и ежрелигиозной напряженности в крае.

Литература

1. Миронов Н.Р. О некоторых вопросах предупреждения преступности и других общественных явлений и борьбы с ними в современных условиях // Советское государство и право. – 1961. – № 5. – С. 106-108.
2. Губаева, Б.С. Социальное положение женщин Северного Кавказа на современном этапе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://iratta.com/> (дата обращения 12.04.2012)
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://stavstat.gks.ru/> (дата обращения 12.12.2015)

УДК 34

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ СТРАН СНГ
К ВОПРОСУ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА
LEGISLATIVE APPROACHES OF CIS COUNTRIES BY OBTAINING
EVIDENCE TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS**

*Лифанова Л.Г., г.Ставрополь, Ставропольский филиал Краснодарского университета
МВД России, профессор кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент
Lifanova L.G., Stavropol, Stavropol branch of the Krasnodar University of the MOI of
Russia, Professor of Criminology, PhD, Associate Professor
e-mail: laliy@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу норм уголовно-процессуального права стран СНГ относительно допустимости доказательств, полученных до возбуждения уголовного дела

Annotation: The article is devoted to the comparative analysis of criminal procedural law of the CIS countries on the admissibility of evidence obtained prior to the initiation of criminal proceedings

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доказательство, допустимость доказательств, предварительное расследование

Keywords: criminal proceedings, evidence, admissibility of evidence, a preliminary investigation

Уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ более двадцати лет развивается самостоятельно, не будучи объединенными какими-либо общими основами, как было в период существования Советского Союза. Однако сравнительный анализ УПК бывших союзных республик обнаруживает сходные проблемы в плане теоретического осмысления и практического применения отдельных правовых институтов.

В частности, без малого сто лет ведется дискуссия о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела. Законодатели Грузии, Казахстана и Украины отказались от данного процессуального действия, предусмотрев началом досудебного расследования (следствия) факт официальной регистрации сообщения или заявления о преступлении. С этого момента лица, ведущие расследование, полномочны проводить все следственные действия, предусмотренные соответствующими уголовно-процессуальными законами.

В Российской Федерации, несмотря на вполне обоснованную и аргументированную критику стадии возбуждения уголовного дела, законодатель не отказывается от данного правового института, а, напротив, последовательно совершенствует отдельные его нормы.

Так, реагируя на замечания о необходимости увеличения количества следственных действий, производимых до возбуждения уголовного дела, законодатель Федеральным

законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» регламентировал, что в ходе проверки сообщения о преступлении возможно получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК, назначение и производство судебной экспертизы, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, производство освидетельствования, документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, дача органу дознания поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Данный шаг законодателя безусловно направлен на демократизацию института возбуждения уголовного дела, однако корректной и понятной формулировку внесенных изменений назвать нельзя.

В частности, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе до возбуждения уголовного получать объяснения. Но какова юридическая сила сведений, полученных данными объяснениями, могут ли они считаться доказательствами, законодатель не разъяснил. Если исходить из логики, что для дознания в сокращенной форме не требуется допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения (за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем), значит объяснение – это доказательство. Однако, если законодатель сделал акцент, что такое правило распространяется только на сокращенное дознание, значит для других форм предварительного расследования объяснение – не доказательство. Такой дифференцированный подход нельзя назвать удачным. Кроме того, возникают еще вопросы. Возможно ли наступление уголовной ответственности для лица, изложившего заведомо ложные сведения в объяснении? Обращаясь к диспозиции ст.307 УК РФ, с уверенностью можно заявить, что невозможно, так как лицо, давшее объяснение до возбуждения уголовного дела, не наделяется процессуальным статусом свидетеля или потерпевшего, на которых, в числе прочих, данная норма распространяет свое действие.

Нет объяснения и в перечне доказательств, предусмотренных ст.74 УПК РФ. Вряд ли можно его отнести к иным документам (п.6 ч.2 ст.74 УПК), так как предполагаемое доказательственное значение имеют сведения, изложенные в объяснении (по аналогии с показаниями), а не бланк, в котором они зафиксированы.

Вывод о виновности лица, как известно, всегда должен основываться на доказательствах, собранных по уголовному делу. Итоговый документ для дознания в сокращенной форме – обвинительное постановление – в соответствии со ст.226.7 УПК должен отражать объем таких доказательств. Корректно ли и юридически грамотно ссылаться на объяснение как на доказательство? Нам представляется, что нет.

Помимо сказанного следует отметить, что процессуальный порядок получения объяснения в законе не определен. Необходимо ли при получении объяснения

руководствоваться порядком получения показаний, неизвестно. Согласно ч.1 ст.75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми. Можно ли считать сведения, изложенные в объяснении, допустимыми, если порядок их получения не регламентирован. Ответ, как нам представляется, очевидным.

А если провести более детальный анализ юридической сущности и содержания сведений, изложенных в объяснении, то вывод будет более категоричный: доказательственного значения они иметь не могут.

Похожие рассуждения вызывает отсутствие (для сокращенной формы дознания) потребности назначения судебной экспертизы по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении (за исключением случаев, прямо указанных в п.3 ч.3 ст.226.5 УПК).

Заключение специалиста, в отличие от объяснения, является доказательством (п.3.1. ч.2 ст.74 УПК), поэтому ссылка на него в обвинительном постановлении представляется вполне допустимой. Но смущает неодинаковый подход законодателя к оценке заключения специалиста, полученного до возбуждения уголовного дела, для разных форм предварительного расследования. Как известно, по отдельным категориям преступлений (например, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ) заключение специалиста необходимо для решения вопроса о наличии основания для возбуждения уголовного дела. Однако такое заключение доказательственной силы не имеет, по уголовному делу в обязательном порядке назначается экспертиза, при чем иногда на разрешение которой ставятся те же вопросы, что и ранее специалисту. Представляется необходимым свести к единообразной оценке доказательственного значения заключения специалиста независимо от того, производится ли по делу дознание в общем порядке, в сокращенной форме или же осуществляется предварительное следствие.

Расширение полномочий лица, осуществляющего доследственную проверку, помимо прочего, добавилось правом истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК. Нормы уголовно-процессуального законодательства допускают изъятие предметов и документов в процессе производства следственных (осмотр, освидетельствование, обыск, в том числе личный, выемка) и процессуальных (наложение ареста на имущество) действий. Производство осмотра и освидетельствования до возбуждения уголовного дела регламентировано, поэтому вопросов, связанных с порядком изъятия предметов и документов при их производстве, не возникает. Вопрос возникает об изъятии предметов и документов до возбуждения уголовного дела не в процессе данных следственных действий. Какой порядок имеет ввиду законодатель? Порядок обыска или выемки? Но производство данных следственных действий возможно только в ходе предварительного расследования. Как процессуально оформлять факт такого изъятия, какой процессуальный документ составлять? Возможно ли признавать впоследствии изъятые до возбуждения уголовного дела предметы вещественными доказательствами, если они получены не в процессе следственного действия?

Похожие проблемы мы обнаружили в текстах уголовно-процессуальных законов Беларуси и Таджикистана. Так, ч.3 ст.452 УПК Республики Беларусь регламентирует

следующее: «При ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела берутся объяснения от лица, не отрицающего совершения этого преступления, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления, истребуются справка о наличии или отсутствии судимости у лица, не отрицающего совершения преступления, характеризующие данные о личности и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании или постановления приговора без судебного разбирательства».

Обозначенную норму почти дословно воспроизводит ч. 3 ст.453 УПК Республики Таджикистан: «Орган дознания при ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела в течение семи суток получает объяснения от лица, совершившего преступление, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления, истребует справку о наличии или отсутствии судимости у лица, совершившего преступление, характеризующие данные о личности и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании». Представляется, что в ст.453 УПК Таджикистана содержится прямое противоречие с ч.2 ст. 72 этого нормативного акта, согласно которой «Доказательствами могут считаться: показания свидетеля; показания потерпевшего; показания подозреваемого; показания обвиняемого; показания подсудимого; заключения и показания эксперта; заключения и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; скрытые записи; прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры; электронные, видео- и аудиозаписи наблюдения; иные документы». Ни о каких объяснениях речь не идет. Равно как и ч.2 ст.88 УПК РБ в числе источников доказательств объяснения не называет, порядок истребования материалов, имеющих значение для дела, не указывает.

В этом плане, на наш взгляд, удачнее сформулированы нормы, касающиеся проведения процессуальных и следственных действий до возбуждения уголовного дела и оценки доказательств, полученных при их производстве, в уголовно-процессуальных законах Азербайджана, Армении, Киргизии, Туркменистана и Узбекистана. Определяя их точный перечень, законодатель этих государств не допускает получение доказательств иными способами, что исключает сложности при оценке их допустимости.

Нам представляется, что использование в УПК формулировок, препятствующих единообразному пониманию и уяснению смысла закона не просто нецелесообразно, но и вредно, так как в конечном счете препятствует реализации задач уголовного судопроизводства, нацеленных на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

УДК 34

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УПРОЩЕННЫХ
ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**
**HISTORICAL BACKGROUND SUMMARY PROCEEDINGS IN
THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION RUSSIA**

*Лычагин Д.Ю., г.Ставрополь, ЧОУ ВО «Ставропольский университет», аспирант
кафедры уголовного права и уголовного процесса*

*Lychagin D.Y., Stavropol, NOL IN «Stavropol University» graduate student of chair of
criminal law and criminal procedure*

e-mail: laliy@mail.ru

*Аннотация: В статье приводится краткий исторический анализ возникновения и
развития упрощенных производств в отечественном законодательстве*

*Annotation: The article provides a brief historical analysis of the emergence and
development of simplified production in the domestic legislation*

*Ключевые слова: дознание, упрощенное производство, уголовный процесс, уголовное
судопроизводство*

Keywords: inquiry, simplified production, the criminal procedure, criminal procedure

Развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства происходит стремительными темпами, появляются и исчезают целые институты, вносятся существенные коррективы в нормы, регламентирующие сложившийся, традиционный порядок уголовного судопроизводства.

Рост количества преступлений, увеличение нагрузки на следователей, дознавателей и судей, повлекли появление в законодательстве различных ускоренных, упрощенных процедур. Не ставя перед собой цель провести анализ взглядов сторонников и противников сокращенного дознания, особого порядка судебного разбирательства, досудебного соглашения о сотрудничестве и др., отметим, что дифференцированный подход к производству расследования имеет достаточно глубокие исторические корни.

Известно, что еще древнее Римское государство применяло в своем законодательстве нормы, регламентирующие ускоренное (упрощенное) уголовное судопроизводство. Римские юристы еще в древние века придерживались дифференцированного подхода при решении вопросов как материального, так и процессуального права. Очевидным доказательством этого могут послужить нормы, закрепленные в Законах XII таблиц, которые уже содержали деление правонарушений на преступления, деликты и проступки. Отсюда логически целесообразным было и направление, принятое в области дифференциации уголовно-процессуальной формы. В частности, оно выразилось в законодательном закреплении норм, регламентирующих упрощенное производство наряду с обычным производством [1].

Роль классического римского права в развитии современной юриспруденции как отдельной страны, так и для различных правовых систем в целом, трудно переоценить. Применительно к исследуемой проблеме можно сказать, что большинство европейских государств успешно реализует различные виды ускоренных производств в уголовном процессе по значительному кругу дел, не представляющих большой общественной опасности. При этом не следует забывать и непреходящую ценность римского права как неизменной части мировой правовой культуры [2].

Четко выраженное стремление использовать правовое наследие Византии с XII-XIII вв. прослеживается и на Руси. В Российском законодательстве постепенно усовершенствовались процессуальные формы, в систему которых включались и иные, неизвестные классическому римскому праву виды производств. При этом ряд правовых новелл заимствовался из уголовного процесса более развитых к тому времени европейских государств. Законодательство конца XIX - начала XX вв. предопределяло «сохранять для всех уголовных дел порядок судебный», но в то же время принимать различные меры для ускорения производства [3]. В законах того времени в числе таковых названы заочное разбирательство и прямой вызов к суду.

Наряду с указанными, в российском уголовном процессе существовали и такие ускоренные производства, которые уже для того времени считались наиболее перспективными. Это немедленный привод обвиняемого к суду и судебный приказ.

В юридической литературе того времени отмечались недостатки, присущие институту ускоренных производств по Российскому законодательству конца XIX - начала XX вв. При этом подчеркивалось, что данный институт нуждается не в изменениях и переделках, а в точном применении и развитии его путем практики [4].

Правовая регламентация ускоренных форм процесса в Российском уголовно-процессуальном законодательстве носила для своего времени достаточно прогрессивный характер и способствовала эффективности правосудия. В то же время приведенное выше утверждение, как отмечается в юридической литературе, не лишено некоего противоречия [2, с.9]. В нем не отрицается необходимость развития, но всего лишь «путем практики». Вряд ли с этим можно согласиться. И тем более вызывает возражение мнение об отсутствии необходимости совершенствовать и изменять рассматриваемую процессуальную форму. В этом случае она неизбежно превратилась бы в застывшую мертвую оболочку, своего рода прокрустово ложе уголовного процесса. Ничто так не сковывает процесс познания, достижения истины в уголовном судопроизводстве, как ставшие нормой постулаты, оторванные от реальной действительности, состояния преступности, развития общества, государства и права.

Законодатель нашей страны на протяжении всего пути становления современного уголовно-процессуального законодательства неоднократно обращался к идее дифференциации уголовно-процессуальных форм. Зачастую она сводилась к процессуальному упрощенчеству, а то и явно нигилистическому отношению к процессуальным нормам. Показательным в этом отношении был специальный циркуляр НКЮ РСФСР № 93 от 5 июня 1929 г. «Об упрощении уголовного процесса», который под предлогом более оперативного расследования и усиления борьбы с преступностью отменял

обязательное вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, а принятие его к производству должно было оформляться в виде резолюции прокурора, следователя или работника милиции по поступившим жалобам, заявлениям [5].

Подобная практика активно поддерживалась на страницах юридической печати 20-х - начала 30-х годов под явно идеологизированным девизом: «минимум формы, максимум классового существа» [6]. Данное обстоятельство, в свою очередь, послужило толчком к появлению многочисленных предложений об отказе от детальной регламентации формы и содержания следственных действий. Попытки такого рода были отражены в проектах уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1927, 1929, 1931 и 1934 гг.

Однако Первое Всесоюзное совещание прокурорско-следственных работников, состоявшееся в апреле 1934 г., решительно осудило процессуальное упрощенчество, указало на необходимость строжайшего соблюдения процессуальных норм, потребовало ликвидировать вредные последствия циркуляра № 93. Возбуждать уголовные дела, как отмечалось на совещании, следовало только при наличии поводов и оснований, указанных в законе, с обязательным вынесением мотивированного постановления. Свое дальнейшее развитие эта тенденция получила в таких документах, как руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР от 7 июня 1934 г. «О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм» и в директивном письме Прокурора СССР от 13 августа 1934 г. «О качестве расследования».

Следует заметить, что в то же время в науке звучали и предложения о предоставлении более широкой свободы органам расследования в определении способов собирания и проверки доказательств на основе общих принципов уголовного процесса [2, с.13].

Тенденция на дифференциацию уголовно-процессуальных форм получила свое законодательное закрепление как в первых уголовно-процессуальных кодексах нашей страны, принятых после октября 1917 г., так и в последующие годы. Это выразилось в правовой регламентации форм, существенно упрощающих, а следовательно, и ускоряющих уголовный процесс. К ним относились следующие институты: заочного приговора; дежурной камеры народного суда; судебного приказа. Несмотря на все свое несовершенство, они существовали довольно длительное время и лишь в конце 40-х годов были исключены из отечественного уголовного процесса. И не столько потому, что оказались неприемлимыми в уголовно-процессуальной системе, сколько в силу их компрометации во времена культа личности.

Свою негативную роль в этом отношении сыграли такие псевдосудебные органы, как «особые совещания», «двойки», «тройки». Они не входили в систему судебной юстиции. Их деятельность носила временной и, как выяснилось, противоправный, террористический характер. В этой связи представляется малоприемлемым рассматривать данные образования в качестве составного элемента в системе органов правосудия СССР. Не подпадает их функционирование и под режим ускоренного судопроизводства. Не случайно эти органы были упразднены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов», утвержденным Верховным Советом СССР 31 июля

1989 г., все граждане, за исключением изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников бандформирований и их пособников, фальсификаторов уголовных дел, привлекавшиеся к уголовной ответственности внесудебными органами, были реабилитированы. Тот же Указ отмеченные выше внесудебные органы охарактеризовал как антиконституционные.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что российское законодательство идет в русле тенденций мировой процессуальной культуры. Характерные черты преемственности в области дифференциации уголовно-процессуальных форм, в частности обращение к институту ускоренных производств, прослеживаются на протяжении всего пути развития и совершенствования уголовного процесса в нашей стране. В связи с этим представляются необоснованными утверждения отдельных авторов о том, что ускоренное производство в уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны существует лишь с 1966 г. Подобная точка зрения аргументирована тем, что из института ускоренных производств, существовавших до этого периода времени, ничего для современного процесса позаимствовано не было и, следовательно, биографию ускоренных процессуальных форм в отечественном уголовном процессе следует исчислять лишь с 1966 г. [7]. В опровержение указанной позиции говорит сама за себя идея дифференциации процессуальных форм, ее правовая природа и объективная обусловленность существования, а также история и тенденции развития этого направления. Что, в свою очередь, дает возможность судить о преемственности в широком контексте мировой процессуальной культуры.

Литература

1. Бартошек Милан. Римское право: понятия, термины, определения: Пер. с чешского. М., 1989. С. 31.
2. Волынская, О.В. Ускоренное производство в уголовном процессе: пособие / О.В. Волынская. – М., 1994. С.5.
3. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 3-е, перераб. и доп./ И.Я.Фойницкий.- СПб, 1910. Т. 2. § 336 «Ускоренное производство». С. 475.
4. Щегловитов, И. Г. Влияние иностранных законодательств на состояние судебных уставов 20 ноября 1864 г. / И.Г. Щегловитов. – М., 1915. С. 40.
5. Советская юстиция. 1929. № 27.
6. Белозеров, Ю. Дознание в органах милиции и его проблемы / Ю. Белозеров, А. Чувилев, В. Чугунов. - М., 1972. С. 17.
7. Степанова, И. А. Протокольная форма досудебной подготовки материалов в советском уголовном процессе / И.А. Степанова. - М., 1989. С. 15-16.

УДК 343.1

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ
ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.
LEGAL BASES OF COOPERATION OF STATES – PARTICIPANTS OF THE
COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES IN THE SPHERE OF SECURITY
PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS.**

Макеева Н.В., Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент
Makeeva N.V., Moscow, Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot, docent of the department of preliminary investigation, candidate of law, docent

e-mail: mnv-sam03@mail.ru

Титовец И.В., Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, преподаватель кафедры предварительного расследования

Titovets I.V., Moscow, Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot, teacher of the department of preliminary investigation

e-mail: titowez2@mail.ru

Аннотация: Анализируются правовые основы сотрудничества стран - участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Annotation: Analyzes the legal basis for cooperation of the countries - participants of the Commonwealth of Independent States in the sphere of ensuring the security of participants in criminal proceedings.

Ключевые слова: государства - участники Содружества Независимых Государств, обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Key words: participating States of the Commonwealth of Independent States, the security of participants in criminal proceedings.

С целью создания единого правового пространства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, а также других лиц, подлежащих государственной защите, государства - участники Содружества Независимых Государств (СНГ) осуществляют регулярное взаимодействие по совершенствованию правовых основ данного направления сотрудничества.

В частности, на постоянной основе осуществляется разработка совместных нормативных документов. Во многом этой деятельности способствует то, что законодательство, регламентирующее уголовное судопроизводство государств-участников, в

большей части, унифицировано. Сама процедура, ее субъекты во многом схожи, что исторически обусловлено существовавшей в СССР единой правовой системой.

В декабре 1998 г. на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ был принят Модельный закон «О государственной защите судей, работников правоохранительных и контролирующих органов»[1]. Российской Федерацией такого рода документ был принят одной из первых еще в апреле 1995 г. В Модельном законе «О государственной защите судей, работников правоохранительных и контролирующих органов»[2] впервые было дано понятие государственной защиты, определены ее виды, а также круг лиц, на которых она распространяется. Аналогичные законодательные акты были приняты рядом стран СНГ. В частности, в Азербайджанской Республике был принят Закон «О государственной защите работников судебных и правоохранительных органов» (1998), в Республике Беларусь - Закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (1999), в Республике Казахстан – «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» (2000) и др.

Активный поиск в рамках СНГ, правовых средств защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства привело к тому, что при участии представителей Российской Федерации 6 декабря 1997г. Постановлением Межпарламентской ассамблеи стран – участников СНГ в г. Санкт-Петербурге был принят Модельный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»[3].

Закон установил систему мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и лиц, содействующих уголовному судопроизводству, а также меры социальной защиты указанных лиц. Подчеркнуто, что предусмотренные меры должны использоваться только в случаях, когда для обеспечения безопасности указанных лиц, применение других средств оказывается недостаточным.

Совместно государствами-участниками СНГ было разработано «Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства»[4], которое было подписано в г. Минске 28 ноября 2006 г. Целью указанного соглашения явилось обеспечение эффективной борьбы с преступностью на территориях государств-участников и успешное осуществление задач уголовного судопроизводства, а также обеспечение надлежащей защиты законных прав и интересов лиц, содействующих достижению этих целей. Федеральный закон РФ №275 о ратификации Соглашения был подписан 25 декабря 2008 г.[5]

Тенденции все большей «транснационализации» преступности, ее противодействие проводимым социально-экономическим реформам, а также формирование единого криминального пространства на территориях стран – участников СНГ подталкивает их к более плотному сотрудничеству. Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства на данный момент уже подписано Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном однако оно открыто для присоединения не подписавших его государств-участников СНГ и иных государств, желающих присоединиться к нему. Соглашение, подписанное государствами - участниками СНГ, к настоящему времени ратифицировано в пяти из них (Азербайджане, Беларуси, Казахстане, России и Таджикистане).

Соглашением предусмотрено, что Стороны обязуются на взаимной основе и при соблюдении указанных в нем условий осуществлять меры защиты в отношении участников уголовного судопроизводства, а также других лиц, подлежащих государственной защите в случае, когда меры защиты, применяемые одной из Сторон в отношении данного лица, не могут быть обеспечены в полной мере.

В соответствии с Соглашением, государство - участник СНГ (ратифицировавшее Соглашение) вправе обратиться к другому государству с запросом о содействии в применении мер защиты в отношении защищаемых лиц на территории запрашиваемой Стороны.

Данное Соглашение должно способствовать урегулированию вопросов взаимодействия между соответствующими органами государств СНГ и послужить укреплению международного сотрудничества в различных сферах.

Несмотря на то, что Соглашение действует на территории Российской Федерации и ряда других государств СНГ, практика его применения до настоящего времени не выработана, при том, что потребность в использовании его в качестве инструмента защиты участников уголовного судопроизводства реально назрела.

Главными проблемами реализации достигнутых соглашений по применению мер безопасности в рамках СНГ являются: отсутствие действенного правового механизма на уровне национальных законодательств, а также отсутствие механизма финансового и материально-технического обеспечения.

Так, на сегодняшний день в большинстве государств - участников СНГ подразделения, осуществляющие государственную защиту находятся в процессе становления, в этой связи законотворческий и практический опыт России в этой сфере должен быть востребован и найти свое применение.

Например, особое внимание следует уделить проблеме межгосударственного обмена информацией, связанной с реализацией мер безопасности, так затрудняет взаимодействие в сфере защиты участников уголовного судопроизводства между всеми членами Содружества, то, что Соглашение о защите секретной информации в рамках СНГ, заключенное в г. Минске 25 октября 2013 года, с 20 декабря 2014 года вступило в силу только для Российской Федерации, Беларуси и Узбекистана. Остальными участниками СНГ оно не ратифицировано.

Что значительно затрудняет взаимодействие соответствующих органов государств - участников СНГ и создает проблемы для организации применения мер безопасности, их непосредственного осуществления и вопросов регулирования отношений и полномочий сторон при реализации указанной деятельности, в том числе: определение валюты расчетов; порядка планирования, подтверждения и контроля за расходованием денежных средств, периодичностью перевода денежных средств при обеспечении мер безопасности в государствах - участниках.

Также существуют проблемы, связанные с применением некоторых мер безопасности, например, при возникновении необходимости переселения защищаемого лица для проживания на территории другого государства может возникнуть ряд вопросов с подбором и предоставлением места жительства.

На территории Российской Федерации лицу, подлежащему государственной защите, в случае применения к нему соответствующей меры безопасности, предоставляется благоустроенное жилое помещение с учетом установленных национальным законодательством норм предоставления площади жилого помещения.

В отличие от законодательства других государств СНГ, в котором не установлено аналогичных условий и возможности учета предложений, носящих рекомендательный характер, при подборе и приобретении конкретного жилья для дальнейшего проживания в нем защищаемого лица.

Для оптимизации взаимодействия государств – участников СНГ в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства необходимо совершенствовать законодательство как на международном (региональном) уровне, так и на уровне национального законодательства государств участников. Россия уже делает шаги в этом направлении, в частности, в целях создания условий для исполнения Российской Федерацией финансовых обязательств, которые могут возникнуть в ходе реализации указанного международного договора, за счет средств Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 - 2018 годы»[6], принято постановление Правительства Российской Федерации от 2 июля 2015 г. № 666 «Об обеспечении мер защиты, предусмотренных Соглашением о защите участников уголовного судопроизводства от 28 ноября 2006 года». Указанный правовой акт должен способствовать созданию финансового механизма реализации положений Соглашения и урегулированию порядка осуществления расходов, связанных с применением мер безопасности.

В современных условиях в Российской Федерации наиболее развитая система государственной защиты участников уголовного судопроизводства, а также имеется значительная практика эффективного применения мер безопасности среди государств – участников СНГ, ее опыт должен быть воспринят другими государствами и в ближайшей перспективе реализован.

Литература

1. Постановление №12-9 от 8 декабря 1998 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 1999. - №20.
2. Собрания законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 17. -Ст. 1455.
3. Постановление №10-14 от 6 декабря 1997 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. -1998. - №16.
4. Собрания законодательства Российской Федерации. - 2010. - № 5. - Ст. 460.
5. Российская газета. - 2008. – 30 декабря.
6. Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. №586 // Собрания законодательства Российской Федерации. - 2013. - № 29. - Ст. 3965.

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕБЕНКА
SOCIO-LEGAL STATUS OF THE CHILD**

Маслова Т.Ф., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой андрогогики, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Maslova T.F., Doctor of Sociology, Professor, Head of androgogics, GBOU IN "Stavropol State Pedagogical Institute"

e-mail: tatianamaslova@rambler.ru

Аннотация: в статье выделены основные положения современного законодательства в процессе институализации защиты прав ребенка в российском обществе.

Abstract: the paper presents the main provisions of modern legislation in the process of institutionalization of the protection of the rights of the child in the Russian society.

Ключевые слова: детство, ребенок, социальные функции детства, социальный статус, права ребенка.

Keywords: childhood, child, social functions of the childhood, social status, the rights of the child.

Детство - особое социальное состояние, отражающее взаимодействие детей и взрослых, деятельность социальных институтов социализации. В онтогенетическом аспекте его можно рассматривать как период жизни поколений людей, социальная сущность которого отражается в специфических функциях, воспроизводящихся в системе социальных и правовых отношений того или иного периода жизни общества. К наиболее общим можно отнести следующие. Это - систематизирующая функция, выражающая образование семьи и семейных отношений; хозяйственная, которая исторически определяла востребованность новых работников в семье, гуманистическая, поддерживающая и развивающая человеческую жизнь как таковую; футурологическая, определяющая будущее общества. Каждая из этих функций раскрывается при соответствующих формальных, законодательно и/или культурно определенных; и неформальных, находящихся за рамками государства, отношениях к детям, детству. При этом обнаруживается закономерность, которая состоит в том, что детство, ребенок законы его становления находятся в прямой подчиненности состоянию материальной и духовной культуры общества; но в то же время уровень и дальнейший рост последнего – в определенной мере представляет результат детства поколений.

Отсюда вопрос социально-правового статуса детей (ребенка) имеет непреходящее значение и не утрачивает своей актуальности. Исходя из того, что социальный статус характеризует положение, которое ребенок занимает в системе социальных связей, правовых отношений того или иного этапа развития общества как представитель демографической группы, (объединяющей сегодня лиц в возрасте до 18 лет), можно

проанализировать его изменение в разрезе общественных формаций (К.Маркс) с точки зрения социальной детерминированности такого положения.

Первобытное общество и этап - родовой общины характеризуется отсутствием у ребенка социального статуса. До 5-6 лет (раннее детство) дети не входят в социальную структуру общества; оцениваются еще не вполне как человеческие существа; 6-7 лет - начало социальной жизни после включения в коллективную трудовую деятельность племен. Церемонии, связанные с приемом нового члена в замкнутое сообщество (инициации) у первобытных народов означают переход ребенка или подростка в статус взрослого человека.

Рабовладельческое общество (древнейшие цивилизации Греции и Римской Империи) поддерживает статус зависимости ребенка. Это отражается в узаконивании специальных норм детства как о периоде зависимости. Ребенок полностью отдается в собственность отца (Римское право), который имеет все права использовать своих детей как рабочую силу, свое имущество, применять к ним наказания. Государством эта власть была ограничена незначительно; ребенок не имеет значимости для общества и для родителей, часто он рассматривается лишь как нежелательный результат половых отношений

Феодальное общество представляет ребенка как маленького взрослого с зависимым статусом. В Западной Европе -17 вв. появляются законы, регулирующие имущественные отношения в семье между старшим поколением и подрастающими детьми. В римском, германском, славянском праве отцу предписывалось защищать членов семьи, содержать их, выделять часть, долю наследства. Однако развитие сильных эмоциональных связей родителей с детьми отсутствует.

В XVI-XVII этот обычай начинает изменяться. Прежде всего, в среднем сословии родители начинают чувствовать себя эмоционально более связанными с детьми. Развитие и распространение школ с длительным сроком обучения дает импульс развитию эмоциональной связи между ними. Смена системы подмастерьев школой, пишет Ф. Арьес, отражает как все большее сближение родителей и детей, так и усиление восприятия семьи и детства [1,С. 165].

В эпоху развития капитализма формируются предпосылки оформления статусности детства в современном значении, чему способствовало формирование буржуазной семьи и распространение обучения, системы образования и воспитания (конец XVII века); развитие системы отношений, европоцентристского мира, и экспансии европейской цивилизации в другие районы мира; рост интереса к человеческой сущности во всех сферах культуры (XVII-XVIII вв).

Зарождаются идеи о детстве как самостоятельной социальной и психологической ценности. В конструирование детства активно включается наука, теоретические знания: концепция рационального воспитания, основанная на строгой дисциплине, проникает в семейную жизнь (XVIII в.); доказывалось, что дети невинны и нуждаются в защите от взрослого общества с тем, чтобы на более поздней стадии быть готовыми к взрослой жизни.

Детский труд как «спутник капиталистического детства» подвергается критике. В Отчете Комиссии по обследованию условий детского труда, опубликованном в конце марта 1867, подчеркивается что детский труд исключает возможность образования или серьезно ему препятствует... В конечном итоге работа, блокирующая физическое, умственное и

социальное развитие человека, становится бременем в отношении медицинских и социальных ресурсов общества, а также увековечивает нищету из-за деградации человеческого капитала, необходимого для экономического и социального прогресса [2].

В XIX век в России как и в Европе в целом обозначается поворот семьи и общества к уникальности детского мира через осознанность педагогами и родителями специфики детской психологии. Развивается система воспитания идеи комплексного изучения ребёнка на основе ценности человеческой личности как составной части духовного богатства общества; общечеловеческих ценностей; ценностей патриотизма, гуманизма, духовно-нравственного совершенствования, «русской идеи». (К.Д.Ушинский, Н.И.Пирогов, В.Л.Стоюнин, В.В.Зеньковский и другие.

В социалистическом обществе 20-21 вв. выдвигается лозунг «Детство – самый привилегированный класс», что характеризует детство как социальную ценность и возвышает социальный статус ребенка. Детский труд при социализме запрещен. Трудовая деятельность подрастающего поколения, связанная с его обучением и трудовым воспитанием, - важное средство формирования уважения и любви к общественно полезному труду.

Статусное положение, сопровождаемое ролевым поведением, характеризовалось особенностями социализации личности. При этом культивировались установки: дисциплинированности, послушание считались важнейшей стороной нравственности ребенка; коллективизм. Самым лучшим признавалось общественное и « коллективное» детство, взросление детей в коллективах, что отражало идеологию социалистического общества, основанного на общинных принципах.

Современный период общественного развития наполняет социальный статус ребенка новым содержанием. Сегодня Конвенции о правах ребёнка, принятая 20 ноября 1989, ратифицированная в нашей стране, провозглашает ребенка полноценной личностью, самостоятельным субъектом права. Основная идея Конвенции заключается в наилучшем обеспечении интересов ребенка. Ее положения сводятся к четырем важнейшим требованиям, обеспечивающим права детей: выживание, развитие, защита, обеспечение активного участия в жизни общества. Согласно статье 39. Государства-участники принимают все необходимые меры для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой: любых видов пренебрежения, эксплуатации или злоупотребления, пыток или любых других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, наказания или вооруженных конфликтов. Такое восстановление и реинтеграция должны осуществляться в условиях, обеспечивающих здоровье, самоуважение и достоинство ребенка [3]. При этом статья 40 раскрывает содержание провозглашенных принципов в отношении прав ребенка:

1. Государства-участники признают право каждого ребенка, который, как считается, нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении, на такое обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе.

2. В этих целях и принимая во внимание соответствующие положения международных документов, государства-участники, в частности, обеспечивают, чтобы: 1) ни один ребенок не считался нарушившим уголовное законодательство, не обвинялся и не признавался виновным в его нарушении по причине действия или бездействия, которые не были запрещены национальным или международным правом во время их совершения; 2) каждый ребенок, который, как считается, нарушил уголовное законодательство или обвиняется в его нарушении, имел по меньшей мере следующие гарантии; 3) презумпция невиновности, пока его вина не будет доказана согласно закону; 4) незамедлительное и непосредственное информирование его об обвинениях против него и, в случае необходимости, через его родителей или законных опекунов и получение правовой и другой необходимой помощи при подготовке и осуществлении своей защиты; 5) безотлагательное принятие решения по рассматриваемому вопросу компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебным органом в ходе справедливого слушания в соответствии с законом в присутствии адвоката или другого соответствующего лица, и, если это не считается противоречащим наилучшим интересам ребенка, в частности, с учетом его возраста или положения его родителей или законных опекунов; 6) свобода от принуждения к даче свидетельских показаний или признанию вины; изучение показаний свидетелей обвинения либо самостоятельно, либо при помощи других лиц и обеспечение равноправного участия свидетелей защиты и изучения их показаний; 7) если считается, что ребенок нарушил уголовное законодательство, повторное рассмотрение вышестоящим компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебным органом согласно закону соответствующего решения и любых принятых в этой связи мер; 8) бесплатная помощь переводчика, если ребенок не понимает используемого языка или не говорит на нем; 9) полное уважение его личной жизни на всех стадиях разбирательства [3].

Определяя права детей, которые отражают весь комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека. Конвенция устанавливает и правовые нормы ответственности государства, создает специальный механизм контроля (Комитет ООН по правам ребенка) и наделяет его высокими полномочиями. Однако имея достаточно много примеров нарушения этих прав, полезно анализировать исторические векторы отношения к ребенку, что бы понять, в каком направлении движется общество, что можно предусмотреть, повторить или устранить на этапе вхождения новых поколений в общество в качестве активных членов.

Литература

1. Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] / <http://referat.niv.ru/view/referat-other/257/256765.htm> Дата обращения 23.04.2016.
2. Детский труд. Большая энциклопедия нефти и газа. [Электронный ресурс] / <http://www.ngpedia.ru/id527789p1.html>. Дата обращения 23.04.2016.
3. Конвенция о правах ребенка. Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 44/25 от 20 ноября 1989 г. Ратифицирована Постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559 –1.

УДК 343

**ПОВОДЫ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ
THE REASON FOR THE EVIDENCE INADMISSIBLE RECOGNITION**

Титовец И.В., Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, преподаватель кафедры предварительного расследования

Titovets I.V., Moscow, Moscow University of the MIA of Russia named VY Kikot, lecturer of the Department of preliminary investigation

e-mail: titowez2@mail.ru

Макеева Н.В., Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент

Makeeva N.V., Moscow, Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot, docent of the department of preliminary investigation, candidate of law, docent

e-mail: mnv-sam03@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются поводы для признания доказательств недопустимыми, выделяются их виды – собственное усмотрение следователя, дознавателя, прокурора, указания прокурора, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и ходатайства участников процесса

Abstract: This article discusses reasons for declaring the evidence inadmissible, are allocated their species - sole discretion of the investigator, the investigator, the prosecutor, instructions of the prosecutor, the head of the investigative body, the chief of the inquiry unit, head of the body of inquiry and application process participants

Ключевые слова: недопустимые доказательства, поводы для признания доказательств недопустимыми

Keywords: inadmissible evidence, reasons for declaring the evidence inadmissible

В V периодическом докладе «О принимаемых мерах и прогрессе на пути к достижению соблюдения прав, признаваемых в международном пакте о гражданских и политических правах» [1] достижением России в области реформирования судебной системы названо «введение и развитие процедуры исключения из разбирательства недопустимых в качестве доказательств материалов».

С момента появления в УПК РФ (далее – УПК) [2], положения о недопустимых доказательствах находятся под пристальным вниманием ученых и порождают разносторонний характер исследований [3]. Авторы статьи не являются исключением и исследуют механизм исключения недопустимых доказательств в уголовном судопроизводстве, под которым предлагают понимать организационно-упорядоченную деятельность компетентных участников уголовного судопроизводства по признанию доказательств, полученных с существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона недопустимыми, и не включению их в перечень сведений, на

основании которых устанавливаются наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Механизм исключения недопустимых доказательств по нашему мнению включает следующие этапы: 1) определение поводов для признания доказательств недопустимыми; 2) проверку и оценку доказательств, направленную на установление оснований признания доказательств недопустимыми; 3) принятие процессуального решения; 4) уведомление участников о принятом решении и разъяснение соответствующих процессуальных прав; 5) реализацию правовых последствий, связанную с возможностью признания исключенного доказательства допустимым.

В рамках ограниченного объема статьи рассмотрим первый этап реализации указанного механизма - поводы для признания доказательств недопустимыми.

Отправной точкой инициирования деятельности по признанию доказательств недопустимыми являются допущенные при расследовании уголовного дела нарушения уголовно-процессуального закона, о которых становится известно властным субъектам уголовно-процессуального доказывания или иным участникам уголовного судопроизводства. В случаях установления таких нарушений можно вести речь о поводах для признания доказательств недопустимыми. В рассматриваемом понятии изначально повод – это так называемое «сомнение в доброкачественности» доказательств. Слово «повод» употребляется в самых разнообразных словосочетаниях и смыслах правового и неправового характера. Понятие повода формировалось в процессе научных исследований. По мнению И.Р. Дмитриева, повод следует рассматривать как понятие, априори известное любому правоприменителю на интуитивно-семантическом уровне [4].

Повод для признания доказательств недопустимым следует рассматривать как источник сведений об открытом волеизъявлении участников уголовного судопроизводства, который одновременно является юридическим фактом, влекущим возникновение соответствующей процессуальной деятельности, и имеет в качестве последствия определенное юридическое решение.

Анализ УПК свидетельствует, что в настоящее время в соответствии с ч.3 ст.88 УПК правом признать доказательство недопустимым в ходе досудебного производства по собственной инициативе наделены только прокурор, следователь, дознаватель. Реализуя свое процессуальное право, при установлении фактов нарушений уголовно-процессуального закона, указанные субъекты, вправе инициировать деятельность по признанию доказательств недопустимыми. В обозначенных ситуациях поводом для признания доказательства недопустимым выступает собственное усмотрение прокурора, следователя и дознавателя, которое следует понимать как решение о целесообразности применения закона (ч.2 ст.75, ч.2, ч.3 ст.88 УПК).

Если учитывать такую важную составляющую как процессуальный и ведомственный контроль за ходом расследования уголовных дел, то в досудебном производстве возможна деятельность иных субъектов, прямо не указанных в ст.88 УПК, чья компетенция имеет отношение к деятельности по признанию доказательств недопустимыми.

Речь идет об указаниях руководителя следственного органа (далее - РСО), начальника подразделения дознания и начальника органа дознания. Исходя из расширительного

толкования полномочий указанных должностных лиц о даче указаний подчиненным следователю, дознавателю, можем заключить, что указанные субъекты вправе давать указания и о признании доказательств недопустимыми. В связи с изложенным полагаем п. 3 ч.1 ст. 39, п. 2 ч.1 ст.40.1, п.4 ч.1 ст.40.2 УПК дополнить конкретизацией полномочий указанных должностных лиц о даче указаний о признании доказательства недопустимым.

Кроме того, обладая полномочиями возбудить уголовное дело, принять его к своему производству, произвести расследование в полном объеме, РСО и начальник подразделения дознания, выступая, таким образом, в роли следователя (дознавателя) или руководителя следственной группы (группы дознавателей), вправе по собственной инициативе признать доказательство недопустимым (ч.2 ст.39 и ч.2 ст.40.1 УПК).

Прокурор, как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществляя надзорные функции уполномочен давать письменные указания дознавателю, обязательные для исполнения, в том, числе, по мнению авторов и о признании доказательств недопустимыми по конкретным уголовным делам. В связи с изложенным также предлагается конкретизировать данное полномочие прокурора путем внесения дополнений в п.4 ч.2 ст. 37 УПК.

Полномочия прокурора, непосредственно определяющие порядок принятия решений о признании доказательств недопустимыми изложены в приказах Генеральной прокуратуры РФ [5].

Собственное усмотрение прокурора как повод для признания доказательств недопустимыми может возникнуть в его надзорной деятельности в связи с: 1) рассмотрением материалов проверок сообщений о преступлениях, в ходе которых проводились разрешенные до возбуждения уголовного дела следственные действия (ч.1 ст.144 УПК); 2) проверкой законности и обоснованности возбуждения уголовного дела; 3) проверкой законности и обоснованности задержания лица в порядке ст.91 УПК; 4) рассмотрением жалоб участников уголовного судопроизводства в порядке ст.124 УПК; 5) участием в судебном заседании по рассмотрению ходатайств следователей, дознавателей о проведении следственных действий, требующих судебного решения в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК; 6) проверкой законности и обоснованности прекращения уголовного дела (уголовного преследования), а также приостановления предварительного следствия; 7) вынесением представлений об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства; 8) рассмотрением поступившего от следователя уголовного дела в порядке ст. 221 УПК; 9) рассмотрением поступившего от дознавателя уголовного дела с обвинительным актом в порядке ст. 226 УПК и обвинительным постановлением в порядке ст. 226.8 УПК.

К властным субъектам, обладающих полномочиями признать доказательство недопустимым относится и суд (судья), который вправе принять такое решение в соответствии с ч.2 и ч.4 ст.88 УПК, как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон в порядке, установленном ст.234, ст.235, ч.5 ст.335 УПК. Вместе с тем, анализ норм УПК в части полномочий судьи в ходе досудебного производства показывает наличие еще одного повода для признания доказательств недопустимыми – решение судьи о незаконности следственного действия, проведенного в порядке, предусмотренном ч.5 ст.165 УПК.

В силу положений ч.3 ст.88 УПК, в ходе досудебного производства по уголовному делу правом заявить ходатайство о признании доказательства недопустимым наделяются подозреваемый и обвиняемый. Таким образом, поводом для признания доказательств недопустимыми в таких случаях будет ходатайство указанных участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем отметим, что в рассматриваемой ч.3 ст.88 УПК в числе лиц, которые также вправе заявлять ходатайства, не указан защитник подозреваемого и (или) обвиняемого, которому, как показывает правоприменительная практика, в этом вопросе принадлежит активная роль. Право защитника заявлять ходатайства о признании доказательств недопустимыми вытекают из положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [6], п.8 ч.1 ст.53 УПК. И более того, из положений п.1 ч.6 ст. 226.7 УПК о том, что при производстве дознания в сокращенной форме защитник вправе заявить ходатайство о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении недопустимым. Таким образом, к перечисленным поводам для признания доказательств недопустимыми добавляется еще один – ходатайство защитника.

Изучение процессуального статуса потерпевшего (ст.42 УПК), его представителя (ст.45 УПК), позволяет выделить присущее им право заявлять ходатайства в связи с их участием в уголовном судопроизводстве, в том числе и о признании доказательств недопустимыми. Таким образом, поводом для признания доказательств недопустимыми будут являться соответствующие ходатайства потерпевшего (его представителя). Более того, конкретизация рассматриваемого права нашла отражение в п.1 ч.6 ст. 226.7 УПК главы 32. 1 «Дознание в сокращенной форме».

Механизм исключения недопустимых доказательств в уголовном судопроизводстве реализуется в правоприменительной деятельности через обозначенные поводы, как в ходе досудебного производства, так и при рассмотрении уголовных дел в суде.

Литература

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Комитет по правам человека. М., 2003.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. – № 52 (ч.1). – Ст.4921.
3. Кокорева Л.В. Недопустимые доказательства по уголовному делу // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации: Сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции 23 апреля 2014 г. – Руза: Московский областной филиал МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. С. 68. –71; Титовец И.В. Показания подозреваемого, обвиняемого, полученные в отсутствие защитника и не подтвержденные в суде: процессуальные, финансовые, организационные проблемы // Российский следователь. 2016. № 16. 2015. С. 23 –27.
4. Диссертация Дмитриев, И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 /Игорь Радекович Дмитриев. – Н. Новгород. 2005. – 180 с. – Библ.: с.157 –180.

5. Приказы Генеральной прокуратуры РФ от 06.09.2007 г. № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (ред. 28.12.2007) // Законность. N 11. 2007; от 02.06.2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия». Законность. № 11. 2011.

6. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности адвокатуре» (ред. 02.06.2016) // Рос. газ. – 2002. – 5 июня.

УДК 34.01:340.12

**РАЗВИТИЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ
THE DEVELOPMENT OF THE FORM OF GOVERNMENT
OF CZECH MEDIEVAL**

Мельников В.Ю., доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теории и истории государства и права», Южный федеральный университет

Melnikov V.Y., Doctor of Law, Associate Professor, Assistant Professor of "Theory and History of State and Law", Southern Federal University

e-mail: Juliameln@mail.ru

Серегин А.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теории и истории государства и права», Южный федеральный университет

Seregin A.V., PhD, associate professor, assistant professor of "Theory and History of State and Law", Southern Federal University

e-mail: andrei-seregin@rambler.ru

Аннотация: В статье даётся юридическая характеристика формы правления средневековой Чехии. Автор приходит к выводу, что первоначально в Чехии установилась вассально-сеньориальная монархия. Становление сеймовой республики с выборным государем, было прервано поглощением Чешского королевства державой Габсбургов.

Annotation: In the article the legal characteristics of medieval form of government of the Czech Republic. The author comes to the conclusion that, initially in the Czech medieval was established vassal-liege monarchy. The establishment of the Sejm of the Republic with an elected Emperor, was interrupted by the takeover of the Czech Kingdom by the power of the Habsburgs.

Ключевые слова: Чехия, форма правления, монархия, республика, средние века.

Keywords: Czech, form of government, monarchy, Republic, middle ages.

Одним из ведущих славянских государств средневековья являлась Чехия. Индикатором возросшего веса Чехии в международных делах было получение князем королевского титула в 1158 г. Верховная власть императора над чешским королем была минимальной. Отношения складывались по-разному — от союзов до военных конфликтов, которые возникали с переменным успехом. Но в целом они больше напоминали взаимоотношения партнеров, чем сюзерена и вассала. Императорская Золотая булла 1212 г. признала особый статус Чехии и Священной Римской империи германской нации: чешским представителям вменено в обязанность присутствовать только на тех рейхстагах, которые собираются вблизи границ королевства; если угаснет династия, чехи вправе сами избрать короля без вмешательства извне, и т.д. С XIII в. королевство выдвигается на одно из первых мест в империи. Пржемысл II Оттокар (1253—1278 гг.) активно вмешался в борьбу за императорский трон. Однако недовольные централизаторской политикой короля паны (крупные феодалы), поддержав Габсбургов, сорвали эти планы. Преемники Пржемысла были вынуждены считаться с могущественным панством.

В эпоху Пржемысловичей государственные и общественные дела решались в средневековой Чехии князем вместе с народным собранием. На сейм первоначально сходились все, и простой народ, и высшие сословия. Позднее на сеймах принимают деятельное участие в решении государственных дел владельцы недвижимой собственности, землевладельцы. До XI в. включительно на народных собраниях присутствовали простолюдины. С 1281 г. в заседаниях сейма стали принимать участие представители чешских городов. Самыми авторитетными на сейме считались кметы, которые были главными советниками князей по земским делам[2]. Первоначально кметы – это наиболее уважаемые общинники, обладающие богатым житейским опытом, известные всем народные старшины. Исторически сложилось так, что богатством, образованием, знаниями родовых обычаев выделялись панские роды, заинтересованные в участии в державном управлении.

Вследствие этого, кметство сделалось исключительной принадлежностью панских родов.

Инициатива созыва сеймов принадлежала князю (в последствие королю). Так, в 1068 г. для избрания пражского епископа созывался сейм, на котором не был утверждён в духовном достоинстве некий саксонец Лянц. В 1091 г. созыв сейма производился для провозглашения Конрада наследником короля Вратислава. В 1130 г. заседал судебный сейм, созданный князем Собеславом, по поводу готовившегося против него заговора. В 1134 г. Собеслав созывает сейм на котором епископом вышеградским избирается Ян. В 1138 г. этот же государь очередной раз обращается к созыву сейма, в целях придания легитимности наследования трона его сыном Владиславом. Знаменитый Оттокар в 1271 г. созывает чешский сейм по поводу сделанного ему предложения принять звание германского императора.

Местом сеймовых собраний почти всегда являлся княжий двор в Праге, Вышеграде, Левом Градце и Садске. Иногда князья или короли совместно с народом решали дела в областных городах Чехии и Моравии. Так поступали Болеслав, Литомержиц, Оломуц, Берно и Зноим. В 1037 г., например, по случаю смерти князя Яромира народ собрался в Праге для избрания на престол Братислава I. В 1086 г. столичный сейм ознаменовал коронацию короля Вратислава.

По свидетельству летописца Винченса, в 1158 г. в Праге заседал сейм по поводу оказания помощи германскому императору Фридриху Барбароссе против г. Милана, а в 1164 г. там же по поводу оказания военной помощи Уграм. За содействие против Милана император в том же 1158 году возвёл чешского князя Владислава II в королевское достоинство, с переходом этого достоинства на его преемников, но королевский титул за чешскою династией окончательно был признан буллою 19 Апреля 1204 г. папы Иннокентия III.

Сейму принадлежала также законодательная власть. В 992 г. князь Болеслав вместе с высшим сословием издал закон, на основании которого епископ должен был:

- 1) рассматривать дела о незаконно заключённых браках между родственниками;
- 2) заботиться о постройке храмов в местах соответственных;
- 3) собирать десятину.

В 1039 г. чехи приняли в храме Гнезденском предложенные им князем Бржетиславом I и епископом Севером так называемые *Decreta Brecislai*[3], направленные на борьбу с языческими обычаями. В 1189 г. князь Конрад Оттон предложил сейму в Садске законы, известные под именем *Statuta ducis Ottonis*. Этот сейм и был созван для того, чтобы ему предложить их. 1265 г. происходило совещание короля с сеймом для издания постановлений по поводу обнаружившейся подделки монеты, нападений на войска, бывшие в походах, увеличившегося бродяг, а также по поводу притеснений монастырей со стороны панов[2].

Король Вячеслав II желал составить свод законов чешской земли, которая руководствовалась преимущественно неписанными обычаями, и вызвал из Италии для этой цели доктора права *Gozzi de Urbi Vetera*, но панское сословие воспрепятствовало приведению в исполнение этого намерения, опасаясь уменьшения своего авторитета в отправлении правосудия. Только в XIV в. королю чешскому и императору германскому Карлу IV удалось составить и издать кодекс для Чехи, известный под именем *Majestas Carolina*.

Юридическую силу сеймовые решения принимали, лишь при единогласном решении всех его участников.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что сеймовые собрания древней Чехии обладали следующими полномочиями:

- избирали князя (короля);
- участвовали в коронации главы государства;
- избирали епископа;
- давали согласие на участие войск в заграничных походах;
- принимали или отклоняли закон предложенный князем или одним из участников сейма;
- осуществляли правосудие.

После того, как в 1306 г. угасла династия Пржемысловичей, сеймовая активность стала угасать. Чешские феодалы избрали королем Яна Люксембургского (1310—1346), добившись от него ряда новых привилегий, в том числе освобождения от регулярных податей. В 1317 г. были расширены и упрочены полномочия сложившегося на исходе XIII в. сословного представительства — сейма, в котором были представлены дворянство, духовенство и города.

Своеволие феодальной аристократии было несколько укрощено в правление Карла IV (1346 — 1378), когда союз королевской властис городами принес свои плоды, облегчив правительству нажим на непокорных панов. Богатство и политический вес Чехии помогли королю приобрести императорский скипетр. В качестве германского императора Карла IV он издал знаменитую Золотую буллу 1356 г. Этот акт узаконил политическое раздробление империи, и в то же время упрочил привилегированный статус Чехии. Чешский король стал первым среди светских курфюрстов-князей, избиравших германского императора. При чешских монархах собирался генеральный сейм — орган сословного представительства.

Однако, поражение пражского восстания сословий 1547 г. привело к существенному ограничению полномочий генерального сейма, планировавшего наоборот ограничить полномочия единоличного главы государства[1]. Созывать сейм отныне мог только король,

который издавал для этого так называемые королевские *«пропозиции»* - повестку для обсуждения на собираемом сейме. Сейм, созванный без разрешения короля, объявлялся незаконным. Все сословные союзы были запрещены королевским указом как незаконны, король отныне мог созывать земские сеймы и назначать состав земских учреждений, не выслушивая мнения сословий соответствующих земель.

Более того, Фердинанд I добился от генерального сейма согласия на коронацию своего наследника ещё при своей жизни, что прямо нарушало положения коронационных капитулярий 1526 г. Чешские сословия фактически лишились права на свободное избрание своего короля. Крупнейшей попыткой сбросить владычество Вены было восстание 1618-1620 гг., которое составило первый этап Тридцатилетней войны в Европе. Разгром этого восстания явился национальной катастрофой для Чехии. На страну обрушилась волна репрессий.

Объявив, что в наказание за мятеж чешский народ утратил все свои прежние права и вольности, имперское правительство в 1627 г. издало «обновленный земский устав». Согласно уставу за королем закреплялись наследственные права на трон Чешского королевства; королю и его администрации фактически передавалась высшая законодательная, исполнительная и судебная власть в стране. В сейм, чьи полномочия теперь были сильно урезаны, на правах первого сословия допустили высшее духовенство. За всеми представителями городов в сейме оставлен только один голос (тогда как представители остальных сословий голосовали поименно) — такая процедура была равносильна удалению горожан из сословного представительства, где хозяевами оказались католические прелаты и паны — опора Габсбургов. Немецкий язык приравнивали к чешскому в администрации и суде; в недалеком будущем чешский язык будет вовсе изгнан из делопроизводства. Католицизм стал единственной государственной религией. Таким образом, «обновленный земский устав» оформил превращение Чехии в провинцию Габсбургской монархии.

Таким образом, средневековая Чехия эволюционировала от династической вассально-сеньориальной монархии, через сеймовую республику к утрате суверенитета в рамках Габсбургской наследственной монархии.

Литература

1. Дружественное соглашение чешских сословий (1547 г.) // Собрание памятников древнеславянского права: учебное пособие: в 4 т. / А.В. Серегин; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. Т. IV. Средневековое законодательство западных славян. 2014.
2. Дьячан В. Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измененій ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вв. / В. Дьячан. – Варшава, 1882.
3. Козьма Пражский Чешская Хроника / Козьма Пражский. – М., 1962.

УДК 343

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА
В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
SELECTED ISSUES AN INTERPRETER IN INVESTIGATIVE ACTIONS
INVOLVING FOREIGN CITIZENS**

*Миронов Е.К., г.Ставрополь, ЧОУ ВО «Ставропольский университет», аспирант
кафедры уголовного права и уголовного процесса*

*Mironov E.K., Stavropol, NOL IN «Stavropol University» graduate student of chair of
criminal law and criminal procedure*

e-mail: laliy@mail.ru

Аннотация: Современный этап развития общества характеризуется увеличением миграционных процессов и ростом количества преступлений, совершаемых иностранцами и в отношении иностранных граждан. Расследование уголовных дел с «иностраным элементом» обладает рядом особенностей, в том числе участием переводчика при производстве следственных и процессуальных действий. Статья посвящена отдельным проблемам, связанным с приглашением переводчика и реализацией прав лиц на переводчика.

Annotation: The current stage of development of society is characterized by an increase in migration and the growth of the number of crimes committed by foreigners in respect of foreign nationals. a "foreign element" Investigation of criminal cases has a number of features, including the participation of an interpreter in investigative and procedural actions. The article deals with certain issues related to the invitation of the interpreter and the implementation of the rights of persons to an interpreter.

Ключевые слова: предварительное следствие, допрос, иностранный гражданин, переводчик

Keywords: preliminary investigation, interrogation, a foreign citizen, translator.

Уголовно-процессуальные и организационные особенности расследования уголовных дел с участием иностранных граждан определяются в первую очередь особенностями правового положения и статусом иностранцев, пребывающих в России.

На настоящий момент вопрос о необходимости создания методик расследования преступлений, осложненных наличием «иностранного элемента», детальной правовой и процессуальной регламентации производства следственных и процессуальных действий с участием иностранных граждан, является очевидным и стоит достаточно остро. Проблема особенно обнажилась в последнее десятилетие, когда миграционные процессы приобрели массивный и в определенной степени хаотичный характер. Уместно заметить, что еще в начале девяностых годов прошлого столетия правоохранители не нуждались в специальной методике расследования уголовных дел с участием иностранцев, так как данные преступления были не распространены [1; с.391].

Сегодня количество преступлений, совершаемых на территории России как иностранцами, так и в отношении них, достаточно велико. Правоприменители нуждаются в разработке четкого алгоритма действий при производстве расследования или отдельных следственных действий с участием иностранных граждан.

Первым традиционным вопросом является вопрос об участии переводчика. Статья 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривая правило о том, что «уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках, входящих в Российскую Федерацию республик...», содержит требование о том, что «участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика».

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что в материалах уголовного дела не всегда отражаются данные о компетенции переводчика, разъяснения иностранцу права отвода приглашенного переводчика, о языке перевода.

Российское процессуальное законодательство содержит обращенное к следователю требование об том, что он «перед началом следственного действия, в котором участвует переводчик, ... удостоверяется в его компетентности и разъясняет переводчику его права и ответственность...» (ст.169 УПК РФ).

О том, каким образом следователь должен проверить уровень знания языка приглашенного переводчика, законодатель не разъясняет. Согласно статьи 59 УПК РФ, «Переводчик - лицо, ...свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода», участие которого в деле оформляется постановлением следователя (дознателя). Представляется, что помимо постановления, к материалами уголовного дела необходимо приобщать копии документов, которые подтверждают знание лицом языка перевода. Это могут быть документы об образовании (например, диплом о высшем образовании соответствующего профиля), трудовая книжка или иные документы, подтверждающие стаж работы по специальности, требующей знание языка перевода. При отсутствии таковых документов и невозможности пригласить для участия в следственных действиях переводчика-профессионала (например, когда необходим перевод на нераспространенный язык или диалект), допустим перед вынесением постановления о назначении лица переводчиком, его допрос в качестве свидетеля, в ходе которого оно излагает сведения, подтверждающие знание им языка перевода на должном уровне. При допросе целесообразно выяснить понятны ли ему юридические термины, которые используются при расследовании уголовного дела и знает ли он их значение на том языке, перевод на который необходим, его гражданство, национальность, общее и специальное образование, каким языком владеет, где и когда изучал иностранный (или русский) язык, данные о практической работе переводчика, отношение к допрашиваемому, понятны ли ему последствия заведомо неправильного перевода и уклонения от явки к следователю (дознателю) и в суд.

Отсутствие в уголовном деле перечисленных сведений о переводчике являются существенным отступлением от требований уголовно-процессуального закона и могут привести к оспариванию доказательств, недостаточному выяснению обстоятельств дела и способствовать другим серьезным упущениям.

Факт участия в уголовном деле иностранного гражданина не во всех случаях влечет участие переводчика. Закон не запрещает давать иностранцу показания не на родном ему языке. Однако такое желание обязательно должно быть зафиксировано в протоколе следственного действия, впервые проводимого с данным гражданином. Следователю надлежит выяснить у иностранца насколько свободно он владеет русским языком (или языком, на котором ведется судопроизводство), обладает ли он познаниями только в разговорном стиле или может читать и писать, чем обусловлено такое знание.

УПК РФ недостаточно разъясняет обстоятельства, исключющие участие конкретного лица в качестве переводчика в уголовном деле [2, с. 134]. Поэтому на практике зачастую переводчиками оказываются лица из числа сослуживцев этих иностранцев, либо совместно с ними обучающиеся, или прибывшие в одной туристической группе. Следует помнить, что правом отвода обладает не только лицо, нуждающееся в переводчике, но и сам потенциальный переводчик обязан сообщить следователю о наличии обстоятельств, препятствующих его участию в деле.

Помимо сказанного необходимо обратить внимание на тот факт, что отказ иностранца от услуг переводчика для следователя не является обязательным. Следователь вправе принять решение о привлечении переводчика самостоятельно, если сочтет необходимым его участие в производстве по делу. В этом случае в постановлении о назначении переводчиком должно быть указано, почему следователь вопреки воле иностранного гражданина принял решение о приглашении переводчика [3; с. 201].

Если лицо заявляет отказ от участия переводчика и следователь его принимает, у иностранца сохраняется право давать показания на родном языке, и следователь такое ходатайство обязан удовлетворить.

Если вопрос о предоставлении переводчика выяснялся в ходе проверки поступившего сообщения, то после возбуждения уголовного дело обязательно необходимо вновь вернуться к выяснению этого вопроса.

При предъявлении обвинения иностранцу и предоставлении ему для ознакомления материалов дела целесообразно из тактических соображений вновь вернуться к выяснению вопроса о переводчике и отразить этот факт в протоколе соответствующего следственного действия.

Вопрос об участии переводчика может возникнуть при получении от иностранного гражданина информации о совершенном или готовящемся в отношении него преступлении. Закон не содержит запрета на принятие письменных заявлений на иностранном языке, однако это по меньшей мере нецелесообразно делать, так как впоследствии потребуется дополнительное время на перевод. Правильным на данном этапе будет принятие от иностранца устного заявления и оформления его протоколом. Следует помнить, что приглашение переводчика в этом случае может явиться «вредным», так как потеря времени на его поиск может исключить возможность раскрытия преступления «по горячим следам».

Поэтому вопрос об участии переводчика при принятии заявления о преступлении должен решаться следователем (дознавателем) самостоятельно исходя из практической целесообразности.

При принятии заявления необходимо выяснить помимо общих анкетных данных, постоянное место жительства лица за границей и временное в России, срок действия визы, место работы и должность за границей и в России, просьбу иностранца, пользующегося правом дипломатической неприкосновенности, о производстве с его участием тех или иных процессуальных действий.

Краткий анализ проблем участия переводчика при расследовании уголовных дел с участием иностранных граждан позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования норм уголовно-процессуального закона путем тщательной детализации вопросов о личности переводчика, его процессуальном статусе, сроков реализации права лица на переводчика, последствий отказа от переводчика и других, обозначенных в настоящей статье.

Литература

1. Карпец, И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец // Российское право. – М., 1992.
2. Лифанова, Л.Г. Демократизация отдельных институтов уголовного процесса / Л.Г. Лифанова // Вестник СевКавГТИ. 2014. Выпуск 19.
3. Шадрин, О.Ю. Допрос иностранных граждан в современных условиях: тактико-криминалистический аспект / О.Ю.Шадрин // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всероссийского научно-практического круглого стола. Часть 2. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2016.

УДК 34

**К ВОПРОСУ О СООТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
ПОЛУЧЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА, СО
СВЕДЕНИЯМИ, ПОЛУЧЕННЫМИ В СООТВЕТСТВИИ С УПК РФ
THE ISSUE OF CORRELATE EVIDENCE OBTAINED IN A FOREIGN COUNTRY
WITH THE INFORMATION RECEIVED IN ACCORDANCE WITH THE CRIMINAL
PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

*Миронов Е.К., г.Ставрополь, ЧОУ ВО «Ставропольский университет», аспирант
кафедры уголовного права и уголовного процесса*

*Mironov E.K., Stavropol, NOL IN «Stavropol University» graduate student of chair of
criminal law and criminal procedure*

e-mail: laliy@mail.ru

Аннотация: В статье сделан краткий анализ точек зрения различных юристов относительно вопроса о возможности использования данных, полученных на территории другого государства, при расследовании преступлений в соответствии с законодательством Российской Федерации.

The article made a brief analysis of the various points of view of lawyers on the question of the possibility of using the data obtained in the territory of another State, the investigation of crimes in accordance with the legislation of Russian Federation.

Ключевые слова: предварительное следствие, доказательство, иностранный гражданин, международная помощь

Keywords: preliminary investigation, the evidence, the foreign national, international assistance.

Уголовно-процессуальные особенности расследования уголовных дел с участием иностранных граждан зачастую сопряжены с вопросом о допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства. Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит нормы, регламентирующие вопросы международного сотрудничества при расследовании уголовных дел, а статья 455, определяющая юридическую силу доказательств, полученных не на территории России, закрепляет требования, при соблюдении которых информация, полученная в иностранном государстве, приравнивается к доказательствам, полученным на территории Российской Федерации в полном соответствии с УПК России.

Однако, как показывает судебно-следственная практика, сложности при оценке доказательств при обозначенных условиях, встречаются часто и разрешаются неоднозначно, особенно если речь идет о транснациональной преступности.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 50 Конституции РФ «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Согласно ч. 1 ст. 74 УПК «доказательствами по уголовному делу

являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель, в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Изучение вопросов о правовом статусе доказательств, полученных в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам из источников в иностранном государстве, позволяет сделать обзор мнений по данной проблеме.

Еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. известный советский процессуалист Г.М. Миньковский, при обсуждении международно-правового аспекта доказательств, писал, что обозначенное в законе понятие фактических данных, полученных с нарушением закона требует расширительного толкования так как в процессе производства по некоторым уголовным делам негативные последствия вызывает не только нарушение норм российского законодательства, но и норм международного права и международных договоров [1, с.105].

С точки зрения Е. Сидоренко «... подобные доказательства могут считаться допустимыми, если они получены на законных основаниях, т. е. в рамках самостоятельного расследования или по отдельным поручениям следственных органов России; компетентными лицами с соблюдением процессуальных норм этих государств; закреплены в форме процессуальных документов, имеющих аналогии в уголовно-процессуальном законодательстве России» [2, с. 26-29]. К сожалению автор забывает о наличии соответствующих международных норм как одном из условий обращения за правовой помощью, которые устанавливают процедуру взаимодействия с зарубежными учреждениями юстиции. Несоблюдение указанной процедуры является существенным нарушением процесса, не позволяющим признать допустимыми доказательства, полученные из источников в иностранном государстве. Общеизвестно, что надлежащий источник получения - один из критериев допустимости доказательств. Согласно позиции Н.П. Кузнецова, «...источниками доказательств являются предметы материального мира, обладающие определенными свойствами, качествами, признаками, которые могут использоваться для установления имеющих значение для дела обстоятельств, а также люди, в сознании которых запечатлелись эти обстоятельства» [3, с. 114-115].

Из всего вышесказанного для признания «иностраных» доказательств допустимыми в российском уголовном процессе необходимо соблюдение, как минимум, следующих обязательных условий:

- соблюдение порядка взаимодействия российских правоохранительных органов с компетентными иностранными органами;
- соблюдение законодательства иностранного государства о порядке получения и закрепления доказательств (легальное получение доказательств);
- получение надлежащим субъектом, уполномоченным и компетентным на то органом;
- соответствие «иностраных» доказательств «российским» по форме (способ закрепления, форма собирания и оформление результатов собирания доказательств);
- полученные из-за границы документы подлежат оценке по общим правилам, с соблюдением российского законодательства [4, с.174-175].

Такой подход находит свое подтверждение и в ст. 455 УПК: «Доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручения об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в РФ в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами РФ, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории РФ в полном соответствии с требованиями настоящего Кодекса».

Просьбы об оказании взаимной правовой помощи должны направляться компетентными органами запрашивающего государства. Пункт 1 ст. 15 Европейской конвенции: «О взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» 1959 г. в качестве таковых определяет Министерства юстиции обеих сторон. В связи с многообразием судебных и правоохранительных систем государств участникам допускается расширение круга компетентных органов, что прямо предусмотрено в УПК РФ.

В соответствии с международными договорами РФ зарубежные органы правопорядка по запросу российских правоохранительных органов могут допрашивать свидетелей, потерпевших, других участников процесса, проводить экспертизы, налагать аресты, проводить обыски и выемки, изымать вещественные доказательства и производить иные процессуальные действия, руководствуясь при этом своим внутренним законодательством.

Допустимость доказательств, полученных в процессе оказания правовой помощи, определяется точным исполнением совокупности обязательных процедур и условий международных договоров, общепризнанных норм и принципов международного права, а также законов страны при выполнении, направлении и оформлении запросов.

Л.В. Яковлев полагает, что «...поскольку, заключая договоры, государства обязуются добросовестно исполнять поручения об оказании содействия в проведении следственных действий, то у запрашивающей стороны отсутствуют основания для сомнения в достоверности свидетельских показаний и полноценности вещественных доказательств» [5, с. 287].

С данным высказыванием не соглашается П.А. Lupинская, которая считает, что «...ст. 455 УПК создает лишь предпосылки для решения вопроса о допустимости доказательства, полученного на территории иностранного государства. Только после принятия решения о признании доказательства допустимым оно, наравне со всеми другими доказательствами, оценивается с точки зрения достоверности содержащихся в нем сведений. При возникновении сомнений в допустимости доказательства, полученного на территории иностранного государства, следует проверить соблюдение норм национального процессуального законодательства иностранного государства, а также норм, регламентирующих правомочия государств по оказанию правовой помощи» [6, с. 735.].

Полагаем, что обозначенная точка зрения профессора П.А. Lupинской более заслуживает внимания, так как для того чтобы доказательства, полученные в порядке ст. 455 УПК, могли использоваться в российском уголовном судопроизводстве, «...могут потребоваться определенные действия, направленные на их процессуальную адаптацию».

Закономерен вопрос, как российские правоприменители, не обладая должными знаниями норм иностранного законодательства, могут сделать вывод о правильности проведения процессуальных действий за рубежом? Законодательство многих стран, в том числе стран СНГ, существенно отличается от российского. При этом очевидно, что различия уголовного судопроизводства государств не исключают их сотрудничества по уголовным делам.

Полагаем, что в данном случае следует согласиться с мнением К.Б. Калиновского, который считает, что «...полученные за границей материалы должны быть собраны в уголовно-процессуальном порядке: истребованы или представлены в соответствии со ст. 86 УПК. После этого они могут приобрести статус таких источников доказательств, как иные документы (ст. 84 УПК) или вещественные доказательства (ст. 81 УПК). Согласно требованиям этих и других статей УПК и подлежит оценке допустимость данных доказательств. При этом полученные из-за границы иные документы подлежат оценке по общим правилам и не имеют заранее установленной меньшей или большей юридической силы, чем протоколы российских следственных действий» [7].

Сегодня уже ни для кого не секрет, что одной из основных гарантий защиты прав человека в уголовном процессе от неправомερных действий органов уголовного преследования является такая юридическая санкция, как признание доказательств, полученных с нарушениями установленных уголовно-процессуальными нормами правил, недопустимыми и исключение их из материалов дела. Поэтому вопрос о возможности использования в доказывании по уголовным делам «иностраннх» доказательств требует серьезных разработок в отечественной уголовно-процессуальной науке.

Литература

1. Миньковский, Г.М. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / Г.М. Миньковский. - Воронеж, 1995.
2. Сидоренко, Е. Допустимость доказательств, полученных на территории других государств / Е.Сидоренко // Законность. 1998. № 2.
3. Кокорев, Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов - Воронеж, 1995.
4. Ильина, А.А. Допустимость доказательства, полученных на территории других государств / А.А. Ильина // Обеспечение законности в Российском уголовном судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 7-8 декабря 2006 г.). – Саранск, 2006.
5. Уголовный процесс: учебник / под ред. Радченко В.И. - М.: Юстицинформ, 2006.
6. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. - М: Юристь, 2004.
7. Калиновский, К. Б. Использование материалов, полученных на территории других государств, в качестве доказательств в российском уголовном процессе / К.Б. Калиновский // Международное сотрудничество в борьбе с экономической преступностью и отмыванием денег: тезисы выступления на Международной научно-практической конференции. (18-19 мая 2000 г.). СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2000.

УДК 343.344

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ
PREVENTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF CRIMES IN THE
SPHERE OF ARMS TRAFFICKING**

Мусаев М.М., филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте, кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин

Musaev M.M., a branch of Dagestan state University in the city of Khasavyurt, candidate of legal Sciences, associate Professor of legal disciplines

e-mail: mirza-musaev@mail.ru

Гаджиева А.А., филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте, кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин

Gadzhieva A., a branch of Dagestan state University in the city of Khasavyurt, candidate of legal Sciences, associate Professor of legal disciplines

e-mail: aishalover@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены основные формы деятельности органов внутренних дел по предупреждению незаконного оборота оружия и раскрыто их содержание, предложены пути их совершенствования.

Annotation: Reviewed the main form of activity of internal affairs bodies for the prevention of illicit trafficking in arms and disclosed their content, proposed ways to improve them.

Ключевые слова: незаконный оборот, оружие и боеприпасы, предупреждение незаконного оборота.

Key words: Trafficking, weapons and ammunition, prevention of trafficking.

Одним из факторов существенно осложняющих криминогенную обстановку в Российской Федерации и, в Республике Дагестан, в частности, продолжает оставаться незаконный оборот оружия. В иерархии стран с наибольшим числом лиц, владеющих оружием, в том числе на незаконных основаниях, Россия прочно занимает девятое место. Так, по данным официальных источников в настоящее время на руках у российских граждан зарегистрировано свыше 5 млн. единиц огнестрельного оружия и примерно 2 млн. единиц травматических пистолетов, примерно такое же количество оружия находится у граждан в незаконном их владении. По сведениям, приведенным в своем отчетном докладе Министром МВД РД М. Абдурашидовым, на территории Республики Дагестан в 2015 году выявлено преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ и взрывных устройств примерно на треть больше чем в 2014 году (2038:1557). Темпы прироста числа зарегистрированных преступлений в данной сфере позволяют сделать вывод, что республика в рейтинге наиболее пораженных данным видом преступности занимает шестое место среди всех субъектов РФ[1].

В предыдущих научных исследованиях также не раз отмечалось, что в территориальном разрезе наибольшую распространенность криминальный оборот оружия получил в Свердловской области, г. Санкт-Петербурге, Республике Дагестан, г. Москве и Иркутской области[2].

Незаконный оборот оружия в значительной степени носит ярко выраженный криминальный характер, оказывает ощутимое влияние на состояние, структуру и динамику преступности в целом, в том числе способствует росту вооруженной ее части. Не случайно, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[3] указывается, что незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств представляет серьезную угрозу для общества и государства в целом, что требует принятия скорейших мер по стабилизации ситуации в данной сфере.

В числе наиболее опасных современных тенденций преступности отмечается рост вооруженности и оснащенности преступного мира оружием разных видов, при этом преступники нередко открыто демонстрируют факт наличия у них оружия в стремлении усилить страх населения, вызвать у них обеспокоенность за свою жизнь и здоровье. Закономерным следствием этих процессов становятся: нарастающий вал преступлений, совершенных с применением оружия; имеет место ощутимая профессионализация вооруженных преступных группировок, подкуп, шантаж, угрозы; вооруженное противостояние правоохранительным органам в опасных масштабах, которое входит в повседневную жизнь и многими стало восприниматься как обыденное явление. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в Северо-Кавказском округе и, прежде всего, в Республике Дагестан. Практически ежедневно можно наблюдать в СМИ сообщения о проведении контртеррористических операций силами правоохранительных органов. По данным Кавказского узла только за 2016 год в республике проведено более 67 спецопераций, в ходе которых были уничтожены боевики и изъято большое количество оружия. Так, в поселке Ленинкент правоохранительными органами в ходе адресные проверок было заблокировано домовладение, где в результате штурма были убиты трое предполагаемых боевиков. Одного из них впоследствии опознали как лидера местных боевиков Камиля Магомедова, который имел причастность к подрыву автоколонны с военнослужащими МВД 29 марта 2016 г. Кроме того, на месте проведения спецоперации нашли схрон с большим количеством оружия и боеприпасов[4].

В официальных и неофициальных источниках приводятся данные, позволяющие констатировать неблагоприятные тенденции роста опасных посягательств на жизнь и здоровье граждан и ухудшения их качественных показателей: известная их доля сопровождается корыстно-насильственной мотивацией, увеличивается доля вооруженных преступления против жизни и здоровья террористической направленности. В частности, по имеющимся официальным данным в статистике МВД РФ в 2015 году было зарегистрировано 583 преступления, совершенных с помощью огнестрельного оружия, а по итогам двух кварталов 2016 году их стало почти на 57 процентов больше[5]. Исследователи утверждают, что чаще всего вооруженные преступники пользуются «левыми» стволами - украденными, переделанными из травматика или пневматика под боевые патроны, приобретенными последними на «черном рынке» [6].

В сложившейся ситуации особо актуализируются проблемы профилактики и предупреждения незаконного оборота оружия. Весомую и значимую нагрузку в этом плане несут органы внутренних дел как специализированные субъекты профилактики, предупреждения и пресечения незаконного оборота оружия. К компетенции органов внутренних дел относится борьба с наиболее распространёнными видами преступлений, составляющими до 90% объема преступности. Высокая общественная опасность и ухудшение количественно-качественных показателей незаконного оборота оружия предъявляют особые требования к качеству предупредительно-профилактической работы органов внутренних дел, которые, в первую очередь, обязаны противодействовать этому криминальному явлению.

Важность функций органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту оружия обусловлена также наличием у них широкого спектра полномочий, их профессиональной компетентностью, имеющимися у них реальными возможностями по осуществлению оперативно-розыскных, административно-юрисдикционных, уголовно-процессуальных видов деятельности, конечной целью которых является предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений. А между тем, предупредительно-профилактические функции органов внутренних дел, хотя, и считаются важными составляющими в многочисленных программах, постановлениях, внутриведомственных приказах, в реальной действительности продолжают оставаться второстепенными относительно деятельности по раскрытию и расследованию конкретных преступлений. В этой связи очевидной представляется необходимость совершенствования системы мер профилактики и предупреждения в сфере незаконного оборота оружия органами внутренних дел.

На уровне специально-криминологического предупреждения незаконного оборота оружия органами внутренних дел можно выделить следующие направления данной деятельности:

- меры, направленные на обеспечение надлежащей системы охраны объектов производства и хранения оружия организациями, занимающимися детективной и охранной деятельностью, а также организациями, осуществляющими взрывные и пиротехнические работы; хранения оружия военными объектами, а также органами, выполняющими профессиональные функции с использованием оружия;
- меры контроля за легальным оборотом оружия;
- меры надзора за лицами, которые имеют отношение к легальному обороту оружия;
- меры, направленные на предотвращение и пресечения возможностей самодельного изготовления оружия;
- меры по уничтожению всего изъятого оружия у населения оружия, в том числе самодельного производства.

В числе факторов, продуцирующих незаконный оборот оружия, известное место отводится следующим из них: небрежному хранению огнестрельного оружия; ненадлежащему исполнению обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Учитывая это, важную роль в противодействии незаконному обороту оружия силами органов внутренних дел выполняет деятельность по контролю за

использованием частными охранными предприятиями и службами безопасности служебного оружия. На реализацию этой цели направлены ежегодно проводимые меры по инвентаризации служебного и гражданского оружия, в процессе осуществления которых могут быть обнаружены недостатки в обеспечении сохранности оружия, установлены имеющиеся факты его утраты или хищения.

Детерминирующими факторами в сфере незаконного оборота оружия выступают также существенные нарушения правил законного оборота оружия, которые приводят к выходу его из-под контроля и вовлечению в криминальную сферу. Так, по некоторым данным всего в Республике Дагестан 208 частных охранных организаций, в которых работает 7141 сотрудник. В 116 частных охранных организациях имеется в пользовании 2 175 единиц оружия, а в целом же на руках у населения находится более 100 тысяч единиц огнестрельного оружия. По результатам проверок, проведенных органами внутренних дел, только в 2015 году были обнаружены следующие нарушения: встречаются факты выдачи лицензий на приобретение оружия частным охранам предприятиям и физическим лицам, которые не имели на это права; обнаружены факты недостаточного контроля за организациями, осуществляющими хранение и продажу оружия; нарушались сроки проведения инвентаризации оружия т.д[1].

Разумеется, меры контроля за легальным оборотом оружия занимают особое место в системе мероприятий, которые направлены на предупреждение преступности в сфере незаконного оборота оружия. Контролировать, т.е. знать, что происходит в данной области, и различными способами влиять на ситуацию, видоизменять явление, понижая уровень его общественной опасности до приемлемого.

Необходимо иметь в виду, что контроль за легальным оборотом оружия требует, в первую очередь, строгой организации учета всех владельцев оружия. Эту задачу позволяет осуществить созданная в последние годы автоматизированная система учета оружия, во многом облегчающая контроль за приобретенным оружием, позволяющая установить и выявить лиц, допускающих нарушения установленных законодательством сроков регистрации оружия, а также контролировать объекты разрешительной системы, выявлять недостатки и излишки оружия.

В целях совершенствования контроля предлагаем внести изменения в Инструкцию и наделять правом на приобретение, хранение, ношение и использования в целях самообороны короткоствольного огнестрельного оружия должно предоставляться исключительно гражданам, имеющих «безупречную репутацию». Под «безупречной репутацией» следует понимать отсутствие в биографии граждан, обратившихся за получением разрешения на оружие, не только правонарушающего, но и девиантного, отклоняющегося поведения.

В процессе осуществления своих контрольных функций на работников подразделений разрешительной системы возложены обязанности по выявлению лиц, незаконно владеющих оружием, проводить работу по добровольной сдаче оружия, а в установленных криминальных случаях они могут ставить вопрос о привлечении виновных к уголовной ответственности.

Серьезные сложности возникают в сфере осуществления органами внутренних дел мероприятий по уничтожению изъятого оружия. Дело в том, в случае аннулирования

разрешений сотрудниками разрешительной системы владелец оружия не перестает быть его собственником. Ему предоставляется право выставить оружие на продажу в специализированном магазине либо найти самостоятельно покупателя, он также вправе подарить оружие либо не предпринимать вообще никаких действий. При этом без его согласия уничтоженным быть оружия не может. Поэтому в настоящее время значительное количество оружия оказалось в местах его хранения контроле, при этом обеспечить контроль за его сохранностью крайне сложно из-за перегруженности данных мест. Что же получается изъять незаконное оружие сотрудники вправе, а уничтожить нет, потому что есть нарушитель, который препятствует этому. и не выразил своего согласия на это как собственник? Думается, при таких обстоятельствах, карательная сущность такой меры воздействия на правонарушителя как аннулирование разрешений на оружие существенно снижается. С целью решения данной проблемы предлагаем закрепить на законодательном уровне, что аннулирование лицензии на оружие влечет его конфискацию и последующее уничтожение. При этом конфискация может расцениваться как особая административно-правовая мера воздействия за отдельные виды правонарушений в сфере оборота оружия (аналогичный опыт введения конфискации за отдельные виды преступлений имеется в УК РФ).

В процессе осуществления профилактических и специальных мероприятий органами внутренних дел из незаконного оборота сегодня изымается значительное количество самодельного оружия. Так, по данным МВД России, органами внутренних дел ежегодно изымается из незаконного оборота в среднем до 150 тыс. единиц только огнестрельного оружия. В Республике Дагестан в 2015 году из незаконного оборота изъято 449 единиц огнестрельного оружия, в том числе 91 автомат, 30 гранатометов, 3 пулемета, 201 пистолет, 120 ружей и винтовок, 666 гранат, 61 взрывное устройство, более 76 тысяч патронов, 48 кг. взрывчатых веществ[7]. Безусловно, это не может не сказаться негативно на общественной безопасности и создает угрозу для жизни и здоровья многих людей. В этой связи вполне оправдана практика уничтожения всего самодельного огнестрельного оружия. Оружие заводского изготовления подлежит конфискации, реализуется либо передается государственным военизированным организациям. При этом существующая практика решения судьбы оружия как вещественного доказательства не всегда может исключить возможность повторного поступления в криминальный оборот однажды изъятого оружия.

С целью профилактики правонарушений, связанных с оборотом оружия, а также его хищений органами внутренних дел проводятся комплексные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции («Арсенал», «Динамит-Баланс», «Караван-Авто», «Пиротехника»).

В последние годы важное значение в предупредительно-профилактической деятельности органов внутренних дел отводится мерам по скупке оружия, которое находится в незаконном обороте, у населения. Так, в рамках «Программы по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности на 2014-2017 годы » предусмотрены меры по ежегодной добровольной сдаче гражданами на возмездной основе незаконно хранящегося огнестрельного оружия (операция «Оружие»). По имеющимся данным в Республике Дагестан только за 2015 год было выкуплено у населения оружия на

сумму более 4 млн. рублей. Стоимость оружия и его цены устанавливаются Постановлением Правительства Дагестана, так, к примеру, пулемет или винтовка СВД оценивается в 25 тысяч рублей, автомат – 20 тысяч, пистолет – 15 тысяч, взрывное устройство – 2 тысячи[8].

Вместе с тем, население республики не проявляет особую активность в данной операции, по неподтвержденным данным на руках у граждан продолжает оставаться большое количество оружия. В этой связи органам внутренних дел необходимо усилить разъяснительную работу с населением по месту жительства, работы, учебы, ориентировать население на добровольную сдачу оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в том числе и на возмездной (платной) основе. Думается, что эффективность мероприятий по скупке может быть повышена, если поощрять граждан не только за сам факт сдачи оружия, но в том числе за предоставление информации о каналах поступления оружия. Борьба с незаконным оборотом оружия не должна сводиться к оперативно-розыскным мероприятиям, необходимо обеспечить высокую гражданскую активность и готовность населения содействовать органам внутренних дел в этой сфере. Информативную помощь в этом плане также могут оказать представители общественности, которые хорошо знают местную обстановку, население и в том числе владеют информацией о причастности к незаконному обороту оружия тех или иных лиц.

Обеспечение эффективности предупредительно-профилактической деятельности органов внутренних дел в сфере незаконного оборота оружия требует также организации их взаимодействия с контролирующими органами, органами исполнительной власти республики и местного самоуправления, представителями общественности с целью выявления, пресечения и предупреждения правонарушений и преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. А между тем, Прокурором РД Шахназовым Р.А. на совещании было указано на слабое взаимодействие разных структур в деле борьбы с незаконным оборотом оружия в регионе. Необходимо усилить различные формы взаимодействия специализированных и неспециализированных субъектов профилактики незаконного оборота оружия. Следует улучшить систему взаимного обмена криминологической и иной информацией, проводить совместное планирование предупредительно-профилактических мер, проводить совместные совещания, деловые встречи для согласования усилий по противодействию преступлениям и т. д.

Неблагоприятной тенденцией последних лет становится и расширение масштабов и пространственно-территориальных показателей незаконного оборота оружия, территория России активно используется группировками организованной преступности и преступными сообществами для транзита оружия. Поэтому представляется важным наладить совместную работу МВД по РД и УФСБ России по РД, Пограничного управления ФСБ России по РД и Дагестанской таможни, которая позволяет выявить и перекрыть каналы поступления оружия на территорию республики из стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе морским, железнодорожным и автомобильным транспортом через Государственную границу Российской Федерации.

Завершая изложенное следует подчеркнуть, что в целом криминальная ситуация в сфере оборота оружия в последние годы не изменилась в сторону стабилизации, по-прежнему сохраняется достаточно высокий уровень опасности в связи с незаконным

оборотом оружия и террористических угроз и угроз общественной безопасности в целом. В этих условиях необходима единая, целенаправленная, скоординированная система предупредительно-профилактической деятельности, центральным субъектом которой являются органы внутренних дел органов.

Литература

1. Отчет Министра внутренних дел по Республике Дагестан Магомедова А.М. Народному Собранию Республики Дагестан [Электронный ресурс] <https://05.мвд.рф/news/item/7449176> [Дата обращения 31.10.2016 г.]
2. Загайнова Ю.В. К вопросу о понятии незаконного оборота оружия// Вестник Восточно-сибирского института Министерства внутренних дел России.– 2012г - №3 (62). – С. 36-42
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ [Дата обращения 31.10.2016 г.]
4. Дагестан: хроника террора (1996-2016 гг.) [Электронный ресурс] // <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/dagestan-hronika-terrora-1996/48567302>[Дата обращения 03.11. 2016 г.]
5. Официальные статистические данные ИЦ МВД РД за 2015-2016 год
6. Домрачева Е.А., Иляхина О.Ю., Попов А.В. Незаконный оборот оружия в России //Выпуск № 4. – 2015г. – С.39
7. Постановление Правительства РД 24 апреля 2014 г. №184 «О мерах по организации добровольной сдачи гражданами незаконно хранящихся огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» [Электронный ресурс] // <http://www.e-dag.ru/2013-05-27-06-54-30/postanovleniya-pravitelstva-rd> [Дата обращения 03.11. 2016 г.]
8. Отчет Министра внутренних дел по Республике Дагестан Магомедова А.М. Народному Собранию Республики Дагестан [Электронный ресурс] <https://05.мвд.рф/news/item/7449176> [Дата обращения 31.10.2016 г.]

УДК 343

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ
AN IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW SAFEGUARDS OF
CONVICTED PERSONS AND PERSONS IN DETENTION FACILITIES**

Никитин Д.А., начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России кандидат юридических наук, доцент

Nikitin D.A., The head of the Criminal Law Chair of the Pskov branch of the Academy FSIN of Russia, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Associate Professor lieutenant - colonel of internal service

e-mail: dima60-62@yandex.ru

Сафонов Д.В., Преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковского филиала Академии ФСИН России

Safonov D.V., the lecturer of the Operative Detective Activity of UIS Chair of the Pskov branch of the Academy FSIN of Russia, lieutenant - colonel of internal service

e-mail: dim-dim-dimass@rambler.ru

Аннотация: статья посвящена проблемам уголовно-правовой охраны прав лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции. Основное внимание авторы уделяют вопросам совершенствования конструкции уголовно-правовой нормы ст. 321 УК РФ в целях обеспечения личной безопасности осужденных отбывающих наказание в виде лишения свободы, обвиняемых и подозреваемых, заключенных под стражу и содержащихся в следственных изоляторах уголовно-правовыми средствами.

Abstract: the article is concerned with the problems of persons' criminal law protection in detention facilities. The authors place special emphasis on the items of criminal law construction art. 321 UK RF improvement in order to safeguard convicted persons in custody, accused persons and suspects in prisons and pretrial detention centers.

Ключевые слова: преступление, личная безопасность, дезорганизация, насилие, лишение свободы, осужденный, подозреваемый, обвиняемый, изоляция от общества, следственный изолятор, наказание.

Key words: crime, personal security, disarrangement, prison violence, imprisonment, convicted person, suspect, accused person, social isolation, pretrial detention center, punishment.

В пенитенциарной криминологии в числе наиболее актуальных проблем, рассматриваются вопросы уголовной ответственности за действия, дезорганизующие деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества. Прежде всего в силу специфического характера, этого вида правонарушающего поведения осужденных. Многие специалисты отмечают, что конструкция указанной уголовно-правовой нормы определена таким образом, что распространяет свое действие на обеспечение

уголовно-правовой охраны личной безопасности не всех категорий лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции[1].

Одним из важнейших направлений деятельности исправительных учреждений является совершенствование практики применения норм, обеспечивающих личную безопасность осужденных отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Не обеспечив достаточного уровня неприкосновенности личности в местах лишения свободы, невозможно говорить о нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, о выполнении стоящих перед ними задач по достижению закрепленных в законе целей наказания.

В действующем уголовном законодательстве, содержатся группы специальных норм, ориентированных на регулирование вопросов личной безопасности, осужденных в исправительных учреждениях. Например, закрепив в Уголовном законе ответственность за такие деяния, как захват заложника (ст. 206 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ), дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), законодатель тем самым укрепил правовые основы не только системы безопасности в деятельности исправительных учреждениях, но и условий, способствующих реализации личной безопасности осужденных[2].

Ввиду того обстоятельства, что напряженность «пенального конфликта наиболее высока именно в местах лишения свободы», [3] неслучайно решение законодателя о введении состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Кстати, сказать специальная норма, устанавливающая ответственность за посягательство на нормальную деятельность исправительно-трудовых учреждений в отечественном уголовном законодательстве, впервые появилась в 1962 году[4].

Ныне действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, кардинальным образом пересмотрел многие правовые институты, успешно действовавшие в советской период, но оказавшиеся неэффективными в новых социально-экономических условиях. Существенно изменив содержание большого количества правовых институтов и норм УК РСФСР, действующий уголовный кодекс, вместе с тем унаследовал от него и хроническую «болезнь» – их постоянное изменение и дополнение. Многие специалисты отмечают, что, «нескончаемый поток изменений, вносимых в Уголовный закон, приводит к рассогласованию практики его применения» [5].

В соответствии с ч. 1 ст. 321 УК РФ потерпевшим признается только осужденный. Диспозиция данной нормы не распространяет своего действия в отношении лиц, являющихся подозреваемыми и обвиняемыми, в период их содержания в следственных изоляторах. Представляется, что такое положение дел неприемлемо так как согласно Уголовного закона, уголовно-правовой охране подлежат только лица, подвергшиеся преступному посягательства, имеющие специальный правовой статус – осужденного.

Следственные изоляторы осуществляя функцию изоляции от общества подозреваемых и обвиняемых, являются носителями полного спектра криминогенных противоречий, свойственных исправительным учреждениям, включая распространение криминальных обычаев и традиций. Не случайно в литературе среди факторов, отрицательно

влияющих на состояние личной безопасности осужденных (равно как подозреваемых и обвиняемых) указывается «запрет со стороны «авторитетов» преступного мира на установление психолого-эмоциональных контактов с администрацией СИЗО» [6]. Это подтверждается и рядом других убедительных доказательств. Так, например, об «открытости» условий следственных изоляторов для действия криминогенных противоречий говорят показатели нарушений порядка и условий содержания в СИЗО, нашедших свое отражение в материалах уголовно-правовой статистики.

Не случайно, в отечественной пенитенциарной криминологии противоправное поведение лиц, содержащихся в следственных изоляторах, традиционно относится в такому специфическому виду, как – пенитенциарная преступность [7]. Говоря о пенитенциарной преступности, мы имеем в виду такой тип преступного поведения, который генетически связан с условиями изоляции от общества, «относится к исправительным учреждениям и связан с процессом исправления в подобных учреждениях» [8]. Ежегодно в СИЗО регистрируются довольно большое количество преступлений. Благодаря тому, что в данных учреждениях отбывают наказание и осужденные, оставленные здесь для выполнения хозяйственных работ, имеет место регистрация и преступлений, квалифицируемых по ст. 321 УК РФ.

В свою очередь, схожесть условий содержания под стражей с условиями исправительных учреждений, дает нам возможность говорить о наличии пенитенциарного преступного поведения, среди подозреваемых и обвиняемых, уравнивая последних в вопросах ответственности с осужденными к лишению свободы. Стало быть, решение законодателя о криминализации деяния по дезорганизации нормальной деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, должно быть распространено и на категорию лиц, содержащихся в СИЗО.

Следует согласиться с мнением Э.Е. Кудряшова, что основным препятствием на этом пути является то, что на подозреваемых и обвиняемых в виду отсутствия обвинительного приговора суда не распространяются цели уголовного наказания и, в частности, такая из них, как «исправление осужденного». Статья же 321 УК РФ четко определяет цель применения насилия – «воспрепятствовать исправлению осужденного» [9].

Под исправлением осужденного понимается «комплексное психолого-педагогическое воздействие, направленное на формирование у них поведения, соответствующего конституционным нормам, нормам морали и нравственности нашего общества. Исправление осужденных предполагает такую корректировку их сознания, которая исключила бы возможность совершения новых преступлений, что достигается формированием уважительного отношения к человеку и обществу, общественно полезному труду, нормам правилам и традициям человеческого общежития и стимулированием правопослушного поведения» [10].

Вместе с тем, принудительное нахождение подозреваемых и обвиняемых в условиях изоляции накладывает на государство дополнительные обязательства по обеспечению их личной безопасности, а в самом широком смысле слова – права на установленный законом порядок содержания под стражей [11].

Как мы отметили ранее субъектом данного состава преступления может выступать только осужденный. То есть получается, то же деяние, совершенное заключенным под стражу будет квалифицировано по другим статьям уголовного кодекса. Данное решение законодателя представляется не логичным, так как следственный изолятор также является учреждением, обеспечивающим изоляцию от общества.

Также среди доказательств необходимости распространения действия статьи 321 УК РФ на лиц, содержащихся в следственном изоляторе, необходимо указать и то, что персонал СИЗО находится под защитой ч. 2 ст. 321 УК РФ. Далее, вторая часть анализируемой нормы гласит – «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких». То есть все-таки места содержания под стражей принимаются во внимание. Получается, что уголовно-правовая защита в отношении сотрудника следственного изолятора действует, а в отношении заключенного под стражу – нет!

Возникает вопрос, стоит ли вообще указывать цель в диспозиции преступного посягательства, осужденного в ч. 1 ст. 321 УК РФ? По нашему мнению, любое преступление фактически дезорганизует деятельность исправительного учреждения и применение насилия к осужденным, побои и убийство и даже корыстно-насильственные преступления. Законодатель в ч. 1 ст. 321 УК РФ уже закрепил такой основной признак объективной стороны как применения насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его.

В этой связи вызывает интерес позиция Е.А. Бирюковой, исследовавшей совершение убийств в исправительных учреждениях. По ее мнению, «убийство, совершаемое осужденным в исправительной колонии, общественно опасно не только причинением смерти потерпевшему, но и способностью полностью или частично дезорганизовать процесс исполнения наказаний в виде лишения свободы.

Это объясняется тем, что совершение осужденным убийства во время отбывания наказания в исправительной колонии всегда нарушает ее нормальную деятельность, ставя под угрозу личную безопасность осужденных, персонала и иных лиц, а также безопасность функционирования данного исправительного учреждения и уголовно-исполнительной системы в целом.

Вместе с тем совершение осужденными убийств во время отбывания наказания в исправительных колониях всегда нарушает нормальную деятельность этих учреждений, ставя под угрозу безопасность осужденных, персонала и иных лиц, а также безопасность функционирования данного исправительного учреждения и уголовно-исполнительной системы в целом, то есть способно полностью или частично дезорганизовать весь процесс исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы» [12].

На это, в частности, указывает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя судам, что если убийство осужденного совершено с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, то содеянное надлежит квалифицировать, помимо соответствующей части ст. 105 УК РФ, дополнительно

по ст. 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества [13].

Что уж говорить о таком преступлении, как убийство. В каждом таком случае у осужденных усиливается беспокойство за свою жизнь, возникает чувство незащищенности, неуверенности и страха, не только формируется отрицательное отношение к администрации исправительного учреждения и в целом к правоохранительным органам, но и подрывается вера в справедливость и силу закона, что в итоге может повлечь за собой совершение других тяжких преступлений, а также действий, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, или привести к массовым беспорядкам.

В целях совершенствования уголовно-правовых мер обеспечения личной безопасности лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях или содержащихся в следственных изоляторах, предлагается исключить из конструкции состава ст. 321 УК РФ слова «с целью воспрепятствовать исправлению».

Часть 1 ст. 321 УК РФ содержит указание на мотив совершения преступления «из мести за оказанное содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы». Наконец, как показывает судебная практика, на размер назначаемого наказания установление данного обстоятельства существенного влияния не оказывает.

Обобщая все вышеизложенное, представляется приемлемым изложить ч. 1 ст. 321 УК РФ в следующем виде «Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении осужденного, а равно в отношении заключенного под стражу из мести за оказанное содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы».

Литература

1. Саруханян А.Р., Уваров И.А. О недостатках конструкции ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 139-142.
2. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982; С. 57-58; Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1983. С. 215-227.
3. Уваров И.А. Пенальный конфликт в системе детерминации пенитенциарного преступного поведения осужденных // Мировой судья. 2008. № 2. С. 26-29.
4. О внесении изменений и дополнений в уголовный кодекс РСФСР: Закон РСФСР от 25 июля 1962 г. // Ведомости ВС РСФСР, 1962, № 29, ст. 449.
5. Милюков С.Ф. России нужен новый Уголовный кодекс // Пять лет действия УК РФ. М., 2003. С. 42-46.
6. Папичев Н.В., Кулькин В.В. Актуальные проблемы защиты прав подозреваемых и осужденных. Омск, 2008. С. 84.
7. Уваров И.А. Введение в пенитенциарную криминологию (опыт структурного построения): Монография. М., 2007. С. 27.
8. Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 596.

9. Кудряшов Э.Е. Совершенствование уголовно-правовых мер обеспечения криминологической безопасности в следственных изоляторах // Человек: преступление и наказание. 2009. № 3 (66). С. 107-110.
10. Постатейный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2007 г.: Учеб. пособие для студентов / Под ред. Ю.И. Калинина. М., 2007. С. 9.
11. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1995, № 29, ст. 2759.
12. Бирюкова Е.А. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых осужденными в исправительных колониях. Рязань, 2006. С. 9.
13. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

УДК 347

**К ВОПРОСУ О СОПРОВОЖДЕНИИ НОТАРИУСОМ ПЕРЕХОДА ДОЛИ
ИЛИ ЧАСТИ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ПРИ ОТЧУЖДЕНИИ ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ
ACCOMPANIED BY THE ISSUE OF NOTARY TRANSITION SHARE OR PART
OF SHARE IN THE CHARTER CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY AT
ALIENATION THIRD PARTIES**

Понежин М.Ю., Ростов-на-Дону, ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», юридический факультет, кафедра конституционного и муниципального права, кандидат юридических наук, доцент

Ponezhin M.Y., Rostov-on-Don, FGBOU IN "RGEU (RINE)", Faculty of Law, Department of Constitutional and Municipal Law, PhD, Associate Professor

e-mail: ponezhin-m@mail.ru

Баймах С. Р., Феодосия, Юрисконсультант нотариальной конторы Кировского районного нотариального округа Республики Крым

Beim S.R., Theodosius, Legal Adviser notary office of the Kirov District notarial district of the Republic of Crimea

e-mail: baymakh.sr@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены подходы к вопросу о сопровождении нотариусом перехода доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью при отчуждении третьим лицам.

Annotation: The approaches to the issue of transition, accompanied by a notary public share or part of share in the charter capital of a limited liability company at the disposal of third parties.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, переход доли, сопровождение нотариусом.

Keywords: a limited liability company, transfer of the share, a notary support.

В Российской Федерации активно продолжается реформа гражданского законодательства. Ряд изменений в Гражданском кодексе коснулся и деятельности общества с ограниченной ответственностью. Принятые законодательные меры, направлены на совершенствование механизма, корпоративного контроля над отчуждением долей в данной организационно-правовой форме юридического лица. Тему нашего исследования мы бы хотели рассмотреть с помощью методов, известных науке ранее [4,5,6,7,8,9,10,11].

Переход доли или части доли в уставном капитале ООО к другим участникам указанного общества или к третьим лицам в соответствии с п. 1 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью"[1,2] может быть осуществлен на основании сделки, в порядке правопреемства либо на ином законном основании. Участник ООО вправе продать или иным образом передать принадлежащую ему

долю в уставном капитале общества одному или нескольким участникам данного общества (п. 2 ст. 218 ГК РФ, п. 2 ст. 21 Закона об ООО). При этом по общему правилу согласие остальных участников или самого общества на совершение сделки не нужно, однако иное может быть предусмотрено уставом.

Одним из наиболее распространенных способов отчуждения доли либо части доли в ООО, который встречается на сегодняшний день в практике, является договор купли-продажи. Рассматривая вопрос относительно отчуждения доли в уставном капитале ООО третьим лицам, необходимо отметить, что согласно последним изменениям, внесенным законодателем в вышеуказанный нормативно-правовой акт на сегодняшний день существует два порядка отчуждения доли.

Первый вариант предполагает составление одного документа (например, договора купли-продажи, мены) с изготовлением соответствующего экземпляра каждой из сторон сделки. Такая сделка подлежит обязательному нотариальному удостоверению, нормой закона установлено, что несоблюдение нотариальной формы означает недействительность такой сделки.

Вместе с тем, законодательством предусмотрен еще один порядок отчуждения доли в уставном капитале ООО – сделка, направленная на отчуждение доли во исполнение опциона на заключение договора.

Данное нововведение предусмотрено статьей 429.2 ГК РФ и устанавливает, что одна сторона предоставляет второй стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом. Опцион на заключение договора предоставляется за плату или другое встречное предоставление, если иное не предусмотрено самим соглашением. Вторая сторона может заключить договор путем акцепта такой оферты в порядке, в сроки и на условиях, которые предусмотрены опционом.

Таким образом, участник ООО, желающий продать свою долю в уставном капитале ООО, составляет отдельный документ – безотзывную оферту, которая подлежит нотариальному удостоверению, а покупатель, если он намерен приобрести указанную долю, в установленные сроки акцептирует ее также путем нотариального удостоверения.

Само понятие оферты содержится в статье 435 ГК РФ, которая закрепляет, что «офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение» [1]. Она должна содержать в себе все условия договора, которые относятся к существенным, и связывает лицо, которое направило оферту с того момента, как адресат ее получил.

Таким образом исходя из понятия оферты можем прийти к выводу, что оферта является односторонней сделкой, поэтому нотариус должен совершать нотариальное действие по удостоверению сделки.

Возвращаясь к теме отчуждения доли в уставном капитале ООО, отметим, что в любом случае, лица, желающие заключить сделку по отчуждению доли третьему лицу, обращаются к нотариусу для нотариального удостоверения такой сделки.

Нотариус, удостоверяющий сделку по отчуждению доли или части доли в уставном капитале ООО, либо удостоверяющий безотзывную оферту или акцепт должен осуществить

все необходимые проверочные действия относительно соблюдения законности и установленного действующим законодательством порядка отчуждения доли, в том числе путем истребования следующих документов:

- устав ООО (в действующей редакции, со всеми внесенными в него изменениями), в том числе особое внимание необходимо уделить порядку отчуждения доли, праву преимущественной покупки иных участников ООО, наличию заранее оговоренной цены, по которой должна быть отчуждена доля;

- свидетельство о государственной регистрации юридического лица;

- свидетельство о постановке на налоговый учет;

- документы, удостоверяющие личность;

-выписка из ЕГРЮЛ, полученная через ЕИС «Енот» срок действия которой составляет 30 дней.

- документ, подтверждающий принадлежность доли лицу, список участников общества с указанием размера доли каждого из них, а также справку о том, что доля оплачена в полном объеме;

Законодательством прямо предусмотрено, что доля может быть отчуждена только в случае ее полной оплаты, неоплаченная доля либо ее часть не может быть передана другому лицу.

Это же и подтверждает судебная практика, так, Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 октября 2014 года № Ф07-3261/13 по делу № А56-55136/2012 установлено, что доля может быть отчуждена до полной оплаты только в той части, в которой она оплачена [3].

Одним из основных вопросов, которому нотариус должен уделить внимание, является соблюдение лицом права преимущественной покупки доли другими участниками ООО и самим обществом.

Согласно п. 5 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью"[2] участник ООО, который намерен продать свою долю либо ее часть, обязан уведомить об этом остальных участников общества письменно путем направления через общество нотариально удостоверенной оферты всем остальным участникам, в которой необходимо указать все существенные условия продажи, в том числе цену, по которой он эту долю продает. Если лицо после того как направило оферту изменило свое решение и направило извещение об ее отзыве, и такое извещение поступило раньше или одновременно с офертой, то она считается неполученной. Отзыв оферты по общему правилу возможен лишь с согласия остальных участников общества, однако иное условие может быть предусмотрено обществом путем внесения соответствующего пункта в устав.

Преимущественное право покупки доли прекращается в день истечения срока использования указанного права. Указанное преимущественное право покупки может быть прекращено ранее установленного срока, если от всех участников ООО предоставлены письменные заявления об отказе от использования преимущественного права, при этом подпись на таком заявлении должна быть засвидетельствована в нотариальном порядке (п. 6 ст. 21 вышеуказанного закона).

В случае если при продаже доли было нарушено указанное преимущественное право покупки доли в уставном капитале ООО, общество в течение трех месяцев со дня, когда участники узнали или должны были узнать о данном нарушении, имеет право обратиться в арбитражный суд для перевода на них прав и обязанностей покупателя.

Установление такого правила объясняется особым характером ООО как юридического лица. Между его участниками складываются доверительные отношения, которые необходимы для его успешного функционирования [15]. Таким образом, можем сделать вывод, что преимущественное право участника ООО на покупку доли исходит из смысла корпоративных отношений, когда иные участники ООО не хотят других партнёров при осуществлении деятельности, для которых юридическое лицо изначально создавалось. Так, например, Д.В. Ломакин считает, что преимущественное право покупки доли фактически не ограничивает право собственника доли в распоряжении ею, поскольку в конечном счете эта доля все равно будет отчуждена, просто законодатель установил особый порядок ее отчуждения [13].

Вместе с тем, необходимо отметить что право преимущественной покупки возникает у участников ООО только при продаже доли в уставном капитале, на иные сделки, например, дарение доли, оно не распространяется. Эта позиция также подтверждается судебной практикой, в частности, это закреплено в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 декабря 2005 года № 102 (пункт 7) [16].

Убедившись в том, что право преимущественной покупки соблюдено, нотариус также определяет, распространяется ли режим общей совместной собственности супругов на отчуждаемую долю в уставном капитале ООО.

Так, если отчуждатель состоял в зарегистрированном браке на момент приобретения доли, то нотариус истребует согласие второго супруга на отчуждение указанной доли, которое должно быть удостоверено нотариально. Исключение могут составить случаи, когда между супругами заключен брачный договор, в котором закреплен режим раздельного имущества супругов. Если отчуждатель в период приобретения доли, которую продает, в браке не состоял, то нотариус истребует заявление, подтверждающее данный факт [14].

После удостоверения сделки по отчуждению доли или части доли в уставном капитале (или акцепта безотзывной оферты), нотариус, удостоверивший сделку, не позднее двух рабочих дней, если иной срок не установлен в договоре, подает в налоговый орган заявление о внесении изменений в ЕГРЮЛ по форме № Р14001 (приложение № 6 к приказу ФНС № ММВ-7-6 от 25 января 2012 года) [17]. Указанное заявление подписывается нотариусом и скрепляется его печатью, при этом бланк для совершения нотариальных действий им не используется.

Кроме того, в течение трех дней после удостоверения сделки нотариус осуществляет нотариальное действие по передаче обществу, отчуждение доли в уставном капитале которого осуществляется, копии вышеуказанного заявления.

После регистрации соответствующих изменений документы поступают в электронном виде нотариусу. Покупатель за обращается к нотариусу за получением документов с результатами регистрации.

Неоднозначным вопросом в нотариальной практике, с которым нотариусы сталкиваются при удостоверении сделок, направленных на отчуждение доли в уставном капитале ООО, является множественность лиц на стороне покупателя или продавца. По данному вопросу существует два подхода, которые в принципе являются противоположными.

Первый подход, представителем которого, в частности, является М.Н. Илюшина, [13] выражается в том, что множественность сторон на стороне покупателя или продавца недопустима. Обосновывая свою позицию, представители этого подхода исходят из правового режима доли как объекта правоотношений, при этом внимание акцентируется на том, что доля в уставном капитале ООО – это отдельный, самостоятельный, полноценный объект, такой же, как, например, квартира, дом или земельный участок, поэтому удостоверить один общий договор купли-продажи, например, двух разных долей, которые принадлежат разным собственникам, недопустимо.

Как отмечают, авторы комментария к закону об ООО «Доля участника в уставном капитале общества представляет собой не имущество в натуре, а право требования участника к обществу, поскольку сам уставный капитал общества представляет собой условную величину - сумму номиналов долей участников. Хоть он условно и делится на доли участников, но составляющее уставный капитал имущество не является объектом их долевой собственности, а целиком принадлежит обществу как юридическому лицу» [12].

Именно потому что у собственников долей не возникает право общей долевой собственности, а каждому принадлежит его доля на праве частной собственности, считается недопустимым заключение одного договора купли продажи, например, двух долей, принадлежащих разным собственникам одному покупателю, либо наоборот, купли-продажи одной доли двумя покупателями.

Однако на законодательном уровне такого запрета не закреплено, что порождает различную правоприменительную практику.

Второй подход выражается в том, что считается возможным включение в один договор нескольких сделок купли-продажи долей (частей доли) в уставном капитале ООО и удостоверение такого договора в случаях, когда такие сделки каким-либо образом связаны между собой.

Такое мнение выразила и Федеральная нотариальная палата, указав при этом, что в силу п. 1 статьи 308 ГК РФ в обязательстве в качестве каждой из сторон могут участвовать одно или одновременно несколько лиц. Согласно п. 1 ст. 420 ГК РФ договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Статьей 421 Кодекса установлен принцип свободы договора, в соответствии с которым граждане и юридические лица свободны в заключении договоров. Следовательно, препятствий для удостоверения договоров с множественностью сторон не имеется.

В данной проблематике, хотелось бы согласиться частично с представителями обоих мнений по данной теме. Так, при удостоверении договора купли-продажи двух разных долей, которые принадлежат разным участникам ООО, хотелось бы отметить, что, исходя из того, что каждая доля является объектом права собственности каждого из участников, и

общая долевая собственность у них не возникает, необходимо, на мой взгляд, удостоверить два разных договора купли-продажи долей, поскольку каждая из данных сделок требует проведения отдельных проверочных действий. Действительно, если доля в уставном капитале ООО является самостоятельным объектом права собственности, то представляется неправильным объединение двух разных объектов, принадлежащих разным собственникам в один договор, поскольку каждый из этих договоров является самостоятельным юридическим фактом, на основании которого возникает право собственности на различные доли у покупателя (покупателей), каждая из этих сделок будет требовать проведения дополнительных проверочных действий нотариусом, в том числе относительно принадлежности этих долей их собственникам. Ключевым моментом при этом является то, что право общей долевой собственности у участников ООО не возникает. В то же время для удостоверения договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО двум и более лицам препятствий для нотариуса, на наш взгляд, не предусматривается, поскольку собственник доли, который является отчуждателем, один, соответственно ему принадлежит доля в уставном капитале ООО, и он, реализуя свое право собственности, может распорядиться ею по своему усмотрению, в том числе совершать сделки, направленные на отчуждение доли одному или нескольким покупателям по своему усмотрению. Исходя из вышесказанного представляется возможным удостоверение такой сделки, поскольку нарушения норм действующего законодательства при этом не предусматривается.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. - № 7. - Ст. 785;
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.10.2014 N Ф07-3261/2013 по делу № А56-55136/2012 [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Апольский Е.А. Дореволюционная диссертационная разработка римского частного права // Вестник СевКавГТИ. 2012. № 12. С. 85-90.
5. Апольский Е.А. История учений о гражданском праве в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: монография. – Ставрополь, 2007.
6. Апольский Е.А., Плешков Е.В. «Декреты» Бурхарда как символ компиляций канонического права X-XI вв. // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 4. С. 51-56.
7. Плешков Е.В., Апольский Е.А. Особенности становления и раннего развития канонического права (до V века н.э.) // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 4 (8). С. 143-146.
8. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука. 2013. №3. с.103-105
9. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118

10. Долгополов К.А., О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. №2. с.79-82
11. Долгополов К.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетним. Вестник СевКавГТИ. 2008. №8. с.18-20
12. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный) / под ред. В.В. Залесского. - М.: Контракт: Инфра-М, - 1998. - 239 с;
13. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. / Д.В. Ломакин. - М.: Статут, - 2008. - 511с;
14. Сделки с долями общества с ограниченной ответственностью: учеб. пособие / М.Н. Илюшина; 2-е изд., пересмотр. — М.: РПА Минюста России, - 2015. - 135 с.;
15. Степанов Д. Общества с ограниченной ответственностью: законодательство и практика // Хоз-во и право. 2000. № 12.
16. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 N 102 // Вестник ВАС РФ. - № 4. – 2006.
17. Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств: Приказ ФНС России от 25.01.2012 N ММВ-7-6/25@ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF THE FINANCIAL STATE
CONTROL IN RUSSIA**

Понежин М.Ю., Ростов-на-Дону, ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», юридический факультет, кафедра конституционного и муниципального права, кандидат юридических наук, доцент

*Ponezhin M.Y., Rostov-on-Don, FGBOU IN "RGEU (RINE)", Faculty of Law, Department of Constitutional and Municipal Law, PhD, Associate Professor
e-mail: ponezhin-m@mail.ru*

Семин А.В., Ростов-на-Дону, ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», магистрант 3 курса института магистратуры

*Semin A., Rostov-on-Don, FGBOU IN "RGEU (RINE)", undergraduate 3-year master
e-mail: ponezhin-m@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрены подходы к определению основ финансового государственного контроля в России, выделен его конституционный характер, обозначены шаги по его совершенствованию.

Annotation: Approaches to the definition of the financial foundations of state control in Russia, highlighted its constitutional character, outlined the steps to improve it.

*Ключевые слова: конституционные основы, финансовый государственный контроль.
Keywords: constitutional foundations, financial state control.*

Конституционные аспекты финансового контроля имеют своей исходной точкой общие категории бюджетного и финансового права, в отношении которых Конституция Российской Федерации является основным правовым источником. Финансовый контроль осуществляется не над каким-то одним или несколькими административными органами, а над исполнительной властью в целом. Тему нашего исследования мы бы хотели рассмотреть с помощью методов, известных науке ранее [20,21,22,23]

Для того чтобы финансовый государственный контроль был действительно независимым, орган, его осуществляющий должен быть поставлен в особое положение среди иных высших органов государственной власти.

Государство использует и управляет значительно большими средствами, нежели те, что мобилизуются в его бюджете. Финансовые интересы государства и его граждан шире бюджетных. Контроль как неотъемлемая часть государственного управления должен охватывать все, что отнесено Конституцией Российской Федерации к ведению Федерации в этой сфере, и способствовать проведению в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики [16].

Значительную роль в обеспечении единства финансовой политики играет Конституционный Суд РФ, за которым справедливо признается право осуществления проверки финансово-плановых актов [18].

Не останавливаясь на характеристике юридической природы итоговых решений Конституционного Суда РФ [19], отметим, что он в своих решениях хоть и вывел финансово-плановые законы (речь идет о федеральном законе о федеральном бюджете) за рамки своей компетенции [11], но, тем не менее, при рассмотрении конкретных дел сформулировал ряд правовых позиций относительно необходимости соблюдения при разработке финансово-плановых актов принципов соразмерности (иначе говоря, пропорциональности), справедливости, равенства и т.д. [12]. В своем Постановлении от 14.07.2005 №8-П [13] Конституционный Суд РФ указал на то, что законодатель, имеющий дискреционные полномочия, при принятии финансово-плановых актов должен быть ограничен целями и задачами единой финансовой политики.

Государственный финансовый контроль — одна из важнейших функций государственного управления, которая направлена на вскрытие отклонений от принятых стандартов законности, эффективности и целесообразности управления финансовыми ресурсами и иной государственной собственностью, а при наличии таких отклонений - на своевременное принятие соответствующих корректирующих и превентивных мер.

Современный этап реформирования экономики Российской Федерации объективно требует внедрения не только собственно финансового контроля (контроля за законностью), но и прочих элементов системного государственного финансового контроля - аудита эффективности (контроля за экономичностью, результативностью и продуктивностью) и стратегического аудита (контроля за целеполаганием и достижением поставленных целей) использования государственных ресурсов.

Актуальные тенденции развития как российской, так и мировой экономики и бюджетных процессов внутри отдельных стран демонстрируют нам, что только финансового контроля, понимаемого как контроль за законностью действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства и субъектов местного самоуправления, основными задачами которого являются проверка выполнения финансовых обязательств перед государством и органами местного самоуправления, организациями и гражданами, проверка правильности использования государственными и муниципальными предприятиями денежных ресурсов и государственной собственности, проверка соблюдения правил совершения финансовых операций, расчетов и хранения денежных средств, выявление внутренних резервов производства, устранение и предупреждение нарушений финансовой дисциплины - уже не достаточно, чтобы составить полную и достоверную картину о расходовании государственных бюджетных средств и использования государственной собственности.

На современном этапе одним из важнейших элементов государственного финансового контроля становится аудит эффективности, представляющий собой «... проверку экономичности, продуктивности и результативности и включающий в себя проверку экономичности административной деятельности в соответствии с ее основными принципами и практикой, а также политикой управления; проверку продуктивности использования

трудовых, финансовых и других ресурсов, включая исследование информационных систем, состояния внутреннего контроля, а также процедур устранения проверяемыми объектами выявленных недостатков; проверку результативности выполнения задач, поставленных перед проверяемой организацией, проверку фактических последствий ее деятельности в сравнении с запланированными...». [15]

Но трудно говорить о законности, целесообразности, экономичности, продуктивности и результативности расходования бюджетных средств и использования государственной собственности, если изначально ошибочно задан вектор социально-экономического развития, находящий свою фактическую реализацию в финансировании тех или иных статей бюджета, федеральных целевых программ, и комплексно, общей стратегии развития государства. И в этом смысле одну из ведущих ролей начинает играть стратегический аудит, понимаемый как «...комплекс экспертно-аналитических и контрольных мероприятий, позволяющих оценить эффективность использования национальных ресурсов для достижения стратегических целей, формулируемых политическим руководством страны на определенный период времени.». [14]

Таким образом, комплексная реализация всех видов аудита, начиная от момента целеполагания развития государства в стратегическом плане и разработки конкретных статей государственного бюджета, социально-экономических программ, до проверки эффективности и законности расходования бюджетных средств и использования государственной собственности позволит говорить о выходе государственного финансового контроля в Российской Федерации на новый – системный уровень. Но для этого необходимо провести модернизацию существующей нормативно-правовой базы государственного финансового контроля в аспекте проработки и закрепления понятий, содержания, механизмов осуществления государственного финансового контроля как системного аудита.

С этой точки зрения некоторые действующие нормативные правовые документы не только проясняют, решают, но одновременно и усложняют отдельные проблемы организации и осуществления государственного финансового контроля.

В действующем законодательстве отсутствует правовое определение самого понятия «государственный финансовый контроль».

Без определения понятия «государственный финансовый контроль» и сферы его действия призывы к усилению контроля останутся благими пожеланиями.

Одним из первых опытов нормативно-правового закрепления сути и статуса государственного финансового контроля в современной России следует считать Указ Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 25 июля 2000 г. и 18 июля 2001 г.) [10]. В нем говорится: «... государственный финансовый контроль включает в себя контроль за исполнением федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов, организацией денежного обращения, использованием кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот и преимуществ.».

В данном Указе содержится и перечень государственных органов, наделенных полномочиями осуществлять государственный финансовый контроль: «Государственный финансовый контроль в соответствии с установленным законодательством Российской Федерации разграничением функций и полномочий возлагается на Счетную палату Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации (Главное управление федерального казначейства и Контрольно-ревизионное управление), Министерство Российской Федерации по налогам и сборам, Государственный таможенный комитет Российской Федерации, Федеральную службу России по валютному и экспортному контролю, контрольно-ревизионные органы федеральных органов исполнительной власти, а также иные органы, осуществляющие контроль за поступлением и расходованием средств федерального бюджета и федеральных внебюджетных фондов.». [10]

Однако сегодня этого определения становится уже недостаточно. Например, в соответствии со ст. 12 Конституции Российской Федерации [1] органы местного самоуправления выведены из системы органов государственной власти, а значит местные исполнительные органы исключены единой исполнительной вертикали. Поэтому Бюджетный кодекс Российской Федерации [2] различает государственный и муниципальный контроль - глава 26 так и называется «Основы государственного и муниципального контроля». Другими словами, использование финансовых потоков и обязательств на местном уровне остается за рамками государственного финансового контроля. Между тем объем финансовых ресурсов, контролируемых на местном уровне, за последние годы значительно возрос.

В настоящее время государственный финансовый контроль, в зависимости от предмета, а также органа, ведомства, структуры его осуществляющего, подразделяется на несколько видов: 1) бюджетный контроль; 2) налоговый контроль; 3) банковский контроль; 4) валютный контроль; 5) надзор за страховой деятельностью; 6) таможенный контроль. Соответственно, каждый вид финансового контроля базируется на определенной нормативно-правовой базе.

В Бюджетном Кодексе Российской Федерации в главе 26 «Основы государственного (муниципального) финансового контроля» ст. 265 дается следующее определение государственного финансового контроля: «Государственный (муниципальный) финансовый контроль осуществляется в целях обеспечения соблюдения бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения. Государственный (муниципальный) финансовый контроль подразделяется на внешний и внутренний, предварительный и последующий». [2] Таким образом, содержание бюджетного контроля можно уточнить следующим определением: бюджетный контроль – это контроль за законностью использования и расходования бюджетных средств и государственной собственностью. Данный вид контроля осуществляется Счетной палатой Российской Федерации, контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, Федеральной службой финансово-бюджетного надзора, органами государственного (муниципального) финансового контроля, являющимися

соответственно органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местных администраций, Федеральным казначейством.

В Налоговом Кодексе РФ в гл. 14 «Налоговый контроль» ст. 82 [3] «...налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками, налоговыми агентами и плательщиками сборов законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном настоящим Кодексом. Налоговый контроль проводится должностными лицами налоговых органов в пределах своей компетенции посредством налоговых проверок, получения объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сбора, проверки данных учета и отчетности, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), а также в других формах, предусмотренных настоящим Кодексом». Иными словами, налоговый контроль – это контроль за доходной частью бюджета Российской Федерации путем надзора за собираемостью налогов и прочих сборов. В Российской Федерации органами, имеющими полномочия осуществлять налоговый контроль, являются органы налоговой службы, таможенные органы, а также органы, осуществляющие контроль за уплатой государственной пошлины и иных сборов.

Банковский надзор осуществляется, главным образом, на основании двух федеральных законов Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке РФ» [5] и Федерального закона от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [6], а также на основании многочисленных нормативных актов, издаваемых самим Банком России в соответствии с действующим законодательством. Согласно Федеральному закону «О Центральном банке РФ» финансовый банковский контроль определяется как «банковский надзор». В гл. 10 ст. 56 указано, что «Банк России является органом банковского регулирования и банковского надзора. Банк России осуществляет постоянный надзор за соблюдением кредитными организациями и банковскими группами банковского законодательства, нормативных актов Банка России, установленных ими обязательных нормативов. Главными целями банковского регулирования и банковского надзора являются поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации и защита интересов вкладчиков и кредиторов. Банк России не вмешивается в оперативную деятельность кредитных организаций, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.». То есть банковский контроль – контроль, осуществляемый Центральным банком Российской Федерации в отношении кредитных организаций, предметом которого выступает деятельность последних, а именно ее законность [14].

Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [7] является основным правовым актом, регламентирующим проведение валютного контроля. Но в нем не дается четкого определения, что же такое валютный контроль. Выводы о сути валютного контроля мы можем сделать из содержания гл. 4 «Валютный контроль» ст. 23 «Права и обязанности органов и агентов валютного контроля и их должностных лиц», в которой говорится: «1. Органы и агенты валютного контроля и их должностные лица в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством Российской Федерации имеют право: 1) проводить проверки соблюдения резидентами и нерезидентами актов валютного законодательства Российской Федерации и

актов органов валютного регулирования; 2) проводить проверки полноты и достоверности учета и отчетности по валютным операциям резидентов и нерезидентов; 3) запрашивать и получать документы и информацию, которые связаны с проведением валютных операций, открытием и ведением счетов. Обязательный срок для представления документов по запросам органов и агентов валютного контроля не может составлять менее семи рабочих дней со дня подачи запроса». Иными словами, валютный контроль – контроль за соблюдением законности при осуществлении сделок и операций, предметом которых являются иностранные денежные средства. Валютный контроль в Российской Федерации реализуется Правительством Российской Федерации, Центральным банком Российской Федерации, федеральным органом (федеральными органами) исполнительной власти, уполномоченными Правительством Российской Федерации, уполномоченными банками и не являющимися уполномоченными банками профессиональными участниками рынка ценных бумаг, а также государственной корпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», таможенными и налоговыми органами.

Целями государственного надзора за страховой деятельностью согласно гл. 4 «Надзор за деятельностью субъектов страхового дела» ст. 30 «Надзор за деятельностью субъектов страхового дела» Федерального Закона от 27.11.1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [8] выступает «... - соблюдение субъектами страхового дела страхового законодательства; - предупреждение и пресечение нарушений участниками страховых отношений страхового законодательства, в том числе Закона о страховом деле; - обеспечение защиты прав и законных интересов страхователей, иных заинтересованных лиц и государства; - эффективное развитие страхового дела». Контроль за соблюдением законодательства субъектами страховой деятельности - содержание надзора за страховой деятельностью, который осуществляется Банком России.

Согласно ст. 4 «Основные термины, используемые в настоящем Кодексе» «Таможенного кодекса Таможенного союза (ТК ТС) (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17)» [4] п. 31 «... таможенный контроль - совокупность мер, осуществляемых таможенными органами, в том числе с использованием системы управления рисками, в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств-членов таможенного союза». Таможенный контроль проводится должностными лицами таможенных органов.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что практическая реализация государственного финансового контроля в Российской Федерации носит сложный, многокомпонентный и многоуровневый характер. Основным его предметом является контроль за соблюдением законности в различных сферах. Организационно-правовая система государственного финансового контроля состоит из огромного количества нормативно-правовых актов (законов, указов и постановлений), осуществляется он различными, зачастую разобщенными, органами, службами и ведомствами.

Следует отметить, что попытки модернизировать нормативно-правовую базу государственного финансового контроля предпринимаются достаточно регулярно. Так

Постановлением № 24-11 от 04.12.2004 г. на двадцать четвертом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ был принят модельный закон «О государственном финансовом контроле», который мог бы послужить основой для принятия соответствующих законов на уровне участников Союза Независимых Государств. В 2013 году был принят Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9], который изменял различные положения Бюджетного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях. Закон регулирует разделение контроля на внешний, осуществляемый Счетной палатой Российской Федерации, и внутренний, осуществляемый органами исполнительной власти субъекта РФ, уточняются объекты и методы государственного (муниципального) контроля, полномочия контролирующих органов, общие положения о бюджетных нарушениях и их видах, применении бюджетных мер принуждения, применяемых за их совершение.

Однако пока не устранены проблемы при осуществлении государственного финансового контроля, обусловленные сложностью его нормативно-правового регулирования и сложностью межведомственных коммуникаций между органами и службами его осуществляющими, трудно оценить осуществляемый в настоящее время государственный финансовый контроль как по-настоящему эффективный.

Для преодоления данных проблем целесообразно предпринять следующие шаги: - следует сформировать нормативно-правовую базу государственного финансового контроля, системную и завершенную, применив к системе государственного финансового контроля принципы четкой стандартизации; - в органах, ведомствах и структурах, осуществляющих государственный финансовый контроль, необходимо провести реформу, которая позволит наладить между ними эффективное взаимодействие, следствием чего государственный финансовый контроль сможет выйти на качественно новый уровень; - должна быть сформирована новая система процедур контроля (методическая база), методологическая основу следует привести в соответствие с современными условиями; - следует организовать соответствующую информационно-коммуникационную инфраструктуру, которая так же позволит наладить взаимодействие между субъектами государственного контроля, и которая может служить источником получения информации для проверяемых организаций и учреждений; - необходимо создать целостные научно-исследовательскую и учебную базы, в том числе для формирования системы кадрового обеспечения проведения государственного финансового контроля.

Литература

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации - М.: «Эксмо», 2016. – 39 с.
2. Бюджетный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.
3. Налоговый Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. - 1998. - № 31. -Ст. 3824.

4. Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 № 17) // СЗ РФ. - 2010. - № 50. - Ст. 6615.
5. О Центральном банке РФ: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 28. - Ст. 2790.
6. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Рос. газ. - 1997. - 10 февраля.
7. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4858.
8. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 // Рос. газ. - 1993. - 12 января.
9. О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 // СЗ РФ. - 1996. - № 31. - Ст. 3696.
10. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.07.2013 № 252-ФЗ // Рос. газ. - 2013. - 07 августа.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2007 №4-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона "О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год" в связи с жалобой гражданки Т.А. Баныкиной»// Собрание законодательства РФ, 2007, №14. Ст.1742.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 №12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия»// Собрание законодательства РФ, 2004, №27. Ст.2803.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 №8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации "О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти" в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО "Хабаровскэнерго"»// Собрание законодательства РФ, 2005, №30 (ч. II). Ст.3199.
14. Алексеева И.В. Исследование сущности и экономической природы стратегического аудита и его объектов / Аудит и финансовый анализ. 2010. № 6. С. 34-39.
15. Рябухин С.Н. Аудит эффективности использования государственных ресурсов - современная форма финансового контроля / С.Н. Рябухин. М.: Экспертное мнение, 2015. С. 15.

16. Тлигшев, А.Т. Конституционно-правовые основы государственного финансового контроля в России: Вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Александр Темурович Тлигшев. – Ростов-на-Дону, 2003. – 181 с.- Библ.: с. 50-62.
17. Позднышов А.Н. Обязанности банков как налогоплательщиков//Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2015, №3 (58).
18. Кудряшова Е.В. Судебное правоприменение в сфере государственного финансового планирования // Закон. 2014. N 9. С. 176 - 180.
19. Баринов Э.Э., Позднышов А.Н. Юридическая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации// Юристъ-Правоведъ, 2013, №6 (61)
20. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
21. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82.
22. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.
23. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука.2013. №3.

УДК 343.9

**ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ РУКОПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ БУКВАМИ
ЛЕЗГИНСКОГО АЛФАВИТА НА ОСНОВЕ КИРИЛЛИЦЫ
PROBLEMS ARISING FROM THE HANDWRITING ANALYSIS
MANUSCRIPTS EXECUTED LETTERS LEZGINSKIE ALPHABET
ON THE CYRILLIC ALPHABET**

*Потудинский В.П., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ*

*Potudinsky V.P., Ph.D., assistant professor of criminal law discipline Stavropol branch of the
Russian Academy of the national economy-tion and Public Administration under the President of
the Russian Federation*

e-mail: skgi_institut@mail.ru

*Кратко рассматривается история создания лезгинской письменности, а также
проблемы исследования рукописных текстов, выполненных на лезгинском языке на основе
русской графики (кириллицы) с учетом специфической рукописной буквы «I» и буквенных
сочетаний, не имеющих аналогов в русской письменности.*

*Briefly discusses the history of the creation of the Lezgi in writing-STI, as well as problems
in the study of manuscripts, made in the Lezgi language based on Russian script (Cyrillic) subject
specific-cal cursive letters "I" and letter combinations that have no analogues in Russian literature.*

*Ключевые слова: история, лезгинский язык, алфавит, кириллица, буквенные
сочетания, рукописные записи (тексты), произношение, диалекты, говор,
идентификационные признаки, почерковедческая экспертиза рукописей.*

*Key words: history, the Lezgin language, alphabet, Cyrillic, Buktively combination of
handwritten notes (texts), pronunciation, dialects, dialect, and identification signs, handwriting
examination rokapi-this.*

Создание лезгинской письменности уходит корнями еще в десятый век нашей эры, сначала была письменность на основе арабской таны (цифры) [2], а с пятнадцатого века на аджаме – с применением арабского алфавита [1].

В конце 60-х годов девятнадцатого века 19 века исследователем Северного Кавказа П.К. Усларом была издана «Грамматика кюринского языка» (на основе русского алфавита) с приложением лезгинских текстов переведенных на русский язык, в 1892 году появились «Кюринские тексты» тоже с переводом на русский язык. В 1905 году царским правительством была попытка создать лезгинскую письменность на основе «усларовского» алфавита имеющего русское начертание букв, но коренное население с неприязнью приняло эту попытку и она закончилась неудачей.

В послеоктябрьский период началось интенсивное изучение лезгинского языка, А-Д. Мамедовым был реформирован арабский алфавит под латинскую графическую основу, другой проект, тоже на арабской основе разработал Г. Гаджибеков, и в 1928 была введена лезгинская письменность на основе латинской графики с некоторыми дополнительными знаками, а в 1938 году был принят ныне существующий алфавит имеющий русскую графическую основу (кириллицу) [7, с. 35].

Лезгинский язык входит в лезгинскую подгруппу дагестанской группы иберийско-кавказских языков и делится на три наречия: кюринское, самурское и кубинское, которые включают в себя следующие диалекты:

- кюринское – гюнейский, яркинский и курахский диалекты;
- самурское – докузпаринский (переходной) и ахтынский диалекты;
- кубинское – кубинский и кузунский диалекты [8, с. 373].

Кроме того в лезгинском языке имеются самостоятельные говоры: гелхенский, гилярский, фийский (фийско-мазинский), курушский, джабинский, и говор Дашагиль-Фильфили.

На лезгинском языке в основном разговаривают в юго-восточной части Республики Дагестан, также он распространен на территории бывших республик Советского Союза - в Азербайджане (в основном в северной его части), Казахстане, Туркменистане, Украине, Таджикистане, Латвии, Молдове, Эстонии, Литве, Армении.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года число лезгин, проживающих на территории России – 473 722 человека (наблюдается положительная статистика по рождаемости [9, с. 4]), а на лезгинском языке говорят 402 173 человека [6]. В настоящее время лезгинский язык является одним из четырнадцати официальных государственных письменных языков Республики Дагестан наряду с русским, аварским, агульским, азербайджанским, даргинским, кумыкским, лакским, ногойским, рутульским, табасаранским, татским, цахурским и чеченским.

Современный алфавит лезгинского языка больше русского и состоит из 46 букв и 12 буквенных сочетаний, в нем использованы все 33 буквы русского алфавита, буквы сохранены почти в том виде и порядке, в каком они существуют в русском алфавите, кроме того, в лезгинский алфавит дополнительно введена буква «І» (в печатном варианте она аналогична римской цифре «1»).

В алфавите лезгинского языка имеются семь двухбуквенных сочетаний: «Гъ гъ», «Гь гь», «Къ къ», «Кь кь», «Уь уь», «Хъ хъ» и «Хь хь»; одна специфическая буква «І» и пять двухбуквенных сочетаний с ней: «КІ кІ», «ПІ пІ», «ТІ тІ», «ЦІ цІ» и «ЧІ чІ».

Эти сочетания передают не те звуки, которые соответствуют буквам русского алфавита, и имеют комбинации букв, не имеющих аналогов в русской письменности. В связи с этим следует остановиться на вопросах произношения и правописания отдельных букв и их комбинаций в лезгинском алфавите и с нашей точки зрения, это будет являться основным фундаментом для изучения идентификационных общих и частных признаков буквенного и подписного почерка лезгинского языка.

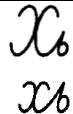



Для этого нами было сведено в единую таблицу изображение печатных и рукописных буквосочетаний и специфической буквы в лезгинском алфавите, не имеющих аналогов в

русской письменности и их приблизительное произношение на русском языке, в соответствии со специальной литературой по лезгинскому языку [3; 4] (См.: приложение):

Приложение

Правописание и приблизительное произношение на русском языке буквосочетаний (комбинаций) и специфической буквы в лезгинском алфавите, не имеющих аналогов в русской письменности

п/п	Печатные буквы и их сочетания	Рукописные буквы и их сочетания	Произношение
1	2	3	4
1.	Гь гь		гь) – увулярный (заднеязычный) звук, близко к украинскому «г», но с более глубоким гортанным произношением, близким к картавому «р»
2.	Гь гь		(гь) – ларингальный, близкий к немецкому «h»
3.	Кь кь		(кь) – увулярный, глухой, придыхательный, неинтенсивный звук, ближе к гортанному «гх»
4.	Кь кь		(кь) не имеет соответствия в русском языке - увулярный звук, произносимый с напряжением гортани
5.	КІ кІ		(кІ) – заднеязычный, неинтенсивный смычно-гортанный звук, произносится как русское «к», но звонче и энергичнее
6.	ПІ пІ		(пІ) – губно-губной звук произносится как русское «п», но звонче и резче
7.	ТІ тІ		(тІ) – переднеязычный, произносимый с напряжением в гортани звук, близко к русскому «т», но энергичнее
8.	Уь уь		(уь) – близко к русскому «у», но мягче
9.	Хь хь		(хь) не имеет соответствия в русском языке - увулярный, неинтенсивный звук, близко к гортанному «кх»

10.	Хь хь		(хь) – средняяязычный, щелевой, глухой, близко к русскому «х», но мягче
11.	ЦI цI		(цI) - передняяязычный, смычно-гортанный свистящий звук, близко к русскому «ц», но более энергично и с усилением
12.	ЧI чI		(чI) - передняяязычный, смычно-гортанный шипящий звук, близко к русскому «ч», но более энергично и с усилением
13.	I		(I) не имеет соответствия в русском языке

И хотя почерковедческое исследование рукописных текстов, выполненных на лезгинском языке с целью установления их исполнителей, принципиально не отличается от исследования таких же объектов, выполненных на русском языке, так как абсолютное большинство букв лезгинского алфавита аналогичны по графике русской письменности, но нельзя не согласиться с утверждением Б.А. Горяевой в том, что: «... наличие у большинства национальных языков своеобразных, свойственных только им особенностей графики, алфавита и орфографии, вызывает определенные трудности исследования рукописей, текст которых выполнен на этих языках» [5, с. 206], а так как отсутствует методика производства почерковедческих экспертиз рукописей, выполненных на лезгинском языке и не имеется приложений и дополнений к существующей методике с учетом вышеописанных комбинаций букв (идентификационная значимость признаков, обусловленных написанием данных сочетаний, не исследовалась и не вошла в методику), то в данном случае результаты данных почерковедческих исследований связанных с исследованием рукописей выполненных на лезгинском языке необходимо считать неполными и недостоверными.

Поэтому, в данном случае необходима разработка приложений или дополнений к существующей ныне методике производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей с учетом специфической буквы «I» и двухбуквенных сочетаний: «Гь гь», «Гь гь», «Кь кь», «Кь кь», «Уь уь», «Хь хь» и «Хь хь»; «KI KI», «PI PI», «TI TI», «CI CI» и «CI CI», имеющих в лезгинском алфавите.

Литература

1. Аджам – письменность дагестанских языков на основе арабского алфавита. Словари и энциклопедии на Академике. См.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1719698> – (Дата обращения 01.10.2016).
2. Арабская тана (цифара) - (габули тана) - мальдивское письмо, сложившееся под влиянием арабского языка. Лингвистический энциклопедический словарь. См.: <http://tapemark.narod.ru/les/505b.html> – (Дата обращения 01.10.2016).

3. Гайдаров, Р.И. Прописи к азбуке - тетрадь 1, 2, лезгинский язык /Р.И. Гайдаров. - Махачкала: ООО «Издательство НИИ педагогики», 2005.
4. Гайдаров, Р.И., Гюльмагомедов, А.Г., Мейланова, У.А., Талибов, Б.Б. Современный лезгинский язык /Р.И. Гайдаров, А.Г. Гюльмагомедов, У.А. Мейланова, Б.Б. Талибов. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009.
5. Горяева, Б.А. Особенности подготовки материалов, направляемых на экспертизу рукописей, выполненных калмыцкой письменностью /Б.А. Горяева //Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы V Международной научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе, 2-3 марта 2011 г. – М.: ЭКЦ МВД России, 2011. С. 206-210.
6. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.htm - (Дата обращения 01.09.2016).
7. Козакова, А.А., Табаченко, Л.В. Генеалогическая классификация языков. Кавказские языки /А.А. Козакова, Л.В. Табаченко: методическое пособие. – Ростов – на – Дону, «Южный федеральный университет», 2008.
8. Мейланова У.А., Шейхов Э.М. Лезгинский язык /У.А. Мейланова, Э.М. Шейхов //Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 2001.
9. Титов, С. Не нужен нам берег турецкий! /С. Титов //Комсомольская правда. - 2012. – 13-20 декабря.

УДК 343.9

**ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО
И СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОНОВ ТРАНСПОРТНЫХ
СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
FEATURES INTERROGATION TACTICS OF THE VICTIM AND THE SVR-NESES
IN THE INVESTIGATION OF VEHICLE THEFT, COMMITTED BY MINORS**

*Потудинский М.В., преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой
подготовки Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
Potudinsky M.V., lecturer in special-tactical and fire training Stavropol branch of the
Krasnodar Uni-theta Russian Interior Ministry
e-mail: skgi_institut@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены особенности тактики допроса потерпевшего и свидетелей при расследовании угонов транспортных средств, совершаемых несовершеннолетними.

Abstract: The article describes the features of the tactics of the interrogation of the victim and witnesses during the investigation of vehicle theft, committed by minors.

*Ключевые слова: несовершеннолетний, допрос, угон
Key words: minor, interrogation, hijacking*

В настоящей статье, исходя из методологии, использующейся в науке, будут рассмотрены особенности тактики допроса потерпевшего и свидетелей при расследовании угонов транспортных средств, совершаемых несовершеннолетними [6,7,8,9].

Процесс доказывания по уголовным делам, связанным с угоном транспортных средств, совершенных несовершеннолетними, состоит из нескольких этапов, включающих производство значительного количества процессуальных действий, в том числе и допросы потерпевшего и свидетелей.

Следует согласиться с определением, в соответствии с которым под следственными действиями понимается «комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [3].

С.А. Шейфер выделяет общие для любого следственного действия черты, характеризующие процессуальный порядок его проведения. По мнению автора, он складывается из следующего:

- а) выявления цели и оснований проведения следственных действий;
- б) привлечения нужных участников;
- в) осуществления познавательных операций;
- г) принятия мер, предотвращающих сокрытие или искажение информации;

- д) обеспечения законных интересов граждан;
- е) фиксации результатов следственного действия [5].

Следует отметить, что особенностью любого следственного действия, в том числе и первоначального, является то, что исследования, проводимые в рамках его производства, осуществляются последовательно, по определенной системе. Наличие системы в исследовании обеспечивает достоверность полученных результатов, обеспечивает полноту проведенного исследования, облегчает фиксацию полученных результатов.

Мы согласны с авторами, полагающими, что любое следственное действие состоит из трех этапов, каждый из которых имеет свои специфические задачи: подготовительную, исследовательскую и заключительную (фиксация результатов его проведения) [2, с. 407].

В юридической литературе высказано и иное мнение относительно структуры следственного действия.

Так, А.В. Дулов и П.Д. Нестеренко утверждают, что каждое следственное действие состоит из четырех обязательных стадий:

- 1) подготовка следственного действия;
- 2) осуществление действия;
- 3) фиксация хода и полученного результата;
- 4) анализ и оценка хода и результатов следственного действия [1, с. 34].

По нашему мнению, этап, названный четвертым, не входит в структуру следственного действия, а выходит за его пределы.

Первоначальные следственные действия носят ярко выраженный поисковый характер. Они призваны обеспечить главным образом выявление, сбор и накопление той доказательственной информации, с помощью которой устанавливаются лица, совершившие преступление и скрывшиеся с места происшествия. Особая забота проявляется в закреплении «исчезающих» следов, а также следов, фиксирующих свойства личности преступника.

Успешное проведение следственных действий предполагает также и учет того, на какой стадии уголовного судопроизводства, этапе предварительного расследования оно проводится.

Эффективность выполнения первоначальных следственных действий в немалой степени зависит от использования современных технических средств. Поэтому в процессе подготовки к проведению следственного действия следователь должен определить, какие технические средства необходимо использовать для максимального извлечения искомой информации, кто их будет применять и каким образом.

Проведенный анализ практики по делам об угонах автотранспортных средств, совершаемых несовершеннолетними, позволяет прийти к выводу, что на первоначальном этапе расследования угонов автотранспорта обычно проводятся те следственные действия, которые являются типичными для большинства следственных ситуаций названного этапа расследования. К таким следственным действиям, по нашему мнению, в первую очередь относятся и допросы потерпевшего и свидетелей.

При допросе потерпевшего [4] с помощью целенаправленно заданных вопросов выясняются анкетные данные владельца, на чье имя зарегистрирован автомобиль;

стоимость автомашины; электронные и механические средства охраны; кто им управляет, сколько имеется комплектов ключей и где они хранятся; имеются ли у потерпевшего дети и в каких отношениях между собой они находятся; время и место на которое был оставлен автомобиль без присмотра; место постоянной стоянки транспортного средства, время обнаружения пропажи автомобиля; место, с которого угнан автомобиль; его марка, модель, цвет кузова, год выпуска, регистрационный знак (транзитный знак), идентификационный номер (VIN), номера двигателя, кузова (кабины), номер шасси (рамы); показания спидометра; примерное количество бензина, оставшегося в баке.

Далее необходимо установить индивидуальные признаки автомобиля, в частности, кузова и салона, по которым его можно выделить среди аналогичных (марка, цвета, признаки кузова, следы коррозии, вмятины, царапины, тонировки стекол, сколы и трещины на стеклах, особенности салона, дополнительные аксессуары на панели (блокноты, антирадары, подставки и т.п.), марка и модель магнитолы.

При совершении угона транспортного средства с применением насильственных действий необходимо составить фоторобот нападавших лиц, а также предъявить потерпевшему фотоснимки лиц, ранее судимых за совершение аналогичных преступлений и состоящих на учете в органах внутренних дел, при этом, в протоколе допроса должны быть отражены подробные приметы нападавших.

После установления свидетелей, их необходимо допросить незамедлительно, с целью исключить потерю доказательственной информации. При допросе свидетелей целесообразно использовать фотоальбомы различных транспортных средств и, в частности, иностранного производства, так как в связи с резким увеличением в последние годы парка иномарок свидетели довольно часто затрудняются правильно назвать модель и марку какого-либо конкретного автомобиля.

При проведении допроса свидетеля, помимо общих вопросов, входящих в предмет допроса, необходимо выяснять следующие обстоятельства:

- что известно допрашиваемому об обстоятельствах совершенного преступления;
- каким образом ему стало известно об этом;
- как допрашиваемый оказался в данное время в данном месте; предпринимал ли он меры для пресечения преступления; кто еще присутствовал при этом;
- сколько было преступников; каковы приметы лиц, участвовавших в угоне автотранспортного средства, сможет ли свидетель назвать приметы и опознать их;
- были ли в группе с несовершеннолетними совершеннолетние организаторы; их поведение во время совершения преступления;
- в чем заключались действия каждого соучастника;
- в чем заключались действия преступников по преодолению преграды, препятствующей завладению автомобилем, действовали ли они согласованно или, напротив, спонтанно; какие инструменты (лом, ножовка по металлу и т.п.) при этом использовались;
- называли ли друг друга по именам, может ли допрашиваемый передать содержание разговора преступников;
- в каком направлении скрылись преступники.

Следует иметь в виду, что в последнее время проведение допросов потерпевших и свидетелей может быть затруднено недоверием к правоохранительным органам. Кроме того, немаловажное значение имеют факты психического или физического воздействия высокопоставленных родственников и родителей несовершеннолетних преступников на свидетелей и потерпевших с целью изменения их показаний.

В связи с этим следователь должен предвидеть перспективу изменения показаний свидетелем, потерпевшим и принимать меры к установлению причин такого поведения. Поэтому допрос необходимо сопровождать видеозаписью, вычерчиванием схем, детализацией показаний. Показания добросовестных свидетелей подтверждаются сбором сведений о механизме совершения преступления, роли соучастников и т.д. В последующем это поможет суду оценить объективность ранее данных показаний.

Литература

1. Дулов, А.В., Нестеренко, П.Д. Тактика следственных действий /А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко. – Минск: Высшая школа, 1971.
2. Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. /Под ред. В.А. Образцова. – М.: Юристъ, 2002.
3. Семенцов, В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук /В.А. Семенцов. - Екатеринбург, 2006.
4. Скичко, О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии /О.Ю. Скичко /Под научной редакцией доктора юридических наук, профессора В.И. Комиссарова. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006.
5. Шейфер, С.А. Теория следственных действий как элемент теории доказательств /С.А. Шейфер //Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: Сб. науч. тр. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1982.
6. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
7. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82.
8. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.
9. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука.2013. №3.

УДК 343.4

**НИЗАМЫ, УСТАВЫ И ИНСТРУКЦИИ ШАМИЛЯ
NIZAMA, CHARTERS AND SHAMIL'S INSTRUCTIONS**

*Разаков Р.Ч.-М., канд.ист.наук, доцент, начальник отдела НИР филиала
Дагестанского государственного университета в городе Хасавюрт*
*Razakov R.CH.-M. kand.ist.nauk, Associate Professor, Head of the R & D branch of
Dagestanoskogo State University in the city of Khasavyurt*
e-mail: ruslan1968_68@mail.ru

*Касумов Р.М., доктор исторических наук, профesso, директор филиала
Дагестанского государственного университета в городе Хасавюрт*
*Kasumov R.M., doctor of historical sciences, professions, director of the branch
Dagestanoskogo State University in the city of Khasavyurt*
e-mail: ruslan1968_68@mail.ru

*Исаев Ш.М., канд.юридических наук, доцент, филиал Дагестанского
государственного университета в городе Хасавюрт*
*Isaev Sh. M., Khasayrt, the branch of DSU in Khasayrt, candidate of Legal Scinces,
assistant of professor*
e-mail: ruslan1968_68@mail.ru

*Аннотация: В статье освещаются низамы Шамиля, которые представляют собой
совокупность норм права, регулирующих общественные отношения в Имамате Шамиля*
*Annotation: Shamil's nizama which represent set of the rules of law governing the public
relations in Imamate Shamil are covered in article*

Ключевые слова: Дагестан, Шамиль, имамат, низамы
Key words: Dagestan, Shamil, imamate, nizamas

Большое внимание в деятельности имамата придавалось законотворчеству, укреплению правопорядка.

Государство, власть, будучи категориями практического, прагматического характера устанавливают законы, отвечающие ситуации. У Шамиля тоже появились такие законы, но в отличии от светского государства, они проистекали из законов божественных, определялись ими, направляли людей на них в конечном итоге. В историографии на сегодняшний день известно 13 таких сводов законов, которые именовались в имамате низамы. Низам в переводе с арабского означает «порядок», «строй» [7.С.30.].

Низамы представляли из себя, по словам Шамиля «собрание различных правительственных мер, касающихся безопасности, прав, благосостояния народонаселения» [8.С.15.].

Анализ низамов показывает, что они являлись системой права, совокупностью норм, регулирующих угодные и выгодные узденству общественные отношения. Реализация этих норм способствовала удовлетворению интересов массы горцев и осуществлению функций имамата экономической, социальной, идеологической. Низамы способствовали объединению

горцев борьбе в с общественно опасными деяниями[10.С.33.]. При этих исторических условиях «действие установленных Шамилем законов, а также порядок судоустройства, исполнение приговоров способны были удержать людей, подобных горцам, в повиновении и направить всех их к одной цели» [8.С.18-19.].

Разные постановления, включенные в низам могут быть разделены согласно категориям:

Самыми большими по объему были инструкции, регулирующие административные и военные вопросы. Уже в 1842 г. говорится о том, что наибы судили военные преступления в соответствии со специальным кодексом законов выпущенных Шамилем и, вероятно, название низам первоначально относилось только к нему. Уставы этой категории определяли авторитет и ответственность различных должностных лиц и командиров; регулировали их взаимоотношения друг с другом; касались различных вопросов военной дисциплины, управления и тактики; и перечисляли наказания – обычно телесные и финансовые, но иногда включающие смещение с должности – за нарушение этих уставов.

Другая категория включала в себя правила общего не религиозного характера. Таким, например, был запрет вырубать деревья без специального разрешения; запрещение контактов с русскими; обязательство принимать медные русские монеты, отчеканенные в Тифлисе, которые горцы отказывались использовать.

У этих двух категорий было мало общего с религиозным законом. Все же имам пытался, как можно больше связать их с шариатом и основать их на нем.

Третья включала постановления, которые повторяли инструкции шариата или определяли определенную интерпретацию. Таковы были, например, инструкции беречь жизнь русских гарнизонов, которые сдавались, и убивать тех, которые сопротивлялись или различные постановления касающиеся браков, наследства и т.д., которые заменили местные обычаи в пользу шариата. К этой категории также относились инструкции, разрешавшие проблемы, возникающие из конфликта между двумя постановлениями шариата.

Четвертая категория включала реинтерпретацию (или другими словами изменения) шариата. Это включало в себя, главным образом, худуд (наказания).

Наконец пятая категория состояла из постановлений, которые, хотя в собственном смысле не шариатские, растягивали шариатскую интерпретацию. Так, например, кроме запрещения вина; имам запретил продавать виноград людям, умеющим готовить вино[3.С.20-21.].

Согласно низаму о должностных обязанностях муфтиев и кадиев, наибы имели право в своем управлении назначить муфтиев и смещать их. А что касается казни преступника, действия которого привели к падению нравов среди поданных, то не было у наибов право на это, кроме как по совету с имамом Шамилем и при наличии неопровержимых доказательств.

Шамиль много знал о своих наибах, и поэтому очень часто снимал их с должности и наказывал. Чтобы в какой-то степени ограничить их власть, имам на андийском съезде должностных лиц 1847 г. добился утверждения специального «Низама», который гласит: «Наибы должны оставить решение дел по шариату Муфтиям и Кадиям и не входить в разбирательство тяжб, если даже они сами алимы. Им предоставляется право вести дела только военных [6.С.7.].

Однако изменить психологию и поведение наибов Шамиль так и не смог. Злоупотребление их с каждым годом всё увеличивалось.

Среди наибов были такие, которые чистосердечно были преданны имаму и ради дела не жалели ни своего имущества, ни себя, соблюдая среди народа, подвластного им, справедливость. Однако были такие, которые лживыми словами обманывали имама, делали подлости и совершали порочные поступки: убийства, насильственный захват чужого имущества и т.д. Характеры некоторых наибов были сходны с повадками хищных зверей. Поэтому большое количество перебежчиков к русским было именно из-за плохого управления таких наибов. Вследствие всего этого люди отвернулись от верного дела, они предпочли себе смерть, так как убедились, что она лучше, чем жизнь униженная под их властью» [5.С.92.].

Некоторые наибы получили более высокий титул мудира. Более высокого титула ма'зун – получил управляющий в Чечне Абакар-кади. В переписках наибов встречаются и другие титулы наибов: «амир ал-джайш» - командующий, сайид ал-джайш – управляющий объединенными силами и т.д.

В обязанности наибов входило исполнение «дел шариатских, административных и низамских», т.е. – дела по ведомству духовному, гражданскому, военному. Что касается первых, тот тут функции наибов ограничивались, как известно, общим наблюдением за исполнением «законов шариата» (непосредственно шариатские дела ведались духовными лицами, муфтиями и кадиями), в особенности в части отношений, вызывавшихся последствиями обычаев кровной мести. Гражданское управление осуществлялось при помощи сельских старшин. Важнейшей функцией наибов служило военное руководство отрядами мюридов и, в экстраординарных случаях, общегражданским ополчением, военный устав был выработан на том же съезде в Анди (1845 г.), на котором установлена была должность мудира.

Однако, по мнению неоднократного высказывающемуся в русской военной литературе, введение Низама в Чечне не только не способствовало усилению её обороноспособности, а, наоборот, резко понизило боевые качества чеченцев: введение с 1843 г. артиллерии, до крайности стесняющий свободное маневрирование чеченских летучих отрядов, а с начала 50-х годов воинских порядков по типу русской регулярной армии, т.е. Низама, превратило ранее неуловимых в свободной партизанской войне чеченцев в походе подобие русских и способствовало, судя по событиям последующего времени, скорейшему поражению Шамиля сначала в Чечне, служивший главным экономическим и стратегическим оплотом имамата, а затем в самом Дагестане.

Известно, что в исторической литературе получила широкое хождение версия, относившая все неудачи и даже поражения борьбы на счет одних наибов. Сам Шамиль также был убежден в том, что все неудачи его явились результатом плохого подбора наибов. Он был уверен, что за редким исключением наибы не были достойны его доверия.

В некоторых случаях аналогичной точки зрения придерживался и Абдурахман (автор Воспоминаний – Тазкират).

Но в отличие от Гаджи Али Чохского и Мухаммад Тахира ал-Карахи Абдурахман написал, что среди наибов «были такие, которые чистосердечно были преданны имаму и

ради дела не жалели ни своего имущества, ни себя, соблюдая среди народа, подвластную им, справедливость..., но были и такие, которые лживыми словами обманывали имама, подло поступали, совершали запрещенные дела, как убийство, насильственный захват чужого имущества и т.д. [1.С.57.]

В своих воспоминаниях Абдурахман дает оценку каждому из наибов, где из 58 упомянутых наибов 53 человека охарактеризованы «справедливыми», «обходительными», «спокойными», «храбрыми» и лишь 5 человек представлены как деспоты, взяточники, кутилы, а 3 уподоблены обнаженным саблям и хищным зверям. Затем автор, меняя своё отношение к наибам, замечает, что наибы обманывали своего имама красивыми словами и ложными сведениями, не выполняли на деле его распоряжений. Отсюда сердца людей отвернулись от верного дела. С одной стороны в книге Абдурахмана подчеркивается человеколюбие и справедливость наибов, с другой – они обвиняются во всём.

Злоупотребление и произвол наибов, безусловно, имели отрицательные последствия. Здесь уместно упомянуть и слова Мухаммад Тахира о том, что в начале 50-х годов увеличились «угнетения со стороны управителей и наибов. И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме как удаления и гордости, у имама – кроме опущения узды управления и подтверждения речей у правителей и наибов, у семьи имама – кроме расширения и припрятывания богатства» [4.С.68.].

В период наибольших успехов борьбы горцев против царизма, когда по словам Р.А. Фадеева территория имамата достигала «около 900 вёрст в окружности» были проведены изменения территориально-административном делении военно-теократического государства имамат.

Несколько наибств были объединены в отдельные единицы, во главе которых были поставлены мудирь, как мы упоминали о них выше, они просуществовали недолго.

Институт мудирства возник в 1845 г. и просуществовал около 5 лет.

Идея была связана с политикой усовершенствовать систему управления наибствами и вместе с тем упрочить контроль над ними.

С этой целью наибства, были разбиты на несколько групп и в укрупненном составе отданы мудирам (по 4–5 наибств), лица пользовавшиеся особым доверием имама. Как писал Боденштедт, «...территории, которые управлялись мундирами, образуют провинции. Во главе каждой провинции стоит главнокомандующий, объединяющий в себе светскую и духовную власть» [2.С.112.].

Среди мундиров наиболее известными были: Галбац-дебир, Даниял-султан, Кабедмухаммед, Ахвердил-мухаммед, Хаджимурад и сын Шамиля Газимухаммед.

Оценивая низамы нужно подчеркнуть, что они не относились полностью, в точном смысле слова, к феодальному типу права, так как отсутствовали нормы, характерные для феодального права, закрепляющие положение граждан в зависимости от размера богатства. Какие-либо привилегии или ограничения прав горцев в зависимости от их имущественного положения в низамах отсутствовали. Все были равноправны.

Как признавал А. Руновский, идея равенства лежала в основе действий Шамиля. Уравнение прав, свобод, обязанностей граждан, как богатых, так и бедных, равенство всех

перед законов, отмена феодальных привилегий, крепостного права, защита прав неимущего населения – все это свидетельствует об отсутствии черт присущих феодальному праву.

Изложенное не означает, что все низамы были совершенны, не имели отрицательных черт. В частности, строгие и позорящие наказания в отношении курящих, танцоров, музыкантов и некоторых других нельзя признать оправданными. Кроме того, низамы действовали наряду с шариатом, который возник и действовал в средние века, в эпоху феодализма.

Характеризуя сущность государства и права горцев Дагестана и Чечни, следует остановиться на одном распространенном суждении – о невозможности социального равенства горцев в имамате: «ни о каком социальном равенстве не может быть и речи» [9.С.110.].

Шамиль при всем резко отрицательном отношении к крупным землевладельцам – феодалам в силу объективных условий не мог ликвидировать социальное неравенство. Так как равенство, естественно, не могло существовать ни в имамате, ни в Российской империи в условиях общественных отношений, порождающих эксплуатацию.

Литература

1. Абдурахман из Казикумуха // Книга Воспоминаний. Махачкала, 1997.
2. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. С-Л., 1949.
3. Моше Гемер «Шамиль правитель – государства и его дипломатия». Махачкала, 1997.
4. Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск Дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990.
5. Народы Дагестана №№ 172–173. Махачкала, 1994.
6. Низам Шамиля (Материалы для истории Дагестана). // Сборник сведений о кавказских горцах). Вып. 3. Тифлис, 1870.
7. Рамазанов А.Х. «Реформаторская деятельность имама Шамиля». Махачкала, 1998.
8. Руновский А. «Кодекс Шамиля». Махачкала, 1992..
9. Смирнов Н.А. «Мюридизм на Кавказе». М., 1963.
10. Халилов А.М. «Шамиль и Кавказская война». Махачкала, 1998.

УДК 343

**ЭКСПЕРИМЕНТ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
EXPERIMENT IN FORENSIC EXPERT PERFORMANCE**

Рыжиков Д.А., Москва, Федеральное казенное учреждение «Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» Министерства внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника отдела криминалистической техники ЦОКиПДТ НИИСТ

Ryzhikov D.A., Moscow, Federal government scientific institution of the special equipment and telecoms of the Interior Ministry of the Russian Federation, deputy chief of the Department of the criminalistics equipment of the DOF&SSE of the SRISE

e-mail: stfku@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены подходы к определению роли экспертного эксперимента в судебной экспертной деятельности правоохранительных органов внутренних дел Российской Федерации.

Annotation: The approaches of the definition of the role of the expert experiment in judicial expert activities of law enforcement bodies of the Interior Ministry of the Russian Federation.

Ключевые слова: экспертный эксперимент, экспертная практика, судебная экспертиза, значение эксперимента.

Key words: expert experiment, expertise, forensic expertise, the importance of the experiment.

Эффективность расследования и раскрытия преступления напрямую зависит от объема и качества криминалистически значимой информации. Немаловажным аспектом является и доступность данной информации для лиц, осуществляющих расследование, розыск и дознание.

Криминалистически значимой информацией называют все фактические данные, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способы его совершения, объекты преступного посягательства, субъекты и орудия преступления, а также другие подобные обстоятельства. Источниками данной информации являются самые разнообразные следы (материальные и идеальные). Выявление, исследование и использование этих следов при расследовании и раскрытии преступлений является основой доказательственной информации по делу. При этом не последнюю роль играют и результаты экспертных исследований, основанные на применении последних достижений науки и техники для всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Говоря о современных достижениях в развитии технического оснащения деятельности подразделений органов внутренних дел, осуществляющих расследование и раскрытие преступлений, мы в очередной раз удостоверяемся в тесной взаимосвязи техники и науки. При детальном рассмотрении этой взаимосвязи очевидно значительное влияние

научно-технического прогресса на развитие научных основ общей теории судебной экспертизы, которая призвана отражать: специфику познавательного труда эксперта, методологию экспертных исследований, концептуальные направления их общего развития, исходя из поставленных экспертных задачи применяемых для их решения методов судебной экспертизы, к которым, несомненно, относится и эксперимент.

Научный эксперимент представляет собой специфическую форму познания, строится на базе теоретических построений, позволяет практически освоить и проверить их и одновременно служит основой для формирования новых теорий. С.И. Вавилов указывал в своих работах, что «к эксперименту редко обращаются наудачу, в поисках новых, неожиданных явлений... В большинстве случаев опыт ставят для суждения о правильности или ошибочности определенных теоретических положений... ответ, даваемый опытом, иногда может быть неожиданным, и тогда становится первоисточником новой теории»[1]. В судебно-экспертной деятельности эксперимент применяется не только для разработки различных теоретических построений, но и достаточно широко используется в практике производства судебных экспертиз в целях выявления механизма следообразования, его отдельных параметров, механизма взаимодействия объектов экспертного исследования, получения образцов для сравнительного исследования и т.п. Здесь экспертный эксперимент направлен на изучение процессов и условий, интересующих эксперта в рамках решаемой задачи и максимально близких к условиям, имевшим место в момент происшедшего события. Именно поэтому эксперимент широко применяется как в теории, так и в практике судебной экспертизы.

В литературе под экспериментом понимается метод познания, позволяющий в контролируемых и управляемых условиях исследовать явления действительности. При этом отличается от наблюдения он активным применением объекта изучения, основывающимся на теории, которая определяет постановку задач и интерпретирование результатов эксперимента.

В связи с тем, что зачастую основной задачей эксперимента является проверка гипотез и предположений, имеющих принципиальное значение, он, как одна из форм практики, осуществляет функцию критерия истинности научного познания в целом.

Современная наука применяет разные эксперименты. Так, в сфере фундаментальных исследований применяют эксперимент качественный, целью которого является установление наличия или отсутствия явления, предполагаемого теорией. В данном случае качественный эксперимент представляет собой, так называемый простейший тип эксперимента. Применяются в фундаментальных исследованиях и более сложный эксперимент – измерительный, который позволяет выявить количественную определенность какого-либо свойства объекта, и широко применяемый – мысленный эксперимент, который представляет собой систему мысленных, не осуществимых практически процедур, проводимых над идеальными объектами. Являясь теоретической моделью реальной ситуации, мысленный эксперимент позволяет определить согласованность основных принципов теории. Прикладные исследования применяют все указанные виды экспериментов для проверки конкретных теоретических моделей. Но для этих видов наук специфичен также модельный эксперимент, осуществляемый на материальных моделях, которые воспроизводят объекты,

черты исследуемой ситуации либо технического устройства. В целом для обработки полученных в рамках проведенного эксперимента результатов широко применяются методы математической статистики, специальная отрасль которой исследует принципы анализа и планирования эксперимента.

Эксперимент в практике судебной экспертизы – это тоже познавательный процесс, однако в отличие от научного эксперимента он направлен, как было сказано ранее, на изучение определенных фактов, явлений, процессов, познание которых необходимо для решения экспертной задачи.

Ярким примером таких задач являются ситуалогические (ситуационные) задачи решаемые в рамках производства трасологических, автотехнических, дактилоскопических и баллистических экспертных исследований. В рамках этих исследований наряду с изучением следов и иных объектов, поступивших в распоряжение эксперта, требуется исследование ситуации, в которой совершалось преступление, наступили те или иные результаты события. При этом эксперты изучают все факторы, влияющие на механизм происшествия (расположение и взаиморасположение объектов, время суток и освещение, психофизиологическое состояние участников события и другие условия, вплоть до метеорологических).

Об эксперименте в судебной экспертной деятельности упоминают многие ученые, однако, в основном, рассматривая его как факультативную стадию процесса экспертного исследования и изучая его значение для получения доказательственной информации. Детальному анализу эксперимент как метод исследования объектов судебной экспертизы впервые был подвергнут А.И. Винбергом в его докторской диссертации и последующих работах. При этом данный автор придерживался мнения о том, что эксперимент в судебной экспертной деятельности представляет собой разновидность научного эксперимента[2].

Учитывая вышеизложенное можно констатировать, что понимание эксперимента как общенаучного метода познания неотделимо от того факта, что экспертный эксперимент является факультативной стадией экспертного исследования и направлен на изучение интересующих эксперта процессов в условиях, точно установленных или максимально приближенных к условиям, существовавшим в момент исследуемого события.

Среди других работ, посвященных эксперименту можно выделить монографии: Р.С. Белкин «Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике» (1964) и Р.С. Белкин, А.Р. Белкин «Эксперимент в уголовном судопроизводстве» (1997). Однако в этих работах внимание уделено в основном следственному и судебному экспериментам, их участникам, тактическим основам их проведения, и лишь отчасти экспертному эксперименту. При этом авторы и здесь акцентируют внимание на необходимости применения судебной экспертизой всех вышеперечисленных видов эксперимента (качественного, количественного, мысленного и модельного).

Стремительное развитие научно-технического прогресса в последние годы способствовало активному обогащению эмпирического материала экспертной практики. Однако теории применения эксперимента в судебной экспертной деятельности уделено недостаточное внимание. И это обстоятельство привело к незаслуженному занижению его роли и значения в обеспечении научно-исследовательской деятельности и достоверности

заключения эксперта, тем самым его роли в обеспечении расследования и раскрытия преступлений в целом.

Сегодня на правоохранительные органы Российской Федерации возлагаются новые задачи, связанные с организацией правовой охраны информации, внедрением и использованием современных информационных технологий в своей профессиональной деятельности по предупреждению, противодействию и раскрытию преступлений, в том числе в сфере незаконного оборота оружия. Современное развитие научно-технического прогресса в науке и технике идет по направлению создания новых информационных технологий и повсеместного внедрения новых средств коммуникации, которые играют все более важную роль, повышая и значение информации во всех сферах человеческой деятельности.

Немаловажным является и постоянное изменение условий функционирования подразделений ОВД. Меняющиеся социальные, политические и экономические факторы, влияющие на организацию деятельности ОВД в целом, определяют необходимость комплексного исследования возможности применения современных информационных технологий в экспертной деятельности, для безотлагательного решения возникающих в связи с этим проблем.

Взятый в связи с этим МВД России курс на широкомасштабное внедрение в практическую деятельность подразделений универсальных автоматизированных систем наглядно доказывает правильность выбранного решения по повышению эффективности, оперативности и результативности использования криминалистических средств и методов. И немаловажную роль при этом, как ни странно, играет эксперимент. При этом он выходит на новый уровень – «цифровой». Тот уровень, который позволяет посредством применения специального программного обеспечения и имеющейся эмпирической базы данных, проводить эксперимент и получать достоверные данные, как с физическим применением объектов исследования, так и без такового. В качестве ярких примеров здесь можно привести применение специального программного обеспечения при ситуалогических исследованиях в рамках автотехнических экспертиз, а также необходимость проведения эксперимента при исследовании радиоэлектронных средств бесконтактного несанкционированного доступа к автомобильным противоугонным системам и системам охранной сигнализации в рамках судебной технической экспертизы.

С учетом изложенного важно учитывать и необходимо рассматривать, с точки зрения реалий современного научно-технического задела, применение эксперимента в экспертной деятельности по следующим актуальным направлениям:

- разработка новых технических и программных средств для экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений;
- применение новых технических и программных средств в деятельности экспертно-криминалистических подразделений, осуществляемой в рамках обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Касаясь кратко первого направления, можно лишь обрисовать в общем значимость эксперимента для развития научной и технической составляющей экспертной деятельности. А она такова, что без участия эксперта, без применения его специальных знаний по оценке

результатов эксперимента, проведенного с применением технических или программных средств невозможно технологическое развитие обеспечения экспертной деятельности.

Рассматривая второе направление применения эксперимента в экспертной деятельности, мы сталкиваемся с внедрением автоматизированных систем в экспертную деятельность органов внутренних дел МВД России. Ярким примером здесь могут служить активно применяемые автоматизированные баллистические идентификационные системы, при формировании баз данных которых и применяется экспертный эксперимент.

Изучая значение эксперимента в судебной экспертной деятельности считаем необходимым рассмотреть вопросы актуальности эксперимента не только для процесса производства экспертного исследования, но и для расследования и раскрытия преступлений в целом. При этом немаловажное значение на наш взгляд имеет рассмотрение эксперимента с точки зрения применения его в цифровом поле. С учетом данного тезиса полагаем целесообразным для квалифицированной оценки высокой значимости экспериментального метода в экспертном обеспечении деятельности органов внутренних дел Российской Федерации:

- изучить и выявить закономерности развития эксперимента в системе судебной экспертизы с целью определения его сущности в современных условиях;
- определить место эксперимента в современной системе методов экспертного исследования с учетом развития научного и технического потенциала подразделений органов внутренних дел;
- определить и систематизировать виды эксперимента и его задачи;
- изучить способы отображения результатов эксперимента в заключении эксперта и сформулировать критерии оценки этих результатов;
- определить роль и значение эксперимента в обеспечении достоверности заключения эксперта.

Переход правоохранительной системы Российской Федерации в цифровую Эру диктует необходимость решения вышеперечисленных задач, систематизации знаний об экспертном эксперименте, как одного из направлений в учении о методах судебной экспертизы в рамках общей теории судебной экспертизы, что, несомненно, будет способствовать консолидации и приращению в судебной экспертизе научных знаний в области экспертного исследования, предопределяя направления дальнейших научных разработок в данной области.

Литература

1. *Вавилов, С. И.* Экспериментальные основания теории относительности / С.И. Вавилов. – М. – Л., 1928. – С. 16-17.
2. *Винберг, А.И.* Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе / А.И. Винберг.– М., 1956. – С. 68.;Криминалистика:учебник. ч. 1 / А.И. Винберг[и др.] / под ред.: А.И. Винберг, С.П. Митричев.– М.: Госюриздат, 1950. –С.269.

УДК 343

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ
СИМВОЛОВ ГОСУДАРСТВА
SOME ASPECTS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL
LEGAL PROTECTION OFFICIAL STATE SYMBOLS**

Рябченко О.Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экологического, аграрного и природоресурсного права; преподаватель гражданско-правовых дисциплин СПО СГЮК Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Ryabchenko O.N., PhD, senior lecturer in environmental, agricultural and natural resource rights; lecturer of civil law disciplines Institute of Law, Social Management and Security of Udmurt State University

e-mail: 11081975@list.ru

Аннотация: Защита официальных государственных символов (герба, флага, гимна) составляет важную часть мер, направленных на обеспечение порядка управления в стране. В этой связи специального внимания заслуживают норма уголовного закона об ответственности за надругательство над гербом и флагом. В статье на основе анализа современного законодательства, международно-правовых источников, материалов практики Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции раскрываются некоторые аспекты повышения эффективности данной статьи. Предлагается расширить круг предметов преступления за счет гимна, дополнить описание объективной стороны признаком публичности, ввести в закон норму об ответственности за надругательство над символами иностранного государства.

Annotation: Protection of official state symbols (flag, anthem) is an important part of measures aimed at ensuring the management of the order in the country. In this regard, special attention should be the norm of the criminal law on liability for abuse of the emblem and flag. On the basis of analysis of the current legislation, international legal sources, materials of the Constitutional Court and courts of general jurisdiction are disclosed some aspects of enhancing the effectiveness of this article. It is proposed to expand the range of subjects of crime due to the anthem, supplement the description of the objective side feature of publicity, to introduce into the law the rate of liability for abuse of the symbols of a foreign state.

Ключевые слова: преступления против порядка управления, официальные символы государства, надругательство над государственным гербом и государственным флагом

Keywords: crimes against public order, the official symbols of the state, desecration of the state emblem and national flag

В рамках уголовно-правовой охраны управленческих отношений могут (и должны) фигурировать только общие предметы-символы, которые воплощают саму идею порядка и

упорядоченности. Однако и эти предметы, как известно, весьма неоднородны. Полагаем, что на их общем фоне заметно выделяются официальные символы государства.

Если допустимо так будет выразиться, они являются «первичными» символами. Согласно ч. 1 ст. 70 Конституции РФ, государственные флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом. Во исполнение данного конституционного положения было принято три специальных закона [1, 2, 3], которыми установлен официальный порядок использования государственных символов. Общее правило при этом заключается в следующем: государственные символы используются теми органами и в том порядке, который установлен указанными федеральными законами. Государственный гимн и государственный герб могут использоваться и в иных, не предусмотренных соответствующими законами случаях, но исключительно с разрешения и в порядке, установленном Президентом РФ; государственный флаг может использоваться любым лицом и без специального разрешения, при условии, что такое использование не содержит в себе надругательства над флагом. При этом все законы провозглашают, что нарушение установленного порядка использования и надругательство над государственными символами влекут установленную в законодательстве ответственность.

На первый взгляд, может создаться впечатление, что ввиду высокого уровня правовой регламентации государственных символов, посягательства на них по своей природе должны быть отнесены к преступлениям против безопасности государства. Основание к тому дает и КоАП РФ, который включил статью о нарушении порядка использования государственной символики в главу о посягательствах на институты государственной власти, а не на порядок управления.

Однако это не вполне так. Специалисты точно отмечают, что все случаи практического применения государственных символов можно классифицировать на две группы: случаи официального использования; случаи неофициального использования[4]. Случаи же неофициального использования, следуя закону, надо подразделить на легитимные и нелегитимные, а последние, в свою очередь, на нарушение установленного порядка использования и надругательство. Надругательство, безусловно, более емкий с эмоциональной точки зрения термин. Он включает в себя такой значимый аспект обращения с государственными символами, как их оскорбление[5]. С этих позиций оскорбление флага или герба мало отличается от оскорбления представителя власти, демонстрируя пренебрежительное отношение виновного к государственному порядку.

В обоснование правильности законодательного решения об отнесении исследуемых посягательств к преступлениям против порядка управления можно сослаться и на решения Конституционного Суда РФ[6], который неоднократно признавал (по меньшей мере, в отношении правил использования государственного герба), что существующее правовое регулирование его использования обусловлено тем, что герб как государственный символ РФ служит средством обозначения актов и документов, исходящих от ее государственных органов и должностных лиц, а также документов органов, организаций и учреждений, деятельность которых имеет общегосударственное значение (определения Конституционного Суда РФ от 15.07.2004 № 249-О, от 29.05.2012 № 1037-О, от 17.07.2012 №

1343-О, от 24.09.2013 № 1311-О). Установленный официальный порядок предполагает использование государственного герба РФ определенными законом субъектами в целях обозначения их принадлежности к государственным органам, подтверждения официального статуса в отношениях с внешними субъектами, а также в целях обозначения общегосударственного значения осуществляемой ими деятельности (Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 903-О).

Конституционный Суд РФ акцентированно подчеркивает внешний, символический характер как герба, так и порядка его использования. Европейский Суд по правам человека также установил, что законы о государственном гимне, государственном флаге или государственном гербе Российской Федерации не содержат правила о гражданском долге почитания этих символов[7]. Это позволяет подвергнуть критике распространенную позицию о том, что надругательство над гербом и флагом нарушают общественные отношения, обеспечивающие уважительное отношение к символам, олицетворяющим суверенитет государства и его авторитет[8]. Уважение к государственной символике – исключительно внутренняя позиция человека, которая не может быть регламентирована уголовным законом. Для УК РФ главное – соблюдение внешних правил обращения с символикой. Оскорбление государственного символа не может с необходимостью рассматриваться как посягательство на «стоящие за ним» основы конституционного строя страны. Такое оскорбление в рамках существующего состава преступления субъективно ограничено только демонстрацией внешнего отношения к государственному символу и не включает в себя выражения к самому конституционному порядку.

С этой точки зрения размещения ст. 329 УК РФ в главе 32 УК РФ вполне оправдано. Однако надо обратить внимание, что в ряду официальных государственных символов, поставленных под охрану этой нормой, отсутствует государственный гимн. В науке предлагалось криминализировать надругательство над гимном[9]. Соответствующий законопроект находился и на обсуждении в Государственной Думе РФ в 2001 – 2002 годах[10]. Однако он был отклонен и снят с рассмотрения. Основные причины были сформулированы в заключении Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, где, в частности, указывалось: «затруднительно представить действия, которые можно квалифицировать как надругательство над Государственным гимном Российской Федерации, поскольку этот символ государства не имеет овеществленной формы», «надругательство над Государственным гимном Российской Федерации сложно будет отграничить от других уголовных правонарушений, например, хулиганства». Полагаем, что названные причины, мягко говоря, неубедительны, по крайней мере, в современных условиях, когда состав хулиганства претерпел существенные трансформации (2003 год), а законом установлена возможность оскорбления даже чувств отдельных категорий лиц (ст. 148 УК РФ).

В этой связи вопрос о криминализации надругательства над гимном стоит обсудить дополнительно. Заметим, что в 2002 году ни Президент РФ, ни Правительство РФ, ни депутаты не возражали против самой идеи такой криминализации (определенно против высказался в своем отзыве только Верховный Суд РФ, ссылаясь исключительно на исторический опыт установления ответственности за надругательство лишь над гербом и

флагом). Основные претензии сводились только к необходимости конкретизации самого термина «надругательство» применительно к гимну (см. обширную Таблицу поправок, поступивших в Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству).

Однако, по нашему убеждению, такая конкретизация в рассматриваемом случае вряд ли необходима. Суть и содержание термина «надругательство» не оставляет сомнений в том, какими действиями возможна демонстрация пренебрежительного, неуважительного, оскорбительного отношения к государственным символам. Детализация этих действий, как представляется, должна составить область задач судебной правоприменительной практики.

При этом формами такого надругательства могут быть признаны: искажение текста, демонстрирующее неуважение к гимну и стране, искажение музыкальной редакции, свидетельствующее о неуважении к гимну, действия, направленные на срыв исполнения гимна.

Таким образом, первый вывод, который можно сформулировать на настоящем этапе исследования, заключается в необходимости расширения сферы криминализации деяний, охватываемых ст. 329 УК РФ, за счет надругательства над государственным гимном РФ.

В литературе было высказано суждение о том, что в предмет преступления, предусмотренного ст. 329 УК РФ, должны войти герб и флаг иностранного государства, а также признанных РФ межгосударственных объединений и организаций (Европейского Союза, Совета Европы, СНГ, ООН и др.), поскольку такие действия подрывают, в том числе, и авторитет российского государства, принципы добрососедства и международного сотрудничества[11]. Сама по себе эта идея, конечно, заслуживает внимания. Однако мы не усматриваем оснований реализовать ее в рамках главы 32 УК РФ.

В национальном праве отсутствуют положения, которые обязывали всех и каждого уважать символику иностранных государств и международных органов. В международном праве защита государственных символов установлена лишь в связи с их использованием в качестве элемента товарных знаков и иных аналогичных обозначений[12]. Такое уважение в качестве общего правила можно вывести только путем толкования положений ст. 1 Устава ООН, который признает целью деятельности этой организации развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также положений Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, согласно которым государства-участники обязуются уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им. В этой связи можно обоснованно предполагать, что надругательство над символами иностранных государств и международных организаций или их оскорбление являются собой демонстрацию негативного отношения не к системе государственного управления в России, а к самим иностранным государствам и организациям; выглядят как реакция на проводимую ими политику либо как демонстрация внутривнутриполитического курса страны. В любом случае такие действия способны осложнить международную обстановку, причиняют ущерб принципу мирного и дружественного сосуществования государств. Это дает основания, на наш взгляд, говорить о возможности криминализации надругательства

над государственными символами иностранных государств в рамках главы 34 УК РФ в качестве преступления против мира.

Демонстративный характер преступлений, связанных с надругательством над государственными символами, накладывает особый отпечаток на содержание их объективной стороны. Надо признать, что такая демонстрация должна быть явной, открытой. Изучение судебной практики показывает, что во всех уголовных делах, рассмотренных по ст. 329 УК РФ, действия виновных по надругательству над государственным символом осуществлялись на публике.

Показательным примером может служить дело Ю., который находясь на площади перед кинотеатром, во время проведения общественной организацией «Молодая Гвардия Единой России» санкционированного пикета, грубо нарушая общественный порядок, демонстрируя явное неуважение к обществу, а также нарушая принцип равенства прав и свобод граждан независимо от их убеждений и принадлежности к общественным объединениям, подошел к А., принимающему участие в пикете, из рук которого, применяя физическую силу, стал вырывать государственный флаг РФ, высказывая при этом негативное отношение к политической партии «Единая Россия» и выражаясь нецензурной бранью. Вырвав из рук А. флаг, Ю. оторвал полотнище от древка, а затем повредил полотнище путем разрыва[13].

Можно привести также дело С., который в состоянии алкогольного опьянения, в зале судебных заседаний на почве неприязненных отношений к российскому правосудию, возникших из-за, по его мнению, необоснованно принятого судьей решения, решил сорвать с древка прямоугольное трехцветное полотнище государственного флага РФ и выбросить его в форточку окна. Реализуя свой преступный умысел, С. подошел к стоящему за стулом судьи государственному флагу, взялся руками за полотнище и начал снимать его с древка. В этот момент, находящаяся в зале О. потребовала, чтобы С. прекратил свои действия. Однако С., осознавая, что совершает преступление открыто, публично и что О. понимает преступный характер его действий, и в последствии его преступные действия станут явными и для других лиц, снял трехцветное полотнище флага и через форточку окна выбросил его на улицу[14].

Случаев, в которых надругательство было бы совершено в отсутствие свидетелей (публики) в исследованных нами материалах уголовных дел не обнаружилось, и это не случайно. Сама идея надругательства требует наглядной демонстрации отношения к государственным символам, а для этого необходима публика. В этом отношении ст. 329 УК РФ близка по «духу» положениям ст. 319 УК РФ, устанавливающим наказуемость именно публичного оскорбления представителя власти. Не случайно, в литературе уже давно указывается на обязательность признака публичности действий в рассматриваемом составе преступления[15]. Представляется, что в целях уточнения законодательного описания признаков состава надругательства над государственными символами следует прямо закрепить признак публичности в тексте диспозиции ст. 329 УК РФ.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О Государственном флаге Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (Часть I). – Ст. 5020.
2. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О Государственном гербе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (Часть I). – Ст. 5021.
3. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 3-ФКЗ (ред. от 21.12.2013) «О Государственном гимне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (Часть I). – Ст. 5022.
4. Нужин К.В. Конституционно-правовое регулирование государственной символики в субъектах Российской Федерации. [Электронный ресурс]: <http://www.dslib.net/konstitucionno-pravo/konstitucionno-pravovoe-regulirovaniegosudarstvennoj-simvoliki-v-subektah.html> (дата обращения 20.01.2016).
5. Толковый словарь русского языка определяет слово «надругательство» как «оскорбительное грубое издевательство, кощунство». См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополн. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 380.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2027-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Корниловой Галины Андреевны на нарушение ее конституционных прав статьей 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 № 511-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 8 Федерального конституционного закона "О Государственном гербе Российской Федерации" и статьей 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 67-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Горячевой Ангелины Валентиновны на нарушение ее конституционных прав статьей 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кузьмичевой Ирины Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав положениями Федерального конституционного закона "О Государственном гербе Российской Федерации"»; определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1311-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федосова Геннадия Сергеевича на нарушение его конституционных прав Федеральным конституционным законом "О Государственном гербе Российской Федерации"»; определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 903-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Старцевой Татьяны Анатольевны на нарушение ее конституционных прав статьей 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2013 № 24-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шутова Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Документы официально не опубликованы. [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.06.2010 «Дело "Свидетели Иеговы" в Москве и другие (Jehovah's Witnesses of Moscow and others) против Российской Федерации» (жалоба № 302/02) // Российская хроника Европейского Суда. – 2011. – № 2.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В.В. Малиновский, научн. ред. А.И. Чучаев. – М.: Контракт, 2011. – С. 952.

9. Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. – Ставрополь: СКГИ. РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. – С. 99 – 101

10. Законопроект № 72977-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за надругательство над Государственным гимном Российской Федерации). [Электронный ресурс]: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=72977-3&02>

11. Агаев Г.А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 12.

12. Конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, ратифицированная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1968 года № 3104-VII «О ратификации Стокгольмского акта Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1968. – № 40. – Ст. 363.

13. Центральный районный суд г. Омска. Дело №1-11/2011. Приговор. [Электронный ресурс]: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-omska-omskaya-oblast-s/act-100915827/>

14. Мировой судебный участок № 9 Вятскополянского района Кировской области. Дело № 1-20 / 4493 /2013 г. Приговор. [Электронный ресурс]: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-9-vyatskopolyanskogo-rajona-s/act-210558239/>

15. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрист, 1996. – С. 495.

УДК 342.9

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НАПРАВЛЕНИИ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ
УСМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ
THE CURRENT STATE OF THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION TO
WARDS OBJECTIFICATION DISCRETION OF PUBLIC SERVANTS**

Слюсарева Т.Г., кандидат юридических наук, исполняющая обязанности заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»

Slusareva T.G., PhD, Acting Head of the Department of State and legal disciplines, State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssky State Humanitarian-Technical Institute"

e-mail: slutanya@mail.ru

Аннотация: одним из важнейших направлений административной реформы является минимизация и объективизация административного усмотрения в деятельности государственных служащих. В статье исследуется современное состояние административно-правового регулирования возможности применения государственными служащими административного усмотрения в процессе реализации своих полномочий.

Annotation: One of the most important directions of administrative reform is to minimize and objectification of administrative discretion in the work of civil servants. The article examines the current state of the administrative and legal regulation of the possibility of using civil servants of administrative discretion in the exercise of its powers.

Ключевые слова: административное усмотрение, государственный служащий, административно-правовое регулирование, административный регламент.

Keywords: administrative discretion, state employee, administrative and legal regulation, administrative regulations, administrative regulations.

Колоссальные изменения, неизбежно происходившие в нашей стране с начала 90-х годов, неотвратимо коснулись и системы государственного управления, привели к необходимости тотального реформирования всех ее звеньев и структур. Административная реформа, активно начавшаяся в 2003 году [1], реализуется и по сегодняшний день. Основная идея административной реформы заключается в оптимизации функций органов исполнительной власти (упразднение избыточных функций, оптимизация исполнения функций, сосредоточенных на рационализации управленческих процессов), модернизации института государственной службы, ее открытости и прозрачности, повышении качества предоставления государственных услуг, улучшении результативности профессиональной деятельности государственных служащих и т. д. В свое время в Концепции административной реформы четко закреплялась важность ограничения вторжения

государства (и соответственно государственных служащих) в экономику страны, включая прекращение излишнего ее государственного регулирования [2].

Несмотря на то, что административная реформа в нашей стране реализуется на протяжении уже многих лет, все равно остается целый пласт нерешенных проблем в сфере управления, к которым, в частности, можно отнести и проблему совершенствования административно-правового регулирования усмотрения государственных служащих.

С учетом того обстоятельства, что функции государства реализуются посредством практической деятельности государственных служащих, и именно они, в первую очередь, отвечая за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих полномочий, не должны нарушать права и свободы граждан и организаций, особое стратегическое направление административная реформа должна видеть в совершенствовании института государственной службы, включая оптимизацию и объективизацию возможности применения административного усмотрения. Ведь важнейшим условием развития нашей страны является формирование профессиональной и эффективной системы государственной власти, которая будет служить законным интересам граждан и функционировать во благо всего общества, руководствуясь при этом не только буквой закона, но и разумным усмотрением.

Ориентируясь на эту идею, можно утверждать, что деятельность государственных служащих должна быть ограничена определенными рамками, и реализация ими функций государства должна происходить при минимизации их административного усмотрения.

Одно из важнейших направлений административной реформы связано с формированием единой, целостной, результативной государственной службы, которая основывается на современных подходах и технологиях управленческой деятельности. Сложный переходный период в жизни нашей страны, формирование новой модели государственного управления, последующее реформирование государственной службы – все это непосредственно повлияло на эффективность управления. Административное усмотрение при этом продолжает оставаться одной из его значимых проблем.

Еще несколько лет назад К. С. Бельский писал о том, что «действующее в Российской Федерации административное законодательство представляет собой безбрежное собрание правовых норм, разбросанных в различных актах, которые в политическом соотношении просто необозримы» [3].

Административное законодательство на нынешний период времени по своей объемности едва ли выдержит конкуренцию с какой-нибудь другой отраслью российского права. Ю. Н. Стариков справедливо указывает на то, что нынешнее административное законодательство содержит огромный объем значимых и необходимых законов, нормативных правовых актов, что последовательно приводит к фактическому «перерастанию формата» правового института в соответствующие подотрасли административного права [4].

Опыт проведения административных реформ в других странах показывает чрезмерную важность своевременной разработки нормативных правовых актов, особую потребность в правовых нормах для стабильного функционирования административных институтов. Ю. Н. Стариков отмечает, что «административная реформа пока не привела к ликвидации в деятельности государственных служащих произвольного управления по усмотрению, т. е. незаконного административного усмотрения» [5].

Хотелось бы отметить, что «незаконное административное усмотрение» и «усмотрение, основанное на законе» – это диаметрально противоположные понятия. Первое, безусловно, носит резко негативный и отклоняющий характер, во втором случае речь идет о невозможности повсеместного законодательного регулирования отдельных общественных отношений. Но объединяет эти два явления правовой действительности тот факт, что в любой момент усмотрение в рамках закона может стать произвольным. Поэтому стратегически важно определить, каким образом усмотрение связано с самой нормой закона, возможно ли нормативно-правовое регулирование без него, поддается ли оно практически полному искоренению.

В самом общем понимании административное законодательство – это совокупность нормативных правовых актов, действующих в сфере государственного управления. Государственное управление создает практическую основу для возникновения в системе административно-правового регулирования отношений, порожденных в процессе осуществления органами государственного управления административных функций, процесса управления, применения управленческих методов разрешения административных споров [6]. Соответственно и регулирование вопросов, связанных с осуществлением профессиональной деятельности государственных служащих, принятием ими управленческих решений, привлечением их к ответственности и, безусловно, наличием возможности принятия решения в рамках административного усмотрения являются предметом административно-правового регулирования.

В то же время утверждать о том, что у современного административного законодательства в направлении объективизации усмотрения, способствующей снижению нарушений прав и свобод граждан и организаций, отсутствует динамика развития, было бы неверно. Можно выделить несколько блоков нормативных правовых актов, обуславливающих медленное, но верное движение по пути повышения качества взаимодействия государственных служащих, осуществляющих реализацию функций государства, и субъектов, в отношении которых данные функции реализуются, для оптимального осуществления административного усмотрения. Данное взаимодействие направлено, в том числе, и на повышение эффективности защиты прав и свобод от проявлений необъективного усмотрения государственных служащих.

В частности, к таким блокам нормативных правовых актов относятся:

1. Вступление в силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7], в котором предусматривается административная ответственность за такие правонарушения, как ст. 5.59 (нарушение порядка рассмотрения обращений граждан), ст. 19.28 (незаконное вознаграждение от имени юридического лица), ст. 19.29 (незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего) и т. д. Как правило, такие правонарушения наступают при необъективном осуществлении государственными служащими полномочий. Иными словами, государственные служащие используют в таких случаях предоставленную законодателем возможность усмотрения не в публичных интересах, как того требует закон,

административные, должностные регламенты, а в частных интересах, тем самым совершая правонарушения, состав которых образуется ст.ст. 19.29, 19.28 и т. д.

2. В 2004 году система федеральных органов исполнительной власти коренным образом изменилась, и был выработан единый критерий разграничения таких органов в зависимости от сути реализации ими функций государства: 1) федеральные министерства, осуществляющие функции по принятию нормативных правовых актов, координацию и контроль деятельности находящихся в их ведении федеральных служб и федеральных агентств, а также координацию деятельности государственных внебюджетных фондов; 2) федеральные службы, осуществляющие функции надзора (контроля) в установленной сфере деятельности и издания индивидуальных правовых актов; 3) федеральные агентства, осуществляющие в установленной сфере деятельности функции по оказанию государственных услуг, по управлению государственным имуществом и правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору, и издания индивидуальных правовых актов [8].

3. Преобразования в институте государственной службы [9]. Впервые разработана и утверждена федеральная программа по развитию системы государственной службы [10], в которой четко обозначена необходимость искоренения одного из самых негативных проявлений административного усмотрения – коррупции. В частности, в целях повышения результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих предлагается усилить их мотивацию к повышению качества государственных услуг, а также упорядочить и конкретизировать их полномочия, которые должны быть закреплены в должностных регламентах.

Повышение эффективности исполнения государственными служащими своих полномочий, в том числе и связанных с оправданным применением ими административного усмотрения, непосредственно влияет на осуществление прав и свобод граждан и организаций: реализуя полномочия, государственные служащие содействуют реализации прав и свобод граждан и организаций. Разумность применения усмотрения, очевидно, должна способствовать снижению возникновения спорных ситуаций, разрешение которых влечет за собой использование гражданами или организациями судебной формы защиты их прав и свобод. Объективизация административного усмотрения также должна привести к минимальному проявлению коррупции в среде государственных служащих, что, несомненно, положительно повлияет на результативность защиты прав и свобод. Подчеркнем, что выявление критериев объективизации административного усмотрения является одной из задач современного административного законодательства.

4. Важные изменения произошли и в административно-правовом статусе государственного служащего. Например, введение административной ответственности за несоблюдение должностными лицами федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора), требований законодательства о государственном контроле (надзоре), выразившихся в проведении проверки при отсутствии оснований для ее проведения, нарушении сроков проведения проверки, отсутствии согласования внеплановой выездной проверки с органами прокуратуры, проведении проверки без распоряжения (приказа)

руководителя или заместителя руководителя органа государственного контроля (надзора), непредставлении акта о проведенной проверке, привлечении к проведению мероприятий по контролю не аккредитованных в установленном порядке граждан или организаций либо проведении плановой проверки, не включенной в ежегодный план проведения плановых проверок (ст. 19.6.1 КоАП РФ).

5. Разработка административных регламентов. В настоящее время все административные процедуры должны быть закреплены в административных регламентах для того, «чтобы граждане знали обязанности конкретного чиновника, имели реальную возможность обжаловать незаконные действия или бездействие» [11]. Необходимо подчеркнуть, что введение обязательности административных регламентов позволило гражданам и организациям знать и отстаивать свои права, нарушенные государственными служащими в ходе исполнения ими государственных функций.

Детально порядок разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг отражен в постановлении Правительства Российской Федерации [12]. На основании данного нормативного правового акта разработано и утверждено значительное количество административных регламентов, детализирующих исполнение государственными служащими своих полномочий и соответственно полностью исключаящих их усмотрение, а в некоторых случаях, только сужающих границы их усмотрения.

6. Усиление борьбы с коррупцией. В настоящее время принято значительное количество нормативных правовых актов, цель которых – искоренение коррупции. Прежде всего, на основании Указа Президента Российской Федерации был создан Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции [13]. Впоследствии 25 декабря 2008 был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [14], в котором в качестве одного из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции выделено обеспечение доступа граждан к информации о деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Данное направление реализовано в виде принятия Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», одним из принципов которого является открытость и доступность информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Это один из немногих законов, который, на наш взгляд, может в определенной мере способствовать прозрачности деятельности государственных служащих, в том числе и при применении ими административного усмотрения.

Обратим внимание на то, что в ст. 1, 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» четко обозначена необходимость не только искоренения коррупции, но и проведение профилактики коррупции, осуществляемой путем, в том числе, и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» одним из

коррупциогенных факторов обозначены положения актов (проектов актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [15]. Поэтому объективизация и обоснованность усмотрения, сужение его пределов, несомненно, будут способствовать снижению, а в дальнейшем и устранению такого негативного явления последствий широкого административного усмотрения, как коррупция.

Административно-правовое регулирование административного усмотрения имеет важнейшее общественное значение, ведь сфера управления – это особенная сфера, требующая максимального нормативного опосредования. Существуют мнения, что регулирование общественных на основе административного усмотрения органов государственной власти, в целом вообще губительно с общественной и государственной точек зрения.

Сложное и динамичное административное законодательство делают усмотрение в сфере управления практически неизбежным. В свое время М. Н. Коркунов писал, что «если бы всегда и везде действовали одни и те же нормы положительного права, тогда бы критики и было бы достаточно для их практического применения. Но в действительности положительное право изменчиво во времени и разнообразно, и потому необходимо еще при его применении иметь определенные правила разрешения возможных столкновений различных законов. Такие столкновения возможны как между разновременными, сменяющимися друг друга в одном и том же государстве законами, так и между разноместными законами, законами различных государств» [16].

Административное законодательство при всей его социальной полезности, важности и значимости, в первую очередь, должно быть функционально ориентированным на обеспечение публичных интересов. Несмотря на усложнившуюся в последний период времени объект управления и закономерный динамизм общественных процессов, норма административного права должна быть максимально эффективно реализована. Возможность применения административного усмотрения предполагает, что государственный служащий, развивая идеи социального, демократического, правового государства, верховенства прав и свобод человека и гражданина, сможет донести волю и идею государства даже в том случае, если законодатель не в той степени учел и отразил в законе потребности современного общества. В связи с этим нельзя не согласиться с В. М. Манохиным, который в свое время отмечал, что «усмотрение в управлении государственными делами в современных условиях и в ближайшем будущем – необходимый элемент в структуре управления... поскольку усмотрение существует и действует как юридическое явление и останется в качестве такового и впредь, оно должно получить в законодательной и в правоприменительной деятельности право гражданства» [17].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что административное законодательство, безусловно, в силу своего динамизма и многогранности объективно не исключает из процесса административно-правового регулирования элемент усмотрения. Представить управленческий процесс автономным от человеческого фактора едва ли

возможно. К сожалению, «там, где есть право и закон, там существует и пренебрежение к ним, различаемое лишь по формам, частоте проявления и наступающим негативным последствиям» [18]. Изменить сложившуюся ситуацию возможно лишь путем дальнейшего совершенствования законодательства, укрепления правовой государственности, оптимизации всех механизмов юридической ответственности публичной власти, а также повышения правовой культуры представителей публичной администрации.

Литература

1. Так, 23 июля 2003 года был издан Указ Президента РФ «О мерах по проведению административной реформы в 2003 – 2004 годах» // СЗ РФ № 30. Ст. 3046.
2. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р (в ред. 10.03.2009 г.) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах» // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
3. Бельский К. С. О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5.
4. См.: Общее административное право: учебник / под. ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 12.
5. Старилов Ю. Н. Административная реформа: политико-правовые особенности и первые шаги // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 1. С. 27.
6. Общее административное право: учебник / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 24.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07.06.2016 г.) // СЗ РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1
8. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 (в ред. от 12.05.2016 г.) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.
9. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (в ред. от 13.07.2015 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; Указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 557 (в ред. от 08.03.2015 г.) «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» // СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2542; Указ Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 574 (в ред. от 10.10.2016 г.) «О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы» // СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 118.
10. См.: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 (в ред. от 10.08.2012 г.) «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1277.
11. См.: Точки над «и» // Российская газета, 2008, 16 февраля.

12. Постановление Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 г. (в ред. от 23.01.2014 г.) «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3169.
13. Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 (в ред. от 14.02.2014 г.) «О мерах по противодействию коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 21. Ст. 2429.
14. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г № 273-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
15. Федеральный закон от 17 июля 2009 г № 172-ФЗ (в ред. от 21.10.2013 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
16. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисловие д-ра юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 404.
17. Манохин В. М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Советское государство и право. 1990. № 1. С. 29.
18. Стариллов Ю. Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 29 – 45.

УДК 347.73

**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ
КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON CERTAIN LEGAL ASPECTS OF CREDIT INSTITUTIONS IN THE
RUSSIAN FEDERATION**

Соловцова Е.А., старший преподаватель кафедры правовой культуры и защиты прав человека, Северо-Кавказский Федеральный университет

Solovtsova E.A., senior lecturer in legal culture and the protection of human rights, North-Caucasian Federal University

Аннотация: В статье рассмотрены понятие, структура, а так же административно-правовой статус кредитных организаций.

Annotation: The article describes the concept, structure, as well as administrative and legal status of credit institutions.

Ключевые слова: кредитные организации, банковские операции, правовой статус, общественные отношения.

Keywords: credit organizations, banking legal status, public relations.

Тему нашего исследования мы бы хотели рассмотреть с помощью методов, известных науке ранее [14,15,16,17,18,19,20,21]. Классификация кредитных организаций затруднена тем, что не существует единого правового акта, в котором бы были перечислены все существующие на сегодняшний день кредитные организации.

Так, в соответствии со ст.1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. №395-1 «О банках и банковской деятельности» [2] кредитная организация - юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество.

В той же статье указанного законодательного акта говорится о том, что кредитные организации могут быть созданы в форме банков и небанковских организаций: «Банк - кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц.

Небанковская кредитная организация: 1) кредитная организация, имеющая право осуществлять исключительно банковские операции, указанные в пунктах 3 и 4 (только в части банковских счетов юридических лиц в связи с осуществлением переводов денежных средств без открытия банковских счетов), а также в пункте 5 (только в связи с

осуществлением переводов денежных средств без открытия банковских счетов) и пункте 9 части первой статьи 5 настоящего Федерального закона;

2) кредитная организация, имеющая право осуществлять отдельные банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Допустимые сочетания банковских операций для такой небанковской кредитной организации устанавливаются Банком России». [2]

Соответственно, как следует из закона «О банках и банковской деятельности» все кредитные организации делятся на банки и небанковские организации, осуществляющие функции, указанные в ст.5 с оговорками ст.1 этого правового акта.

В литературе по этому поводу можно найти следующую информацию: «В первую очередь, Банк России формально не считается кредитной организацией, хотя реализует большинство банковских операций, в том числе выдает кредиты, и составляет первый уровень банковской системы. Во-вторых, следует выделить те кредитные организации, которые входят в банковскую систему Российской Федерации, составляя ее второй уровень. Стоит заметить, что они поднадзорны и подконтрольны Банку России, на них распространяется Закон о банках и нормативные акты Банка России, они легально признаются кредитными организациями. В-третьих, имеется достаточно большое число различных организаций, которые по экономической сути своей деятельности будут кредитными, но действуют вне банковской системы Российской Федерации. С точки зрения своего правового статуса, они ничем не отличаются от обычной некредитной организации, их деятельность регулируется не Законом о банках, а иными общими и специальными нормативными актами, они не подконтрольны Банку России и официально не рассматриваются законодателем в качестве кредитных. В эту группу можно отнести, например, кредитные кооперативы, действующие на основании общих норм Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 117-ФЗ «О кредитных потребительских кооперативах граждан» [3] и занимающиеся деятельностью по предоставлению займов своим членам. Сюда же крайне важно отнести ломбарды, которые, как известно, специализируются на предоставлении кредитов гражданам под заклад принадлежащего им движимого имущества, различные фонды и т.п. Причем число организаций, которые выполняют отдельные банковские операции, но не рассматриваются законодателем в качестве кредитных и не входят в банковскую систему Российской Федерации, постоянно увеличивается (кредитные потребительские кооперативы, ломбарды и пр.)» [3].

У каждой из этих организаций возникает свой собственный правовой статус. Становясь участником правоотношений, каждый субъект использует закрепленные за ним законодательством права, исполняет обязанности, несет ответственность. То, как и каким образом, тот или иной субъект является участником общественных отношений, определяется его правовым статусом, т.е. правовым положением.

В теории права популярно следующее определение правового статуса – «это признанная конституцией или законами совокупность исходных, неотчуждаемых прав и обязанностей человека, а также полномочий государственных органов и должностных лиц, непосредственно закрепляемых за теми или иными субъектами права» [8]. Несколько более

широкое определение давал А.С. Пиголкин, который под общим правовым статусом субъекта понимал «совокупность право- и дееспособности, необходимых для возникновения конкретных правоотношений, а также общих прав и обязанностей, реализация которых не порождает конкретные правоотношения (свобода слова, обязанность исполнять законы и др.)» [13].

Еще правовой статус может рассматриваться как «установленное нормами права положение его субъектов, совокупность его прав и обязанностей».

В свою очередь, Н.А. Богданова считает, что правовой статус – это «теоретическая конструкция, соединяющая нормативные характеристики, теоретические представления, и реальную практику реализации правовых установлений»[6].

Н.И. Матузов и А.В. Малько под правовым статусом понимают признанную Конституцией России и законодательством совокупность прав и обязанностей субъектов, а также полномочий органов и должностных лиц, с помощью которых они выполняют свои социальные роли. В структуре правового статуса указанные ученые выделяют: законные интересы, правосубъектность, гражданство, юридическую ответственность, правовые принципы и т.д. Наличие или отсутствие каждого из перечисленных элементов будет зависеть от того, какой конкретно субъект права является объектом исследования.[12]

По мнению С.А. Авакьяна, под статусом необходимо понимать «оформленное нормативным актом положение органа, организации, объединения, должностного лица, личности. Статус характеризует их природу, место в системе общественных отношений и субъектов права, важнейшие права и обязанности, формы (порядок) их реализации и принимаемые при этом акты или совершаемые действия».[7]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовой статус (правовое положение) кредитной организации, есть сложное юридическое образование, основанное на нормах права, и включающее в себя ряд элементов, таких как права, обязанности, правоспособность, дееспособность, гарантии, ответственности и др., характеризующих положение кредитной организации в системе общества и характер ее взаимоотношений с другими субъектами.

Кредитная организация имеет общий правовой статус, определяемый нормами конституционного, гражданского, административного, финансового права, отраслевой статус, определяемый нормами конкретной отрасли права, и специальный статус – статус конкретной кредитной организации.

По мнению ряда специалистов, все кредитные организации изначально обладают одинаковым общим правовым статусом.[10] Этот общий правовой статус является как бы базисом, на котором появляется надстройка в виде специального правового статуса.

Что касается отраслевого правового статуса кредитной организации, то его содержание зависит от правовой отрасли и конкретных правовых отношений, в которые вступает кредитная организация.

Так, например, типичным выражением отраслевого статуса кредитной организации можно считать ее административно-правовой статус.

В теории права под субъектами правоотношений традиционно понимают участников таких отношений, действующих на основе норм той или иной отрасли права.

Соответственно, субъектами административно-правовых отношений будут субъекты, вступающие в отношения друг с другом на основе норм административного права.

Необходимым условием участия лица в административно-правовых отношениях является наличие административной правосубъектности. Традиционно ее рассматривают в качестве взаимосвязи двух элементов: административной правоспособности и административной дееспособности. Одновременно с этим, административную правоспособность и административную дееспособность рассматривают в качестве важных элементов административно-правового статуса субъекта.

Под административной правоспособностью необходимо понимать способность субъекта иметь и приобретать административные права и обязанности. Правоспособность возникает у физического лица с момента его рождения и установлена законом.

Под дееспособностью необходимо понимать возможность и способность субъекта своими самостоятельными волевыми действиями приобретать дополнительные права, создавать и нести обязанности, а также нести ответственность за свои действия в сфере административно-правового регулирования.

Административная правоспособность и административная дееспособность в совокупности образуют административную правосубъектность кредитной организации.

Административная правосубъектность кредитной организации будет различной в зависимости от дозволенной законодательством России степени влияния на такую организацию со стороны государства.

Общие начала взаимоотношений между коммерческими организациями, к которым следует относить кредитные организации, можно описать следующими словами: «В целом для взаимоотношений органов исполнительной власти с предприятиями и учреждениями всех видов собственности характерно то, что законодательством установлены: государственная регистрация предприятий как юридических лиц и аккредитация соответствующих учреждений; получение предприятиями и учреждениями разрешений (лицензий) на определенные виды деятельности; запрет на вмешательство государства и его органов в деятельность предприятий (учреждений); обязательность ведения бухгалтерской и статистической отчетности; представление государственным органам соответствующей информации; обязанность соблюдать законодательство и др.

Органы исполнительной власти обязаны принимать все возможные меры к обеспечению прав и законных интересов предприятий, учреждений и выполнению ими своих обязанностей. Вместе с тем государственные органы осуществляют контроль за соблюдением предприятиями и учреждениями соответствующего законодательства и вправе применять к его нарушителям меры воздействия, установленные законодательством за экологические правонарушения, нарушения в области строительства, по вопросам рекламы и др.».[11]

В соответствии с законодательством Российской Федерации кредитные организации обязаны:

- быть зарегистрированными в установленном государством порядке;
- получить лицензию на право осуществления своей деятельности;
- ежегодно и ежеквартально отчитываться перед Банком России;

- выполнять отдельные поручения органов исполнительной власти.

Кроме того, в соответствии с законодательством кредитные организации могут быть привлечены к административной ответственности.

В ст.9 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», которая называется «Отношения между кредитной организацией и государством», перечисляются взаимные обязанности и гарантии деятельности, которые, впрочем, не могут быть в полной мере отнесены к элементам административно-правового статуса кредитной организации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301
2. Федеральный закон от 2.12.1990 г. №395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 05.02.1996, N 6, ст. 492.
3. Федеральный закон от 07.08.2001 N 117-ФЗ «О кредитных потребительских кооперативах граждан» // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3420 (закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 18.07.2009 N 190-ФЗ «О кредитной кооперации»).
4. Административное право: учебник / Под ред. Л.Л. Попова. М., Юрист, 2005.
5. Банковское право в России (вопросы теории и практики) / А.Г. Братко. М.: изд. Гарант, 2007.
6. Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11, «Право», 1998, №3. С.5.
7. Конституционное право. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2000.
8. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства / Под общ.ред. В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2001. С. 373.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984.
10. Павлодский Е.А. Кредитные организации в России: правовой аспект / Отв. ред. Е.А. Павлодский. – М.: ВолтерсКлувер, 2006.
11. Теория государства и права / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрайт, 2006. С.500.
12. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С.237
13. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1987. С.454.
14. Апольский Е.А. Дореволюционная диссертационная разработка римского частного права // Вестник СевКавГТИ. 2012. № 12. С. 85-90.
15. Апольский Е.А. История учений о гражданском праве в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: монография. – Ставрополь, 2007.
16. Апольский Е.А., Плешков Е.В. «Декреты» Бурхарда как символ компиляций канонического права X-XI вв. // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 4. С. 51-56.
17. Плешков Е.В., Апольский Е.А. Особенности становления и раннего развития канонического права (до V века н.э.) // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 4 (8). С. 143-146.

18. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука. 2013. №3. с.103-105
19. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118
20. Долгополов К.А., О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика.2014. №2. с.79-82
21. Долгополов К.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетним. Вестник СевКавГТИ. 2008.№8. с.18-20

УДК 347.121.1

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЧЕСТЬ»,
«ДОСТОИНСТВО», «ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ» В ГРАЖДАНСКОМ
ПРАВЕ РОССИИ**
**THE PROBLEM OF THE DEFINITION OF "HONOR", "DIGNITY" AND
"BUSINESS REPUTATION" IN CIVIL LAW OF RUSSIA**

Тархова О.Ю. доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук

*Tarkhova O.Yu. associate professor of department of civil legal disciplines of FGBOU In the «All-russian state university of justice (RPA of Minyusta of Russia)», candidate of legal sciences
e-mail: olgna@yandex.ru*

Калабухова Е.В., студентка магистратуры 2 курса заочной формы обучения ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

*Kalabukhova E.V., 2 year Master's student of distance learning FGBOU In the «All-russian state university of justice (RPA of Minyusta of Russia)».
e-mail: lena281993@yandex.ru*

Аннотация: В статье анализируются проблемы определения понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация» в теории гражданского права, а также в судебной практике.

Annotaion: The article analyzes the problem of the definition of the concepts of "honor", "dignity" and "business reputation" in the theory of civil law as well as in judicial practice.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация.

Keywords: honor, dignity, business reputation.

Нематериальные блага всегда были и остаются объектом пристального внимания ученых-цивилистов. Однако, многие проблемы, связанные с осуществлением защиты как нематериальных благ так и неимущественных прав до сих пор не нашли своего разрешения в действующем законодательстве.

Прежде всего, необходимо отметить, что в Гражданском Кодексе РФ отсутствуют определения понятий: «честь», «достоинство», «деловая репутация», Данное обстоятельство препятствует правильному и своевременному рассмотрению данной категории гражданских дел.

В юридической литературе честь характеризуется как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть; объективная оценка личности, определяющая отношение общества к гражданину, социальная оценка моральных и иных качеств личности; способность человека оценивать свои поступки, действовать в жизни в соответствии с принятыми в обществе моральными нормами, правилами и требованиями» [1].

По мнению М.В. Поликарпова содержание понятия "честь" является социальным, т.е. не зависящим от того, как данное лицо себя оценивает и рассматривает. Понятие чести не связано с конкретной личностью, содержание этого понятия зависит от нравственных принципов, господствующих в обществе, а также от этических принципов и правовых норм, которые выбирает общество. Следовательно, честь надо определять как значимую оценку личности со стороны общества [2].

А.М. Эрделевским правовая характеристика чести как нематериального блага раскрывается через призму положительной оценки «отражения качеств лица в общественном сознании» [3]. Данное утверждение является дискуссионным, поскольку честь может быть, как положительной, так и отрицательной. Сказанное означает, что честь может также существовать и в случае негативной оценки обществом того или иного человека, и этот аспект необходимо использовать при определении формулировки понятия «честь». «Честь»: это объективная оценка (положительная или отрицательная) обществом человека, которая проявляется в совокупности его качеств, свойств и способностей.

Категория достоинства тесно связана с понятием чести. Ведь достоинство является отражением в сознании человека социальной оценки его способностей, характера, поступков и т.д.

По мнению В.Н. Барсуковой достоинство как социально-правовая категория есть исторически детерминированное этическое благо нематериального характера, подлежащее всесторонней государственной защите, характеризующее, с одной стороны, человека как высшую ценность, не зависящее ни от каких внешних факторов, а с другой - отражающее ценность личности в глазах общества и самоосознание ею своей социальной значимости с позиций соответствия ее качеств и поведения социальным нормам, принятым в рамках конкретной общественно-экономической формации [4].

Из изложенного можно сделать вывод о том, что достоинство -это отражение в сознании человека совокупности собственных качеств характера, поступков, способностей, основанное на общественной оценке указанных характеристик.

С честью и достоинством неразрывно связано такое понятие, как «репутация». По сути, репутация это общественное мнение о нравственном облике лица (человека или организации), которое базируется на его предшествующих действиях, поступках и выражается в признании его заслуг, авторитета. Поскольку репутация формируется на основе поведения самого субъекта, то последнее, в зависимости от его добросовестности оказывает непосредственное воздействие и формирует положительный либо отрицательный характер репутации.

При этом действующее законодательство не допускает возможности использования понятия «репутация» применительно к животным. Так Санкт-Петербургский городской суд в одном из своих определений указал на то, что нанесение ущерба репутации собаки, не может быть отнесено к нарушению личных нематериальных благ гражданина [5].

Кроме того, ни в Гражданском кодексе РФ, ни в правоприменительной практике до настоящего времени не сформировался единообразный подход к определению понятия «деловая репутация».

Арбитражные суды при рассмотрении дел о защите деловой репутации в судебных постановлениях часто обращают внимание на то, что следует разграничивать понятие «репутация» и «деловая репутация», поскольку деловой репутацией могут обладать только лишь те субъекты гражданского права, которые участвуют в деловом обороте.

Так, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд, рассмотрев в судебном заседании апелляционную жалобу на решение Арбитражного суда Свердловской области по иску индивидуального предпринимателя Карпушенко Раисы Ивановны, к муниципальному бюджетному учреждению «Редакция газеты «Наше слово» о защите деловой репутации, решение суда 1-й инстанции оставил без изменения, апелляционную жалобу - без удовлетворения. Доводы апелляционной инстанции были аргументированы невозможностью использования «деловой репутации» применительно ко всем без исключения участникам гражданских отношений и распространении ее только на участников делового оборота. «Поскольку оспариваемые публикации не содержат утверждений о нарушениях истцом действующего законодательства, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют деловую репутацию истца, сведения, содержащиеся в них, не могут быть признаны порочащими его деловую репутацию» [6].

С изложенной выше точкой зрения вряд ли можно согласиться, поскольку такой подход сужает возможности судебной защиты деловой репутации. Ведь ст. 152 ГК РФ регламентирует вопросы защиты деловой репутации гражданина и юридического лица. Отсутствие в законе прямых указаний на статус субъектов, обладающих деловой репутацией, порождает разные подходы в правоприменительной практике, согласно которым деловая репутация отождествляется не только с предпринимательской, но и с профессиональной, служебной репутацией гражданина или юридического лица. [7].

В современных условиях экономического развития общества деловая репутация приобретает особое значение, поскольку оказывает влияние на социальный статус субъекта и формирует его реальное экономическое благополучие. Основываясь на данном аспекте деловой репутации представляется обоснованным юридическое признание данного блага за любым участником гражданского оборота, использующем в процессе осуществления своих гражданских прав и исполнения обязанностей деловые, профессиональные и иные навыки, а также служебное или должностное положение. Таким образом, деловой репутацией может обладать как гражданин, в том числе и не занимающийся предпринимательской деятельностью, а также любое юридическое лицо (коммерческая и некоммерческая организация, государственные и муниципальные предприятия, учреждения и др.).

Дискуссионным в юридической литературе и в судебно-арбитражной практике является вопрос о том, с какого момента у юридического лица возникает деловая репутация и, следовательно, право на ее защиту. Некоторые ученые, основываясь на приобретаемом характере деловой репутации юридического лица, как специфичном свойстве, приходят к выводу о том, что юридическое лицо не всегда ей может располагать деловой репутацией, и, соответственно, нанесение вреда последней в силу ее отсутствия невозможно [8].

Иной позиции придерживаются суды, констатируя факт изначального наличия у юридического лица деловой репутации [9].

На наш взгляд разрешение вышеуказанных противоречий относительно момента возникновения права у юридического лица на защиту деловой репутации требует должного теоретического осмысления и законодательного закрепления. Деловая репутация, являясь нематериальным благом, неразрывно связана с носителем (юридическим лицом), а потому принадлежит ему с момента создания. Таким образом, считаем необходимым дополнить п.1 ст.152 ГК РФ следующим: «защита деловой репутации юридического лица допускается с момента его образования».

На основании изложенного, можно сформулировать следующее определение понятия деловой репутации как объективной оценки обществом (положительной или отрицательной) деловых качеств участника гражданского оборота независимо от сферы, в которой такое лицо осуществляет свою профессиональную деятельность.

Честь, достоинство, деловая репутация являются важнейшими гражданско-правовыми понятиями, оказывающими существенное влияние на правовой статус, как граждан, так и юридических лиц, а потому нуждаются в детальной законодательной регламентации. Данный вывод подтверждается существенно возросшим за последнее время количеством соответствующих дел в судебных инстанциях. Однако отсутствие определения рассматриваемых понятий в тексте Гражданского кодекса РФ приводит к отсутствию единообразного понимания сущности и правовой природы указанных гражданско-правовых категорий, что зачастую влечет за собой вынесение незаконных и необоснованных судебных решений. Очевидно, что в настоящее время назрела необходимость закрепления легального определения рассматриваемых дефиниций в гражданском законодательстве.

Поэтому считаем необходимым ввести в ст. 152 ГК РФ примечание следующего содержания:

«Под честью, достоинством и деловой репутацией в статьях настоящего Кодекса следует понимать:

Честь это объективная оценка (положительная или отрицательная) обществом человека, которая проявляется в совокупности его качеств, свойств и способностей.

Достоинство -это отражение в сознании человека совокупности собственных качеств характера, поступков, способностей, основанное на общественной оценке указанных характеристик.

Деловая репутация- это сложившаяся объективная общественная оценка(положительная или отрицательная) деловых качеств лица (гражданина или юридического лица) независимо от сферы, в которой такое лицо осуществляет свою профессиональную деятельность».

Литература

1. Ермолова Н. Неимущественные права юридического лица // ЭЖ-Юрист. 2006. № 16. С. 11.
2. Поликарпов М.В. Некоторые пробелы гражданского законодательства, регулирующего охрану чести, достоинства и деловой репутации // Современное право. 2015. N 11. С. 40 - 42.

3. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М.: Юрайт, 2008. С.311.

4. Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. N 12. С. 20 - 25.

5. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.09.2013 N 33-14359/2013// Настоящий документ опубликован не был. СПС Консультант Плюс

6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2014 № 17АП-6260/2014-ГК по делу № А60-38817/2013 // Настоящий документ опубликован не был. СПС Консультант Плюс.

7. Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2002 N 39-В01пр-22// Настоящий документ опубликован не был. СПС Консультант Плюс.

8. Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой/под общ. ред. В.А. Белова.-М.: Юрайт-Издат, 2008. С.212

9. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.08.2004 № А33-12576/03-С2-Ф02-2979/04-С2 // Настоящий документ опубликован не был. СПС Консультант Плюс.

УДК 343

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ
THEORETICAL-METHODOLOGICAL BASES OF FORMATION
OF SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF PRISON PREVENTION**

Уваров И.А., г. Ставрополь, Ставропольский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

Uvarov I.A., Stavropol, Stavropol branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, head of the department of criminal law disciplines, candidate of legal sciences, associate professor

e-mail: uvarov.igor@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы определения теоретико-методологических основ формирования системы правового регулирования пенитенциарной профилактики. Автор предпринимает попытку критического анализа, существующей в современной российской пенитенциарной науке системы методологических представлений о организации пенитенциарной профилактики, как не соответствующей современным реалиям.

Annotation: the article considers the problem of determining the theoretical and methodological bases of formation of system of legal regulation of prison prevention. The author attempts a critical analysis of existing in the modern Russian prison science system of methodological views on the organization of penitentiary prevention as not corresponding to modern realities.

Ключевые слова: правовое регулирование методология права, пенитенциарная профилактика.

Key words: legal regulation of the methodology of law, prison prevention.

Последнее десятилетие с довольно высокой долей очевидности становится понятно, что специально-криминологические исследования в области исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы не могут осуществляться на необходимом теоретико-методологическом уровне без их системного обоснования. Особую актуальность такого рода представление приобретает в современный период – быстрого изменения социально-экономической ситуации в стране. Концептуальные изменения, происходящие в отечественной политике, и как следствие в экономической и социальной сферах могут рассматриваться как объективные факторы, детерминирующие принципиально новые подходы к организации совершенно иных методологических основ таких исследований. Преобразования фундаментальных основ функционирования различных сфер государственной и общественной жизни настолько существенны для научного мышления,

что российская пенитенциарная наука, оказалась неспособной к оперативному и теоретически глубокому исследованию этих процессов. В этих условиях «все острее ощущается потребность в знаниях о том, каким требованиям должна удовлетворять общая теория уголовно-исполнительного права как система конкретных специальных познаний в области реализации уголовного наказания» [1, с. 141]. Кроме того, процессы демократизации и гласности усиливают социальную потребность в поиске новых знаний, обусловленных объективной необходимостью интегрального подхода в организации исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Все это убедительно доказывает актуальность исследований проблем теоретического и методологического обоснования новых концептуальных подходов в определении приоритетов исполнения и отбывания уголовного наказания в рамках предлагаемой нами концепции пенитенциарной профилактики.

Основой нашего представления является то, что уголовно-исполнительная система и ее правовое регулирование – не может рассматриваться в качестве некоего статичного правового и государственного института. На это обстоятельство указывали многочисленные исследования, проводившиеся еще в советский период времени. Даже тогда, когда либеральная общественность говорила о «застое», специальные исследования фиксировали постоянные (а в отдельных направлениях и системные) изменения в социальных процессах, оказывающих влияние на характер уголовно-правового воздействия на правонарушителей [2]. Это закономерно являлось объективным следствием сложного сочетания различных по своему содержанию элементов общественного бытия, детерминированными объективными закономерностями развития системы мест лишения свободы, как специфического государственного института. В силу этого проводившиеся ранее теоретико-методологические исследования системы воспитательно-профилактического воздействия на осужденных в условиях изоляции от общества не могли быть ограничены устоявшимися подходами к анализу внутрисистемных противоречий (в подавляющем большинстве случаев, рассматриваемых в их неформальном аспекте). В этой связи необходимый научный анализ теоретических и методологических аспектов системного характера уголовно-исполнительного права как основополагающего элемента в регулировании пенитенциарной профилактики в деятельности уголовно-исполнительной системы, определяется следующими направлениями:

- выявление критериальных основ эффективности специфического (пенитенциарного) воспитательно-профилактического воздействия на осужденных к лишению свободы;
- анализ применения норм уголовно-исполнительного права, как основы для устойчивой работы уголовно-исполнительной системы (прежде всего в реализации заявленных в уголовном и уголовно-исполнительном законе целей уголовного наказания);
- оценка российской уголовно-исполнительной системы с аксиологических позиций, определяющих специфический характер воздействия на преступника в условиях изоляции от общества.

В связи с чем, особую значимость приобретает теоретико-методологическое обоснование так называемого – «системно-генетического подхода», [3] который позволит специалистам, не только объяснить концепцию построения структуры пенитенциарной

профилактики, но прежде всего даст возможность понять и использовать механизм ее конструирования в конкретно-исторических условиях. Причем это касается не только системы тех общественных отношений, которые могут складываться в рамках непосредственно уголовно-исполнительных правоотношений, но и те, которые выступают в качестве принципов их формирования. Повторимся, что большинство исследователей, довольно скептически относятся к такого рода подходу, традиционно ссылаясь на наличие специфических условий мест лишения свободы, которые определяют возникновение и существование пенитенциарного социума. Соглашаясь в целом с такого рода представлением, мы все вынуждены констатировать, что убеждены в наличии необходимости разработки новой функциональной нагрузки на уголовно-исполнительное законодательство – пенитенциарной профилактики как системы специальных форм и методов рационального, а, следовательно, эффективного воздействия на осужденных к лишению свободы в рамках определенных законодателем целей.

На протяжении последних двадцати лет, мы активно продвигаем в систему научных представлений об исправлении осужденных к лишению свободы, концепцию пенитенциарной профилактики, как единственно-возможной системы исправления преступников в условиях изоляции [4,5].

Правильность нашего подхода подтверждается нарастающей продуктивностью проводимых специально-криминологических исследований. В специальной литературе, данное понятие используется довольно активно, что может свидетельствовать об общественной потребности в разработке теоретическо-методологических аспектов научного обоснования пенитенциарной профилактики [6, с. 138-141; 7, с. 253-257; 8, с. 348-351; 9, с. 77-82; 10, с. 150-152]. Более того, анализ отдельных диссертационных исследований, показывает, что изучение теоретических и методологических аспектов специального воспитательно-профилактического воздействия на осужденных к лишению свободы, а, следовательно, и всей концепции пенитенциарной профилактики, оказалось в сфере научных интересов не только специалистов в области уголовно-исполнительного права, но и криминологов [11]. Здесь сразу стоит отметить, что весьма серьезной проблемой на пути к построению специальных теоретико-методологических подходов, стала догматическая система разделения научных направлений, базирующихся на концептуальных положениях, так называемых «паспортов научных специальностей». Еще распространен подход, согласно которому теоретические и методологические проблемы правоприменения можно рассматривать исключительно с использованием эмпирических и конкретно-социологических методов исследования. Недооценка методологической сферы реализации уголовной ответственности и наказания, на наш взгляд, носит системный характер. Полагаем, что это обусловлено следующими обстоятельствами:

– она проявляется в том, что методология современной пенитенциарной науки все больше отстает от методологических разработок в других сферах научного знания (возможно причиной здесь является «закрытость» или искусственная обособленность этой отрасли);

– в слабой разработанности логико-методологического подхода в формировании уголовно-исполнительного права;

– в отсутствии фундаментальных представлений философско-правового блока методологии пенитенциарного направления в криминологии.

В частности, до настоящего времени, несмотря на высокую теоретическую и практическую значимость, не получили необходимого комплексного освещения теоретико-методологические вопросы уголовно-исполнительного права, с точки зрения исследования специфических условий современного построения отечественной уголовно-исполнительной системы. И прежде всего проблемы, раскрывающие методологию конструирования, формирования концептуальных подходов к организации деятельности уголовно-исполнительной системы в совершенно иных социально-экономических условиях. Все это, безусловно, крайне отрицательно сказывается на попытках исследования фундаментальных вопросов общей теории уголовно-исполнительного права. Отсюда и полное отсутствие среди работ пенитенциарного профиля научного подхода к формированию уголовно-исполнительной системы как целостного комплекса социально-правовых явлений, реализуемых в соответствии со специальными функциями уголовно-исполнительной системы в целях реализации пенитенциарной профилактики.

Исходя из сущности представленного нами обоснования, полагаем возможным определить некоторые приоритетные направления в современной теоретико-методологической обстановке в области познания сущностных характеристик концептуальных положений пенитенциарной профилактики. Отправной точкой здесь должно выступать признание человека высшей социальной ценностью. В нашем случае мы говорим о личности осужденного, что принципиально меняет всю систему правовой оценки его основных свойств и качеств, не учитываемых ранее существовавшими правовым представлениями. Сущность социалистических и постсоциалистических социальных симпатий, и антипатий строились исключительно на признании осужденного таким же членом общества, как и других граждан. Это серьезная методологическая ошибка существенно снижала эффективность наказания в виде лишения свободы, а в современных фактически капиталистических отношениях, вообще превращала такого рода законные требования в фикцию. Судите сами, в числе новых (совершенно иных) формах социально-экономических отношений прослеживаются следующие тенденции:

а) изменение сущности правового регулирования современных общественных отношений и теоретических подходов к его пониманию;

б) фактического изменения качественного содержания роли принципа справедливости как одного из ведущих признаков права (прежде всего в содержании или представлении равенства всех перед законом);

в) признание норм международного права в качестве источников отечественного уголовно-исполнительного права;

г) содержание конституционного контроля за соответствием уголовно-исполнительного законодательства конституции (достаточно примеров, когда конституционный суд по непонятным причинам признает обоснованность претензий осужденных, к конкретным нормам уголовно-исполнительного закона);

д) признание, на законодательном уровне прав и свобод осужденных как основы основополагающего принципа формирования отечественного уголовно-исполнительного законодательства;

е) изменение отечественной уголовно-исполнительной системы в соответствии с зарубежными представлениями (прежде всего, в части касающейся понимания права);

ж) становление новых (совершенно иных) представлений о социальной и экономической функции государства как главного условия для построения правового государства.

Современные тенденции присущие отечественной уголовно-исполнительной системе, привели к тому, что изменение ее содержательных характеристиках, стали получать соответствующую конкретизацию в конкретных правовых решениях [12]. Эти изменения детерминируют совершенно новые черты в определении типов правопонимания характера правоприменительной практики. Что само по себе крайне негативно сказывается на формировании условий, необходимых для реализации пенитенциарной профилактики, как основной социальной функции уголовного наказания в виде лишения свободы. По нашему мнению, классификацию современных типов правопонимания должны были бы формировать внутренни-взаимосвязанных между собой трех типов понятия права: генетического, описательного и системно-содержательного [13, с. 122]. Методологической основой для такого рода классификации, как мы отметили выше, является системно-генетический метод, включающий в себя:

а) метод познания основного детерминирующего звена уголовно-исполнительного права;

б) метод познания внутренних источников саморазвития уголовно-исполнительного права (его еще называют «методом взаимодействия»);

в) метод познания уголовно-исполнительного права как целостной системы многообразных взаимосвязей и взаимообусловленностей специфических правовых явлений в системе пенитенциарных правоотношений.

И здесь, мы попытаемся проиллюстрировать наше представление на примере принципа справедливости, как одного из фундаментальных (на наш взгляд), для реализации уголовного наказания в виде лишения свободы. Здесь полагаем необходимо сделать некоторые уточнения. Говоря о наказании в виде лишения свободы и необходимости определения его в качестве основы для пенитенциарной профилактики, этот принцип здесь не должен ограничиваться формально-правовой трактовкой. Для пенитенциарной профилактики, он имеет двуединую природу, постижение которой позволяет определить две самостоятельные формы справедливости назначенного судом наказания. Дело в том, что формально-правовая справедливость – это всего лишь, исходная ступень для познания формы действия данного правового принципа. Здесь связь между справедливостью и нравственностью формальная (внешняя): право выступает нормативным закреплением справедливости. Предметная сущность – формально-правовое равенство. Предметная сущность второй формы справедливости – содержательно-правовое равенство (равенство в должном), представляющее собой единство правовых, нравственных и социально-экономических ценностей, интересов и потребностей социальной общности людей [14].

Здесь необходимо акцентировать внимание на том, что пенитенциарная профилактика, осуществляется прежде всего, как форма специфической социальной деятельности определяющей правовым положением ее субъектов, а, следовательно, и содержанием их субъективного понимания справедливости.

Отсюда и представление о том, что в условиях лишения свободы, формы правовой справедливости и их действие осуществляется на двух самостоятельных уровнях:

а) общем, отражающем общесоциальные потребности и интересы различных социальных групп (сотрудников правоохранительных органов, потерпевших и осужденных);

б) индивидуальном, представляющем действие справедливости по отношению к характеру противоправного поведения конкретной личности.

Принято считать, что это дает возможность сформировать оптимальный «баланс» между личной и общесоциальной справедливостью, придать определенную устойчивость и социальную ориентацию всей системе правоприменения [15]. Безусловно справедливость как содержательный общеправовой принцип права, относится к одному из главных критериев развития гуманистического потенциала уголовно-исполнительного законодательства, что дает возможность определять его легальность. В тоже время мы обращали внимание на то, что если осужденный, как субъект этих правоотношений, игнорирует их легитимность, то вся система специфического (пенитенциарного) воздействия на него теряет всякий содержательный смысл. Оставляя здесь лишь карательное воздействие, а это уже противоречит тем целям уголовного наказания, которые определил законодатель.

Особенность современного этапа развития отечественного уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительной системы, как раз и заключаются в том, что должны более точно и научно обоснованно определить систему качественных приоритетов в достижении целей уголовного наказания в новых социально-экономических условиях. Именно здесь, методологической основой является диалектический метод, и весь его системообразующий методологический потенциал. Мы убеждены, что сложившаяся в последние годы концепция методологического плюрализма привела к негативным результатам (при условии, что отрицательный результат тоже можно рассматривать в качестве результата). Предпринятая нами попытка определить качественное содержание методологического плюрализма посредством метода экспертных оценок (22 доктора юридических наук), привело к неутешительным результатам. Сущность которых можно определить, как своеобразный методологический нигилизм, характеризующийся механическим переносом различных методологических подходов (игнорируя принцип их совместимости) к различным социально-правовым объектам.

Большинством опрошенных нами респондентов (19 чел.), полностью игнорировалась диалектическая природа методов правовой детерминации, как позволяющая объяснить сложный и неоднозначный механизм объективных и субъективных факторов социально-экономического характера. К нашему удивлению, многие (13 чел.) даже не понимали целостного единства правовых явлений и процессов, позволяющих исследовать внутреннюю организацию пенитенциарной профилактики как развивающегося, специфического, относительно самостоятельного социально-правового направления.

Отсутствие понимания со стороны ученых-пенитенциаристов нашего концептуального подхода, как фактора устойчивого развития отечественной уголовно-исполнительной практики в условиях новых социально-правовых реалий. По нашему мнению, в настоящее время особенно актуальным оно становится в качестве нового видения возможности достижения закрепленных в законодательстве целей уголовного наказания.

Литература

1. Старых В.М. Логическое обоснование общей теории уголовно-исполнительного права. – М., 2010.
2. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М.: Рос. право, 1993.
3. Никитина М.Г., Шутаева Е.А., Побирченко В.В. Системно-генетический подход в исследовании процесса общественной организации территории // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 10.
4. Уваров И.А. Пенитенциарная профилактика: теоретическое обоснование и проблемы реализации в контексте достижения целей уголовного наказания: Монография. – М.: Илекса, 2007.
5. Уваров И.А. Пенитенциарная профилактика как концептуально-методологическая основа деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы: Монография. – Невинномысск: Изд-во НГГТИ, 2010.
6. Судакова Т.М. Пенитенциарная профилактика наркотизма как предмет самостоятельного исследования // Деятельность правоохранительных органов и федеральной противопожарной службы в современных условиях: проблемы и перспективы развития. Международная научно-практическая конференция, 24-25 мая 2007 г. – Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2007.
7. Дейкало С.А. Оценка эффективности пенитенциарной профилактики, осуществляемой воспитательными колониями Северо-Кавказского региона // Вопросы юриспруденции: Сборник научных статей. Вып. 1. – М.: ООО «ИРИС ГРУПП», 2007.
8. Наганов А.Б. Организация пенитенциарной профилактики преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, проводимой в честь почетного работника органов прокуратуры, Заслуженного юриста РСФСР, доцента кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Челябинского государственного университета Роберта Валентиновича Голубева, 16-17 декабря 2011 года. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2012.
9. Корзун И.В., Кужабаева Г.Т. К вопросу о дефиниции «пенитенциарная профилактика терроризма» в современной криминологии // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: сборник докладов участников Международной научно-практической конференции (Рязань, 22-23 ноября 2012 г.): в 4 т.: Доклады участников круглых столов. Т. 2. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013.
10. Ботова А.А. Пенитенциарная профилактика // Проблемы современного российского права. Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти доктора

юридических наук, профессора, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Ивана Яковлевича Дюрягина (24-25 мая 2013 года): сборник статей. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2014.

11. Пенитенциарная криминология: учебник / Под ред. Ю.М. Антоныяна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. – Рязань: Академия ФСИН России, 2009.

12. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» от 14.10.2010 № 1772-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

13. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001.

14. Алексеев С.С. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М.: НОРМА, 1998.

15. Черненко А.К. Справедливость как фактор формирования правовой системы и определения легитимности государственной власти // Актуальные проблемы правоведения в современный период: Сб. статей. – Томск: ТГУ, 1998.

16. Долгополов К.А. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Современное право. 2013. №9. с.116-118

17. Долгополов К.А. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания несовершеннолетним. Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. №2. с.79-82.

18. Долгополов К.А., Саруханян А.Р., К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. - Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института – 2014. - №4(12). – с.112-118.

19. Долгополов К.А., Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права. Юридическая наука. 2013. №3.

УДК 347

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ
ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОМ УЧЕТЕ ГРАЖДАН
CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE LAW ABOUT THE
INDIVIDUAL PERSONIFIED ACCOUNT OF CITIZENS**

Усова Е.В., Астрахань, Астраханский филиал Международного юридического института, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат политических наук

*Usova E.V., Astrakhan, Astrakhan branch of the International Law Institute, docent of the department of civil law disciplines, candidate of political sciences
e-mail: sevruga81@yandex.ru*

Аннотация: В статье определены виды гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства об индивидуальном персонифицированном учете.

Annotation: The article identified the types of civil liability for violation of the law about the individual personified account.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда, конфиденциальность информации, индивидуальный персонифицированный учет.

Keywords: civil liability, damages in civil law, confidentiality of information, individual personalized account.

Реформирование в 1990-е годы системы обязательного страхования в сфере социального обеспечения граждан привело к принятию 1 апреля 1996 года Федерального закона №27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете»[1]. Закон определил статус Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – ПФР), страхователей и застрахованных лиц в рамках правоотношений по индивидуальному персонифицированному учету. Осуществление функций, возложенных на ПФР в рамках указанного федерального закона, строго регламентировано в специальном законодательстве. При этом, несоблюдение закона предусматривает юридическую ответственность руководителей и должностных лиц ПФР.

В соответствии со ст.17 Федерального закона №27-ФЗ: «Виновные в незаконном ограничении доступа к указанным сведениям или нарушении режима защиты информации несут ответственность в соответствии с уголовным, гражданским законодательством и законодательством об административных правонарушениях». К уголовной ответственности субъекты указанных правоотношений могут быть привлечены за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст.137 УК РФ), неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст.140 УК РФ), а также неправомерный доступ к компьютерной информации (ст.272 УК РФ) [2]. Кодекс об административных правонарушениях предусматривает ответственность за неправомерный отказ в предоставлении информации

(ст.5.30 КоАП РФ), нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (ст.13.11 КоАП РФ); нарушение правил защиты информации (ст.13.12 КоАП РФ); непредставление сведений (информации) (ст.19.7 КоАП РФ) [3].

Обратим особое внимание на привлечение к гражданско-правовой ответственности участников правоотношений по ведению индивидуального персонифицированного учета. Предусмотрены следующие виды гражданско-правовой ответственности, которые могут применяться за нарушение норм, установленных Федеральным законом №27-ФЗ:

1. Возмещение имущественного вреда и убытков, понесенных субъектом персональных данных;
2. Возмещение морального вреда.

Следует отметить, что вопрос о возмещении морального и имущественного вреда и убытков, понесенных субъектом персональных данных в результате несоблюдения законодательства об индивидуальном персонифицированном учете, остается пока еще не исследованным.

Гражданско-правовую ответственность в соответствии с ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете» несут следующие субъекты правоотношений в области персонифицированного учета: руководители и должностные лица органов ПФР, которые участвуют в сборе, хранении, передаче, использовании сведений, содержащихся в индивидуальных лицевых счетах застрахованных лиц. В обязанность руководителей и должностных лиц ПФР вменяется обеспечение исполнения законодательства о защите информации, являющейся конфиденциальной. К конфиденциальным данным в рамках ФЗ №27-ФЗ отнесены персональные данные, которые содержатся на индивидуальных лицевых счетах застрахованных лиц. В соответствии со ст. 7 ФЗ №152-ФЗ «О персональных данных»[4] лица, имеющие доступ к персональным данным, не имеют права раскрывать эту информацию третьим лицам и распространять ее без согласия субъекта персональных данных, т.е. застрахованного лица.

Отметим, что на индивидуальном лицевом счете каждого работающего гражданина формируется следующая информация:

- наименование организации, в которой конкретный субъект персональных данных осуществляет (или осуществлял) трудовую деятельность;
- периоды работы в каждой из организаций, где осуществлял трудовую деятельность застрахованный;
- информация об уплаченных работодателем страховых взносах с фонда заработной платы за застрахованное лицо;
- в случаях, когда гражданин приобретает статус безработного, зарегистрирован в службе занятости населения и получает пособие, на индивидуальный лицевой счет заносится период, в течение которого застрахованное лицо являлось безработным;
- периоды временной нетрудоспособности застрахованного лица и другая информация, связанная с трудовой деятельностью граждан РФ.

Следует отметить, что в современной научной литературе отсутствуют исследования о привлечении к гражданско-правовой ответственности руководителей и должностных лиц

ПФР за нарушение законодательства об индивидуальном персонифицированном учете. Современные исследователи часто обращаются к исследованию вопросов гражданско-правовой ответственности государства за причинение вреда правоохранительными органами, органами правосудия и др., т.е. исследуют публично-правовую сферу. Более того, анализ материалов судебной практики показал, что чаще всего за нарушение норм ФЗ №27-ФЗ осуществляется привлечение работодателей к административной ответственности. Материалы правоприменительной практики о привлечении к гражданско-правовой ответственности руководителей или должностных лиц ПФР фактически отсутствуют. Однако, регламентация норм об ответственности по Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ)[5] в законодательстве об индивидуальном персонифицированном учете требует проведения его анализа.

Гражданско-правовой ответственности свойственны специфические черты, отличающие ее от иных видов юридической ответственности. Исследуя особенности гражданско-правовой ответственности, Д.А. Пашенцев указывает на следующие из них:

- «имущественный характер гражданско-правовой ответственности;
- ответственность одного участника гражданско-правовых отношений перед другим, правонарушителя перед потерпевшим;
- соответствие размера ответственности размеру причиненного вреда или убытков;
- применение равных по объему мер ответственности к различным участникам имущественного оборота за однотипные правонарушения» [6, с.43-44].

В ГК РФ получила закрепление статья 1069 «Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами». Государственные органы, органы местного самоуправления, участвующие в гражданских правоотношениях, относятся к публично-правовым образованиям, которые при вступлении в гражданско-правовые отношения, в том числе и в деликтные, не перестают в свою очередь являться носителями публичной власти. Однако, что составляет их особенность, это то, что они наделяются признаками юридического лица, предусмотренными гражданским законодательством, которые необходимы для публично-правовых образований, чтобы они могли быть участниками имущественного оборота (в т.ч. быть участниками в деликтных обязательствах).[7] Однако, нормы ст.1069 УК РФ не распространяются на ПФР, т.к. последний не является государственным органом, органом местного самоуправления. ПФР представляет собой государственное внебюджетное учреждение, не обремененное публично-властным элементом, а, следовательно, на него распространяются общие нормы гражданско-правовой ответственности юридического лица, предусмотренные ГК РФ.

Определением Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 №1501-О-О установлено, что пункт 1 ст.1068 ГК РФ обеспечивает реальную защиту прав потерпевших с учетом необходимости соблюдения баланса прав всех заинтересованных лиц и не может рассматриваться как нарушающий конституционные права. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 указано, что ответственность юридического лица и гражданина, предусмотренная п.1 указанной статьи, наступает за вред, причиненный его работником при исполнении им своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей на основании заключенного трудового договора (служебного контракта).[8, с.9]

На отношения, возникающие в связи с причинением вреда ПФР, распространяются общие правила о деликтных обязательствах. Ю.Н. Андреев указывает на следующие характеристики последних: «Действие обязательств простирается на имущественные права и личные нематериальные блага, носящие абсолютный характер; обязательство носит внедоговорный характер; используются гражданско-правовые понятия вреда и убытков; действует принцип полного возмещения вреда (реальный вред, упущенная выгода, моральный вред); обязанность возместить вред выступает как мера ответственности, в основе которой лежит состав правонарушения, определенное сочетание условий ответственности, вина, действует презумпция вины причинителя вреда»[9, с.100]. Участниками правоотношений по возмещению вреда из деликтных обязательств выступают потерпевший и лицо, ответственное за причинение вреда, которые не состоят в договорных отношениях. В качестве кредитора в данных правоотношениях выступает лицо, которому причинен вред – лицо, застрахованное в системе обязательного пенсионного страхования, а в качестве должника - ответственный за причинение вреда руководитель или должностные лица ПФР.

О.В. Химичева констатирует, что «вред как правовая категория носит межотраслевой характер и использование его в законодательстве достаточно широко. Так, с точки зрения гражданского права «вред» означает такие последствия правонарушения, которые выражаются в умалении (уменьшении, повреждении или уничтожении) того или иного личного или имущественного блага»[10, с.28]. Разглашение третьим лицам персональных данных из индивидуального лицевого счета застрахованного лица может привести к различным последствиям, как причинению имущественного вреда и убыткам, так и причинению морального вреда гражданину, данные которого стали известны иным лицам. Например, разглашение информации работодателю застрахованного лица, у которого последний работает по основному месту работы, информации о том, что этот же работник осуществляет трудовую деятельность по совместительству и в другой, например, функционирующей в том же экономическом поле, организации, являющейся конкурентом, от которой систематически поступают страховые взносы за данное застрахованное лицо в ПФР. Разглашение данной информации может привести к обострению отношений работодателя по основному месту работы с работником, нравственным страданиям работника, вынуждению его покинуть то или иное место работы и т.д. Конституция Российской Федерации предоставляет гражданину право самостоятельно определять род своей профессиональной деятельности, трудовым законодательством не запрещается трудиться одновременно по основному месту работы и по совместительству. Поэтому, застрахованное лицо в данном примере не нарушает законодательство и имеет право сохранять тайну о дополнительном официальном месте работы и о трудовом доходе с него. Сотрудники же ПФР не имеют права разглашать данную информацию без согласия на это самого застрахованного лица.

Правовая категория «моральный вред» является довольно сложной, среди исследователей нет единого мнения в определении морального вреда. Вопросам возмещения морального вреда посвящены исследования А.М. Эрделевского, О.А. Красавчикова, С.Н. Братусь, М.М. Агаркова, А.В. Ключкова, Е.П. Редько и др. На официальном уровне понятие

морального вреда дается в Постановлении Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 года: «Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина»[11].

Возмещение морального вреда в связи с нарушением законодательства об индивидуальном персонифицированном учете осуществляется во всех случаях независимо от причинения имущественного вреда и убытков, понесенных субъектом персональных данных.

Исследуя вопрос о гражданско-правовой ответственности руководителя ПФР и его должностных лиц за нарушение законодательства об индивидуальном персонифицированном учете, содержащейся на индивидуальных лицевых счетах застрахованных лиц, автор пришел к выводу о том, что гражданско-правовая ответственность в рамках исследуемого Федерального закона №27-ФЗ не может быть применена как вид ответственности, применяемый самостоятельно. Автор полагает, что привлечение к гражданско-правовой ответственности может быть осуществлено только в совокупности с привлечением к административной или уголовной ответственности. Гражданско-правовая ответственность за разглашение персональных данных третьим лицам наступит только при несоблюдении должностными лицами ПФР законодательства о защите информации, что подпадает под нормы УК РФ, либо КоАП РФ. Причинение морального или имущественного вреда, а также убытков должно быть охарактеризовано как следствие несоблюдения законодательства о конфиденциальности информации.

Литература

1. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования: Федеральный закон от 01.04.1996 №27-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // Рос. газ. – 1996. – 10 апреля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред.от 06.07.2016) // СЗ РФ.- 1996. - №25. – Ст.2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. – 2002. - №1 (ч.1). – Ст.1.
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. – 2006. – 29 июля.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Рос. газ. – 1994. – 8 декабря; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Рос. газ. – 1996. – 6-10 февраля.
6. Пашенцев, Д.А. Социальные основания гражданско-правовой ответственности: монография / Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский. – М.: Русайнс. – 2015. – 144с.

7. *Андреев, Ю.Н.* Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам: Теория и судебная практика / Ю.Н. Андреев. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2006. – 425с.
8. Разъяснения судов о порядке применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении вреда / под ред. А.П. Зрелова. – М.: ЭкООнис, 2013. – 60с.
9. *Андреев, Ю.Н.* Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты: монография / Ю.Н. Андреев. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013. – 374с.
10. *Химичева, О.В.* Проблема реабилитации в уголовном судопроизводстве. Имущественный вред, подлежащий возмещению: учеб. Пособие / О.В. Химичева, А.В. Бажанов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 136с.
11. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 №10 (ред. от 06.02.2007) // Рос. газ. – 1995. – 8 февраля.

УДК 343

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
PROCEDURE HOW TO USE SPECIALIZED KNOWLEDGE TO
INITIATE A CRIMINAL CASE**

*Черников С.В., г.Ставрополь, Ставропольский филиал Краснодарского университета
МВД России, преподаватель кафедры уголовного процесса*

*Chernikov S.V., Stavropol, Stavropol branch of the Krasnodar University of the MOI of
Russia, lecturer in criminal proceedings*

e-mail: laliy@mail.ru

Аннотация: Специальные знания в уголовном процессе используются при назначении и производстве экспертиз, специальных исследований, а также привлечения специалистов к участию в следственных действиях. Действующее уголовно-процессуальное законодательство исключает единообразное уяснение норм, регламентирующих использование специальных знаний до возбуждения уголовного дела. Отдельным проблемам, возникающим на данном этапе, посвящена статья.

Annotation: Special knowledge in the criminal process used for the appointment and conduct of examinations, special studies, as well as the involvement of experts to participate in the investigation. The current criminal procedure law eliminates the uniform clarification of the rules governing the use of special knowledge to open a criminal case. Individual problems arising at this stage, in an article.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, предварительное следствие, специалист, эксперт, заключение специалиста, следственные действия.

Keywords: criminal proceedings, the preliminary investigation, specialist, expert, professional judgment, the investigative actions.

Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела регламентировано законом неоднозначно. До недавнего времени проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, было принято рассматривать применительно к стадии предварительного следствия. Справедливой критике подвергалось игнорирование вопросов использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела, хотя результаты этого использования нередко оказывали существенное влияние на полноту, всесторонность, объективность доказывания на предварительном следствии и в суде.

Действующий уголовно-процессуальный кодекс разрешает использовать специальные знания путем производства экспертиз (как до возбуждения уголовного дела, так и после возбуждения), а также привлекать к участию в следственных действиях специалистов (после возбуждения уголовного дела, а в отдельных случаях и до возбуждения). Некоторые следственные действия разрешено проводить только с участием специалиста (например, в

соответствии с ч. 3.1. ст. 183 УПК при производстве выемки изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста).

Уместно заметить, что нормативное регулирование привлечения специалиста к участию в следственных действиях, имеет небогатую историю. Так, до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 года участие специалистов в следственных действиях не предусматривалось, однако на практике специалисты в следственных действиях участие принимали. В отдельные статьи УПК РСФСР 1960 г. были включены управомочивающие положения на вызов специалистов для участия в следственных действиях (например, при производстве осмотра – ст.179, следственного эксперимента – ст.183 и др.), но при этом положение их в уголовном процессе, формы деятельности и цели вызова оставались неурегулированными. Это способствовало применению в следственной практике индивидуально сложившихся приемов и правил использования помощи специалистов, отражения факта их участия в процессуальных актах.

С введением ст.133.1. УПК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. эти проблемы в законодательстве РСФСР были устранены. Согласно закона того времени, специалистом считалось незаинтересованное лицо, обладающее специальными знаниями и навыками, вызванное следователем, органом дознания, прокурором для участия в производстве следственного действия. Специалист был призван путем консультирования и применения допустимых научно-технических средств содействовать следователю в обнаружении, закреплении, изъятии, проверке и использовании доказательств [1; с.88].

Эффективность деятельности специалистов в тот период времени находилась в зависимости от обоснованности и своевременности их вызова для участия в следственных действиях. Эта проблема соединяла в себе процессуальный, организационный, тактический и другие аспекты. Аналогичная ситуация существует и сегодня. Если исключить немногочисленные случаи обязательного участия специалиста в следственных действиях, то решение о его участии принимает следователь или дознаватель самостоятельно. Такое решение основывается на практической целесообразности, вызванной невозможностью без использования специальных познаний самостоятельно ответить на те или иные вопросы.

Процессуальным основанием для реализации права следователя на вызов лица в качестве специалиста является предусмотренная нормами УПК РФ возможность проведения следственного действия с их участием. Для этого законодателем введены комплексные как императивные, так и диспозитивные начала: в одних случаях проведение следственных действий устанавливается с обязательным участием специалистов (осмотр трупа, например), а в других – зависит от усмотрения тех должностных лиц, которые их проводят (следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования, проверка показаний на месте и др.)

Разное отношение законодателя к определению процессуальных оснований для привлечения специалистов к производству следственных действий определяется фактическими основаниями, вытекающими из обстоятельств дела, а также целями, достижение которых ставит перед собой следователь.

Уголовно-процессуальный закон не дает четкого определения «фактических оснований как исходного положения для обоснованного вызова специалистов к участию в следственных действиях. Ответ на этот вопрос можно получить разве что из анализа норм УПК, которые предусматривают обязательное участие специалистов в следственных действиях» [2, с.86]. Так, в ч.1 ст.178 УПК РФ говорится: «Следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия - врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты». Здесь мы имеем указание на непосредственный объект деятельности как на фактическое основание для обязательного вызова специалистов.

В ч.1 ст.58 УПК предусматривается, что «Специалист - лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях ... для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела...». Как видно, норма содержит обращение к объектам деятельности следователя. Распространяя нормативные положения УПК на институт специалистов в целом, следует сделать вывод о том, что фактическими основаниями для обращения за содействием специалистов является необходимость исследования материальных объектов для обнаружения, закреплении и изъятия доказательств.

В процессе производства следственных действий, и в первую очередь при осмотре места происшествия, который проводится до возбуждения уголовного дела, следователь самостоятельно может оказаться не в состоянии обнаружить нужные признаки предметов, понять сущность или специальное назначение исследуемой информации по различным причинам: в силу отсутствия у него специальных знаний, особенностей объектов познания, которые недоступны непосредственному восприятию органами ощущения человека. В таких случаях проявляется объективная необходимость как в применении научно-технических средств, так и в содействии специалистов.

Допуская участие специалистов в следственных действиях по усмотрению следователя, законодатель не связывает принимаемое им решение с личными возможностями по осуществлению задач уголовного судопроизводства. Это позволяет привлекать специалистов к производству следственных действий, в том числе и до возбуждения уголовного дела, и в тех случаях, когда следователь сам обладает необходимым минимумом специальных познаний. Содействие специалистов в этом случае может быть выражено только в виде конкретной помощи по применению научно-технических средств и методов для обнаружения, фиксации и изъятия доказательств. С осуществлением этого принципа чаще всего связано привлечение сотрудников оперативно-технических подразделений органов внутренних дел для осмотров мест происшествий.

Прибывая на место происшествия в составе следственно-оперативных групп, следователь, как правило, не располагает достаточными сведениями о характере объектов осмотра, и помощь специалистов-криминалистов в этих случаях предполагается в целях сокращения времени производства следственного действия, повышения его качества, максимального использования специальных технико-криминалистических средств и методов для собирания доказательств независимо от возможности следователя осуществить их

самостоятельно. Такие привлечение специалистов к производству следственных действий обуславливается исключительно практической целесообразностью и способствует более эффективному осуществлению функциональных обязанностей следователя.

В период осмотра места происшествия помощь специалиста-криминалиста из целесообразной может обратиться в необходимую. Такая же потребность порой возникает в процессе проведения следственного действия и в отношении использования специальных познаний специалистов других областей знания. Это позволяет рекомендовать привлечение специалистов как в начале, так и в ходе следственных действий.

Таким образом, сложная взаимозависимость между субъективными возможностями следователя, процессуальными и фактическими основаниями требует строго индивидуального разрешения вопросов о вызове специалистов.

Исходя из целей и общих условий привлечения специалистов к участию в следственных действиях, в том числе до возбуждения уголовного дела, можно определить два принципа, которыми должны руководствоваться следователи в практической деятельности: принцип необходимости и принцип практической целесообразности. При этом под необходимостью использования специальных познаний и навыков специалистов следует признавать предусмотренные законом случаи обязательного вызова специалистов для участия в следственных действиях, или когда следователь убеждается в невозможности их проведения без участия специалистов [3, с. 123].

Практическая целесообразность применения специальных познаний и навыков специалистов не зависит от субъективных возможностей следователя и состоит в оптимальном использовании специальных познаний при расследовании преступлений, способствуя разрешению вопросов научной организации труда в проведении следственных действий.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в целом эффективная борьба с преступными явлениями в современный период немыслима без широкого использования специальных знаний, однако результативность их применения в уголовном судопроизводстве тесно связана с оптимальностью правового регулирования данного процесса. Сочетание, взаимное дополнение и подтверждение доказательственной информации, полученной как из материальных источников (вещественные доказательства), так и личных (показания участников процесса), а также синтетических (заключение эксперта или специалиста), повышают объективность разрешения уголовных дел.

Литература

1. Проблемы предварительного следствия. Сборник научных статей. Выпуск 7. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978.
2. Тхакумачев, Б.Ю. Тактико-организационные особенности участия специалиста при производстве следственных действий. дисс. ...канд.юрид.наук: 12.00.09 / Борис Юрьевич Тхакумачев. - Нальчик, 2005.
3. Шапиро, Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. дисс. ...докт.юрид.наук: 12.00.09 / Людмила Геннадьевна Шапиро. - Саратов, 2008.

УДК 343

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕЕ
ВЛИЯНИЕ НА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЮ НАКАЗАНИЯ
SOCIAL DANGER OF THE CRIME AND ITS IMPACT ON
THE INDIVIDUALIZATION OF PUNISHMENT**

*Чечель Г.И., Ставрополь, Северо-Кавказский Федеральный университет,
юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, доктор
юридических наук, профессор, судья в отставке*

*Chechel I.G., Stavropol, North Caucasian Federal University, Institute of law, Professor
of criminal law and procedure, doctor of law, Professor, judge
e-mail: ug_pravo11a@mail.ru*

*Аннотация: в работе проводится критический анализ современных тенденций по
применению уголовного законодательства при назначении наказания, когда за преступления
одной категории тяжести назначаются совершенно разные наказания, а за тяжкие и
особо тяжкие преступления по усмотрению суда назначаются наказания явно
несоразмерные совершенному преступлению.*

*Abstract: the paper conducts a critical analysis of current trends in the application of
criminal law in sentencing when the crime on the one category of severity are assigned a
completely different punishment, but for grave and especially grave crimes within the court's
discretion to assign punishment grossly disproportionate to the crime.*

*Ключевые слова: уголовный закон, наказание, тяжкое или особо тяжкое
преступление, усмотрение суда, гуманизация наказания.*

*Key words: criminal law, punishment, serious or especially serious crime, the discretion of
the court, humanization of punishment.*

Назначение законного, обоснованного и справедливого наказания является необходимым средством в борьбе с преступностью, способствует исправлению лица, совершившего преступление, а также предупреждению совершения преступлений и другими лицами.

Важнейшим средством решения указанных задач является осуществление принципа индивидуализации наказания и, в первую очередь, с неременным учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а также особенностей личности виновного.

Поэтому разработка вопросов назначения наказания за различные преступления в отношении отдельных категорий преступников является актуальной и имеет важное теоретическое, а также практическое значение.

Равенство всех перед законом возможно только в том случае, когда главным и единственным в оценке преступной деятельности человека будет его деяние, а не он сам как личность с его позитивными и негативными качествами.

Следует отметить, что еще в дореволюционный период в юридической литературе неоднократно отмечалось, что единственным признаком уголовного наказания является правовое последствие преступления.

Так, Познышев С.В. отмечал, что «от неюридических явлений наказание отчетливо отличается уже своей юридической природой тем, что оно есть последствие правонарушений, устанавливаемое и отделяемое правом».[1] Позднее ряд авторов указывали на такой признак уголовного наказания, как следствие или следование за преступление.[2]

Таким образом, основанием уголовной ответственности и наказания является лишь состав преступления в деяниях виновного. Назначая тот или иной вид и размер наказания, суд в известной мере обязан прогнозировать дальнейшее поведение осужденного, решать вопрос, какое конкретно назначенное наказание в большей степени будет способствовать быстрейшему исправлению его.

Действующее уголовное право России предлагает рассматривать санкцию как одно из важнейших уголовно-правовых средств в борьбе с преступностью. Так, в соответствии с ч.1 ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления следует назначать справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса. На это нацеливает суды и Верховный суд России в своих постановлениях.

Свою роль в борьбе с преступностью санкция уголовно-правовой нормы может выполнить только при условии, если ее минимальный и максимальный пределы с достаточной полнотой соответствуют общественной опасности совершенного преступления. Следовательно, санкция, с учетом тяжести совершенного деяния, должна быть достаточно строга, способна объективно сдержать потенциального правонарушителя от совершения преступления. Достижение санкцией цели предупреждения преступлений возможно лишь в том случае, если за совершение преступлений, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, минимальные и максимальные пределы будут достаточно высокими. Однако достичь санкцией цели предупреждения указанных категорий преступлений при отсутствии в Уголовном кодексе относительно-определенных санкций невозможно.

Высказанные положения в полной мере относятся и к видам наказаний, особенно в случае, если в санкции предусмотрены альтернативные виды наказания, которые также должны строго соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления.

На страницах юридической печати высказывается мнение, что в действующем Уголовном кодексе все еще недостаточно альтернативных видов уголовных наказаний. Так, Бышевская Е.С. и Гайворонская О.В. утверждают, что система наказаний, закрепленных в уголовном законодательстве, и сложившаяся практика их реализации в современных условиях фактически не создают реальной альтернативы лишению свободы. [3]

Необоснованность данного вывода подтверждается содержанием ст. 44 УК РФ, где перечислены тринадцать видов наказания, из которых десять видов наказания не связаны с лишением свободы. Из этого видно, что суды наделены правом выбора широкого спектра видов наказания, что и создает реальную альтернативу лишению свободы.

Главное, на наш взгляд, не в количестве санкций, а в точном и жестком соотношении наказания с тяжестью совершенного преступления.

«Наказание, - отмечал К.Маркс, - должно явиться в глазах преступника необходимым результатом его собственного деяния, - следовательно, его собственным деянием. Пределом его наказания должен быть предел его деяния».[4]

Следовательно, из указанного положения напрашивается вполне определенный вывод, что вид и размер наказания должны строго соответствовать характеру и степени общественной опасности содеянного. Характер и степень виновно совершенного общественно опасного деяния (тяжесть причиненных последствий), бесспорно, являются важнейшим показателем степени общественной опасности и самого виновного. Судебная практика, однако, свидетельствует о другом.

Одинцовский городской суд Подмосковья приговорил гендиректора крупной инвестиционной компании Котляренко Д. к трем годам лишения свободы и штрафу в размере 500 тысяч рублей.

Суд признал его виновным в хищении более одного миллиарда рублей, инвестированных правительством Московской области в строительство жилья. Деяния Котляренко Д. квалифицированы по ч.4 ст.159 УК РФ, предусматривающая наказание до десяти лет лишения свободы со штрафом в размере до одного миллиона рублей.[5]

Возникает вопрос, соответствует ли назначенное наказание характеру и степени общественной опасности совершенного деяния? Ущерб причинен на сумму более миллиарда рублей, а возмещен ущерб всего лишь в сумме 500 тысяч рублей. Смягченное наказание назначено на основе признания вины лишь в судебном заседании, хотя вина органами следствия была полностью доказана. Можно сделать единственный вывод о неоправданно смягченном наказании с учетом так называемой «гуманизации» наказания.

Сошлемся еще на примеры из судебной практики. В Северной Осетии председатель правления Банка развития региона Доев С. И. и начальник отдела кассовых операции Сатцаева З. в период с 2007 по 2013 год с помощью различных схем похитили около одного миллиарда трехсот миллионов рублей из хранилищ банка. Ленинский районный суд Владикавказа назначил Доеву С. наказание в виде трех лет лишения свободы, но условно.[6]

И по данному уголовному делу, как и по предыдущему примеру, ущерб, причиненный преступниками, так и остался не возмещенным.

Совершенно иное отношение в судебной практике к лицам, которые не относятся к «денежной элите».

В Благодарненском районном суде Ставропольского края рассмотрены два уголовных дела в отношении птицекрадов. Гребенчуков В. незаконно проник в хозяйственную постройку, откуда похитил гуся стоимостью 1250 руб., за что ему было назначено наказание в виде одного года реального лишения свободы. Макаров Ю. из другой хозяйственной постройки похитил двух индюков, стоимость которых 3500 руб. Приговором мирового судьи ему назначено наказание в виде шести месяцев ограничения свободы.[7]

Три года лишения свободы Железноводским городским судом Ставропольского края назначено жителю Железноводска за покушение на грабеж, когда он пытался похитить в

торговом павильоне деньги и несколько пачек сигарет на общую сумму свыше трех тысяч рублей.[8]

Как видим, в судебной практике ставропольских судов, нередки примеры, когда в отношении лиц, совершивших аналогичные преступления, назначается резко различные виды и сроки наказания, что с точки зрения закона является крайне нетерпимым.

Видимо не зря в народе популярно изречение – «В России, если красть по-мелкому, то можно увидеть Магадан и Воркуту, а если красть по-крупному, то – Лондон и Париж».

При существующей судебной практике уголовный закон, его четкое и единообразие исполнение отодвигается на второй план, и судьба подсудимого, с учетом разнuzданного, так называемого усмотрения судьи, зависит вовсе не от закона. За миллиардные хищения, за многомиллионные взятки порой назначаются наказания в виде штрафа, либо условно, и в крайнем случае за данные преступления назначается наказание в виде реального лишения свободы, как и за кражу гуся либо покушение на грабеж на незначительную сумму.

Профессор криминологии Стокгольмского университета Хенрик Там отмечал: «Ведь и так ясно, что лица, которым назначаются самые суровые меры наказания, лица, содержащиеся под арестом или в пенитенциарных учреждениях закрытого типа, лишь за небольшим исключением относятся к неимущим слоям общества».[9]

С переходом России к рыночным отношениям, а точнее к крайне опасной форме капитализма, эти отношения очень четко проявились и у нас. «В 1995 году темпы прироста числа преступников из лиц, не имеющих постоянного источника доходов, составили 24,3%, а из числа безработных – 43,8%».[10] Данная тенденция нашла отражение и в последующие годы. Жуликов-предпринимателей ждет наказание в виде штрафа либо условно в отличие от «простых граждан», которых ждут переполненные СИЗО и места лишения свободы. Гуманизация уголовного закона и судебной практики при назначении наказания стала навязчивой идеей российских властей, наивно и необоснованно полагающих, что этим можно решить как проблему предупреждения преступности, так и обеспечить развитие предпринимательства и экономики в России.

Бесспорно, что для того, чтобы достичь возможности предупреждения преступлений, уголовно-правовые санкции и приговоры в части назначения наказания за тяжкие преступления должны быть достаточно строгими, учитывая, что только объективная строгость возможного наказания способна увеличивать общепредупредительное влияние на лиц, склонных к совершению преступлений.

Суд при назначении наказания обязан действовать не от своего имени, а от имени государства, реализуя его право на индивидуализацию наказания виновному в совершении преступления. Вместе с тем, принцип индивидуализации наказания грубейшим образом нарушен Федеральным законом от 7 марта 2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в котором законодатель упразднил нижние пределы санкций за совершение большинства не только отнесенных к категории тяжких, но и особо тяжких преступлений.

Для того чтобы понять масштаб проблемы, достаточно привести лишь несколько примеров. Так, например, ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) наказывается лишением

свободы на срок до пятнадцати лет (от двух месяцев лишения свободы); ч.1 ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов войны) предусматривает наказание до двадцати лет лишения свободы; ч.2 ст. 338 УК РФ (дезертирство с оружием, вверенным по службе, а равно дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) предусматривает наказание до десяти лет лишения свободы; ч.3 ст.122 УК РФ (заражение ВИЧ-инфекцией двух и более лиц либо несовершеннолетнего) предусматривает наказание до восьми лет лишения свободы; ч.4 ст.158 УК РФ (кража организованной группой либо в особо крупном размере) предусматривает наказание до десяти лет лишения свободы и др.

На практике это приводит к тому, что суд, решая вопрос о назначении наказания, за одно и то же совершенное преступление, исходя из так называемого «судейского усмотрения», может назначить двум разным подсудимым крайне разное по сроку наказание - от двух месяцев до двадцати лет лишения свободы.

Санкция с такими большими пределами наказания ставит под сомнение необходимость существования самого принципа равенства всех лиц, совершивших преступление, перед уголовным законом.

Тенденция к расширению судейского усмотрения находится в глубоком противоречии с перспективой сокращения преступности. Расширение судейского усмотрения противоречит важнейшим принципам уголовной политики, ибо неизбежно ослабляет авторитет закона, а с ним и авторитет самого приговора, главной основой которого является закон. Слишком широкие границы между низшими и высшими пределами санкции предоставляют неоправданную, а порой и вредную свободу суда, что чревато опасностью не только нарушением основополагающего принципа равенства всех перед законом и судом, но и чаще всего вынесением произвольных решений относительно выбора вида и срока наказания.

Кроме того, конструкция большинства уголовно-правовых санкций, когда разница между их минимальными и максимальными границами в том виде, в каком они существуют сейчас, является мощнейшим коррупционным фактором.

Санкция – это часть статьи уголовного закона, содержащая указание на вид и размер наказания. Санкция и ее виды могут быть справедливыми лишь тогда, когда полностью соответствуют характеру и степени общественной опасности деяния, отраженного в статье Особенной части Уголовного закона.

Анализ санкций статей Уголовного кодекса показывает, что установленные в них виды и размеры наказаний чаще всего не соответствуют интересам государственной борьбы с преступлениями, отнесенными к категории тяжких и особо тяжких. Это, прежде всего, связано с наличием значительного количества альтернативных санкций, в которых альтернативно содержатся четыре, пять и даже шесть основных видов наказаний, не связанных с лишением свободы, преимущественно штраф, которые далеко не одинаковы по строгости видов наказаний.

По нашему мнению санкции должны быть внутренне согласованными, чтобы виды наказания в одном и том же составе преступления (части данного состава преступления) полностью соответствовали тяжести совершенного преступления.

Верина Г.В. вполне обоснованно утверждает, что в последние годы наблюдается рост числа корыстных преступлений, но, вместе с тем, по непонятным причинам делает вывод о том, что «в действующем российском уголовном законодательстве наблюдается крен в сторону излишне суровых уголовно-правовых санкций, а возможности дифференциации ответственности зачастую сведены к минимуму. Поэтому сегодня крайне важна гуманизация уголовного законодательства и системы ответственности лиц, совершивших преступление».[11]

О какой больше дифференциации и гуманизации уголовной ответственности может быть речь, если практически за все преступления против собственности, преступления коррупционной направленности и др. виды наказания альтернативные. Так, ст.158 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за кражу, где в частях 1, 2 и 3 предусмотрены, наряду с лишением свободы, такие виды наказания, как штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы. Аналогичные альтернативные виды наказания предусмотрены также ч.1, 2 и 3 ст.159 УК РФ; ч.1, 2 и 3 ст.160 УК РФ. При этом следует отметить, что преступления, предусмотренные ч.3 ст.158; ч.3 ст.159, ч.3 ст.160 УК РФ относятся к категории тяжких.

Характерной особенностью явной либерализации назначения наказания является и то, что за преступления, относящиеся к коррупционным, законодатель также предусмотрел значительное количество альтернативных видов наказания. Так, ч.1 и 2 ст.285 УК; ч.1 и 2 ст.285-1 УК; ч.1 и 2 ст.186 УК; ч.1 ст.286-1 УК; ч.1 ст.290 УК; ч.1 и 2 ст.292 УК и др. наряду с лишением свободы предусмотрены такие виды наказания, как штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы и др.

В последние годы на всех уровнях общественно-политической жизни в Российском государстве говорится об усилении борьбы с преступлениями коррупционной направленности. На усиление борьбы с коррупцией направлен очередной Указ Президента Российской Федерации «О национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы».[12]

И, вместе с тем, за все преступления, отраженные в главе 30 УК РФ – Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – на первом месте (за редким исключением) законодатель отразил такой вид наказания, как штраф; даже за те преступления, которые отнесены к категории тяжких и даже особо тяжких (ч.6 ст.290; ч.4 ст.291-1 УК РФ). Штраф как основной вид наказания поставлен в альтернативу лишению свободы по подавляющим составам преступлений в Уголовном кодексе и находится на первом месте альтернативных видов наказания.

Изучение судебной практики убеждает, что коррупционные преступления тесно связаны с преступлениями в сфере экономической деятельности. Поэтому вызывает удивление и непонимание воли законодателя, который оказал предпочтение такому виду наказания как штраф за указанные преступления.

Вряд ли убедительным является мнение Стримова В.Ю., полагающего, что достоинства такого основного вида наказания как штраф очевидны, так как штраф выступает

источником пополнения государственного бюджета и не требует при этом никаких затрат на его исполнение.[13]

Возникает вопрос, так в чем видится автором цель наказания, в пополнении государственного бюджета или в исправлении виновного и в предупреждении преступлений?

Верховный суд Татарстана создал прецедент, приговорив бывшего главу администрации Верхнеуслонского района Татарстана Тимофеева А. к штрафу в 300 миллионов рублей за получение им взятки в пять миллионов рублей. Государственный обвинитель считал необходимым назначить виновному наказание в виде девяти лет лишения свободы и штраф на сумму пятьсот миллионов рублей. Однако суд решил, что штраф в триста миллионов рублей – вполне серьезный вид наказания человеку, который, согласно вердикту, не может как минимум три года занимать должности в эшелонах власти. [14]

Возникает вопрос, каким образом Тимофеев А. будет выплачивать указанную сумму штрафа? Государственный обвинитель, предлагавший назначить виновному дополнительное наказание – штраф в сумме 500 миллионов рублей и суд, назначивший в виде основного наказания – штраф в сумме 300 миллионов рублей – выявили в судебном заседании, способен ли осужденный исполнить приговор? Бесспорно, что данным вопросом они не интересовались, хотя прекрасно понимали, что приговор исполнен быть не может.

По данным Куликова В., хронической проблемой правосудия остаются штрафы, которые не удается взыскать с осужденных. По словам Лебедева В.М. (Председателя Верховного Суда РФ), когда человек не уплатил назначенный приговором суда штраф, это порождает чувство безнаказанности. В прошлом (2015) году суды назначили в уголовных делах 1 миллиард 800 миллионов рублей штрафа. Из них 470 миллионов были выплачены добровольно. 180 миллионов взыскали принудительно. Еще 1 миллиард 140 миллионов рублей повисло в воздухе. Коррупционеры должны расплачиваться огромными суммами за свои грехи. Но все ли платят? Вопрос требует изучения, ведь от этого зависит и эффективность наказания.[15]

Возникает и другой вопрос – соотносим ли по тяжести штраф в виде основного вида наказания с лишением свободы, отраженных в той или иной уголовно-правовой норме (части статьи) в Уголовном кодексе?

Санкция ч.6 ст. 290 УК РФ (Получение взятки) – за деяния, предусмотренные частями первой, третьей, четвертой и пунктами «а» и «б» части пятой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере – наказываются штрафом в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки.

Бесспорно, что такие суммы штрафа взысканы быть не могут, что подтверждается практикой. Но разве сам штраф в любом размере можно сопоставить с лишением свободы до двенадцати лет либо до пятнадцати лет? Конечно, невозможно.

Неограниченное право суда выбирать по своему усмотрению ту или иную, крайне несовместимую по тяжести альтернативу – это и есть беззаконие, чистейшей воды произвол,

поощрение к совершению преступлений. Бездумное смягчение наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, исключение возможности действительной индивидуализации наказания есть не что иное, как выражение в этом законе воли внезапно возникшей из ниоткуда современной буржуазии как нового господствующего класса, возведенной в закон, позволяющей уйти представителю данного господствующего класса от справедливой уголовной ответственности.

Признак общественной опасности деяния лежит не только в основе криминализации, но и в основе определения санкции, которая должна быть адекватной отражения опасности деяния. Санкция всегда должна отражать также и типологию общественной опасности личности преступника. Основной базой для выводов об общественной опасности преступника является совершенное им деяние. Совершенное преступление, особенно умышленно, само по себе свидетельствует о повышенной общественной опасности личности.

Лишение свободы на определенный срок и штраф заведомо неравнозначны по своему психологическому воздействию на преступников и их окружение – нижние слои социума будут расплачиваться свободой, а состоятельные, нажившие неправедным путем капиталы, будут расплачиваться лишь частью своего капитала, а проще говоря, – откупятся от правосудия.

Штраф как основной вид наказания может и должен назначаться только за преступления небольшой или средней тяжести корыстной направленности. За преступления корыстной и коррупционной направленности, отнесенные к категории тяжких и особо тяжких, штраф должен назначаться в обязательном порядке в качестве дополнительного наказания.

Санкции статей Особенной части Уголовного кодекса должны устанавливать пределы наказания за отдельные виды преступных деяний в зависимости от их характера общественной опасности: чем опаснее данный вид преступления, тем строже должно быть наказание за него, а, следовательно, на первом месте должен находиться более строгий вид наказания. Соразмерность наказания, его соответствие опасности преступления должно быть признано в качестве важнейшего принципа уголовного законодательства.

Между тем в Уголовном кодексе даже за преступления, относящихся к категории тяжких, в одном и том же составе преступления соседствуют альтернативные лишению свободы виды наказания такие, как обязательные работы, принудительные работы, исправительные работы, которые бесспорно неравнозначны (с лишением свободы) по своему воздействию в отношении лица совершившего преступление.

Разве сопоставимы такие виды наказания, как принудительные работы на срок до пяти лет и лишение свободы до десяти лет за применение насилия, опасного для жизни или здоровью в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч.4 ст.296 УК)?

Можно лишь отметить, что такая альтернатива наказаний является глумлением над истинным правосудием в борьбе с преступностью.

Такая же альтернатива лишению свободы видам наказания, не связанным с лишением свободы, предусмотрена в ч.3 ст.234; ч.2 ст. 285; ч.2 ст.286; ч.3 ст.160 УК РФ и многих других.

Еще больший абсурд в деле индивидуализации наказания представляет уголовно-правовая норма, предусмотренная в ч.1 ст.282-2 УК РФ, в соответствии с которой суду предоставлен необъятный простор в выборе наказания – либо арест на срок от четырех до шести месяцев либо лишение свободы до восьми лет. Разве допустимо за одинаковое преступление назначить явно не равные виды и сроки наказания – либо арест всего лишь на несколько месяцев, либо лишение свободы до восьми лет?

Указанные санкции являются явно коррупционными, которые подрывают основу индивидуализации наказания.

Кроме того, объективно не могут применяться в наше время такие виды наказания, как обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы при росте безработицы на 36% и засилия мигрантов, которые постепенно вытесняют представителей коренной национальности с рабочих мест, как выгодная, бесконтрольно используемая рабочая сила.[16]

Представляется, что такие виды наказания, как принудительные работы, исправительные работы, обязательные работы, арест могут быть в качестве основных лишь за преступления, отнесенные законодателем к категории небольшой или средней тяжести.

Президент России в своем Послании заявил: «Закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей, интересам общества и государства».[17]

Мягкие меры наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений создают у народа представление о слабой защите силой уголовного закона интересов государства и граждан, формируют убеждение в безнаказанности за совершение указанных преступлений. Если за совершенное преступление не следует справедливое и достаточно суровое наказание, граждане страны перестают верить в способность государства защитить их, в возможность правящих структур обеспечить социальную справедливость.

Литература

1. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М.: Университетская типография, 1904. – С. 334.
2. Горобцов В.И. Проблемы теории уголовно-правового принуждения. Избранные публикации. Красноярск, 2003.
3. Бышевская Е.С., Гайноворонская О.В. Реализация принципа гуманизации уголовного права России на современном этапе. // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. Выпуск 10. Ставрополь, 2005. – С. 266.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, том 1. – С. 124.
5. Федосенко В. Миллиард в кармане. – Российская газета, 13 июля 2011 г.

6. Емельянова С. Прикарманил банк – Российская газета (экономика Северного Кавказа), 3 марта 2015г.
7. Александрова В. Наследники Паниковского. – Ставропольская правда, 30 апреля 2015 г.
8. За сигареты – под суд. – Ставропольская правда, 28 декабря 2011 г.
9. Там Х. Преступность и уровень жизни. М.: Прогресс, 1982. – С.108.
10. Преступность и правонарушения (1991-1995). Статистический сборник, М.: МВД РФ. Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1996. – С. 10.
11. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. – Автореферат дис. ...доктора юрид. наук. Саратов, 2003. – С. 3-4.
12. Российская газета, 13 апреля 2016г.
13. Стромов В.Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность. Авторефератканд. юрид. наук. Волгоград, 2009. – С. 22.
14. Брайловская С. Штраф за взятку назначили в 60-кратном размере. Российская газета, 24 января 2012.
15. Куликов В. Нашли оправдание. Российская газета, 15 февраля 2012г.
16. См. данные «Левада-Центр». Ставропольская правда, 2 сентября 2015 г.
17. Послание Президента «Мы не имеем права быть уязвимыми». Российская газета, 4 декабря 2015 г.

УДК 340.1

**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ
«ВОЗРОЖДЕННОГО» ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И «НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА»
П.И. НОВГОРОДЦЕВА).**

**PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO STUDYING OF HISTORY POLITICAL AND
LEGAL DOCTRINES (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT OF "REBIRTH" OF
NATURAL LAW AND "MORAL LAW" NOVGORODTSEVA P.I.).**

Швандерова А.Р., Ростов-на-Дону, ФГБОУ ВО Ростовский филиал «Российского государственного университета правосудия», доцент кафедры теории и истории права и государства кандидат социологических наук.

Shvanderova A.R., Rostov-on-Don, Rostov branch of "Russian Academy of justice", associate Professor of the Department of theory and history of law and state, candidate of sociological Sciences.

e-mail: ashvanderova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена применению феноменологического метода в исследовании истории политических и правовых учений.

Abstract. The article is devoted to the application of the phenomenological method in the study of the history of political and legal doctrines.

Ключевые слова: феноменологический метод познания, нравственный закон, субъект-объектная формула познания.

Keywords: the phenomenological method of cognition, the moral law, the subject - object formula knowledge.

«Следует стремиться увидеть в каждой вещи то,
чего еще никто не видел и над чем еще никто не думал».

Георг Лихтенберг

Очевидно, что обязательным инструментом познания является научная методология, не является исключением и изучение истории политических и правовых учений, для которой методология - базовое условие, без которого невозможно познание сложной и противоречивой сущности государственно-правовых процессов и явлений.

Кроме того, не подлежит сомнению и то, что в основе методологии истории политических и правовых учений лежит философия, законы и категории которой являются всеобщими, универсальными и распространяются на все явления окружающего нас мира, включая право, политику и государство. Изучение истории государства и права. ее философское осмысление отражает прямую зависимость методов ее познания от господствующей методологической парадигмы, а именно от взаимоотношений познания

права и государства и социокультурной реальности. На эту зависимость указывал В. О. Ключевский, говоря, что, если историки-юристы не принимают во внимание условия жизни, то они обрекают себя на вращение в замкнутой клетке. И замечают только следствия. Не понимая причины событий...Такого же мнения придерживался Г.Ф. Шершеневич, считая безусловно необходимым исследование тех явлений и отношений, которые влияют на содержание правовых норм и на их применение к правовым отношениям [8].

Именно философская составляющая научной методологии объясняет сложность разработки проблемы юридической методологии. На эту сложность обратил внимание И.А. Ильин, утверждая, для того, чтобы разобраться в юридической методологии, необходима хорошая философская подготовка [3].

Профессор Сырых В.М., [6] также отмечает несомненное воздействие философии на правовую науку, на понимание природы государства и права как социальных явлений, их сущность и закономерный ход развития, методы и границы научного познания государства и права, критерии научности политико-правовых знаний, выделяя следующие аспекты методологической роли философии:

- а) во-первых, возможность непосредственного использования законов и категорий философии в изучении политики и права;
- б) во-вторых, именно в рамках философии создается теория методологии;
- в) и, наконец, философия – это база, на которой только и могут сформироваться как общенаучные так и частные методы исследования истории политических и правовых учений.

Одним из таких перспективных, на наш взгляд, частных методов исследования истории политических и правовых учений является старый –новый феноменологический метод, сложившийся на основе феноменологического учения, начало которому было положено немецким философом Эдмундом Гуссерлем в “Логических исследованиях” [1] и продолженное его учениками (Л. Ландгребе, Э. Финк и другими). Гуссерль был убежден, что в современную эпоху необходимо создать современный метод исследования, суть которого в том, чтобы понять, что такое вещи. Для достижения этой цели он стремился превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологического метода, центральным понятием которого является - “интенциональность” (направленность на объект) познающего сознания.

Иными словами, будучи продуктом логического мышления и имея двойственную объектно- субъектную природу, феноменологический метод должен согласовываться с содержанием предмета познания. Поэтому “интенциональность” является главным субъективно-идеалистическим принципом гуссерлевского феноменологического метода: “нет объекта без субъекта”. Философ считал, что только такой, феноменологический, метод, по мнению помогает постичь сущность вещей, а не факты [2]. Так, исследователя-феноменолога не интересует конкретная моральная или правовая норма, его интересует, почему она — норма. Например, Гуссерль был убежден, что изучить обряды, ритуалы и песнопения той или иной религии, несомненно, важно, но важнее понять, что такое религиозность вообще, что делает разные обряды и несхожие песнопения религиозными. Феноменологический анализ вникает в состояние, скажем, стыда, святости, справедливости с точки зрения их сущности. Отсюда и основные требования феноменологического метода:

1) феноменологическая редукция - воздержание от суждений, относящихся к объективной реальности и выходящих за границы субъективного опыта;

2) трансцендентальная редукция, то есть рассмотрение самого субъекта познания не как реального, эмпирического, социального и психофизиологического существа, а как “чистого” сознания.

3) философия как наука о “чистых сущностях” противопоставляется познанию реальных фактов.

Феноменологическая установка нацелена не на восприятие известных и выявление еще неизвестных свойств или функций предмета, но на сам процесс восприятия как процесс формирования определенного спектра значений, усматриваемых в предмете.

Покажем применимость названного метода в исследовании концепции «возрожденного» естественного права и «нравственного закона» русского философа права, исследователя истории политических учений Нового времени Павла Ивановича Новгородцева. Тем более, что и он сам, и его сторонники (Кистяковский Б.А., Михайловский И.В.) в этот период искали надежный и эффективный метод исследования правовых проблем и также пришли к выводу, что в основе такого метода должен лежать выход понимания права за пределы формально-юридических норм [7].

Поэтому, скорее всего, поиск и обоснование общественного идеала, основанного на идее абсолютного добра, на возможности формирования этого идеала за пределами формально-юридических норм стал целью всего научного творчества Новгородцева. Действительно, в его концепции идеал добра – это не гармония будущего человечества, а присутствие в истории подлинной реальности – живой человеческой личности (субъекта), через которую только и могут быть осуществлены идеальные требования.

Кроме того, различая эти идеальные требования на абсолютные и относительные, ученый полагал, что абсолютный идеал - цель «сама по себе» - создается каждым человеком самостоятельно. В основе этого идеала — сама личность как абсолютная цель общественного прогресса. «Сущность его (абсолютного идеала – Прим. авт.), согласно ранее установленному положению, заключается в требовании бесконечного совершенствования, то в применении к общественной жизни это требование должно найти для себя такую цель, которая могла бы воспринять в себя силу бесконечного стремления и явиться образом абсолютного. Но такой целью может быть только живая человеческая личность, которая в своем бесконечном стремлении отражает причастность свою абсолютному закону добра» [5 С. 103].

В теории Новгородцева Абсолютный идеал – это некая константа, имеющая вневременной характер и являющаяся общим ориентиром и целью для права и морали. Абсолютный идеал значим для каждой ступени исторического развития, и на каждой ступени развития люди стремятся воплотить этот идеал в реальную жизнь, в историческую действительность, стремятся приблизиться к нему. Иными словами, абсолютный идеал – суть бесконечное совершенствование - и есть то, что, согласно методологии Гуссерля, делает моральную или правовую норму нормой. Поэтому, например, разнообразные социальные институты, сменяющие друг друга в истории государства и права, не составляют для человека абсолютной цели, они - лишь незаменимые средства для того, чтобы идти по

пути нравственного прогресса, приближаясь к общественному идеалу. Более того, для человека, постигшего суть абсолютного идеала – бесконечное совершенствование, стремление к высшему идеалу – становится смыслом и его собственной жизни, ее целью. Осознав эту цель, человек выбирает лишь средства для достижения возможного в будущем идеала – «без субъекта нет объекта!».

Что касается относительного идеала, то и он, как следует из концепции Новгородцева, также зависит от субъекта, правда, субъекта коллективного – группы, класса, партии. Оттого, насколько этот субъект познал тайну бесконечного совершенствования, результаты познания воплощаются в социальном объекте, например, в том или ином общественном порядке – плох порядок, значит, знание несовершенно. Именно поэтому относительный идеал имеет условный характер. Например, относительный идеал конца XIX — начала XX в. выражался, согласно учению Новгородцева, в создании правового государства. Более того, Новгородцев был убежден, что экономический бум XIX в. требует от государства обеспечить материальные гарантии уже признанных формально прав и свобод, а также социальной помощи нуждающимся – по его убеждению, только так и может реализовываться идея бесконечного совершенствования. В этой связи представляет интерес обоснование Новгородцевым понятия права на достойное человеческое существование. Обладая безусловной нравственной природой, это естественное право должно иметь юридическое значение, и потому государство (как субъект позитивного права – Прим. авт.) обязано обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно. Кроме того, исследуя новое содержание требований свободы и равенства, ученый пришел к выводу, что государство, осознав объективную необходимость совершенствованию социально-политических отношений, обязано взять на себя заботу об экономически слабых лицах, которые в силу различных причин неспособны к существованию за счет собственных материальных средств. Ведь, если сущность и цель права — человек, охрана его свободы, то пользованию этой свободой не может препятствовать нищета.

Что касается нравственного закона, то и он постигается через субъект-объектную формулу, предложенную Э. Гуссерлем: общество – объединение людей со множеством самых разных, зачастую противоположных интересов, которые тем не менее должны быть как-то согласованы между собой, ибо в противном случае единение, целостность его будут разрушены. Это необходимое объединение людей закрепляется в "нормах совместной жизни", в институтах и нравах, присущих данному обществу. В совместной деятельности людей в социуме и создается особая, самостоятельная область нравственных требований, тот самый нравственный закон, который понимается как единство нормы личного поведения человека и основы общей нравственной жизни, связующей всех воедино общей целью — стремлением к бесконечному совершенствованию – абсолютному идеалу.

В результате, применение феноменологического метода к изучению части философско-правового наследия П.И. Новгородцева – концепции «возрожденного» естественного права и «нравственного закона» позволяет убедиться в том, что идеальное и реальное право ученый не противопоставляет друг другу, а, напротив, указывает на их неразрывное единство, поскольку сущность права проявляется только в существовании в

социальном процессе, происходящем в открытом жизненном мире, мире реальных правовых феноменов.

Таким образом, результат применения феноменологического подхода, показывает, что вышеназванный метод может быть использован в качестве эффективного средства исследования истории права - в его субъектно-объектном ракурсе в любой правовой норме выявляется идеальная правовая структура, обуславливающая процесс реализации нормы, происходит соединение объективного мира и человека. Кроме того, феноменологический метод имеет тенденцию к сближению с другими методами познания истории правовых и политических учений. в которых речь идет о значении, смысле, интерпретации политических и правовых явлений.

Литература

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II 1 // Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3). М., 2001. (2, с. 14-15)
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию.- СПб., 2005.- С. 336.
3. Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 417.
4. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI-XIX вв. Изд.3. М., 1914
5. Новгородцев П.И. Об общественном идеале // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. — М.: Пресса, 1991. — С. 13—522.
6. Сырых В.М. История и методология юридической науки. Учебник по программам магистерской ступени образования. М. 2012.
7. Философия. Часть 1. История философии: учебное пособие для вузов//Под ред. Кириллова В.И., Попова С.И., Чумакова А.Н. М., 1966.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Том 1, Москва, Издание Бр. Башмаковых, 1910 г. <http://www.ex-jure.ru/law/news>.

УДК 340.1

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА С.А. МУРОМЦЕВА).
SYNERGETIC APPROACH TO STUDYING HISTORY OF POLITICAL AND
LEGAL DOCTRINES (THE CASE LAW SOCIOLOGICAL
CONCEPTS MUROMTSEVA S.A.).**

*Швандерова А.Р., Ростов-на-Дону, ФГБОУ ВО Ростовский филиал «РГУП»,
доцент кафедры теории и истории права и государства кандидат социологических наук.*

*Shvanderova A.R., Rostov-on-Don, Rostov branch of "Russian Academy of justice",
associate Professor of the Department of theory and history of law and state, candidate of
sociological Sciences.*

e-mail: ashvanderova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена применению познавательного потенциала синергетического метода в изучении правовых и политических учений, в частности, теоретико-правового наследия С. А. Муромцева.

Abstract. The article is devoted to the use of the cognitive potential of the synergistic approach in the study of legal and political doctrines, in particular, theoretical and legal heritage by S. A. Muromtsev.

Ключевые слова: синергетический метод, правовая синергетика правовой хаос (аномия), правовая энтропия, правовые аттракторы, незащищенное и защищенное право.

Keywords: synergy method, synergy legal legal chaos (anomie), legal entropy, legal attractors, unprotected and protected right.

Для того, чтобы всесторонне исследовать формы теоретического познания исторически возникающих и развивающихся политико-правовых учреждений и институтов юридическая наука использует как классические методы, так и методологические новации, показавшие свою эффективность в социальном познании. Применение новых исследовательских средств, новых методов, несомненно, обеспечивает прирост теоретических знаний, углубление представлений о свойственных предмету закономерностях.

Синергетический метод, о котором пойдет речь ниже, как метод исследования самопроизвольных, самоорганизующихся систем, случайностных процессов зародился в сфере естествознания [2], и его необходимо адаптировать к юридической науке. Такая адаптация предполагает проработку синергетических положений, идей, принципов и категорий на юридическом материале, рассмотрение политической и правовой реальности как большой, сложной, открытой, неравновесной, самоорганизующейся системы. При этом отметим, что синергетика как методология, применяемая в исследовании права, обосновывалась еще в прошлом веке юристами-теоретиками Дж. Бойлом, А. Бозо де Кормоном, Г. Гудричем, А.Б. Венгеровым, В.М. Сырых, всевозрастающей сложностью и

стремительными изменениями социального мира. Так, например, А.Б. Венгеров уже в первых работах. Посвященных синергетической методологии подчеркивал, что одной из благодатных областей нового синергетического подхода является политико-правовая действительность, так как именно здесь возникает множество не- стабильных, неустойчивых процессов, действуют синергетически неравновесные социальные институты [1].

В нашей статье речь пойдет о возможном применении познавательного потенциала синергетического метода в изучении правовых и политических учений, в частности, теоретико-правового наследия Сергея Андреевича Муромцева. Важнейшим же аргументом в пользу привлечения данного метода к изучению «живого права» (термин, правда, был введен в научный оборот австрийским юристом Е.Эрлихом,- прим. автора) С.А. Муромцева, на наш взгляд, во - первых, является само понимание права ученым как «живого» и, во - вторых, дискуссии о сути и перспективах правовых и политических реформ в современной России, которые предполагают обращение и всесторонний анализ классики либеральной теории и дают возможность взглянуть на государственно-правовую систему в динамике, возможно, в новом свете увидеть роль и ценность права в жизни общества. Кроме того, правовая система в контексте синергетики предстает как организм, развивающийся во времени.

Рассмотрим идеи, принципы, категории синергетики на материале теории «живого права», начиная с идеи *изоморфизма*, суть которой заключается в отождествлении законов развития сложных саморазвивающихся систем, независимо от их природы. Действительно, один из основоположников синергетики И. Р. Пригожин вслед за Г. Хакеном [2] под саморазвивающейся системой понимает динамическую систему, самостоятельно выбирающую цели своего развития и критерии их достижения; изменяющую свои параметры, структуру и другие характеристики в заданном направлении. Основным способ исследования такой саморазвивающейся системы – построение модели, которая, конечно, никогда не будет абсолютной копией реальности. Но поможет понять определенные аспекты социальной жизни.

Итак, обратимся к модели системы права, предложенной С.А. Муромцевым. Ученый, исследуя римское право, гражданское право и общую теорию права в "Очерках общей теории гражданского права", в работах "Определение и основное разделение права" "Что такое догма права?" представляет политико-правовую систему как сложную, включающую такие подсистемы как правовые отношения (отношения "защищаемые"), юридические отношения (отношения "вынужденные, или защищающие"), правовые институты, показывает их взаимосвязь и одновременно самостоятельность, уникальность, проявляющуюся в том, что эти подсистемы выполняют свойственные только им функции. Так, право у Муромцева - это только реально существующий правовой порядок, то есть сложившийся в обществе порядок отношений. На этот правовой порядок влияет множество факторов: идеи справедливости, разделяемые обществом, юридические нормы действующего законодательства, надежды на будущие перемены, прогнозы ученых и многое другое. Поэтому, чтобы понять истоки, развитие и сущность права нужно изучить порядок, существующий в различных человеческих объединениях. В этой связи интерес

представляет различие Муромцевым "правового" отношение и "юридического" отношение. Об их различии ученый писал в работе «Определение и основное разделение права» [3].

К собственно правовым он относил общественные отношения, которые возникают по поводу типичных для данного общества интересов отдельных лиц и их объединений. Эти отношения и интересы, если они признаны обществом, получают "неорганизованную защиту" со стороны социальных групп и союзов. Но у этих социальных групп и союзов могут быть и противоречивые интересы, и в таком случае "неорганизованная защита" уже неэффективна, необходима защита нарушенного права государственным органом, то есть жесткая, принудительная – "организованная". Эту форму защиты С.А. Муромцев называл "юридической".

При этом ученый убежден, что не может существовать вечной и неизменной правовой системы, любая система постоянно развивается, меняется под влиянием интересов индивидов, общественных групп, союзов, рано или поздно исчерпывает свои возможности, изнашивается, становится неспособной защищать нарушенное право. Это происходит оттого, что сила государственной власти не абсолютна и юридические нормы, созданные государством, не всегда соответствуют существующему в данном обществе правопорядку, на который оказывают влияние как настроения в обществе, так и какие-то внешние условия. Поэтому бывает так, что правопорядок идет наперекор юридическим нормам, когда не только не защищается то, что предписано в норме, но напротив, защищается нечто, совершенно тому враждебное, и государство не всегда может помешать возникновению такого правопорядка. Отсюда – неизбежное *тотальное разрушение* правовых институтов и возникновение правовой аномии – «хаоса» в терминологии синергетики, который, согласно синергетической теории, присущ *диссипативной системе*, ослабляющей (рассеивающей) регулятивные функции права, имеющей своим результатом *правовую энтропию*, то есть *динамику разрушения* существующего правопорядка. Нарастание правовой энтропии неизбежно ведет к отмиранию регулятивных функций различных санкций: юридических, моральных, религиозных, которые призваны поддерживать, регулировать отношения между индивидами, общественными группами, союзами, обеспечивая целостность системы.

Однако «хаос» – это период *бифуркации*, такой фазы развития системы, в процессе которой она перестраивается, появляются всевозможные модели новой организации системы, новые *аттракторы* – цели, организующие идеи, соединяющие воедино все части дезорганизованной системы. Эти новые аттракторы формируются в разрушающейся системе – согласно принципам синергетики, настоящее всегда потенциально содержит в себе будущее как перспективу развития.

В модели С.А.Муромцева эту организующую роль аттрактора выполняют идея справедливости, естественные и неотчуждаемые права человека, которыми должны руководствоваться судебные и другие правоприменительные органы, чтобы с помощью законодательных реформ постоянно приводить сложившийся правопорядок в соответствие с этой идеей. Но и в этой, новой, только что сложившейся системе также присутствует возможность энтропии – она имманентна любой саморазвивающейся системе, поэтому

необходима постоянная *негэнтропийная работа*, которая не должна позволить этой возможности переходить в действительность. В теории Муромцева эта возможность энтропии обусловлена тем, что законодательный орган может задерживаться с реформами, и потому постоянная негэнтропийная работа по преодолению правовой дезорганизации – задача суда и других органов, применяющих право. Именно суд призван обеспечить полную гармонию между защищаемыми государством юридическими нормами и конкретным случаем правоприменения, более того суд, организованный на современных, цивилизованных началах, должен стать единственным арбитром между законом и конкретным правоотношением, проверяя жизнеспособность позитивного права в соответствии со своим правосознанием, и приводить это позитивное право в соответствие с "живым" правом и юридически охранять правовые интересы. С.А Муромцев считал, что понимать закон - значит понимать его как момент исторического развития; применять его - значит знать историческое соотношение принципов, образующих его содержание, и содействовать реализации прогрессивных начал, – об этом он писал в «Очерках общей теории гражданского права»[4].

В этой гармонии при включении разума в механизмы отбора более совершенных способов организации, и проявляется синергетический эффект самоорганизации правовой системы, когда в результате согласованного действия институтов-элементов правовой системы возникает качественно новая система, которая не может сложиться на уровне отдельных элементов.

Таким образом, применение синергетического метода к изучению правового учения С.А. Муромцева позволяет понять процесс формирования и изменения сложной системы, какой, безусловно, является правовая система, как процесса самоорганизации. Так, самоорганизация правовой сферы жизни общества в модели Муромцева осуществляется в результате: во-первых, постоянной положительной обратной связи с социальной средой, заставляющей право усложнять и совершенствовать свои структуры и одновременно устранять все отжившее, неэффективное; во-вторых, отрицательной обратной связи права с социальной средой, которая ведет к правовому хаосу. Единство и борьба этих двух противоположных тенденций создает устойчивую и жизнеспособную систему права.

Литература

1. Венгеров А.Б. Синергетика и политика // *Общественные науки и современность*. 1993. № 4. Стр.57
2. Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. - М., 1986.
3. Муромцев С.А. *Избранные труды*. М. 2010. Стр.358 -450
4. Муромцев С.А. *Избранные труды*. М. 2010. Стр.66-230

УДК 343

**ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ
И ВЫЗОВОВ БЕЗОПАСНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ
THE CONCEPT OF SECURITY AND CLASSIFICATION OF THREATS AND
SECURITY CHALLENGES IN ADMINISTRATIVE LAW**

Шейхов М.Э., Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт государственной службы и управления, аспирант кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы

*Sheykhov M.E., Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Public Administration and Management, graduate student of department of legal support of the state and municipal service
e-mail: sheihovm@list.ru*

Аннотация: В статье анализируются существующие определения «безопасности» и предлагается авторский вариант. Разработана авторская классификация современных угроз и вызовов безопасности.

Annotation: The article analyses the existing definitions of «security» and proposes the author's version. The author has developed a classification of modern threats and security challenges.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, определение безопасности, классификация угроз безопасности.

Key words: security, national security, definition of security, classification of security threats.

Отсутствие определения «безопасности» в российском законодательстве ведет к определенному дефинитивному хаосу, смешению и подмене понятий, - например, в Конституции РФ понятие безопасности фигурирует и само по себе [17, ст. 71], и как «безопасность государства» [17, ст.13 и 55], и как «государственная безопасность» [17, ст. 114], а также в виде «общественной» и «экологической безопасности» [17, ст. 72].

Понятие «национальная безопасность» в Основном законе страны не используется (в Законе «О безопасности» [21] также отсутствует) - этот термин вошел в российский правовой язык в последнее десятилетие 20 века [17]. В итоге сегодня «национальная безопасность» может отождествляться с «государственной безопасностью», а «общественная безопасность» может признаваться как частью «национальной безопасности», так и наоборот, - включать в себя «национальную безопасность», и т.д.

Например, в Стратегии национальной безопасности дается следующее определение национальной безопасности: «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [32, ст.6]. Однако далее по тексту понятия «национальная», «государственная» и «общественная» безопасность как отождествляются (см. ст. 48-49 раздела «Государственная и общественная безопасность»),

так и включают одно понятие в другое, как, например, в ст.6: «национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности».

Поскольку тенденция понимания безопасности как «национальной» категории в российском праве усиливается на протяжении последних 15-ти лет, далее в статье мы будем рассматривать определение безопасности именно в данном «национальном» контексте.

Следует отметить, что определение национальной безопасности через «состояние защищенности» характерно и для большей части российской правоведаческой среды [28, с. 31]. Ученые сходятся во мнении, что «национальная безопасность» достигается посредством достижения «национальной устойчивости - состояния, обеспечивающего достаточную экономическую и военную мощь нации для противостояния опасностям и угрозам для ее существования, исходящим как из других стран, так и изнутри собственной страны» [7, с. 14], а также посредством обеспечения целостности государства и его возможности быть самостоятельным субъектом системы международных отношений [2, с. 23]. Для достижения такого состояния необходимо применять «комплекс мер политического, экономического, организационного, правового, военного, идеологического и иного характера, адекватного угрозам жизненно важных интересов личности, общества и государства» [25, с. 25].

В то же время профессор В.Г.Вишняков возражает против определения «национальной безопасности» через «состояние защищенности», отмечая, что «состояние» не может служить определением – государство должно осуществлять конкретные, значимые и активные действия, такие как «принимать меры», «гарантировать», «привлекать к ответственности» и т.п., а не наблюдать за «состоянием защищенности» [5, с.15].

Еще один подход к определению «национальной безопасности» в российской правоведаческой среде связан с наличием «условий» - внутренних и внешних, обеспечивающих возможности защиты и развития личности, общества и государства [20, с. 47].

Существует также трактовка «национальной безопасности» как «системы», включающей в себя различные элементы (ценности, интересы, угрозы и т.п.), дифференциация которых и обуславливает обеспечение собственно безопасности» [33, с. 22].

«Национальная безопасность» определяется также как «институт» государственно-правового характера, призванный обеспечивать состояния защищенности интересов личности, общества и государства от различных угроз [30, с. 13], а также как «уровень защищенности» [13, с. 64].

Наконец, существует определение «национальной безопасности» как «идеи» - «политически мотивированной, юридически оформленной, выражающей национально-государственные интересы» [24, с. 150].

Подводя итог данному обзору, мы можем сделать вывод, что, несмотря на отсутствие единого подхода, все определения объединяет наличие трех субъектов национальной безопасности – личности, общества и государства, а также наличие таких объектов безопасности, как суверенитет, территориальная целостность, конституционный строй и т.п. Указанные субъекты и объекты безопасности отвечают взглядам школы политического реализма, однако в определениях встречаются и либеральные и социальные ценности: права и свободы личности, а также материальные и духовные ценности общества. Аналогично и в Стратегии национальной безопасности – предложенное законодателем определение в субъекты безопасности, помимо государства, включает также личность и общество, а такие

традиционно относящиеся к сфере классического реализма объекты безопасности, как суверенитет и территориальная целостность, дополнены либеральными постулатами достойного качества жизни и устойчивого социально-экономического развития.

В то же время из государственного определения национальной безопасности исчезло указание на многонациональность, присутствовавшее в принятой в 2000 году первой Концепции национальной безопасности России, где под таковой понималась «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [23]. В 2009 году данная Концепция утратила силу в связи с принятием «Стратегии национальной безопасности России до 2020 года», где под национальной безопасностью понималось «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [22]. Это же определение практически в неизменном виде перекочевало и в действующую сегодня Стратегию национальной безопасности (приведено нами выше).

То есть из современного понимания национальной безопасности на государственном уровне исчезло указание на многонациональность населения России, но именно эта проблема – столкновение различных народностей, населяющих территорию нашей страны, на национальной, этнической и религиозной почве, - является сегодня одной из ключевых проблем безопасности.

Кроме того, только в одном определении нам удалось обнаружить включение в понятие «национальной безопасности» не только государства, но и субъектов федерации, - в определении, относящемся к 1999 году, в соответствие с которым национальная безопасность включает в себя также «такие внешние и внутренние условия существования и развития России, как федерации, и каждого ее субъекта, которые гарантируют возможность стабильного всестороннего прогресса общества и государства» [13, с. 64].

Таким образом, в подавляющем большинстве существующих определений «национальной безопасности» безопасность субъекта Российской Федерации подразумевается априори, как часть безопасности государства. В то же время полагаем это не до конца верным в силу значительных различий между субъектами РФ – экономических, национальных, политических и геополитических, религиозных, социальных, экологических и т.п. Каждый субъект Российской Федерации в силу своих отличий нуждается в отдельном подходе к обеспечению региональной безопасности, и данная особенность должна найти отражение в определении «национальной безопасности».

С учетом вышесказанного под национальной безопасностью мы предлагаем понимать «состояние защищенности как отдельной личности, так и всего многонационального народа, а также государства как федерации и каждого ее субъекта, от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации».

Далее, поскольку безопасность российским законодателем трактуется как состояние защищенности от угроз, необходимо провести анализ и классификацию современных рисков и угроз безопасности.

В юридической науке преобладают классификации различных видов безопасности, например, на основании выделения таких классификационных признаков, как: внутренняя и

внешняя безопасность [10, с. 67]; предметно-объективные сферы безопасности [6, с. 4]; логико-юридическое соотношение части и целого [31, 3, с. 167]; общественные и индивидуальные виды безопасности [35, с. 45]; уровни и иерархия [14] и другие. Классификация угроз безопасности в юридической науке встречается редко и, как правило, - в контексте конкретного вида безопасности, например, банковской [29], экономической [34], информационной [19] и т.п.

Полагаем, что классификация угроз безопасности необходима, во-первых, с позиции логики: выявили угрозу – построили систему защиты; во-вторых, с точки зрения методологии: обилие несистематизированных угроз может дезориентировать законодателя. Поэтому, во избежание неэффективного распределения сил и средств по предотвращению угроз и обеспечению безопасности, а также для построения всей системы безопасности и ее правового регулирования мы попытаемся выработать классификацию современных угроз и рисков безопасности.

Первым наиболее общим классификационным признаком будет разделение угроз на внешние и внутренние по территориальной границе России (что также соответствует исторической традиции [4]). И хотя в современных условиях глобализации, информатизации и развития научно-технического прогресса территориальные границы во многих сферах стираются, все же данный классификационный признак является достаточно конкретным и очевидным.

Следующий классификационный признак – это системность, поскольку достижение любого устойчивого состояния в долгосрочной перспективе возможно только лишь путем применения системных мер внутри государства (например, развитие институтов взаимодействия государства и общества, формирование национальной идеи и т.д.). Опять же - для предотвращения системных/несистемных угроз необходимо использовать системные/несистемные методы соответственно, и кроме того, системные риски, как правило, являются причинами возникновения многих несистемных угроз. Например, в Китае стратегия национальной безопасности определяет традиционные и нетрадиционные угрозы и предлагает уделять повышенное внимание укреплению потенциала невоенного характера для ликвидации нетрадиционных угроз и вызовов [9].

К системным (имеющим хронический затяжной характер) угрозам можно отнести: неэффективность государственного управления и институтов, социальное неравенство, деградация или отсутствие инфраструктуры, коррупция и т.д. Так, например, если говорить об институциональных условиях для привлечения иностранных инвестиций, то такой показатель, как 66-е место в рейтинге Всемирного банка Doing Business в сфере защиты миноритарных акционеров (причем страна опустилась на 2 строчки в сравнение с предыдущим рейтингом) и 51-е место по процедуре разрешения неплатежеспособности (также опустились на 7 строчек в рейтинге) - явно не будут способствовать уверенности инвесторов в завтрашнем дне. По уровню получения разрешений на строительство Россия занимает 119-е место среди 186 стран. В сфере международной торговли мы занимаем 170-е место из 186 возможных – хуже обстоят дела только в таких странах, как Танзания, Эритрея, Алжир, Судан, Йемен и т.п. [1].

В Стратегии национальной безопасности в качестве национального интереса определено «повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны» [32]. Действительно - от отравления алкоголем ежегодно в нашей стране умирает порядка 15,4 тысяч человек и еще 3,5 тысячи – от психических расстройств, вызванных употреблением алкоголя. В дорожно-транспортных происшествиях ежегодно гибнет 20,3 тысячи человек. Совокупно – это 2,1% смертей в

России. Но ещё большее число людей – 26,6 тысяч человек – заканчивают жизнь самоубийством (причем самоубийц в 2 с лишним раза больше, чем жертв убийств) [8]. То есть 3,5% смертей в России вызвано системными причинами.

Несистемные (разовые или единовременные) угрозы – это войны, конфликты, правонарушения, террористические акты и т.п.

Наконец, третий классификационный признак – отраслевой, в соответствии с которым отдельно выделяются риски в институциональной сфере, в экономике и экологии, угрозы в области безопасности жизнедеятельности человека, в области культуры, в сфере государственной и общественной безопасности.

Таким образом, авторская классификация угроз безопасности включает следующие классификационные признаки: территориальный (внешние и внутренние угрозы), системный (хронические системные риски, являющиеся источниками несистемных угроз), отраслевой (риски в институциональной, экономической сферах, угрозы в области жизнедеятельности человека; в сфере культуры; угрозы государственной и общественной безопасности).

В то же время в Стратегии национальной безопасности и Концепции общественной безопасности иерархия угроз не соответствует российской действительности. Так, в Концепции основными источниками угроз названы преступность, терроризм и экстремизм [18]. Однако за период 2000-2013 годов в России в терактах погибло 879 человек, и 2 300 человек получили ранения [11], и на Северном Кавказе за период 200-2015 гг. жертвами терактов стало еще порядка 6 000 человек [15], итого – примерно 9 200 человек. В то же время от алкоголизма, самоубийств и дорожно-транспортных происшествий в стране ежегодно погибает порядка 65 тысяч человек (65 800 в 2014 году по статистике Госкомстата [8]). Не преуменьшая весь ужас террористических актов, все-таки следует признать, что системные риски уносят на порядок больше жизней, нежели чем несистемные. И иерархия мер по предотвращению и предупреждению возникновения рисков и угроз для жизни населения России должна начинаться с таких мер системного характера, как выравнивание условий жизни в регионах, ремонт автодорог, создание условий для полноценного труда и отдыха, борьба с коррупцией и т.п.

Так, главная системная причина, лежащая в основе множества происшествий, катастроф и аварий – это коррупция, поскольку «в основе всех наиболее разрушительных последствий природных или техногенных катастроф, включая те же ДТП, отравления, разрушения объектов жизнеобеспечения и жилищ, лежит огромный пласт умышленных нарушений обязательных норм, правил, стандартов и технических регламентов» [27]. Если мы возьмем, например, любой случай массового отравления в местах общественного питания – то среди причин обязательно обнаружатся нарушения санитарных норм и требований к организации питания [26]. По статистике Госкомстата, в 2014 году в России было зафиксировано 1 133 случая пищевых отравлений, из которых 24 – со смертельным исходом [12]. В связи с этим специалисты отмечают, что «своевременному выявлению и пресечению данных нарушений препятствует не подрыв духовных основ или недостатки нормативной базы, а избирательное применение уже существующих правовых норм. В широком смысле такое "левоприменение" называется коррупцией» [27]. В то же время в Концепции общественной безопасности задача борьбы с коррупцией занимает 11 место среди 13 перечисленных задач [18, ст.26].

В следующей Схеме угрозы и риски безопасности, определенные в Стратегии национальной безопасности и в Концепции общественной безопасности, ранжированы в соответствии с выработанной выше классификацией во избежание дезориентации законодателя и формирования искаженных представлений о безопасности.

Схема 1. Классификация рисков и угроз безопасности

Внутренние угрозы	Системные	угрозы в институциональной сфере	<ul style="list-style-type: none"> - коррупция - недостаточное развитие институтов - слабая степень делегирования полномочий и власти на места
		угрозы в сфере экономики	<ul style="list-style-type: none"> - экспортно-сырьевая модель экономики - зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры - низкая конкурентоспособность - зависимость от импортных поставок технологий и оборудования - значительная доля теневой экономики - незаконная миграция - неравномерное развитие регионов - нецелевое расходование бюджетных ассигнований - недостаточное развитие нормативно-правовой базы - недостаточное развитие транспортной инфраструктуры - биологические и химические угрозы
		угрозы в сфере безопасности жизнедеятельности человека	<ul style="list-style-type: none"> - снижение качества потребительских товаров и услуг - возникновение эпидемий и пандемий - массовость онкологических, сердечно-сосудистых и других заболеваний - наркомания и алкоголизм - увеличение случаев травм и отравлений
		угрозы в сфере культуры и духовно-нравственных ценностей	<ul style="list-style-type: none"> - размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей - ослабление единства многонационального народа России - попытки фальсификации российской и мировой истории - противоправные посягательства на объекты культуры
	Несистемные	угрозы государственной безопасности	<ul style="list-style-type: none"> - разведывательная и и т.п. деятельность иностранных государств - деятельность террористических и экстремистских организаций - деятельность радикальных общественных объединений и группировок - деятельность, связанная с незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ, оружия, незаконной миграции и торговлей людьми - деятельность, связанная с использованием ИКТ

		угрозы общественной безопасности	<ul style="list-style-type: none"> - преступность и новые виды угроз криминального характера - терроризм и экстремизм - наркомания - «криминальная» категория граждан – беспризорники, бывшие заключенные и т.п. - иностранные граждане, незаконно находящиеся на территории РФ, - лица, не имеющие постоянного источника дохода - незаконная миграция и внутренняя миграция с Востока страны в Центр - пожары, наводнения, землетрясения
Внешние угрозы	Системные	угрозы, связанные с закреплением за Россией статуса одной из лидирующих мировых держав	<ul style="list-style-type: none"> - противодействие со стороны США и их союзников - процессы милитаризации и гонки вооружений в соседних с Россией регионах
		угрозы общемирового значения	<ul style="list-style-type: none"> - мировая демографическая ситуация и международная миграция - проблемы окружающей среды и последствия изменения климата - угрозы продовольственной безопасности и дефицит пресной воды - эпидемии - мировые финансово-экономические кризисы
	Несистемные	угрозы, связанные с текущей внешнеполитической ситуацией	<ul style="list-style-type: none"> - экономические и политические санкции - превращение Украины в очаг нестабильности - деятельность международных террористов (например, ИГИЛ)

Источник: Составлено автором.

Литература

1. Doing Business // Благоприятность условия ведения бизнеса. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia#resolving-insolvency> (дата обращения: 11.05.2016).
2. Балашова, Т.Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие // Общество и право. - 2008. - N 1. - С. 23 - 31.
3. Бахрах, Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Российский, Ю.Н. Стариков. - М.: Норма, 2005. – 741 с.
4. Братановский, С.Н. Административно-правовые критерии классификации видов безопасности в Российской Федерации / С.Н. Братановский, Н.В. Галицкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - http://legal-culture.sarrpa.ru/images/legalculture/PDF/3-2014/038-045_Bratanovskij_S.N._Galickaya_N.V.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
5. Вишняков, В.Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. - 2005. - N 9. - С. 27 - 39.
6. Гущин, В.В. Понятие безопасности и ее предметно-объективные сферы // Проблемы повышения готовности органа внутренних дел к деятельности в чрезвычайных ситуациях: сб. научн. трудов. - М., 2004. С. 4-16.
7. Данилейко, В.В. Теоретико-правовые проблемы обеспечения национальной безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Виталий Владимирович Данилейко. - СПб., 2010. – 249 с. – Библ.: с. 225-249.
8. Демографический ежегодник России. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf (дата обращения: 01.05.2016).
9. Диченко, А.А. Изучение нетрадиционных аспектов безопасности в КНР // Международное публичное и частное право. - 2014. - N 4. - С. 30 - 34.
10. Дроздов, С.С. Деятельность МЧС России по организации межведомственного сотрудничества в борьбе с негативными последствиями чрезвычайных ситуация и стихийных бедствий // Современные подходы к формированию концепции национальной безопасности Российской Федерации: сб. научн. трудов. – СПб. - 2007. - С. 65 – 71.
11. За последние 13 лет в России в терактах погибли почти 900 человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <http://tfolk.ru/?p=19469>
12. Здравоохранение в России. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/zdrav15.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
13. Золотарев, В.А. Военная безопасность России: Политико-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 20.02.03 / Владимир Антонович Золотарев. - М., 1999. – 498 с. – Библ.: с. 430-498.
14. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития. И.Л. Бачило [др.]. - М.: Юристъ, 1998. 541 с.
15. Кавказский Узел: Информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/277404/> (дата обращения: 12.05.2016).

16. Калина, Е.С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве // Административное право и процесс. – 2011. - N 12. - С. 31-34.
17. Конституция Российской Федерации. 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Куликова, С.А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве // Информационное право. – 2015. - N 4. – С. 22 - 29.
19. Мигачев, Ю.И. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) / Ю.И. Мигачев, Н.А. Молчанов // Административное право и процесс. - 2014. - N 1. - С. 46 - 49.
20. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (утратил силу) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (утратила силу) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Райгородский, В.Л. Политические и правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 23.00.0 / Валерий Леонидович Райгородский. - Ростов н/Д. - 2004. – 289 с. – Библ.: с. 267-289.
24. Редкоус, В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах - участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Владимир Михайлович Редкоус. - М. - 2011. – 431 с. – Библ.: с. 371-431.
25. Роспотребнадзор волнуется: количество пищевых отравлений растет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <http://ok-inform.ru/obshchestvo/medicine/40810-rosпотреbnadzor-volnuetsya-kolichestvo-pishchevykh-otravlenij-rastet.html> (дата обращения: 01.05.2016).
26. Востокинский, А.В. Неудобные вопросы авторам Концепции общественной безопасности в Российской Федерации // Российский следователь. – 2014. - N 6. – С. 40- 43.
27. Самойлов, В.Д. Правовые основы обеспечения национальной безопасности России: учеб. пособие. - М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2008. – 228 с.
28. Саттарова, А.А. Классификация банковских рисков в системе денежного обращения // Финансовое право. – 2016. - N 4. – С. 24 – 26.
29. Степанов, А.В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. - N 2. - С. 8 – 17.
30. Степашин, С.В. Безопасность человека и общества (логико-правовые вопросы). - СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт, 1994. – 252 с.
31. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

32. Челпаченко, О.А. Административно-правовые основы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Ольга Алексеевна Челпаченко. – Саратов. - 2011. – 31 с.
33. Шкварок, В.М. Теоретические основы и классификация угроз экономической безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук: 08.00.05 / Владимир Михайлович Шкварок. - СПб. - 2009. – 185 с. - Библ.: с. 165 - 185.
34. Юсупов, В.А. Правоприменительная деятельность органов управления. М.: Юридическая литература, 1979. – 90 с.

УДК 343

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
ЗА СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ
TOPICAL ISSUES OF SENTENCING FOR COMPLICITY IN THE CRIME**

*Ширяев А.С., судья Октябрьского районного суда г. Ставрополя, кандидат
юридических наук*

*Shiryayev, A.S., judge of the Oktyabrsky District Court in Stavropol, candidate of law
e-mail: 411ga@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы назначения наказания за преступление, совершенное в соучастие. Дается анализ статьи 67 УК РФ и раскрываются указанные там критерии назначения наказания. Особо обращается внимание на пробелы и погрешности законодательной регламентации определения вида и размера наказания за преступление, совершенное в соучастии.

Annotation: This article discusses the issues of punishment for a crime committed in complicity. The analysis of article 67 of the Criminal Code and disclosed the criteria for sentencing listed there. Special attention is paid to the gaps and errors legislative regulation determining the type and amount of punishment for a crime committed in complicity.

Ключевые слова: преступление, соучастие, вид и размер наказания, назначение наказания, уголовный закон.

Keywords: crime, complicity, the type and amount of punishment, sentencing, criminal law.

Соучастие является одним из самых разработанных институтов в уголовном праве. И тем не менее вопросам назначения наказания отдельным видам соучастников преступления в теории уголовного права уделяется недостаточное внимание. Единодушны ученые только в одном – преступление, совершенное в соучастии должно наказываться строже. Однако позволим себе усомниться в этом постулате. Во-первых, в самом уголовном законе нет однозначного указания о том, что наказание назначаемое соучастникам преступления должно быть обязательно строже, чем лицам, совершившим преступления в одиночку. Во-вторых, характер и степень участия в преступления исполнителя, организатора, пособника и подстрекателя, настолько разный, что степень совершаемых ими общественно опасных деяний будет существенно различаться. Как, например, можно более строго наказывать бездействие пособника преступления, в частности, сторожа какого-нибудь склада, мешающего другим лицам осуществлять хищение находящегося в нем имущества по сравнению с исполнителем преступления, который своими силами осуществляет изъятие имущества со склада пусть и в одиночку. Очевидно, что действия последнего, намного опаснее, чем бездействие первого. И, наконец, в-третьих, наказание каждому лицу совершившему преступления назначается в индивидуальном порядке, независимо от того один он совершал преступления или он его осуществлял совместно с другими лицами. Это связано с фактически существующим принципом личной ответственности. Человек может

нести уголовную ответственность только за то, что он совершил самостоятельно. Таким образом, главным при назначении наказания является не единоличное или коллективное совершение преступления, а юридическое значение деяния каждого виновного лица.

Согласно ч.1 ст. 67 УК РФ при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Эти критерии носят довольно неопределенный характер и требуют расшифровки.

Прежде всего, следует отметить, что указанные критерии, по сути дела указывают на то, что вид и размер наказания при соучастии в преступлении должен определяться с учетом того соучастнику какого вида назначается наказание. Это положение раскрывается с помощью следующих критериев, закрепленных в ч.1 ст. 67 УК РФ, а именно: 1) характера фактического участия; 2) степени фактического участия; 3) значения участия соучастника для достижения цели преступления; 4) влияния участия соучастника на характер и размер причиненного вреда; 5) смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, характеризующие личность соучастника. Раскроем их подробнее.

1) *Характер фактического участия* определяется содержанием тех действий (бездействия), которые совершил виновный (причастностью к объективной стороне преступления, способом совершения преступления, используемыми орудиями и средствами совершения преступления и т.д.). Это качественная характеристика совершаемого соучастником действий (бездействия). По мнению А.А. Илиджиева раскрыть характер участия в преступлении – значит установить, кем конкретно являлось данное лицо: организатором, исполнителем, подстрекателем или пособником [1, С.139].

2) *Степень фактического участия* зависит от объема выполненных соучастником действий (бездействия) в механизме совершаемого преступления. Она говорит о том, «вкладе», который внес соучастник в выполнение объективной стороны преступления. В отличие от характера фактического участия степень фактического участия является количественным показателем совершаемых соучастником действий (бездействия).

3) *Значение участия соучастника для достижения цели преступления* выражается в той роли, которую играют его действия (бездействия) для достижения представляемой соучастниками мысленной модели результата преступления. Его учет происходит при установлении причинно-следственной зависимости между совершенными действиями (бездействием) и реализацией цели преступления. В теории уголовного права под целью преступления обычно понимается мысленное представление виновного о том результате к которому он стремится, совершая преступление. Необходимо иметь в виду, что достижение цели преступления всегда находится за пределами состава преступления. Преступление с юридической точки зрения считается окончанным, независимо от того, была ли достигнута цель его совершения. Это происходит потому, что цель преступления и её реализация – два самостоятельных элемента в механизме совершаемого преступления. Цель – это признак субъективной стороны преступления, поэтому она не выходит за границы сознательно-волевой деятельности виновного. Для констатации факта наличия цели в

совершаемом деянии достаточно установить, что виновное лицо действовало (бездействовало) исходя из неё.

Иное дело – реализация цели преступления. Она представляет собой воплощение в объективной реальности предметного содержания цели преступления. Например, лицо совершает убийство с целью скрыть факт совершения другого преступления, а именно разбоя. В этом случае уклонение от правосудия является предметным содержанием цели преступления. При этом для квалификации совершенного виновным убийства по пункту «к» части 2 статьи 105 УК РФ не имеет значения удалось ли ему избежать уголовной ответственности и скрыть от правоохранительных органов факт совершения разбоя или нет. Главное, чтобы основным смыслообразующим элементом совершаемого преступления, его «движущей силой» являлась цель – скрыть другое преступление.

Важно также понимать, что любое лицо, осознанно осуществляя какое-нибудь деяние, в том числе и преступное, всегда имеет определенную цель. В то же время значение при назначении наказания имеют не все цели, а только те, предметное содержание которых с точки зрения уголовного права представляет какую-то ценность, поскольку могут сказать либо об объекте преступления, либо о личности виновного лица. Однако при определении значения участия каждого из соучастников для достижения цели преступления, эта цель не обязательно должна иметь исключительно уголовно-правовое значение. Это, в принципе, может быть любая цель, к которой стремятся соучастники преступления и которая подвигла их на совместное совершение преступления. Заметим, что отсутствие единой цели преступления в группе лиц без предварительного сговора, как правило, снимает вопрос об учете при назначении наказания в порядке статьи 67 УК РФ такого критерия как значение участия соучастника в достижении цели преступления.

Вызывает определенные сложности на практике ситуации, когда у каждого соучастника при совместном совершении преступления имеется своя цель. Допустим, когда при совершении убийства несколькими лицами, один из них стремится отомстить любовнику своей жены, другой – руководствуется политическими целями, а третьей – преследует корыстные цели. В таких случаях, общим для всех соучастников будет лишь преступный результат, а именно смерть потерпевшего лица. Поэтому значение их участия следует оценивать не применительно к достижению цели преступления, а исходя из того, какой именно «вклад» они внесли в наступление общего преступного результата. Под общим преступным результатом в данном случае следует понимать не весь совокупный вред, причиненный преступлением и не наступление конкретных общественно опасных последствий, а успешное совершение преступного деяния. В противном случае отграничить на практике рассматриваемый критерий от другого, предусмотренного уголовным законом критерия, такого как влияние участия соучастника на характер и размер причиненного или возможного вреда, не представляется возможным.

4) *Влияние участия соучастника на характер и размер причиненного или возможного вреда.* Этот критерий назначения наказания говорит о той роли, которую соучастник играет в наступлении общественно опасных последствий, хотя понятие «вред» при буквальном его толковании шире, чем понятие «общественно опасные последствия» как признака объективной стороны преступления. В русском языке слово «вред» означает порча, ущерб,

убыток [2, С.798]. Исходя из этого становится ясно, что понятием «вреда» охватываются любые негативные изменения, которые наступили в результате совершения преступления. Они могут как иметь, так и не иметь строго определенного материального выражения, как поддаваться, так и не поддаваться количественному исчислению, но сопровождают совершение любого преступления, так как органически входят в такой его признак как общественная опасность.

В отличие от вреда общественно опасные последствия присутствуют не в каждом преступлении, а только в тех из них, которые подпадают под признаки так называемого «материального состава». Учитывая присущую общественно опасным последствиям количественную и качественную определенность всегда можно установить каким именно образом действия (бездействия) того или иного соучастника повлияли на их причинение. Для этого лишь достаточно правильно оценить механизм развития причинно-следственной связи от действий (бездействия) каждого из соучастников преступления до момента наступления общественно опасных последствий. Чего не скажешь о влиянии участия каждого соучастника на характер и размер причиненного или возможного вреда, который во многих случаях неопределим и не подлежит количественному и качественному выражению. Поэтому рассматриваемый критерий назначения наказания при соучастии можно понять только в том смысле, в каком действия (бездействия) соучастника преступления влияют на наступление общественно опасных последствий, их характер и тяжесть.

5) смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, характеризующие личность соучастника. Буквальное толкования статей 61 и 63 УК РФ позволяет к таким отнести: а) несовершеннолетие виновного; б) беременность; в) наличие малолетних детей у виновного; г) рецидив преступлений; д) виновный является родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней). При рассмотрении данного критерия обращает на себя внимание, существующий в современном уголовном законе пробел. В ч.2 ст. 67 УК РФ ничего не говорится об учете смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые относятся к действиям (бездействию) одного из соучастников преступления и которые не осознаются другими соучастниками. Этот вопрос очень актуален потому, что преступная деятельность разных соучастников преступления может сильно различаться между собой и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания могут характеризовать, только действия (бездействия) одного или нескольких соучастников преступления, никак при этом не сказываясь на преступном поведении других соучастников и даже не осознаваясь ими. И если смягчающие обстоятельства еще можно учесть в рамках таких критериев назначения наказания за соучастие, как характер и степень фактического участия в совершенном преступлении, то с отягчающими обстоятельствами, так поступить нельзя, в силу того, что перечень обстоятельств, отягчающих наказание в законе исчерпывающий и расширительному толкованию не подлежит.

Помимо указанных в статье 67 УК РФ, необходимо, по нашему мнению, при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии учитывать и другие критерии. К таковым в частности следует отнести:

1) *форма соучастия, в составе которой действовали соучастники преступления.*

В статье 35 УК РФ все формы соучастия расположены в порядке возрастания их степени общественной опасности: группа лиц – группа лиц по предварительному сговору – организованная группа – преступное сообщество (преступная организация). И точно в таком же порядке нужно повышать наказание соучастникам преступления, действующим в рамках указанных форм соучастия. Отметим, что эта мысль не является новой. Так, в частности, В. В. Соболев отмечал, что за преступление, совершенное группой лиц (с предварительным сговором или без такового), наказание не может быть назначено ниже половины максимального размера санкции, а совершенное организованной группой – ниже двух третей [3, С.23].

2) *вид соучастия, то есть то, в каком качестве действовали соучастники в совершенном преступлении.* Совершали ли они преступление как соисполнители, или как соучастники с распределенными ролями. По нашему мнению, соисполнителей следует наказывать более строго, чем соучастников с распределенными ролями, хотя бы потому, что на этой позиции стоит уголовный закон понимая под квалифицирующим признаком «совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» только случаи совершения преступления двумя и более соисполнителями. Следует заметить, что данный критерий определенным образом перекликается с характером участия соучастника в преступлении.

3) *вид и размер наказания, назначаемые другим соучастникам преступления.*

Этот критерий говорит о том, что наказания, назначаемые соучастникам преступления за одно и то же совершенное им преступление не должны существенно различаться между собой без каких-либо смягчающих или отягчающих обстоятельств. Не следует думать, что здесь нарушается запрет, установленный ч.2 ст. 3 УК РФ, во-первых, потому, что речь здесь идет не о применении уголовного закона, а об определении вида и размера наказания, а во-вторых, такая «аналогия» направлена на ограничение, а не на расширение пределов правоприменительного усмотрения [4, С.181].

Для того, чтобы быть справедливым наказание за преступление, совершенное в соучастии должно назначаться с учетом всех указанных критериев, приоритет отдавая, конечно тем, которые указаны в уголовном законе. Однако вопрос о том, в каких именно пределах следует учитывать, тот или иной критерий, должен решать суд основывая свою позицию на фактических обстоятельствах дела и своем правосознании[5].

Литература

1. Илджиев А.А. Значение дополнительных критериев при назначении наказания за преступления, совершенные в соучастии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. №1. С. 139-141.
2. Словарь современного русского литературного языка. Т.2. (В). М-Л. Издательство Академии наук СССР. 1394 с.

3. Соболев, В. В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 34 с.
4. Иванов С.А. Аналогия уголовного закона как способ преодоления его коррупциогенных факторов // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С.176-181.
5. Долгополов К.А., Назначение наказания за преступление совершенное в соучастии. Пробелы в российском законодательстве.2012. №4. с.116-118.

УДК 343

**ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: АСПЕКТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА
CRIME OF FOREIGNERS IN THE FAR EAST:
ASPECT OF CONSUMER MARKET**

*Шшикин Р.В., Москва, Академия управления МВД России старший преподаватель кафедры
уголовной политики*

*Shishkin R.V., Moscow, Academy of Management MVD Russia Senior Lecturer of the
Department of Criminal Policy*

e-mail: lvovich.1990@mail.ru

*Аннотация: в статье рассматриваются вопросы преступности иностранных
граждан совершаемых преступления связанные с потребительским рынком.*

*Abstract: The article deals with the crime of foreign nationals committed a crime related to
the consumer market.*

*Ключевые слова: преступность иностранных граждан, потребительский рынок,
сфера экономической деятельности потребительского рынка, преступления экономической
направленности.*

*Keywords: crime, foreign nationals, the consumer market, the scope of economic activities
of the consumer market, economic crimes.*

Преступность иностранных граждан в сфере потребительского рынка в Дальневосточном регионе существует на протяжении длительного времени. В период демократического развития России, и с переходом на новый для страны уровень жизни, был упрощен порядок въезда и выезда иностранным мигрантам. Либеральный переход создал определенные предпосылки на массовое пребывание незаконных мигрантов, нелегалов из стран как ближнего, так и дальнего зарубежья, которые по прибытию на территорию нашего государства чаще всего занимаются нелегальным бизнесом, вокруг которого создаются криминальные общественные отношения [12 С. 93.]. Доходы от незаконной деятельности указанной категории граждан используются для экономической основы преступных кланов и иностранных диаспор. Далее, доходы легализуются в зарубежных счетах и офшорах, после чего возвращаются в оборот под видом «законных» денежных средств [4 С. 7] на территорию России. Такой безмерный либерализм поспособствовал ослаблению контроля над процессами миграции со стороны государственных органов, что повлекло за собой ежегодное увеличение преступлений, совершаемых иностранными гражданами на 10-15% [3] в сфере экономической направленности, куда входит сектор потребительского рынка. И в период 2005-2009 гг. произошел всплеск преступности иностранных граждан в сфере экономической направленности, в том числе потребительского рынка.

Рост преступности иностранных граждан в данной сфере по своей динамике шел вверх и достиг 53,0 тыс. преступлений в 2006 году. Через год 2007 рост преступлений снизился и составил 50,1 тыс. В 2008, ситуация изменилась в сторону увеличения и

составила 53,9 тыс. преступлений. Уже в 2009 году тенденция роста совершаемых преступлений увеличилась на 7,6 %, иностранцами было совершено 58 тыс.

Уровень совершаемых преступлений иностранными гражданами на территории Дальнего Востока в сфере экономической направленности, в том числе потребительского рынка за период 2005-2015 гг. составил в среднем около 12.5% от общего числа совершаемых преступлений на территории России иностранцами.

Высокий уровень преступности на территории Дальнего Востока наблюдался (в период 2008-2012 гг.) в таких регионах как Приморский, Хабаровский края, Еврейская автономная область, Магаданская, Сахалинская и Амурская области [6 С. 16-17].

На современном этапе тенденция преступности иностранных граждан в сфере экономической направленности, в том числе потребительского рынка на территории России и регионах Дальнего Востока идет к снижению.

В 2010 году иностранными гражданами на потребительском рынке по России совершено – 48.974 преступлений в указанной сфере, а через год (2011) количество деяний совершаемыми иностранцами уменьшилось и составило – 35.308 преступлений. Далее, в 2012 году количество совершаемых ими преступлений на потребрынке снизилось до – 30.066 преступлений. Еще меньше было совершено в 2013 году количество совершаемых преступлений иностранными гражданами в сфере рынка составило – 23.932. Спустя год в 2014, тенденция коренным образом изменилась, и динамика преступлений совершенными иностранцами на потребительском рынке снизилась до -50.5 % и составила – 11.908.

Итак, в Хабаровском крае за период исследования иностранные граждане совершили – 1182 противоправное деяние экономической направленности, в том числе на потребрынке. В Приморском крае было совершено 1146 преступление иностранными гражданами. В Амурской области иностранными гражданами совершено 356 преступлений.

Период 2015 года обращает наше внимание на то, что возможно возобновление новых тенденций роста преступности иностранных граждан, в целом по России, которая неравнозначна и ее динамика склоняется в сторону увеличения, то есть больше, чем в 2014 году и составила – 11.199. удельный вес -5.9 % [5].

Кроме того, нам стало известным, что преступления, совершаемые иностранными гражданами на территории ДФО связаны с потребительским рынком, и имеют разнообразную характеристику. В. В. Синченко считает, что основной вид преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории восточной части России – это «изготовление поддельных документов (25% в общей структуре преступности иностранцев и др.) основное количество преступлений совершается гражданами Таджикистана (30%), Армении (15%) и Китая (12,5%)» [9 С. 60-61].

Таким образом, иностранные граждане (преступники) «специализируются» в основном на подделке документов.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее общественно опасными становятся преступления, содержащие в себе признаки связанных с подделкой документов (например, медицинских книжек, миграционных карт, медицинских осмотров и справок для водителей занимающихся коммерческой перевозкой потребителей общественного транспорта и др. ст. ст. 238, 327 УК РФ) все, что может повлечь за собой опасные последствия связанные со здоровьем и угрожает жизни граждан.

В заключении можно сделать следующие выводы, что иностранные граждане чаще всего совершали преступления связанные с подделкой документов на потребительском рынке. Это говорит об отсутствующих нормах уголовного запрета, что необходимо дополнить запрещающие деликты, которые смогли бы повлиять на проявление подобных фактов противоправного поведения связанного с объектами потребительского рынка.

Поэтому, нами предлагаются следующие дополнения в уголовный кодекс РФ:

- главу 32 «Преступления против порядка управления» дополнить ст. 327.3, изложив данную норму в следующей редакции «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов в части касающиеся потребительского рынка его видов деятельности, товаров и услуг». В том числе, предусмотреть диспозицию следующего содержания:

ч.1. Подделка официального документа, штампов, печатей, бланков предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях использования такого документа на потребительском рынке связанного с его видами деятельности, товаров и услуг, *-наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.*

ч. 2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, *- наказываются принудительными работами на срок до четырех лет либо арестом на срок от двух до десяти месяцев либо лишением свободы до трех лет.*

Литература

1. Из журнала Шишкин Р.В. Особенности миграционных процессов и их влияние на состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 2 (22). – С. – 93 – 95.
2. Доклад на Международном семинаре по проблемам борьбы с преступностью с 8 по 12 мая 2000 г. Высшая полицейская академия Германии. Майдыков А. Ф. Проблемы сотрудничества ОВД МВД России и правоохранительных структур Европейских стран в сфере борьбы с преступностью. Академия управления МВД России. Академия управления МВД России, М.: 2000. – 22 с.
3. Материалы с сайта Иностранная преступность в Российской Федерации. – Режим доступа: <http://govorim-vsem.ru/viewtopic.php?t=21038> / Дата обращения 11.10.2015 г.
4. Преступность и правонарушения (2008-2012) Статистический сборник МВД РФ, Судебный департамент при Верховном суде РФ, Департамент надзорной деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской оборон, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. М., – 2013. – С. 16 – 17.
5. Официальный сайт МВД России. – Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734/> / Дата обращения 30.10.2016.
6. Материалы с сайта Синченко В. В. О правонарушениях совершаемых иностранными гражданами в Восточной Сибири и Забайкалье в начале XXI века /сб. Вопросы сотрудничества государств Азиатско-Тихоокеанского региона по противодействию преступности. – Хабаровск, 2006. С. 60 – 61.

**ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
INFORMATION FOR AUTORS**

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук!

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 6 страниц. Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.

Вместе с тем, за рецензирование рукописей, представленных для опубликования, взимается плата в рамках оказываемых редакционной коллегией платных дополнительных образовательных услуг. Оплата производится из расчета 400 (четыреста) рублей за рецензирование одной страницы рукописи, представленной для опубликования, в соответствии с предъявляемыми редакционной коллегией требованиями. Оплата производится наличными средствами в кассу учредителя журнала – Частного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт» по адресу: г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 312А, либо посредством перечисления безналичных средств по следующим реквизитам:

Частное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт»,

ИНН 2635044678, КПП 263501001

Адрес: 355041, г. Ставрополь, улица Лермонтова, 312А

Телефоны: (8652) 759-259; факс 759-259,

Отделение № 5230 Сбербанка России

Р/с 40703810860220100699

К/с 30101810907020000615

БИК 040702615

ИНН банка 7707083893

При перечислении следует указывать ФИО автора рукописи; в наименовании платежа: дополнительные образовательные услуги за рецензирование рукописей, на ___ страницах.

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить лицензионный договор и договор об оказании платных дополнительных образовательных услуг по рецензированию рукописей, которые можно скачать на сайте: www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет скачать бесплатно на сайте: www.skgi.ru

Научные направления журнала:

1. Экономические науки;
2. Юридические науки;

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- формат бумаги – А4 (21 см х 29.7 см);
- ориентация книжная;
- поля: левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- текстовый редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- размер шрифта 14;
- межстрочный интервал полуторный;
- абзацный отступ 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, 1Иванов.

В левом верхнем углу первой страницы печатается УДК (ББК) (шрифт – жирный), ниже через строку название статьи строчными буквами без переносов (шрифт – жирный, выравнивание – по центру) на русском и английском языках, затем через строку инициалы и фамилии авторов, город и место работы (выравнивание – по центру) на русском и английском языках, через строку – аннотация на русском и английском языках, ниже через строку – ключевые слова на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, ключевые слова (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. Шрифт – курсив, форматирование выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте дефис (-) (например, черно-белый, бизнес-план) и тире (–) (Ctrl+пробел+ «–»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. Форматирование номера таблицы и ее названия: шрифт обычный, выравнивание – слева. Форматирование таблицы: шрифт обычный, размер шрифта 12 пт, выравнивание – по центру, межстрочный интервал – одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. Положение рисунка – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, подпись под рисунком выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе не более 3-х, количество рисунков – не более 5.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора Microsoft Equation 3.0 или Math Type, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ...текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «Литература» (шрифт полужирный, форматирование – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почте skgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Журнал)

2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

8. Сроки рецензирования рукописей:

8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.

8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.

9. Содержание рецензии.

9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

9.1.1. соответствие содержание статьи ее названию;

9.1.2. актуальность темы исследования;

9.1.3. научная новизна полученных результатов;

9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).

9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.

9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;

9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;

9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;

9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.

10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 - 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.

12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.

13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – The order) determinates the order of reviewing manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – the Bulletin).

2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.

3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.

4. Publication shall review all incoming materials to the editor corresponding to its category, with a view to peer review. All reviewers are acknowledged experts on the subject of peer-reviewed material and have for the past 3 years, publications on peer-reviewed article.

5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.

6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.

7. Editorial publications to the authors of submissions or copies of reviews of a reasoned refusal, and also undertakes to send copies of reviews in the Ministry of Education and Science for admission to the editor publication prompted.

8. Terms of reviewing manuscripts:

8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.

8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.

8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.

8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.

9. The content of review.

9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:

9.1.1. line content of the article to its name;

9.1.2. topicality of the theme;

9.1.3. scientific novelty of the results;

9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;

9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).

9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.

9.3. Final part of the review must contain one of the following decisions:

9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;

9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;

9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;

9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.

10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.

If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.

11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. – 9.3.4 of the Order the review' text must be sent to the manuscript author.

12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convectively justify his conclusions.

13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.

14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for five years from the moment of the reviewer signing.

Подписку на журнал
«Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»
можно оформить по Каталогу российской прессы
«Почта России»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

99805

в любом почтовом отделении .

Подписано в печать 22.12.2016. Формат 62x94 1/8
Гарнитура «Литературная»
Бумага офсетная. Печ. л. 54,2. Тираж 500 экз.

Отпечатано ИП Соколовская С.Н. (типография «Аспект»)
г. Ростов-на-Дону, ул. 1-й Конной Армии, 15-А, офис 105.
Тел.: (863) 227-93-52